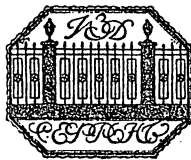

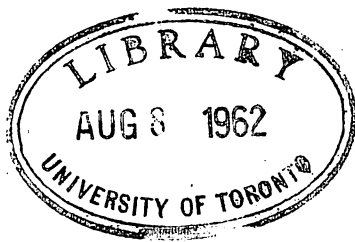
АРНОЛЬДЪ МАРГОЛИНЪ

У К Р А И Н А
И
ПОЛИТИКА АНТАНТЫ

(Записки еврея и гражданина)

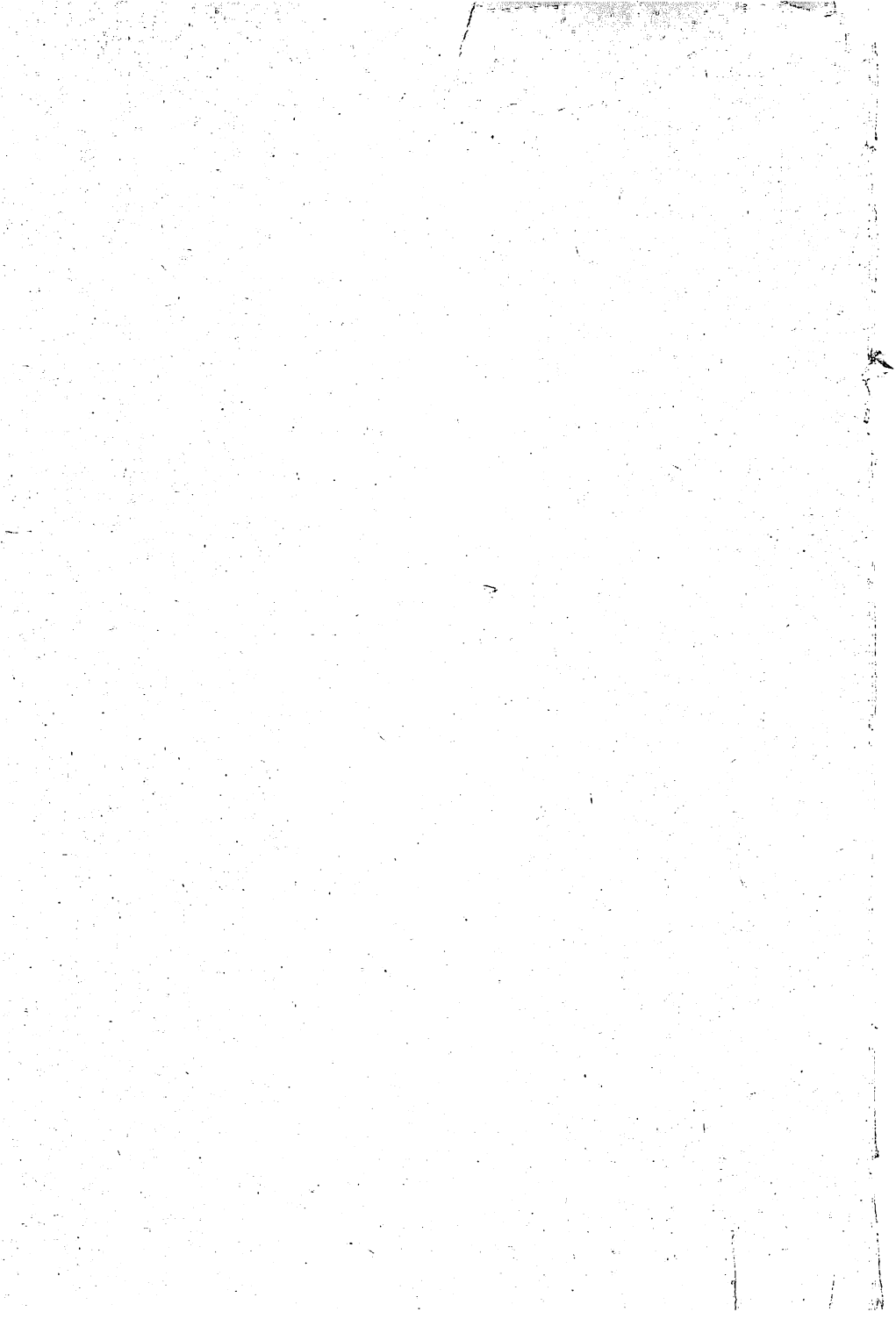
ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ, БЕРЛИНЪ

304790

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Памяти
М. Е. МАНДЕЛЬШТАМА
и
И. Л. ШРАГА

Предисловіе.

Библейское сказаніе о Вавилонской башнѣ сохраняетъ свой поучительный смыслъ и для настоящихъ дней. Когда люди перестаютъ понимать другъ друга, когда у нихъ нѣтъ общаго языка, совмѣстная жизнь этихъ людей въ предѣлахъ одного государства, одного человѣческаго общежитія, и ихъ совмѣстная творческая работа становятся невозможными.

Для взаимнаго-же пониманія необходимо прежде всего общеніе людей между собою.

Столь-же необходимо близкое общеніе между различными партійными, классовыми и національными группами, связанными совмѣстною государственною жизнью, будь-то въ предѣлахъ Сан-Марино, или огромнѣйшей Англійской Имперіи, въ Швейцарской Конфедераціи, въ Палестинѣ или на поверхности всего земного шара, въ предѣлахъ воображаемаго будущаго союзнаго государства народовъ всѣхъ пяти частей свѣта.

Вторая русская революція и вся послѣдовавшая за войною эпоха развала Россійскаго Государства и всевозможныхъ попытокъ воссозданія на его мѣстѣ одного или нѣсколькихъ новыхъ государственныхъ образованій прошла подъ знакомъ выявленія социальнаго и національнаго максимализма со стороны отдѣльныхъ группъ и народностей. Съ другой сто-

роны, тѣ, кто мечтали и мечтаетъ о полномъ возвратѣ къ былому, минувшему, проявили такой-же максимализмъ въ слѣпомъ непониманіи значенія всего свершившагося.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какомъ-либо общемъ языкѣ. Безчисленное количество партійныхъ и національныхъ группировокъ, образовавшихся въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ на всемъ протяженіи Россійскаго Государства, ихъ разнообразная структура — все это вело къ тому, что каждая группа жила своею, замкнутою жизнью. Усиленное-же развитіе такой легальной кружковщины могло привести лишь къ углубленію того развала всѣхъ устоевъ государственности и общежитія, который явился для Россійскаго Государства ближайшимъ результатомъ міровой войны. Наряду съ параличемъ государственнаго организма и общественныя силы оказались распыленными на множество разрозненныхъ ячеекъ. Замкнувшись въ свою національную или партійную скорлупу, люди не знали, что происходитъ тутъ-же, рядомъ — иногда въ томъ-же городѣ и даже въ томъ-же домѣ — въ національной или партійной жизни другихъ народностей или другой политической организаціи.

Воцареніе большевиковъ ознаменовалось полной отмѣной свободы устнаго и печатнаго слова, отмѣной всѣхъ видовъ свободнаго человѣческаго общенія и передвиженія. Разстройство транспорта, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній привело къ тому, что огромное большинство населенія одной шестой части земного шара въ концѣ концовъ оказалось въ состояніи полного разобщенія между собою и отрѣзанности отъ всего остальнаго міра.

При такомъ безбрежномъ хаосѣ произвола и анархїи, при столь безграничной неосвѣдомленности обо всемъ происшедшемъ и сейчасъ происходящемъ, нѣтъ и не можетъ быть почвы для окончательныхъ выводовъ и оцѣнки эпохи правящаго большевизма и всѣхъ смежныхъ, параллельныхъ съ нимъ явленій. Для суда исторїи въ этой плоскости время еще не настало.

Но зато слѣдуетъ слѣпить съ собираніемъ фактическаго матеріала, съ опросомъ свидѣтелей и очевидцевъ о томъ, что каждому изъ нихъ привелось узнать и увидѣть. Тѣ же, кто самъ принималъ активное участіе въ политической и общественной жизни послѣднихъ лѣтъ, даже обязаны запечатлѣть все то, что имъ извѣстно въ качествѣ матеріаловъ для освѣщенія эпохи 2-ой русской революціи, національнаго движенія среди отдѣльныхъ народностей и, вообще, всѣхъ многообразныхъ явленій послѣдняго времени.

Авторъ настоящихъ записокъ стоитъ близко къ украинскому движенію, начиная съ осени 1917-го года. Въ юнѣ 1918-го года онъ вступаетъ въ ряды украинской партїи социаль-федералистовъ. Но еще задолго до 2-ой революціи авторъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ цѣлымъ рядомъ украинскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, многіе изъ коихъ сыграли впослѣдствїи значительную роль въ судьбѣ Украины. Будучи однимъ изъ основателей Еврейской Территориалистской Организациі въ Россїи (1906 г.), авторъ считалъ своимъ долгомъ сочетать свою работу въ направленїи созданія еврейскаго автономнаго государства съ активнымъ участіемъ въ русскомъ освободительномъ движенїи, а послѣ распаденія Россїи — въ украинскомъ національно-государственномъ строительствѣ.

Въ такого рода сочетаніи, въ такомъ синтезѣ національнаго долга еврея предъ своимъ роднымъ народомъ и его гражданскаго долга въ отношеніи государства, въ которомъ онъ фактически живетъ и пользуется гражданскими правами, авторъ видитъ гармоническое выявленіе сущности современнаго еврейства.

Настоящая книга имѣетъ свою цѣлью изложеніе фактовъ, извѣстныхъ автору и могущихъ послужить для освѣщенія взаимоотношеній, которыя наблюдались между украинскимъ и еврейскимъ народами въ послѣдніе годы. Въ связи съ этой задачей дается попутно общая характеристика нѣкоторыхъ основныхъ моментовъ украинскаго движенія, украинской интеллигенціи и наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей.

Прямое, непосредственное участіе автора въ переговорахъ представителей украинскаго движенія съ цѣлымъ рядомъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей державъ Антанты въ Парижѣ и Лондонѣ дало ему возможность близко ознакомиться съ общимъ направленіемъ политики Антанты въ отношеніи Восточной Европы.

Bernburg a. S., іюль 1921 г.

ГЛАВА I.

Синагога. Русскій языкъ. Украинская деревня. Погромы и ихъ отраженіе въ еврейской психикѣ.

«Какъ только мы касаемся вопросовъ жизненныхъ, художественныхъ, нравственныхъ, гдѣ человѣкъ не только наблюдатель и слѣдователь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участникъ, тамъ мы находимъ фізіологическій предѣлъ, который очень трудно перейти съ прежней кровью и прежнимъ мозгомъ, не исключивъ изъ нихъ слѣды колыбельныхъ пѣсень, родныхъ полей и горъ, обычаевъ и всего окружающаго строя.»

Герценъ. Былое и Думы.

Томъ II-ой. Изд. 1921 г.
стр. 156.

Погромы 81-го года врядъ-ли могли сохраниться въ моей памяти. Мнѣ было тогда всего четыре года. И если у меня все-жъ запечатлѣлись какія-то смутныя воспоминанія дѣтства о погромахъ, то это, вѣроятно, вызвано позднѣйшими рассказами о нихъ въ домѣ моихъ родителей, бывшихъ очевидцами кievскаго погрома 81-го года.

Вообще-же раннее дѣтство мое прошло въ патриархальной еврейской средѣ. Въ нашемъ домѣ свято соблюдались тогда требованія еврейской религіи. Это былъ настоящій «набожный домъ». Отецъ часто бралъ меня съ собою въ синагогу. Кто изъ еврейскихъ дѣтей не сохранилъ навсегда въ своей памяти

тотъ синагогальный дворъ, или садъ, гдѣ они встрѣчались со своими сверстниками, играли во всевозможныя игры, устраивали между собою всякія побоища и войны? И кто изъ насъ не слышалъ въ дѣтствѣ бранныхъ словъ отъ христіанскихъ дѣтей по адресу «жидовъ»?

Синагога оставила надолго свой слѣдъ въ моей душѣ. И даже теперь одинъ внѣшній видъ синагоги, какъ нѣчто конкретное и осязательное, роднитъ меня съ моимъ народомъ больше, чѣмъ всѣ ученія и законы о персонально-національной автономіи. Увы, этихъ чувствъ уже не знаютъ мои дѣти, которыя родились и выросли при другихъ условіяхъ.

Роднымъ языкомъ моего дѣтства былъ русскій. И хотя въ домѣ у насъ говорили очень много и на разговорно-еврейскомъ языкѣ, но ко мнѣ обращались всегда по русски. Я привыкъ думать и говорить по русски, русскій языкъ роднилъ меня съ русской культурой.

Само слово Украина въ средѣ, въ которой я жилъ, являлось тогда пустымъ звукомъ. Было лишь понятіе о хохлахъ, но не совсѣмъ точное. Оно связывалось съ живымъ образомъ прислуги, деревенскихъ бабъ, приносившихъ молоко, овощи и т. д. Хохоль неправильно отождествлялся съ мужикомъ и противопоставлялся кацапу, въ образѣ грузчиковъ, плотниковъ, продавцовъ кваса и представителей другихъ отхожихъ промысловъ изъ великороссійскихъ губерній.

Зато съ незапамятнаго времени у меня стало развиваться чувство страстной привязанности къ родному городу Кіеву и къ Днѣпру, а впоследствии — и къ украинской деревнѣ, съ ея желтыми полями,

соломенными крышами и вишневыми деревцами. Уже въ гимназическіе годы я предпочиталъ жизнь въ деревнѣ всякимъ соблазнительнымъ поѣздкамъ за границу и «на дачу». Нѣкоторое время я бралъ уроки древне-еврейскаго языка у извѣстнаго еврейскаго публициста Вайсберга. Но отъ этого ученія сохранилось въ памяти, къ сожалѣнію, лишь знаніе азбуки и пониманіе смысла весьма немногихъ словъ. Предметы гимназическаго преподаванія, ассимилирующее вліяніе окружающей въ гимназіи обстановки, соблазнъ прогулокъ по дикимъ откосамъ Царскаго Сада и прекраснымъ окрестностямъ Кіева, катанье на лодкѣ — все это заполняло меня настолько, что я весьма разсѣянно слушалъ уроки почтеннаго Вайсберга, навѣщавшаго меня дважды или трижды въ недѣлю. Засимъ наступила пора увлеченія атеистическими началами, космополитическими принципами — и я вскорѣ послѣ наступленія 13-лѣтняго религіознаго совершеннолѣтія прекратилъ мои недолговременныя занятія древне-еврейскимъ языкомъ.

И все-же образъ покойника Вайсберга стоитъ предо мною и сегодня, какъ живой. А рядомъ съ нимъ выплываетъ образъ покойнаго П. П. Чубинскаго, извѣстнаго украинскаго дѣятеля, близкаго друга нашей семьи въ мои гимназическіе годы, побывавшаго въ ссылкѣ за «сохломанство».

Такъ переплетались въ моемъ сознаніи, а равно и въ подсознательной сферѣ, всѣ эти воспріятія отъ трехъ различныхъ міровъ. Еврейская среда, синагога, русскій языкъ и русская школа, украинская деревня, украинская пѣсня... И долго, мучительно долго метался я въ исканіяхъ синтеза всѣхъ этихъ воспріятій и ощущеній...

По окончаніи кіевского университета я прожилъ около двухъ лѣтъ за границей, гдѣ слушалъ лекціи по философіи и уголовному праву. По возвращеніи въ Кіевъ я посвятилъ себя практической адвокатской работѣ, главнымъ образомъ по уголовнымъ дѣламъ.

Поворотнымъ моментомъ въ моей адвокатской дѣятельности является мое участіе, въ качествѣ молодого стажера, въ дѣлѣ о гомельскомъ погромѣ, разбиравшемся осенью 1904-го года. Съ этого времени я принималъ посильное участіе въ дѣлахъ объ еврейскихъ погромахъ и въ аграрныхъ и политическихъ процессахъ.

Въ чисто уголовныхъ дѣлахъ особенно характерными для украинскаго крестьянства являлись жестокіе самосуды надъ конокрадами, а также тяжкія тѣлесныя поврежденія, нерѣдко кончавшіяся смертію, какъ месть за захватъ земли. Орудіемъ этихъ дикихъ расправъ бывали чаще всего колъ или оглобля, а иногда и вилы.

Зато среди физическихъ виновниковъ еврейскихъ погромовъ, запятнавшихъ себя позорнѣйшими убійствами и истязаніями, мученіями и изнасилованіями, въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Смѣлѣ, а также въ безчисленныхъ городахъ и мѣстечкахъ юга Россіи, по которымъ прошелъ погромный ураганъ октября 1905 г., были исключительно отбросы и преступные элементы городской накипи. Крестьяне-же изъ сосѣднихъ селъ и деревень являлись лишь для того, чтобы поживиться разграбленнымъ товаромъ. Во время кіевского погрома разгромили до тла и мою квартиру, хотя она и находилась въ сторонѣ отъ районовъ, подвергшихся систематическому разгрому. Какъ было установлено впоследствии, я попалъ въ спеціальній

«проскрипціонный» списокъ лицъ, подлежащихъ убіенію и разграбленію. Это была мсть мѣстныхъ черносотенцевъ за мою дѣятельность въ союзѣ полноправія евреевъ и въ союзѣ союзовъ. Я наблюдалъ изъ безопаснаго пункта, какъ громилы, во главѣ съ городовымъ, ворвались въ мою квартиру. Въ виду отсутствія моего и моей семьи, своевременно скрывшейся у знакомыхъ, дѣло ограничилось уничтоженіемъ и расхищеніемъ имущества. Сравнительно благополучно закончилось также преслѣдованіе меня за участіе въ союзѣ адвокатовъ. Я былъ привлеченъ по 126 ст. Угол. Улож., но засимъ дѣло было прекращено.

Гомель, Смѣла, Кролевецъ, Кіевъ, Нѣжинъ и т. д... Сколько времени и труда, сколько душевныхъ силъ было затрачено на защиту еврейской чести въ этихъ процессахъ . . . И сколь явственно вырисовалась на этихъ процессахъ преступная рука Плеве, его сподвижниковъ и послѣдователей, непосредственныхъ устроителей погромовъ . . .

Зато крѣпка была вѣра въ то, что съ ниспроверженіемъ царскаго абсолютизма погромы стануть невозможными . . . Никто изъ насъ, специально занимавшихся изслѣдованіемъ погромовъ того времени, и не подозрѣвалъ, какъ глубоко проникъ въ народный организмъ ядъ насаждаемаго правительствомъ антисемитизма и погромной агитаціи.

Но было, съ другой стороны, ясно, что предстоитъ еще тяжелая, продолжительная борьба со старымъ російскимъ режимомъ.

Еврейская народная масса, извѣрившись въ близости наступленія лучшихъ дней, стала усиленно эмигрировать въ Америку. Еврейская молодежь

хлынула въ ряды сіонистской организаціи, въ ряды Бунда и другихъ образовавшихся въ то время еврейскихъ національныхъ партій. Вообще, послѣ кишиневского погрома начинается новая полоса исторіи въ жизни еврейскаго народа.

Сіонистская организація объявила себя на Гельсингфоргскомъ съѣздѣ политической партіей. Это была роковая ошибка, которая привела къ полной неразберихѣ и путаницѣ въ области примитивныхъ понятій о политическихъ партіяхъ. Правда, засимъ выдѣлилась специальная партія поайлей-сіонистовъ (т. е. сіонистовъ-соц.-демократовъ). Но все-же въ рядахъ сіонистской партіи оставались самые разнообразные элементы съ самыми противоположными возрѣніями по основнымъ политическимъ, социальнымъ и экономическимъ вопросамъ.

Между тѣмъ стремленіе еврейскаго народа къ образованію своего національно-территориальнаго центра, своего автономнаго государства, стало настолько могучимъ, что оно, вообще, не могло уже уложиться въ рамки политической партіи. Это уже было народное движеніе, и его слѣдовало облечь въ форму безпартійной организаціи или союза.

Нарожденіе ряда еврейскихъ социалистическихъ партій способствовало развитію социалистическаго міровозрѣнія среди еврейскаго пролетариата, который легче и довѣрчивѣе воспринималъ основы социализма на разговорно-еврейскомъ языкѣ. Параллельно съ этимъ шелъ и ростъ національнаго самосознанія среди еврейскихъ рабочихъ. Но самый фактъ отдѣльнаго существованія еврейскихъ политическихъ партій (какъ и украинскихъ, литовскихъ и т. д.) создавалъ политическое средостѣніе

между народами, населявшими одно государство, приводилъ, вмѣсто политическаго объединенія, къ полному разобщенію.

Среди сознательнаго еврейства лишь незначительное меньшинство не было захвачено этимъ бурнымъ потокомъ, уносившимъ, отрывавшимъ еврейство отъ общей, непосредственной, совмѣстной политической жизни съ остальными народами въ рядахъ общегосударственныхъ политическихъ партій.

Съ другой стороны, въ рядахъ самого еврейства шла усиленная дифференціація. Модное ученіе Бауэра и Шпрингера о сеймѣ и національно-персональной автономіи дало также основаніе для образованія отдѣльной еврейской политической партіи. И хотя впоследствии и произошло сліяніе еврейскихъ партій сіонистовъ-соціалистовъ и «еврейскихъ соціалистовъ» (или т. н. сеймовцевъ), все-же въ результатѣ получился разбродъ и кружковщина.

Основоположники «Бунда» видѣли въ разговорно-еврейскомъ языкѣ средство для увеличенія кадровъ всемірнаго организованнаго пролетаріата. Я-же, на-примѣръ, видѣлъ въ русскомъ языкѣ средство для борьбы и защиты правъ моего роднаго народа предъ правительственными органами, предъ судомъ, въ печати и для общенія моего народа съ большинствомъ населенія, среди котораго онъ жилъ. Мнѣ казалось, что идеаль сожительства разныхъ народовъ въ одномъ государствѣ являетъ собою Швейцарія, что политическія партіи должны быть построены по признаку территориально-государственному.

Для осуществленія-же чисто національныхъ заданій каждой отдѣльной народности мнѣ представля-

лось болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ объединеніе въ видѣ союзовъ и организацій, а не политическихъ партій. По вопросу, напримѣръ, о преподаваніи древняго или разговорно-еврейскаго языка, какъ предметнаго, въ школахъ, вовсе не было обязательно расхожденіе между евреемъ-пролетаріемъ и буржуемъ. И тѣ, и другіе всегда были въ числѣ сторонниковъ и того и другого теченія по этому вопросу.

Вмѣстѣ съ симъ все болѣе крѣпло сознаніе, что самая широкая персонально-національная автономія является лишь слабымъ суррогатомъ здороваго территориальнаго фундамента. И я пришелъ къ территориализму, но я пришелъ къ нему не отъ сіонизма, какъ его родоначальники Зангвилль, Мандельштамъ и др., а отъ реального факта массовой еврейской эмиграціи, устремившейся въ Америку послѣ кишиневскаго погрома. Фактъ «великаго переселенія еврейскаго народа» былъ на лицо, ежегодно покидало Россію въ среднемъ до ста тысячъ евреевъ!

Оставалось пріискать незаселенную территорію и направить туда хотя-бы часть эмиграціоннаго потока.

Вмѣстѣ съ незабвеннымъ М. Е. Мандалыштамомъ, Л. А. Левомъ, А. И. Липецомъ и Л. Г. Паперинымъ я былъ въ числѣ учредителей «Еврейской Территориалистской Организациі», въ которой непрерывно состою со дня ея учрежденія и по сей день. Созданное трудами Д. Л. Йохельмана Еврейское Эмиграціонное Общество и должно было служить аппаратомъ для осуществленія программы Е. Т. О. Наряду съ практической работой по регулированію эмиграціи изучался вопросъ о пригодности для заселенія ряда

территорій — Киренайки, Анголы, Гондураса, Месопотамии и т. д. . . . Вопросъ о Палестинѣ представлялся при тогдашней международной конъюнктурѣ мало реальнымъ. Но уже въ ноябрѣ 1918-го года конференція Е. Т. О. въ Кіевѣ, въ виду измѣнившихся кореннымъ образомъ условій, уполномочила центральный комитетъ войти въ соглашеніе съ сіонистской организаціей о координированіи дѣйствій и совмѣстной работѣ по заселенію Палестины.

Въ предвидѣніи, однако, того непреложнаго факта, что эмиграція въ Палестину не можетъ быть при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ массовою, Е. Т. О. рѣшила продолжать свою главную практическую работу въ области регулированія эмиграціи въ Америку.

Послѣднія событія въ Палестинѣ снова вызываютъ много пессимистическихъ думъ и опасеній. И если этотъ пессимизмъ оправдается, то Е. Т. О. придется возобновить изысканія для созданія еврейскаго территоріально-автономнаго центра въ малонаселенныхъ частяхъ сѣверной или южной Америки.

ГЛАВА II.

Выборы въ I-ю Государственную Думу. Украинское крестьянство. И. Л. Шрагъ. Начало реакци. «Кіевскіе Отклики».

На выборахъ въ I-ю Государственную Думу я имѣлъ широкую возможность ознакомиться вплотную съ политическими настроеніями крестьянства кіевской и черниговской губерній. И хотя выборы по губерніямъ были двустепенные и куріальные, но уже въ губернскомъ избирательномъ собраніи всѣ три куріи (крестьянская, городская и помѣщичья) находились въ непосредственномъ общеніи другъ съ другомъ.

Само собой разумѣется, что вопросъ о землѣ стоялъ у крестьянъ на первомъ планѣ. Въ виду бойкота I-ой Государственной Думы со стороны большинства социалистическихъ партій главное вліяніе на выборахъ естественно выпало на долю партіи народной свободы. Однако, уже и тогда крестьяне явно тяготѣли къ нарождавшейся въ тѣ дни «трудовой группѣ». Въ результатѣ почти во всей Россіи выборы по губерніямъ прошли на основѣ блока партіи к.-д. съ городской и крестьянской куріями и съ тѣмъ меньшинствомъ изъ помѣщичьихъ курій, которое стояло близко къ партіи к.-д.

Въ тѣхъ-же губерніяхъ, гдѣ городская курія состояла преимущественно изъ евреевъ (юго-западные

и сѣверо-западныхъ губерніи), это сочетаніе начала партійнаго съ началомъ куріальнымъ было пополнено еще и блокомъ съ союзомъ полноправія евреевъ путемъ предоставленія пропорціональнаго количества мѣстъ кандидатамъ отъ Союза Полноправія.

Въ Черниговской губерніи число евреевъ-выборщиковъ было весьма незначительное¹⁾, а потому не было мѣста, по масштабу пропорціональности, для еврейскаго кандидата. Однако, случилось нѣчто весьма неожиданное. На предвыборномъ собраніи, послѣ произнесенія рѣчей, была произведена пробная тайная баллотировка по списку блока. Изъ 10 намѣченныхъ кандидатовъ (5 к.-д. и 5 отъ крестьянъ и трудовой группы) необходимое большинство получили 9 кандидатовъ, а на мѣсто одного изъ забаллотированныхъ кандидатовъ к.-д. я оказался избраннымъ значительнымъ количествомъ голосовъ. Отчасти это объяснялось, повидимому, тѣмъ, что моя рѣчь имѣла большой успѣхъ у крестьянской куріи. Крестьяне, какъ я узналъ впоследствии, и выдвинули мою кандидатуру. Но этотъ фактъ былъ весьма показателенъ, какъ выявленіе полнаго довѣрія со стороны крестьянъ къ еврею и полной готовности вручить ему защиту своихъ кровныхъ интересовъ.

Я предпочелъ, однако, снять съ очереди мою столь случайную кандидатуру и отказался баллотироваться по черниговской губерніи, такъ-какъ былъ въ то-же время намѣченъ однимъ изъ двухъ кандидатовъ Союза Полноправія евреевъ по кievской губерніи.

Въ кievскомъ губернскомъ избирательномъ собраніи моя кандидатура снова оказалась наиболѣе пріемлемой для крестьянской куріи. Наибольшее

¹⁾ 5 евреевъ на общее количество свыше ста выборщиковъ.

количество голосовъ на предвыборномъ собраніи изъ 15 кандидатовъ блока получили В. М. Чеховскій (будущій Предсѣдатель Совѣта Министровъ въ періодъ Украинской Директоріи) и я.

Однако, кіевскія административныя власти не дремали; наши избирательные цензы по черкасскому уѣзду были «разъяснены», — и мы оба не были допущены къ окончательной баллотировкѣ. По поводу этого «разъясненія» былъ посланъ, по инициативѣ крестьянской куріи, протестъ губернскаго избирательнаго собранія предсѣдателю Совѣта Министровъ, переданный затѣмъ въ Государственную Думу.

Государственная Дума не успѣла дойти до разсмотрѣнія этого протеста, такъ-какъ была завалена дѣлами большей государственной важности . . . Но все-же такого рода протестъ сохраняетъ всю свою силу и значеніе, какъ показатель отношенія въ то время украинскаго крестьянства къ еврейству и какъ символъ стремленій крестьянства къ дружескому сосуществованію съ еврейскимъ народомъ.

Со времени выборовъ въ I-ю Государственную Думу у меня завязались близкія дружескія отношенія съ покойнымъ Ильею Людвиговичемъ Шрагомъ, однимъ изъ лидеровъ украинскаго національнаго движенія, предсѣдателемъ фракціи автономистовъ-федералистовъ въ I-ой Государственной Думѣ. Вся черниговская губернія знала и горячо любила Шрага, крестьянство иначе не называло его, какъ «батько Шрагъ».

Было много основаній для такой популярности. Прямой, правдивый, онъ не зналъ компромиссовъ въ отстаиваніи правъ всѣхъ угнетаемыхъ. Талантливый ораторъ, опытный адвокатъ, онъ былъ несмѣ-

няемъ на самыхъ отвѣтственныхъ роляхъ въ земской и городской работѣ, безъ него не проходило въ черниговской губерніи ни одно значительное судебное дѣло. Но главное обаяніе заключалось въ его прекраснородушномъ характерѣ, въ его повседневныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ. Строгій къ самому себѣ, онъ прощалъ другимъ всѣ ихъ мелко-житейскія прегрѣшенія и бичевалъ лишь тѣхъ, кто злоупотреблялъ своей властью и могуществомъ во вредъ народу. Никогда нельзя было услышать изъ его устъ желчныхъ замѣчаній по чьему либо адресу, ему вполне чуждо было чувство зависти. Домъ-же Шраговъ славился гостепріимствомъ самого хозяина, его жены и всей его семьи. Въ этомъ домѣ бывали всѣ — отъ самыхъ близкихъ друзей до самыхъ ярыхъ политическихъ противниковъ Шрага. Въ еврейскихъ кругахъ черниговской губерніи имя Шрага было окружено ореоломъ праведника и друга еврейскаго народа.

И дѣйствительно, это былъ праведникъ и истинный другъ всѣхъ угнетенныхъ.

Изъ крестьянъ-выборщиковъ черниговской губерніи больше всѣхъ остался въ памяти Высовень, самоучка, впоследствии сельскій учитель. Высовень возвратился незадолго до выборовъ изъ административной ссылки. Казалось, что онъ сгорбился отъ тяжести общенароднаго горя и личныхъ переживаній въ Сибири. Впоследствии мнѣ привелось защищать его по дѣлу о храненіи нелегальной литературы. Онъ былъ приговоренъ къ краткосрочному содержанію въ крѣпости. Вскорѣ послѣ этого я получилъ извѣстіе объ его смерти. Но еще и сейчасъ я вижу предъ собою его умные, печальные глаза, его сгорбленную фигуру . . .

Особенно памятенъ мнѣ этотъ человѣкъ его сочувствіемъ, которое онъ проявлялъ въ отношеніи страданій безправнаго еврейскаго народа.

Въ Кіевѣ на выборахъ я познакомился съ барономъ Ф. Р. Штейнгелемъ. Его первое выступленіе въ Государственной Думѣ было всецѣло посвящено еврейскому вопросу. Вообще, во всей своей дѣятельности Штейнгель всегда проявлялъ особенный интересъ и теплоту къ судьбамъ еврейскаго народа. Впослѣдствіи, пригетманѣ Скоропадскомъ, онъ былъ назначенъ украинскимъ посломъ въ Германію, на каковомъ посту и оставался до переворота, т. е. до перехода власти къ Директоріи.

Изъ яркихъ, интересныхъ фигуръ выборщиковъ перваго призыва слѣдуетъ упомянуть еще В. М. Чеховскаго и священника Крамаренко, видныхъ дѣятелей украинскаго движенія въ черкасскомъ уѣздѣ.

Въ иныхъ условіяхъ проходили выборы во 2-ую Государственную Думу. Правительство и правые элементы старались воздѣйствовать на крестьянскую курію. Въ Кіевѣ не было допущено предвыборное совмѣстное собраніе курій. Всѣ крестьяне-выборщики были приглашены въ Лавру, гдѣ велась среди нихъ черносотенная и ярко-антисемитская пропаганда. Часть крестьянъ, какъ тогда передавали, принесла присягу, что пойдетъ съ помѣщиками и положить черные шары кандидатамъ-евреямъ. Однако, они выполнили лишь вторую половину этого обѣщанія, даннаго подъ присягою. Забаллотированными оказались и всѣ кандидаты правыхъ группъ, и оба кандидата отъ группы еврейскихъ выборщиковъ — Л. Е. Моцкинъ и я¹⁾. На сей разъ оказался

¹⁾ Изъ общаго числа около 215 голосовъ мы получили около ста шаровъ.

«разъясненнымъ» мой цензъ по черниговской губернии и я ограничился участіемъ лишь въ кievскихъ выборахъ.

Ничего яркаго не осталось въ памяти и отъ выборовъ въ 3-ью Государственную Думу. Законъ 3-го іюня предопредѣлялъ исходъ выборовъ, отдавая большинство въ руки помѣщичьей курии. Кратковременное существованіе первыхъ двухъ Думъ и отсутствіе прямыхъ реальныхъ результатовъ въ видѣ коренныхъ реформъ привело къ упадку интереса населенія въ отношеніи выборовъ¹⁾.

Надвигалась злая Столыпинская реакція. Въмѣсто долгожданныхъ реформъ сыпались репрессіи, возбуждались судебнополитическіе процессы. Снова начались систематическія преслѣдованія еврейства, гоненія въ области правожительства и т. д.

По политическимъ убѣжденіямъ я примыкалъ со дня созыва 1-ой Государственной Думы къ тому теченію, которое отражали программы близкихъ и родственныхъ по духу трудовой группы и образовавшейся нѣсколько позже народносоціалистической партіи. Но я не входилъ въ то время официально ни въ трудовую группу, ни въ народносоціалистическую партію за фактическимъ отсутствіемъ въ Кіевѣ въ тѣ годы отдѣловъ названныхъ группы и партіи. Политическимъ центромъ, гдѣ собирались мои близкіе единомышленники и друзья, была газета «Кіев-

¹⁾ Я встрѣтилъ одного лишь человѣка, который находилъ, что выборы въ Госуд. Думу происходятъ очень рѣдко. Это былъ хозяинъ гостиницы въ городѣ Козельцѣ, который оправдывалъ баснословно высокія во время выборовъ цѣны за комнаты тѣмъ, что выборы въ Госуд. Думу бывають «всего 2 раза въ годъ».

скіе Отклики». Среди нихъ были покойныя И. В. Лучицкій, В. В. Водовозовъ и М. Б. Ратнеръ, извѣстные украинскіе дѣятели Н. П. Василенко и А. О. Саликовскій. Въ составъ сотрудниковъ входили также С. Г. Ловинскій, Д. П. Рувскій, М. С. Мильрудъ, М. С. Балабановъ (редактировавшій одно время газету), Н. В. Калишевичъ, М. Г. Гехтеръ, М. И. Эйцискинъ (впослѣдствіи редакторъ «Кіевской Мысли»), Н. С. Миркинъ и др. Жили мы въ тѣ времена дружно, тѣсной семьей, и не предвидѣли, что пути многихъ изъ насъ потомъ разойдутся . . . Иногда мы совершали прогулки по Днѣпру, чаще всего въ Каневъ, на могилу Шевченко. Это общеніе обогащало мои познанія, дотолѣ весьма смутныя, въ украинскомъ вопросѣ, и создавало необходимую атмосферу взаимной близости и довѣрія между представителями двухъ народностей, связанныхъ общимъ гражданствомъ, общей государственной жизнью.

Былъ такой кратковременный періодъ, когда я искалъ общенія съ партией к.-д., въ виду близости моихъ взглядовъ по нѣкоторымъ вопросамъ съ лѣвымъ крыломъ кіевского отдѣла этой партіи. Здѣсь я встрѣчался съ Д. Н. Григоровичемъ Барскимъ, съ которымъ потомъ пришлось столь много поработать совмѣстно въ дѣлѣ Бейлиса, съ покойными Вязловымъ, Шольпомъ и другими. Но я недолго пробылъ въ рядахъ «примыкающихъ» къ к.-д., такъ-какъ было у меня слишкомъ много расхожденій не только съ программой, но и съ тѣмъ духомъ книжности и оторванности отъ жизни, который тамъ вѣялъ.

ГЛАВА III.

Лубенскій комитетъ обороны евреевъ отъ погромовъ. Апогей Столыпинской реакціи. Дѣло Бейлиса.

Мнѣ суждено было въ періодъ 1904—1908 гг. специализироваться больше всего на дѣлахъ о погромахъ, то въ качествѣ повѣреннаго гражданскихъ истцовъ-евреевъ, то въ качествѣ защитника евреевъ-участниковъ самообороны, то, наконецъ, однажды, въ качествѣ свидѣтеля и потерпѣвшаго (дѣло о кievскомъ погромѣ). Среди множества этихъ процессовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣло о лубенскомъ комитетѣ обороны еврейскаго населенія отъ погромовъ, слушавшееся въ кievскомъ Военно-Окружномъ Судѣ въ 1908 году.

Лубны оказались однимъ изъ немногихъ городовъ Полтавщины, гдѣ не было погрома. Объясняется это исключительно тѣмъ, что Лубенская городская Дума, во главѣ которой стоялъ тогда городской голова Г. К. Взятковъ, заблаговременно учредила названный комитетъ обороны. Необходимыя мѣры были приняты, были созданы отряды, учреждены дежурства и т. д. Лубенское еврейство такъ и не извѣдало ужасовъ погрома.

Предсѣдателемъ этого комитета былъ Взятковъ, въ составъ его вошли также братья Шеметы, основатели украинской партіи хлѣборобовъ, А. Н. Ле-

вицкій (впослѣдствіи премьеръ министръ украинскаго правительства каменецкаго и тарновскаго періода), податной инспекторъ Женжуристъ, Супруненко, студентъ Лобасовъ и др. Изъ евреевъ въ комитетѣ участвовалъ Я. О. Кагановъ, владѣлецъ мельницы въ Лубнахъ. Именъ остальныхъ участниковъ комитета я сейчасъ не припоминаю.

Какимъ образомъ прокурорскій надзоръ могъ усмотрѣть въ такомъ приготовленіи къ защитѣ еврейскаго населенія на случай погрома признаки составленія сообщества для ниспроверженія существующаго (вѣрнѣе — существовавшаго тогда) строя (ст. 102, Угол. Улож.) — это осталось непостижимымъ даже для насъ, специалистовъ-адвокатовъ.

Я защищалъ въ этомъ процессѣ Взяткова, Лобасова и Каганова. Слушаніе дѣла продолжалось цѣлый мѣсяцъ, т. к. къ нему было самымъ нелѣпнымъ образомъ пристегнуто другое дѣло о членахъ лубенскихъ социалистическихъ партій. Въ виду явной беспочвенности обвиненія почти всѣ члены «комитета обороны» были оправданы при первомъ-же слушаніи дѣла. Тѣ-же изъ нихъ, которые въ качествѣ инициаторовъ комитета были приговорены къ незначительнымъ наказаніямъ (Взятковъ, Шеметь и Левицкій), обжаловали приговоръ въ кассационномъ порядкѣ и были также оправданы при второмъ слушаніи дѣла, которое снова потребовало двухъ-недѣльнаго разбирательства.

За все это время мы, защитники, успѣли близко изучить нашихъ подсудимыхъ, сродниться съ ними. Для насъ они были близки и дороги своимъ гражданскимъ порывомъ, который спасъ Лубны отъ разгрома. И если-бы во всѣхъ городахъ своевременно образо-

вались такіе-же комитеты, быть можетъ и полиціи не удалось-бы организовать погромы.

Сумерки реакціи все больше и больше сгущались. Закончились большіе политическіе процессы, оставшіеся въ видѣ наслѣдія отъ 1-ой русской революціи. Боевой тонъ политическихъ защитниковъ, еще разъ гордо прозвучавшій въ дѣлѣ Совѣта Студенч. Представителей Кіевскаго Университета, сталъ постепенно смѣняться приспособляемостью къ составу суда. Какъ разъ въ это время стали возбуждаться позорныя преслѣдованія противъ евреевъ, именующихъ себя не такъ, какъ они записаны въ метрическихъ свидѣтельствахъ (при полной безнаказанности для христіанина Петра, Павла или Владимира именовать себя Пьеромъ, Полемъ и Вольдемаромъ), о подложныхъ аттестатахъ и свидѣтельствахъ на званія, дающія право жительства и т. д. Тянулася скучная, сѣрая канитель эпохи 3-й Государственной Думы.

На этомъ періодѣ безвременья не приходится долго останавливаться. Онъ не даетъ ничего яркаго вплоть до возникновенія міровой войны. —

Но есть, зато, одно весьма мрачное, зловѣщее явленіе, которое представляется наиболѣе постыднымъ пятномъ для исторіи россійской государственности и правосудія этой эпохи. Съ этимъ явленіемъ я связанъ плотью и кровью, оно цѣликомъ приковало меня къ себѣ на три года, потребовало напряженія всѣхъ моихъ силъ и расшатило мое на рѣдкость крѣпкое отъ природы здоровье. Рѣчь идетъ о дѣлѣ Бейлиса.

Еще ранней весной 1911-го года въ Кіевѣ носились слухи о загадочномъ убійствѣ мальчика Андруши Ющинскаго. Мелькнуло въ газетахъ сообщеніе, что

мѣстные черносотенцы, члены «Двуглаваго Орла», усматриваютъ въ этомъ происшествіи признаки ритуальнаго убійства. Засимъ были заподозрѣны въ качествѣ убійцъ мать и отчимъ Ющинскаго, которые и были арестованы полиціей. И хотя полиція попала въ этомъ случаѣ на ложный слѣдъ, но фактъ тотъ, что на нѣкоторое время само дѣло это было совершенно забыто вмѣстѣ съ нелѣпыми слухами объ его ритуально-еврейскомъ характерѣ.

Лѣто 1911-го года въ Кіевѣ прошло въ лихорадочныхъ приготовленіяхъ къ торжественной встрѣчѣ царя, царскаго семейства, Столыпина и всѣхъ министровъ по случаю предстоявшаго открытія памятника Александру II-му. И никто и не подозрѣвалъ въ это время, какая адская работа велась тогда въ черносотенномъ подпольѣ.

Не успѣло состояться торжество открытія памятника, какъ раздался въ кіевскомъ городскомъ театрѣ выстрѣлъ Багрова. Черезъ нѣсколько дней Столыпина не стало.

Вскорѣ послѣ этихъ дней (августъ 1911-го года) ко мнѣ явилась въ мои пріемные часы жена Менделя Бейлиса и сообщила мнѣ о томъ, что онъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ Ющинскаго. Она просила меня принять на себя защиту ея мужа.

Дѣло Бейлиса слишкомъ свѣжо еще въ памяти современниковъ. Кромѣ того имѣется трехъ-томный стенографическій судебный отчетъ, въ которомъ содержится, съ нѣкоторыми незначительными и неизбѣжными ошибками, довольно полная картина того, какъ развернулось это дѣло на судебномъ слѣдствіи и въ рѣчахъ прокурора, гражданскихъ истцовъ и защитниковъ.

Но многое, очень многое такъ и осталось неизвѣстнымъ никому, за исключеніемъ тѣхъ, кто очень близко стоялъ къ дѣлу. Параллельно съ официальнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ велось частное разслѣдованіе, для обнаруженія дѣйствительныхъ убійцъ Ющинскаго. Объ этомъ разслѣдованіи давно пора дать подробный отчетъ, написать обо всемъ, что сохранилось въ документахъ, записяхъ и памяти. У меня былъ собранъ для осуществленія этого заданія обширнѣйшій матеріалъ, который, къ несчастью, я вынужденъ былъ оставить въ моей петербургской квартирѣ, когда пріѣхалъ весной 1918 года за моей семьей изъ Кіева и когда намъ пришлось бросить все на произволь судьбы и пробираться разными кружными путями въ Кіевъ. Такъ и по сей день мнѣ неизвѣстно, какая участь постигла мою библиотеку и архивъ, заключавшіе въ себѣ все наиболѣе для меня цѣнное.

Уже за границей, въ 1919-мъ году, я узналъ, что большевики разстрѣляли въ Кіевѣ Вѣру Чеберякъ. Съ нею погребена, къ сожалѣнію, возможность полного восстановленія картины убійства Ющинскаго во всѣхъ ея подробностяхъ.

Частное разслѣдованіе установило безспорную прикосновенность Чеберякъ къ убійству Ющинскаго. Но зато такъ и не удалось установить тѣхъ нитей, которыя протягиваются отъ этого кошмарнаго дѣла къ подполью «Двуглаваго Орла» и другихъ черносотенныхъ мѣстныхъ и центральной организацій того времени.

«Qui s'excuse, s'accuse», гласитъ французская поговорка. Еврейство ограничивалось во всѣхъ ритуальныхъ процессахъ, предшествовавшихъ дѣлу

Бейлиса, защитой подсудимыхъ, опроверженіемъ уликъ, представленіемъ доказательствъ о томъ, что еврейская религія не знаетъ и не допускаетъ изувѣрскихъ сектъ, совершающихъ ритуальныя убійства. У темныхъ, невѣжественныхъ массъ, среди которыхъ велась соотвѣтствующая агитація, даже при оправдательномъ приговорѣ оставался вопросъ и сомнѣнія о томъ, «кто-же, въ такомъ случаѣ, убійца». И даже оправданный подсудимый, какъ это называлось въ свое время, «оставлялся въ подозрѣніи».

Обывательская толща отвергаетъ так. наз. методъ доказыванія фактовъ путемъ исключенія. «Подай сюда убійцу» — таковъ крикъ улицы. Вотъ почему съ перваго-же дня моего участія въ дѣлѣ Бейлиса я твердо рѣшилъ оставить на сей разъ обычный, трафаретный путь защиты и искать убійцу. На обвиненіе надо было отвѣтить не обороною, а наступленіемъ — надо было найти дѣйствительныхъ виновниковъ.

Избранный мною путь оказался весьма тернистымъ. Какъ извѣстно, російскіе законы не допускали участія защиты въ предварительномъ слѣдствіи. Вообще, приходилось идти «противъ теченія», а въ такихъ случаяхъ не легко находишь попутчиковъ . . . Часто, въ особенно опасныхъ случаяхъ, я оставался почти совершенно одинокимъ. Но зато я всегда былъ въ согласіи съ моею совѣстью. Интересы еврейства были мнѣ неизмѣримо дороже, чѣмъ всѣ профессиональныя условности. Меньше всего я чувствовалъ себя въ этомъ дѣлѣ «адвокатомъ». Какъ и въ прошлой моей дѣятельности, я стремился лишь выполнить то, чего требовалъ долгъ еврея и гражданина.

Въ связи съ моимъ участіемъ въ дѣлѣ Бейлиса и возбужденіемъ противъ меня всякаго рода преслѣдованій я сталъ получать анонимныя угрожающія письма. Къ концу 1913-го года я вынужденъ былъ покинуть Кіевъ и переѣхать въ Петербургъ. Послѣдовавшее за симъ въ дисциплинарномъ порядкѣ исключеніе меня изъ адвокатскаго сословія выбило меня изъ обычной колеи, личныя-же дѣла сложились такимъ образомъ, что я прожилъ въ Петербургѣ вплоть до начала 1918 года, лишь періодически наѣзжая въ Кіевъ.

Въ маѣ 1917-го года, послѣ переворота, Соединенное Присутствіе 1-го и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената разсмотрѣло, въ порядкѣ надзора, мое дисциплинарное дѣло. Сенатъ призналъ опредѣленіе Кіевской Судебной Палаты не только неправильнымъ, но и построеннымъ на извращеніяхъ фактовъ. За отсутствіемъ въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя мнѣ инкриминировались, какого-либо профессиональнаго нарушенія, Сенатъ прекратилъ дѣло. Мои права были восстановлены. Всѣ мои дѣйствія по разслѣдованію убійства Ющинскаго были признаны Сенатомъ вполне правильными, законѣрными и естественно вытекающими изъ моего стремленія «снять клевету съ родного народа». Параллельно съ симъ Сенатъ затребовалъ отъ судившаго меня состава Кіевской Судебной Палаты объясненія о допущенныхъ ею по дѣлу извращеніяхъ фактовъ и неправосудномъ въ отношеніи меня опредѣленіи. Предстоялъ на сей разъ судъ надъ тѣми, кто судилъ и осудилъ меня. Но судъ этотъ не состоялся, т. к. все было сметено вихремъ разыгравшихся послѣ этого событій. Также не суждено было мнѣ возвратиться къ адвокатской дѣятельности.

Съ дѣломъ Бейлиса у меня связано одно особенно дорогое для меня воспоминаніе. Это было въ первые мѣсяцы войны. Я ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и разговорился въ корридорѣ вагона со старикомъ-евреемъ. Старикъ все время поглядывалъ въ купѣ, гдѣ его мѣсто было занято развалившейся во всю длину дивана дамою. У старика разболѣлись отъ стоянія ноги — и онъ обратился, наконецъ, къ безцеремонной дамѣ, прося ее въ очень вѣжливой формѣ освободить его мѣсто. На это обращеніе послѣдовала весьма рѣзкая и грубая реплика дамы съ ссылкой на то, что ея мужъ-офицеръ и сражается за родину, а потому она имѣетъ право на путешествіе съ удобствами. Когда-же старикъ-еврей попытался представить свои возраженія и отстоять свое право на мѣсто, дама истерически вскрикнула — «ахъ ты, жидъ, ахъ ты, Бейлисъ» . . .

Старикъ спокойно отвѣтилъ на это — «а вы, мадамъ, Чеберячка».

Этотъ отвѣтъ старика-еврея свидѣтельствуетъ о томъ, что частное разслѣдованіе по дѣлу Ющинскаго не прошло безслѣдно. У еврейства былъ на сей разъ простой, прямой и опредѣленный отвѣтъ на гнусное обвиненіе.

ГЛАВА IV.

Начало 2-ой революціи. Іюньскіе сѣзды. Федерация и національный вопросъ. Роковое наступленіе.

Еще за годъ до революціи 1917-го года въ Петербургѣ организовался кружокъ убѣжденныхъ сторонниковъ федераціи, какъ необходимой формы государственнаго устройства Россіи. Изъ кіевлянъ въ этомъ кружкѣ участвовали покойный И. В. Лучицкій, М. А. Славинскій (нынѣ украинскій посоль въ Чехо-Словакіи), Д. П. Рузскій и я. Засимъ у насъ возникло рѣшеніе основать всероссійскую радикально-демократическую партію съ опредѣленнымъ лозунгомъ о необходимости переустройства Россіи на федеративныхъ началахъ. Къ намъ присоединились К. А. Маціевичъ (нынѣ украинскій посоль въ Бухарестѣ), В. Э. Брунстъ (тов. министра земледѣлія въ гетманскій періодъ) и др. Но когда уже былъ составленъ проектъ программы, у меня обнаружили расхожденія съ большинствомъ кружка, въ первую очередь по вопросамъ внѣшней политики. И я вышелъ изъ комитета, организующаго радикально-демократическую партію.

Началась революція. Событія разворачивались съ необычайной быстротой. Меня потянуло на родину, въ Кіевъ, куда я и поѣхалъ въ маѣ 1917 года со спеціальнымъ заданіемъ — попытаться объединить

на лозунгѣ федераціи тѣхъ, кто примыкалъ въ свое время по своимъ убѣжденіямъ къ трудовикамъ и народнымъ социалистамъ. Мнѣ удалось, при помощи моихъ друзей и единомышленниковъ, заложить въ Кіевѣ фундаментъ для образованія отдѣла народно-соціалистической партіи. Однако, для широкаго распространенія народно-соціалистической партіи или трудовой группы, ни Кіевъ, ни Украина не представляли большихъ возможностей, въ виду общегосударственнаго характера этихъ партій и въ виду распространенности въ то время на Украинѣ національныхъ украинскихъ, еврейскихъ и польскихъ партій. Помимо того, программа нар.-соц. партіи была недостаточно «лѣвой» для возбужденнаго состоянія умовъ въ тотъ періодъ времени. Нашъ первый кіевскій митингъ (май 1917 года) вышелъ, поэтому, достаточно безцвѣтнымъ, въ виду спокойнаго и дѣловаго тона докладовъ. Собравшаяся публика, особенно молодежь, явно скучала, слушая наши добросовѣстные разъясненія о томъ, что заключаютъ въ себѣ понятія о федераціи и автономіи. Одно-же упоминаніе при изложеніи земельной программы о необходимости нѣкотораго вознагражденія помѣщиковъ прожиточнымъ минимумомъ, хотя-бы на короткое время, вызывало ропотъ и негодованіе.

Меня лично такой результатъ митинга смущалъ меньше, чѣмъ моихъ товарищей. Не впервые приходилось идти «противъ теченія», въ незначительномъ меньшинствѣ, и не въ послѣдній разъ . . .

По возвращеніи въ Петербургъ я былъ привлеченъ организационнымъ комитетомъ къ работѣ по созыву всероссійскаго съѣзда нар.-соц. партіи. Къ этому времени относятся мои частыя встрѣчи съ В. А. Мяко-

тинимъ и А. В. Пѣшеховымъ, свѣтлые образы которыхъ никогда не потускнѣютъ въ моей памяти, несмотря на всѣ послѣдовавшія позже и могущія еще послѣдовать расхожденія съ ними во взглядахъ и тактикѣ.

Комитетъ возложилъ на меня выступить на съѣздѣ съ докладомъ о государственномъ устройствѣ Россіи на федеративныхъ началахъ. Параллельный докладъ о національномъ вопросѣ былъ порученъ А. Ѡ. Саликовскому. Тезисы моего доклада были утверждены съѣздомъ и положены въ основаніе новой программы партіи. На основѣ этихъ-же тезисовъ тогда же состоялось и сліяніе народно-соціалистической партіи съ трудовой группою въ одну «трудовую народно-соціалистическую партію».

Исторія этого сліянія и весь ходъ предварительныхъ переговоровъ между съѣздами партій заключаетъ въ себѣ очень много весьма поучительнаго для оцѣнки того момента, и выявляетъ нѣкоторыя характерныя особенности интеллигенціи, воспитавшейся въ специфическихъ условіяхъ россійской дѣйствительности, съ ея теоретически-идейнымъ максимализмомъ и полнымъ игнорированіемъ условій реальной жизни.

Не надо забывать, что въ іюнѣ 1917 года Германія и Австро-Венгрія представлялись еще весьма мощными военными государствами. Никто не могъ еще тогда съ точностью предвидѣть, въ какую сторону нарушится въ результатѣ войны «равновѣсіе» великихъ европейскихъ державъ и какія измѣненія постигнуть старую карту Европы.

Въ свою очередь, и Россійское государство еще представляло собою въ то время нѣчто цѣлое, его

развалъ и распаденіе, ставшіе неизбежными послѣ іюньскаго наступленія, еще не являлись тогда предопредѣленными. При такихъ условіяхъ было ясно, что отдѣленіе отъ Россіи той или иной значительной части государственнаго цѣлаго можетъ обезпечить полную побѣду центральныхъ державъ и аннексію ими какъ отдѣлившейся части, такъ и другихъ частей, по ихъ выбору.

Не взирая на такое положеніе вещей, докладчики на съѣздѣ трудовиковъ (Шаскольскій, Булатъ) и поддерживавшіе ихъ тезисы Водовозовъ и др. настаивали на признаніи за всѣми національностями, населяющими Россійское государство, права на самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія отъ Россіи (точнѣе — отъ Великороссіи). Значительное большинство съѣзда трудовиковъ склонялось къ принятію такой формулы.

Приблизительно въ то-же время собрался въ Москвѣ всероссійскій съѣздъ партіи соц.-революціонеровъ, гдѣ тождественная формула была принята подавляющимъ большинствомъ. Наконецъ, немногими днями позже съѣздъ совѣтовъ принялъ точно такую-же резолюцію и предъявилъ къ Временному Правительству требованіе, чтобы оно официально провозгласило право всѣхъ народовъ на самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія . . .

Наоборотъ, народные социалисты, въ полномъ согласіи съ моимъ докладомъ и съ докладомъ А. Θ Саликовскаго, единодушно отвергали такого рода максимализмъ въ разрѣшеніи національнаго вопроса. Столь-же единодушно были приняты тезисы о переустройствѣ Россійскаго государства на федеративныхъ началахъ. Къ сожалѣнію, у меня не имѣется

подъ рукою ни протокола съѣзда, ни резолюцій. Но я отчетливо помню, что въ мотивахъ изготавленной мною и принятой съѣздомъ резолюціи было указано на параллельную необходимость децентрализаціи управленія и самого широкаго удовлетворенія стремленій народовъ къ національной автономіи.

Съѣзды трудовой группы и нар.-соц. партіи за-сѣдали въ сосѣднихъ домахъ и одновременно. Съ самого начала это было такъ устроено для возможности контакта и переговоровъ между съѣздами, съ цѣлью намѣчавшагося слиянія обѣихъ партій. Земельная программа и права національностей являлись кардинальными вопросами. По первому изъ этихъ вопросовъ соглашеніе между съѣздами было достигнуто безъ особенныхъ затрудненій. Зато по вопросу о государственномъ устройствѣ Россіи въ связи съ правами національностей пришлось преодолѣть не мало треній и препятствій. Трудовики твердо стояли на своемъ и требовали отъ насъ принятія формулы о правахъ народовъ на полное отдѣленіе . . .

Наконецъ, рѣшено было избрать согласительную комиссію изъ представителей обоихъ съѣздовъ въ лицѣ докладчиковъ и спеціально избранныхъ лицъ. Особенную неуступчивость, помнится, проявилъ въ комиссіи В. В. Водовозовъ. На всѣ указанія Мякотина о томъ, что формулой трудовиковъ немедленно воспользуется Финляндія, Водовозовъ отвѣтилъ столь-же рѣшительно, какъ и неубѣдительно: «Финскій народъ этого не сдѣлаетъ, ибо финляндцы не такъ глупы и не такъ подлы (sic!), чтобы отдѣлиться отъ Россіи.»

И возникалъ самъ собою вопросъ, для чего-же Водовозовъ и его единомышленники такъ ломаютъ

копья за свою формулу, разъ они увѣрены, что даже финляндцы ею не воспользуются.

Все-же настроеніе у народныхъ социалистовъ было болѣе единодушное въ этомъ спорномъ вопросѣ, нежели у съѣзда трудовиковъ. Послѣдніе пошли, наконецъ, на уступки. Состоялось компромиссное соглашеніе о томъ, что каждой народности должно быть предоставлено право созыва своего отдѣльнаго національнаго учредительнаго собранія, но что окончательное рѣшеніе вопроса о государственномъ устройствѣ Россіи все-же будетъ принадлежать Всероссійскому Учредительному Собранію, какъ второй и послѣдней инстанціи.

И не является-ли знаменательнымъ, что будущіе «сепаратисты», Саликовскій и я, были въ то время противниками формулы о правѣ на отдѣленіе, тогда какъ Россійскіе с.-р., большинство трудовиковъ и съѣзды совѣтовъ отстаивали эту формулу?

Но когда жизнь привела къ тому, что народности стали осуществлять свое право на отдѣленіе, ибо Россія, какъ государство, фактически развалилась, тѣ-же Россійскіе соц.-революціонеры и трудовики, и тѣ самые элементы, которые засѣдали въ съѣздѣ совѣтовъ, не только отказались отъ своей точки зрѣнія, но повели самую рѣшительную борьбу съ этими стремленіями національностей къ отмежеванію себя отъ общаго хаоса и анархіи, водворенію хотя-бы въ своихъ предѣлахъ государственнаго порядка и созданію своей самостоятельной государственной жизни.

Такъ разошлась суцая подоплека, подлинная натура этихъ людей съ тѣми громкими обѣщаніями и лозунгами, которые они вполне искренно въ свое время провозгласили. И въ этомъ расхожденіи су-

шаго съ теоріями должнаго есть много интереснаго для того, кто займется впоследствии обстоятельнымъ изученіемъ психологіи російской интеллигенціи того времени.

Сліяніе партій состоялось. Въ тѣ-же іюньскіе дни состоялось рѣшеніе Временнаго Правительства начать наступленіе. Помню, какъ сегодня, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили на нашемъ съѣздѣ это рѣшеніе. У меня, наоборотъ, было мрачное предчувствіе, граничащее съ увѣренностью, что наступленіе это окажется роковымъ для Россіи и ввергнетъ ее въ полосу безконечныхъ бѣдствій и полного развала. Однако, выступить на съѣздѣ съ какимъ-либо соотвѣтствующимъ предостерегающимъ заявленіемъ по этому вопросу я не счелъ для себя возможнымъ. Во первыхъ, для меня было очевидно, что мой одинокій слабый голосъ потонетъ въ общемъ воинственномъ настроеніи съѣзда, во вторыхъ, вѣдь рѣшеніе правительства все равно уже было фактомъ свершившимся.

Наступленіе привело Россію къ Тарнополю, Ригѣ и торжеству большевизма. Съ каждымъ днемъ росла анархія и углублялся развалъ Россіи. Всѣ надежды сконцентрировались на Учредительномъ Собраніи и въ подготовительныхъ къ нему работахъ прошли все лѣто и осень 1917-го года.

ГЛАВА V.

Выборы въ Учредительное Собрание. Ростъ украинскаго національнаго самосознанія. Разгонъ Учредительнаго Собранія.

У комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собрание не было, конечно, никакихъ сомнѣній въ томъ, что выборы должны быть всеобщими, равными, прямыми и тайными. Главный споръ, наибольшія сомнѣнія вызывалъ вопросъ о пропорціональной системѣ выборовъ.

Насколько мнѣ не измѣняетъ память, среди меньшинства, высказавшагося противъ пропорціональныхъ выборовъ, были Мякотинъ, Водовозовъ и Брамсонъ, всѣ три — представители трудовой народно-соціалистической партіи. И какъ это часто бываетъ въ эпоху революціоннаго подъема, правда была на сторонѣ меньшинства! Зато рѣшеніе большинства удовлетворило всѣ тѣ безчисленныя небольшія группы и подраздѣленія, на которыя разгородилась въ то время россійская общественность. Каждые 50 или 100 избирателей (точно цифры не помню) могли выставить свой собственный списокъ.

Избирательными округами являлись большіе города и цѣлыя губерніи.

Въ украинскихъ губерніяхъ съ ихъ пестрымъ разноплеменнымъ населеніемъ такого рода система вы-

боровъ, по моимъ наблюденіямъ, привела къ весьма плачевнымъ результатамъ. Можно себѣ представить, въ какомъ недоумѣніи были крестьяне и, въ особенности, деревенскія бабы, когда въ одинъ прекрасный день имъ было вручено отъ 10 до 15 списковъ кандидатовъ . . . Въ каждомъ списокѣ стояло отъ 10 до 20 (смотря по губерніи) именъ, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ деревенскимъ избирателямъ совершенно неизвѣстныхъ.

Но изумленіе деревни достигало наибольшаго предѣла, когда они доходили до польскаго списка (на польскомъ языкѣ) и до нѣсколькихъ еврейскихъ списковъ (на еврейскомъ языкѣ). Крестьяне никакъ не могли понять, почему партія Пойалеи-Ціонъ или еврейскій національный блокъ рекомендуетъ имъ голосовать за своихъ кандидатовъ . . .

Хозяевами выборовъ въ деревнѣ оказались, конечно, социалисты-революціонеры. Въ городахъ съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ господами положенія были сіонисты. Въ первомъ случаѣ сказалось тяготѣніе крестьянъ къ максимализму въ рѣшеніи земельного вопроса. Кромѣ того партія с.-р. имѣла свою справедливо заслуженную старую репутацію въ деревнѣ и пользовалась ея огромнымъ довѣріемъ.

Во второмъ случаѣ сказался національный максимализмъ настроеній еврейства, которое желало имѣть «своихъ собственныхъ депутатовъ», не связанныхъ ни съ какой общегосударственной партіей.

Въ октябрѣ и ноябрѣ я предпринялъ по порученію Центрального комитета трудовой н.-с. партіи объѣздъ черниговской губерніи, по которой партія выставила мою кандидатуру. Несмотря на разстройство желѣз-

подорожного сообщенія, мнѣ удалось побывать въ 14-ти (изъ общаго числа 15) уѣздахъ черниговской губерніи. Вѣздилъ я на паровозахъ, тендерахъ, въ корридорахъ вагоновъ, въ теплушкахъ. Мои выступления въ городахъ и деревняхъ, лекціи и бесѣды въ синагогахъ, театрахъ и на площадяхъ со всѣми слоями и классами населенія дали мнѣ большой матеріаль для сужденія о стремленіяхъ и настроеніяхъ населенія этой губерніи.

Солдаты, возвращавшіеся въ то время самовольно въ огромномъ количествѣ съ фронта, уже называли себя большевиками. Когда я спрашивалъ ихъ, что такое большевизмъ, всегда получался одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «это значитъ больше не воевать». Керенскаго всѣ солдаты поносили самыми бранными словами, причемъ утверждали, что онъ «и всѣ 12 министровъ» — жида . . .

Отъ Ленина и Троцкаго они были въ восторгѣ. Когда я пытался убѣдить ихъ въ томъ, что «всѣ 12 министровъ» и Керенскій — не евреи, мнѣ не вѣрили, а иногда говорили, что я самъ — жидъ, а потому за жидовъ и заступаюсь. Когда-же я однажды попробовалъ противопоставить Троцкаго Керенскому и указалъ, что какъ разъ Троцкій — лицо еврейскаго происхожденія, то отвѣтъ послѣдовалъ такой: «Ну, что-же, можетъ Троцкій и еврей, да онъ за миръ, значитъ нашъ».

Ко всему этому мои собесѣдники иногда добавляли: «А если Ленинъ и Троцкій намъ измѣнять и погонять насъ воевать, то мы и ихъ повѣсимъ» . . .

Все-же это было еще то время, когда съ большевиками можно было даже вступать въ споры и пререканія. На моихъ лекціяхъ я успѣвалъ даже,

путемъ угрозъ прекращеніемъ лекціи, добиваться тишины; солдаты переставали лускать сѣмечки и переговариваться между собою.

Крестьяне охотно являлись на мои лекціи. Въ Ново-Быковѣ собрался на большой площади митингъ въ количествѣ не менѣе 3-хъ тысячъ человекъ, въ подавляющемъ большинствѣ крестьянъ. Какъ разъ передъ митингомъ было освященіе новаго зданія школы, на которомъ я, по просьбѣ священника, произнесъ рѣчь.

На площади, гдѣ былъ назначенъ митингъ, для меня былъ приготовленъ вмѣсто кафедры столъ, съ котораго я и говорилъ. Пока я разъяснялъ значеніе такихъ чуждыхъ деревнѣ понятій, какъ федерація, автономія и т. д., крестьяне явно скучали. Но стоило мнѣ только заговорить о земельномъ вопросѣ, какъ крестьяне оживились. Вначалѣ, пока я излагалъ общую часть земельной программы моей партіи, раздавались возгласы одобренія и полного удовлетворенія. Но когда дошло дѣло до пункта о вознагражденіи помѣщиковъ въ минимальныхъ предѣлахъ (по формулѣ Пѣшеконова), послышался ропотъ неудовольствія. Тоже самое повторялось при всѣхъ дальнѣйшихъ моихъ выступленіяхъ предъ крестьянствомъ.

Въ синагогахъ меня всегда очень тепло встрѣчали. Но это объяснялось лишь тѣмъ, что еврейское населеніе знало меня по моимъ выступленіямъ въ громныхъ процессахъ, дѣлѣ Бейлиса и т. д.

Каждый подростокъ, каждый гимназистъ легко могъ сразить всѣ мои аргументы однимъ указаніемъ на то, что моя кандидатура фигурируетъ не въ еврейскомъ національномъ спискѣ, а въ спискѣ обще-

російской политической партіи. Старшее еврейское поколѣніе пыталось поддерживать меня, но оно было безсильно.

Невольно напрашивалось сопоставленіе съ лѣтомъ и осенью 1905-го года, когда я выступалъ въ синагогахъ городовъ и мѣстечекъ кievской губерніи, излагая программу Союза Полноправія евреевъ. Тогда тоже нерѣдко приходилось воевать съ юношами-бундистами, считавшими Союзъ Полноправія буржуазной затѣей, а въ большой Бѣлоцерковской синагогѣ объявились даже анархисты, сорвавшіе выстрѣлами собраніе. Но все-же въ тѣ времена я умѣлъ находить общій языкъ съ аудиторіей. Въ раскаленной атмосферѣ страстей 1917-го года этого общаго языка у меня уже не оказалось.

Въ Новгородѣ-Северскѣ мнѣ пришлось пережить небольшой еврейскій погромъ. Въ теченіе дня все обстояло благополучно. Я прочиталъ въ театрѣ свою лекцію, засимъ вечеромъ выступилъ въ синагогѣ. Закончивши свою рѣчь, я ждалъ обычныхъ возраженій сіонистовъ и представителей другихъ еврейскихъ партій. Въ это время съ улицы кто-то вбѣжалъ въ синагогу и крикнулъ о томъ, что на площади, гдѣ расположены магазины, начался погромъ. Всѣ въ паникѣ бросились къ дверямъ и окнамъ. Синагога въ мигъ опустѣла.

Вскорѣ выяснилось, что солдаты разграбили хранилище спирта и напились до пьяна, послѣ чего приступили къ погрому лавокъ на площади. На сей разъ погромъ возникъ, дѣйствительно, неожиданно, а потому мѣстная власть, въ намѣренія которой погромъ не входилъ, легко и быстро его остановила при помощи нѣсколькихъ городовыхъ

или милиціонеровъ (не знаю точно, какъ это тогда называлось).

Передъ объѣздомъ черниговской губерніи я бывалъ въ Кіевѣ. Центральная Рада съ каждымъ днемъ приобрѣтала все большій авторитетъ въ глазахъ населенія. Украинское національное движеніе представлялось наилучшимъ противовѣсомъ развитію большевизма.

Въ виду родственности программъ партіи трудовой народно-соціалистической и украинской партіи социалистовъ-федералистовъ, я предложилъ кіевскимъ комитетамъ обѣихъ партій вступить въ блокъ и выставить общій списокъ. Обѣ партіи сходились въ главномъ вопросѣ дня — въ сознаніи необходимости переустройства Россіи на федеративныхъ началахъ. Блокъ состоялся, со стороны украинскихъ социаль-федералистовъ списокъ возглавлялъ С. А. Ефремовъ, со стороны нашей партіи А. С. Зарудный.

Такой-же блокъ состоялся по моей инициативѣ и въ отношеніи черниговской губерніи. Списокъ возглавляли со стороны украинской партіи социаль-федералистовъ И. Л. Шрагъ, со стороны трудовой народно-соціалистической партіи — я.

Это былъ въ ту пору первый и, къ сожалѣнію, единственный опытъ общенія и сближенія партіи общероссійской съ партией украинской.

Послѣдствія примѣненія неподходящей въ условіяхъ россійской дѣйствительности пропорціоно-списочной системы выборовъ давали себя знать на каждомъ шагу. Помню тяжелое ощущеніе, которое вызвала во мнѣ напечатанная въ газетахъ телеграмма изъ Кременчуга, сообщавшая о борьбѣ между

еврейскимъ и христіанскимъ списками . . . «Побѣдилъ еврейскій списокъ», гласила заключительная фраза телеграммы. Получалось впечатлѣніе, будто выборы въ Учредительное Собраніе являются ареною для борьбы народностей, а не партій . . . А между тѣмъ всякій парламентъ, какъ общегосударственное учрежденіе, долженъ знаменовать собою общность государственныхъ судебъ и мирное сосуществованіе всѣхъ народовъ, живущихъ въ данномъ государствѣ. Чисто-же національныя, спеціальныя задачи каждой народности должны обслуживать ихъ спеціальныя національныя собранія или сеймы . . .

Можно было заранѣе предвидѣть рѣшительную побѣду на выборахъ партіи социалистовъ-революціонеровъ. Было ясно и то, что подъ вліяніемъ возвратившихся съ фронта солдатъ немало голосовъ соберутъ большевики.

Зато никто еще не могъ себѣ тогда представить того разительнаго успѣха, который выпадетъ на долю украинской партіи социалистовъ-революціонеровъ. Списокъ російскихъ соц.-революціонеровъ возглавлялся въ Черниговской губерніи самой бабушкой Брешко-Брешковской. Между тѣмъ въ списокъ украинскихъ с.-р. фигурировали очень молодые люди, въ возрастѣ 22—23 лѣтъ. Такого-же возраста былъ возглавлявшій этотъ списокъ Н. И. Шрагъ, сынъ И. Л. Шрага, товарищъ предсѣдателя Центральной Рады.

Результаты выборовъ, дѣйствительно, превзошли всѣ ожиданія. Изъ 14 мѣстъ девять получили украинскіе соц.-революціонеры, одно — всероссійскіе соц.-революціонеры и четыре — большевики. Ни одинъ изъ остальныхъ списковъ (въ томъ числѣ польскій, еврейскіе, кадетскій, нашъ и социаль-

демократическій) не собралъ количества голосовъ, необходимаго для полученія хотя-бы одного депутатскаго мандата. Старикъ Шрагъ и обѣ наши партіи оказались на сей разъ слишкомъ умѣренными . . . Такая-же участь постигла нашу партію почти во всѣхъ губерніяхъ. На всю Россію было избрано всего два члена трудовой народно-соціалистической партіи. Крестьянство скоро забыло трудовиковъ, представленныхъ въ столь огромномъ количествѣ въ первой и второй Государственныхъ Думахъ . . . А о народныхъ социалистахъ, имѣвшихъ фракцію во 2-ой Государственной Думѣ, оно, вообще, имѣло смутное представленіе . . .

Такое-же тяготѣніе крестьянскаго населенія къ украинскимъ спискамъ наблюдалось и въ Кіевской, Волынской, Подольской и Полтавской губерніяхъ, о которыхъ у меня имѣлись точныя свѣдѣнія. Всюду получилось подавляющее преобладаніе голосовъ, поданныхъ за украинскихъ социалистовъ революціонеровъ.

Исходъ выборовъ по національнымъ еврейскимъ спискамъ былъ всецѣло обусловленъ количествомъ еврейскаго населенія въ каждой данной губерніи. Поэтому въ черниговской губерніи было заранѣе очевидно, что еврейскихъ голосовъ не хватитъ на полученіе даже одного мандата. Тѣмъ не менѣе было выставлено три еврейскихъ списка (національный, поайлей-ціонъ и объединенной партіи). Бундъ же шелъ въ блокъ съ російской соц.-демократической партіей.

Только слѣпой могъ не видѣть огромнаго, сказочнаго роста національнаго самосознанія у украинскаго крестьянства. Достаточно было побывать на

крестьянскихъ предвыборныхъ собраніяхъ, чтобы убѣдиться насколько мы, интеллигенція, не знали того народа, среди котораго мы жили, очень смутно разбирались въ вопросѣ о родномъ языкѣ этого народа и т. д.

Всѣ матеріалы о выборахъ я привезъ съ собою въ Петербургъ и ознакомилъ центральный комитетъ партіи съ положеніемъ и настроеніями на Украинѣ. Конецъ декабря прошелъ въ тревожныхъ ожиданіяхъ предстоящаго разгона Учредительнаго Собранія, о чемъ тогда уже упорно говорили. Тщетно призывалъ я нашъ комитетъ къ перенесенію работы нашей партіи — и всѣхъ другихъ партій, борющихся съ большевизмомъ — въ Кіевъ.

Такими-же тщетными оказались мои совѣты о томъ, чтобы Учредительное Собраніе съѣхалось въ Кіевъ. Если не ошибаюсь, тождественнаго съ моимъ взглядомъ держался въ нашемъ комитетѣ одинъ лишь М. В. Беренштамъ, высказывавшійся вмѣстѣ со мною за переѣздъ Учредительнаго Собранія въ Кіевъ и послѣ его разгона. И я по сей день сохраняю вѣру въ то, что если-бы Учредительное Собраніе съѣхалось тогда въ Кіевъ или въ одномъ изъ городовъ, бывшихъ уже тогда въ районѣ юрисдикціи украинской Центральной Рады — то Кіевъ сразу могъ-бы стать центромъ устройства будущей федеративной Россіи, а не одной лишь Украины.

Наступилъ день открытія Учредительнаго Собранія. Несмѣтныя толпы съ утра загрохотали всѣ улицы, ведущія къ Таврическому Дворцу. Нашъ комитетъ шелъ въ авангардѣ процессіи, двигающейся по Литейному проспекту. Мирный характеръ мани-

фестаціи не могъ вызывать никакихъ сомнѣній. Вдругъ, на углу Спасской улицы, раздались выстрѣлы . . . Стрѣляли предательски, не предупредивши заранѣе, съ крышъ и чердаковъ . . . Кое-кто изъ нашего авангарда упалъ . . . Оказались убитые и раненые . . . Дальнѣйшее слѣдованіе было немислимымъ и могло вызвать лишь дальнѣйшія, безцѣльныя жертвы . . . Мы разошлись по домамъ . . .

Распылилось, распалось Учредительное Собраніе — не стало того «хозяина земли русской», который долженъ былъ провести въ жизнь, осуществить переустройство бывшаго Россійскаго государства на новыхъ началахъ. «Федерація сверху» была уже неосуществимою мечтой — развалъ государства зашелъ слишкомъ далеко. И мнѣ представлялось, что необходимо, при создавшемся положеніи, заняться въ первую очередь укрѣпленіемъ на мѣстахъ новыхъ, отдѣльныхъ государственныхъ образований, не захваченныхъ всецѣло большевистской стихіей и анархіей и таящихъ въ себѣ здоровыя начала для возсозданія порядка и государственности. Мнѣ представлялось, что съ переходомъ власти въ руки Совѣтскаго Правительства у руководителей украинскихъ партій могло естественно зародиться стремленіе къ огражденію Украины отъ той общности судьбы со всей остальной Россіей, которую ей уготовляло Совѣтское Правительство.

5-ое января — день разгона большевиками Всероссийскаго Учредительнаго Собранія — обусловило и повлекло за собою 9-ое января, провозглашеніе Центральной Радой независимости и самостоятельности Украины. Съ желѣзной необходимостью, послѣ рокового іюньскаго наступленія, былъ также пред-

рѣшенъ и фактъ Брестъ-Литовскаго мира, заключеннаго 9-го февраля.

Съ этими мыслями я направился въ серединѣ февраля снова въ Кіевъ, движимый сознаниемъ полной бесполезности моего дальнѣйшаго пребыванія въ Петербургѣ и возможности политической и общественной работы въ родномъ Кіевѣ. Уже по пути изъ Москвы въ Кіевъ на всѣхъ станціяхъ мы встрѣчали множество поѣздовъ, переполненныхъ бѣгущими изъ Кіева большевистскими войсками. Въ Кіевѣ я уже засталъ незначительную часть этихъ войскъ, еще не успѣвшую «эвакуироваться», а черезъ нѣсколько дней въ Кіевъ вошли украинскія и нѣмецкія войска.

ГЛАВА VI.

Центральная Рада. Грушевскій. Евреи — ассимиляторы и національно-мыслящее еврейство. Обывательская толща.

Въ первые-же дни моего пребыванія въ Кіевѣ я убѣдился въ томъ, что политическая конъюнктура, весьма неблагопріятная въ то время для отданной на растерзаніе большевикамъ значительной части территоріи Россійскаго Государства, даетъ, въ частности, основанія и гарантіи для закрѣпленія въ отношеніи Украины ея цѣлости и государственнаго порядка. И мнѣ казалось, что къ государственному строительству Украины должны быть призваны всѣ живыя силы, имѣющіяся въ ея распоряженіи, всѣ народы, живущіе на ея территоріи.

«Черезъ самостоятельность къ федераціи» — такова была въ то время, при создавшейся ситуациі, единственно возможная программа медленнаго, постепеннаго воссозданія бывшаго Россійскаго Государства на федеративныхъ началахъ. Такой путь и намѣчали наиболѣе зрѣлые и авторитетные представители украинскаго движенія, такая программа и была выдвинута большинствомъ украинскихъ политическихъ партій. Къ сожалѣнію, партіи всероссійскія, равно какъ и часть еврейскихъ національныхъ партій, не считаясь съ наступившимъ уже фактомъ существованія въ то время Украины, какъ отдѣльнаго госу-

дарства, продолжали упорно держаться своихъ прежнихъ теоретическихъ построений въ области государственнаго устройства Россіи.

Въ Центральной Радѣ происходила не борьба партій, а борьба націй — и въ этомъ заключалось ненормальное положеніе. Получалось какъ-бы два фронта — украинскій, который составлялся изъ всѣхъ украинскихъ партій, и антиукраинскій, состоявшій изъ россійскихъ соц.-революціонеровъ, социаль-демократовъ, народныхъ социалистовъ, Бунда и т. д. Правда, сіонисты и фолькспартай занимали всегда нейтральную позицію, а поляки вели себя довольно неопредѣленно. Но это не измѣняло общаго впечатлѣнія о рѣзкой противоположности въ отношеніи къ самому факту существованія Украинскаго государства названныхъ двухъ лагерей.

Въ связи съ изложеннымъ у меня сложилось убѣжденіе въ необходимости упраздненія на территории Украины «отдѣленій» всероссійскихъ партій и учрежденія, взамѣнъ ихъ, всеукраинскихъ государственно-территориальныхъ партій, либо сліянія названныхъ отдѣленій всероссійскихъ партій съ уже существующими тождественными украинскими партіями. Съ другой стороны, представлялось необходимымъ реорганизовать украинскія партіи, построенныя до тѣхъ поръ на чисто національномъ основаніи, въ партіи государственныя.

Большинство состава кіевскаго областного Комитета трудовой народно-соціалистической партіи не было согласно съ моею точкой зрѣнія и предлагало ограничиться переименованіемъ лишь Комитета — назвать его вмѣсто областного всеукраинскимъ. На этой почвѣ и произошелъ расколъ. Меньшин-

ство, раздѣлявшее мою точку зрѣнія, рѣшило выждать, какъ выскажется по этому поводу областная конференція. Созывъ конференціи затянулся, она состоялась лишь въ іюнь.

Выяснилось, что конференція раздѣляетъ мнѣніе большинства комитета, послѣ чего я и мои немногочисленные единомышленники въ этомъ вопросѣ вышли изъ состава трудовой народно-соціалистической партіи.

Болѣе успѣшной оказалась моя пропаганда о необходимости реорганизаціи украинскихъ національных партій. Лидеры партіи украинскихъ соціалистовъ-федералистовъ безъ колебаній признали, что въ украинскомъ государствѣ должны быть украинскія государственныя партіи. Состоявшаяся въ маѣ конференція украинскихъ соціалистовъ-федералистовъ санкціонировала такого рода реорганизацію партіи постановленіемъ, что въ ряды партіи могутъ вступать представители всѣхъ національностей, живущихъ на территоріи Украины.

Украинская партія соціалистовъ-федералистовъ, какъ упоминалось выше, являлась по своей программѣ наиболѣе близкой и родственной трудовой народно-соціалистической партіи. С. А. Ефремовъ, А. О. Саликовскій, А. Я. Шульгинъ писали въ «Русскомъ Богатствѣ». Допускалось даже одновременное участіе въ обѣихъ партіяхъ. А. О. Саликовскій, напримѣръ, нѣкоторое время состоялъ и плодотворно работалъ въ обѣихъ партіяхъ, являя собою какъ-бы наглядный примѣръ близкаго духовнаго родства этихъ партій.

Въ концѣ іюня я и нѣкоторые изъ моихъ единомышленниковъ, ушедшихъ изъ трудовой народно-

соціалістической партіи (Н. П. Слинко, д-ръ Мались, А. А. Бланкштейнъ), вошли во всеукраинскую партію соціалистовъ-федералистовъ. Это вступленіе наше въ украинскую партію было первымъ шагомъ на пути сближенія и совмѣстнаго участія въ политической работѣ украинцевъ съ представителями другихъ національностей, живущихъ на территоріи Украины.

Еще въ мартѣ я имѣлъ специальную бесѣду съ М. С. Грушевскимъ по тому-же вопросу о реорганизаціи украинскихъ національныхъ партій въ государственныя. Съ Грушевскимъ я встрѣчался и раньше, въ небольшомъ и тѣсномъ кружкѣ кievскихъ общественныхъ дѣятелей, участниковъ освободительнаго движенія¹⁾. Я не сомнѣвался, что М. С. Грушевскій раздѣлитъ мои соображенія о необходимости расширенія тѣхъ узкихъ и замкнутыхъ рамокъ, въ которыхъ было заковано до тѣхъ поръ украинское національно-партійное движеніе.

Я не ошибся въ моихъ ожиданіяхъ. Умный, на лету схватывающій всякую мысль, Грушевскій съ первыхъ-же словъ понялъ меня и согласился со мною. Но онъ былъ слишкомъ заваленъ въ то время работою въ Центральной Радѣ — и, видимо, такъ и не удосужился провести соответствующую реформу въ структурѣ остальныхъ украинскихъ партій.

Не подлежить, однако, сомнѣнію, что и другія украинскія партіи охотно раскрыли-бы въ то время свои двери представителямъ всѣхъ народностей, живущихъ на территоріи Украины. Но я и мои друзья

¹⁾ Этотъ кружокъ не имѣлъ партійнаго характера. Тамъ же я познакомился съ Д. И. Дорошенко, будущимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Изъ моихъ близкихъ товарищей по адвокатурѣ въ этомъ кружкѣ принимали тогда участіе Д. Н. Григоровичъ-Барскій и В. В. Уляницкій.

были тогда первыми ласточками, а таковыя, какъ извѣстно, весны еще не дѣлають . . . И никто, кромѣ насъ, въ то время въ эти двери не постучался . . .

Независимо отъ всѣхъ этихъ общихъ соображеній о томъ, какъ создать взаимную связь и сотрудничество между народами Украины, я находилъ такого рода политическое общеніе вопросомъ жизненной необходимости для еврейскаго населенія Украины. Благодаря разобщенности и отдѣльному существованію еврейскихъ партій получалось неправильное представленіе о дѣйствительномъ отношеніи національно-мыслящаго еврейства къ украинскому вопросу. Въ Центральной Радѣ отъ имени російскихъ социаль-революціонеровъ выступалъ безсмѣнно Скловскій, отъ російскихъ социаль-демократовъ — Балабановъ, а въ маѣ отъ трудовой народно-соціалистической партіи сталъ выступать Гомбаргъ . . .

Позиція Бунда въ лицѣ Рафеса была также оппозиціонной по отношенію къ блоку украинскихъ партій. Широкіе украинскіе круги не могли разобраться въ томъ, что Скловскій, Балабановъ и Гомбаргъ говорятъ вовсе не отъ имени еврейства, а отъ имени всеросійскихъ партій . . .

Съ другой стороны, при всемъ благожелательномъ и сочувственномъ отношеніи сіонистовъ, фолькспартей и объединенцевъ къ украинскому движенію, линия поведенія этихъ партій въ Радѣ была слишкомъ осторожной и нейтральной, а потому не могла сгладить основного виѣшняго впечатлѣнія о борьбѣ между евреями и украинцами . . .

Истина-же заключалась въ томъ, что со времени провозглашенія Украины самостоятельнымъ государ-

ствомъ еврейство подѣлилось на два лагеря. Евреи — ассимиляторы заняли позицію явнаго несочувствія и отрицательнаго отношенія къ самой идеѣ образованія отдѣльнаго украинскаго государства. Наоборотъ, національно настроенное еврейство, а въ особенности сіонисты и територіалисты, стремящіеся къ созданію еврейскаго государства, не могли не почувствовать такимъ-же стремленіямъ украинскаго народа. Къ великому несчастью еврей-ассимиляторы, составляющіе самую незначительную часть еврейства, являлись лидерами общероссійскихъ объединеній, вездѣ и всюду выступали въ качествѣ таковыхъ и приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе. Наоборотъ, дѣятели еврейскихъ политическихъ партій работали почти исключительно въ своей замкнутой средѣ, и ихъ взгляды, ихъ позиція въ украинскомъ вопросѣ оставались для широкой публики неизвѣстными или во всякомъ случаѣ не вполне ясными.

Въ этой отгороженности еврейскихъ партій заключается также объясненіе той ошибки, въ которую часто впадаютъ даже весьма вдумчивые и универсально образованные круги по вопросу о мѣрѣ прикосновенности еврейства къ большевизму. О каждомъ публичномъ выступленіи Троцкаго знаетъ весь читающій міръ. Тѣ-же рѣчи, которыя произносятся лидерами еврейскихъ національныхъ партій на ихъ собраніяхъ и съѣздахъ, рѣдко становятся извѣстными за предѣлами еврейства.

Невольно вспоминаются слова Герцена по національному вопросу. «Исключительное чувство національности никогда до добра не приводитъ» . . .¹⁾

¹⁾ А. И. Герценъ, Былое и Думы, томъ I-ый, изд. 1921 г., стр. 40.

Трудно было обывательской мысли поспѣвать за быстро смѣняющимися событіями, вносившими такую коренную ломку въ кругъ старыхъ понятій и навыковъ. «Der Wunsch ist der Vater des Gedankens», говорятъ нѣмцы. Но есть еще болѣе мѣткая русская поговорка — «привычка — вторая натура». И желанія, стремленія и вкусы людскіе находятся въ большой зависимости отъ комплекса привычекъ. Прибавьте къ этому инстинктъ подражанія и стадности и — станеть вполнѣ понятно, почему средній, особенно городской обыватель не могъ такъ скоро переварить въ своемъ сознаніи всѣхъ перемѣнъ и новшествъ. Украинскій языкъ былъ въ представленіи многихъ такихъ обывателей деревенскимъ нарѣчіемъ, на которомъ говорятъ мужики. Такое-же представленіе о французскомъ языкѣ имѣли, между прочимъ, жители городовъ Франціи, воспитанные на культурѣ и языкѣ Рима, въ дни принадлежности территоріи нынѣшней Франціи къ Великой Римской Имперіи. И кто-бы могъ въ тѣ времена повѣрить или предвидѣть, что на развалинахъ Римскаго государства и римской культуры возникнутъ новыя государства съ новой культурой. Кто могъ ожидать отъ «варваровъ», населявшихъ тогда британскіе острова, что они дадутъ міру Шекспира?

Съ той поры Лютеція стала Парижемъ и, вообще, многое подъ луной измѣнилось. И какъ неубѣдительно, по обывательски, звучатъ всѣ эти разговоры о томъ, что «Украина не можетъ существовать безъ Великороссіи», что «Великороссія не можетъ существовать безъ Чернаго моря» . . .

Иной вопросъ, желательно-ли полное отдѣленіе Украины отъ сосѣднихъ съ нею Дона, Бѣлоруссіи,

Великороссіи и т. д., или-же, наоборотъ, взаимные экономическіе интересы всѣхъ частей Восточной Европы потребуютъ впоследствии образованія изъ нихъ одного экономическаго цѣлаго, на основахъ таможеннаго союза или конфедераціи.

Вопросъ объ украинскомъ языкѣ служилъ излюбленнымъ предметомъ для всякихъ обывательскихъ остротъ. Мнѣ невольно вспоминались насмѣшки надъ еврейскимъ разговорнымъ языкомъ . . . И я отчетливо представлялъ себѣ, какую боль и обиду должны были вызывать издѣвательства надъ украинскимъ языкомъ среди сознательныхъ украинцевъ . . .

А между тѣмъ обыватель острилъ въ блаженномъ невѣдѣніи своего собственнаго убожества и добросовѣстно былъ увѣренъ въ томъ, что автомобиль — это русское слово, а самоперъ — самое настоящее украинское. Ему и въ голову не приходило, что украинцы могутъ пользоваться словами «автомобиль» «акушерка» и т. д. по такому-же праву, по какому слова эти были введены въ русскій языкъ.

Сложному, серьезному, мучительно-тяжелому вопросу объ языкахъ обыватель придавалъ фарсовый, комическій характеръ. Это не могло не портить взаимоотношеній съ тѣми, для кого украинскій языкъ былъ дорогимъ символомъ. Это породило злобу и негодованіе среди тѣхъ круговъ украинской молодежи и украинскихъ горячихъ головъ, которые переживали въ то время первый экстазъ своего національнаго возрожденія, своего пробужденія отъ долгаго сна, а потому не могли подойти къ этому вопросу съ необходимымъ спокойствіемъ и пониманіемъ. Въ этихъ явленіяхъ, наконецъ, и были заложены причины тѣхъ печальныхъ эксцессовъ, которые были

допущены впоследствии въ отношеніи русскаго языка, перекрашиванія вывѣсокъ и т. д.

Обывательская безтактность горожанъ не щадила и ушей прислуги, которая въ большей своей части являлась выходцами изъ деревни. Конечно, всѣ такого рода насмѣшки надъ роднымъ языкомъ не могли породить добрыхъ чувствъ у прислуги къ своимъ господамъ... Деревенская Гапка такъ-же страдала отъ такихъ разговоровъ, какъ и мѣстечковый извозчикъ Янкель, когда онъ со своихъ козелъ слышалъ, какъ за его спиною сѣдоки издѣвались надъ еврейскими нравами, языкомъ и т. д.

Тѣ, кто причислялъ себя къ образованнымъ классамъ населенія, неизмѣнно твердили стереотипную фразу о томъ, что они признаютъ Шевченко и его малороссійскій языкъ, но отвергаютъ, какъ чуждое и непонятное, галиційское нарѣчіе, «на которомъ теперь пишутъ въ газетахъ».

Немного позже, когда я ближе ознакомился съ украинскимъ языкомъ, мнѣ пришлось убѣдиться въ прямо противоположномъ.

Языкъ Шевченко оказался для меня куда болѣе труднымъ для пониманія, нежели тотъ языкъ, на которомъ писались и кіевскія, и львовскія украинскія газеты и на которомъ говорили какъ въ придиѣпровской, такъ и галицкой украинской деревнѣ.

Вообще, языкъ и культура распространяются и развиваются путемъ весьма сложнаго процесса, не поддающагося такъ легко учету и регулированію. Это развитіе вовсе не обусловлено размѣрами государства или его военной мощью. Гете и Шиллеръ писали до образованія единой Германской Имперіи. Самая дальнбойная пушка «Берта», самый мощный танкъ, несутъ съ собою не культуру, а смерть и разрушеніе.

ГЛАВА VII.

Украинскій Генеральный Судъ. Украинскій языкъ. Украинскіе политическіе дѣятели. Державный Сенатъ.

Россійскій Правительствующій Сенатъ былъ фактически упраздненъ большевиками. Вообще, съ объявленіемъ Украины отдѣльнымъ государственнымъ организмомъ надлежало создать высшій кассационный судъ.

Центральная Рада должна была избрать членовъ этого высшаго судебного учрежденія. Въ числѣ кандидатовъ, намѣченныхъ въ первую-же очередь, оказались какъ-разъ тѣ члены Кіевского Окружнаго Суда и Кіевской Судебной Палаты, которые были извѣстны своей стойкостью и либерализмомъ въ эпоху Щегловитова. Трое изъ нихъ — Ачкасовъ, Радченко и Бутовскій — имѣли гражданское мужество подать, въ связи съ дѣломъ Бейлиса, особыя мнѣнія съ протестомъ противъ постановленія объ исключеніи меня изъ сословія. При Щегловитовѣ это было равносильно подведенію себя подъ опалу и концу служебной карьеры, въ смыслѣ движенія по службѣ. Всѣ они были избраны Центральной Радой огромнымъ большинствомъ голосовъ. Одновременно были избраны извѣстные украинскіе дѣятели изъ состава одесскаго судебного района, Шелухинъ и Шіановъ, московскій присяжный повѣренный Хвостовъ и

Хруцкій. Слѣдующія кандидатуры должны были быть представлены этимъ первоначальнымъ ядромъ, официальная-же инициатива предложенія кандидатовъ была возложена на политическія партіи, представленные въ Центральной Радѣ.

Моя кандидатура въ члены Генеральнаго Суда была предложена въ Радѣ отъ комитета всероссійской трудовой народно-соціалистической партіи, членомъ которой я тогда еще состоялъ, и встрѣтила поддержку всѣхъ украинскихъ партій. Выборы состоялись 2-го апрѣля, причемъ закрытой баллотировкой оказались избранными профессоръ Богданъ Кистяковскій, Н. П. Василенко, П. В. Яценко и я.

Количество полученныхъ мною голосовъ свидѣтельствовало о полномъ отсутствіи антисемитизма среди членовъ Центральной Рады, а имена и прошлое остальныхъ кандидатовъ, избранныхъ вмѣстѣ со мною въ Генеральный Судъ, сулили возможность насажденія на Украинѣ началъ истиннаго правосудія. Затѣмъ Центральная Рада выдвинула кандидатуру извѣстнаго цивилиста, бывшаго члена Кіевской Судебной палаты и Тов. Оберъ-Прокурора Сената Грейфентурна, мужественнаго и стойкаго судебного дѣятеля, также подавшаго особое мнѣніе по поводу моего дисциплинарнаго дѣла, въ связи съ дѣломъ Бейлиса. Назначеніе Грейфентурна состоялось уже при гетманѣ Скоропадскомъ, по полученіи отъ него изъ Петербурга согласія. Грейфентурнъ пріѣхалъ въ Кіевъ тяжело больной и вскорѣ скончался.

Привожу исторію этихъ выборовъ, такъ-какъ она мало извѣстна или забыта широкой публикой, а между тѣмъ является весьма характерной и показательной.

Предсѣдателемъ Генеральнаго Суда мы избрали Н. И. Радченко.

Меня зачислили, какъ криминалиста, въ Уголовный Кассационный Департаментъ. Въ маѣ уже открылись судебныя засѣданія всѣхъ трехъ Департаментовъ (Административнаго, Гражданскаго и Уголовнаго), причемъ они происходили временно, до присканія отдѣльнаго помѣщенія, въ томъ зданіи Кіевской Судебной Палаты, въ которомъ мнѣ пришлось въ свое время столь часто выступать въ качествѣ повѣреннаго, а впослѣдствіи столько пережить . . .

Изъ всѣхъ перечисленныхъ членовъ Генеральнаго Суда этого сокращеннаго перваго состава одинъ только я не зналъ тогда украинскаго языка. И когда мнѣ еще раньше предложили подать заявленіе о согласіи баллотироваться (такова была обязательная форма), я былъ вначалѣ весьма смущенъ этимъ обстоятельствомъ и предупредилъ о моемъ незнаніи украинскаго языка. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что я могу въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ или даже года дѣлать доклады и писать рѣшенія на русскомъ языкѣ, а за такой срокъ можно будетъ въ достаточной мѣрѣ изучить украинскій языкъ.

И дѣйствительно, мнѣ не чинили засимъ никакихъ препятствій въ этомъ отношеніи. Я дѣлалъ доклады и писалъ рѣшенія на русскомъ языкѣ вплоть до открытія Сената, въ связи съ преобразованиемъ и переименованіемъ въ періодъ правленія Гетмана Скоропадскаго нашего Генеральнаго Суда въ Державный Сенатъ.

Въ теченіе апрѣля и мая я бралъ уроки украинскаго языка и скорѣ убѣдился въ томъ, насколько

этотъ языкъ богатъ и гибокъ. Конечно, не было еще выработанной научной терминологіи. Это особенно ощущалось цивилистами, при многообразіи терминовъ гражданскаго права и при томъ условномъ, строго ограниченномъ значеніи, которое каждому такому термину должно быть присвоено. Куда проще обстояло дѣло въ этомъ отношеніи съ ограниченной и не столь сложной терминологіей уголовнаго права, какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго¹⁾.

Общія Собранія Генеральнаго Суда происходили очень часто. Работы было очень много, какъ организационной, такъ и чисто судебной. Одновременно шла лихорадочная работа въ Министерствѣ Юстиціи по учрежденію комиссій для перевода законовъ на украинскій языкъ. Дѣйствующими законами, впредь до выработки собственнаго законодательства, были признаны законы Россійской Имперіи, со всѣми позднѣйшими измѣненіями и новеллами Временныхъ Правительствъ, поскольку они не впадали въ противорѣчіе съ новымъ строемъ украинскаго государства.

Совмѣстная напряженная работа и дружескія, интимныя отношенія, установившіяся между членами Генеральнаго Суда, останутся навсегда въ памяти насъ всѣхъ, судей перваго призыва.

Прокурорскій надзоръ, представленный покойнымъ украинскимъ судебнымъ дѣятелемъ и писа-

¹⁾ Примѣчаніе: Тѣмъ, кто отрицаетъ существованіе самостоятельнаго украинскаго языка, рекомендуется ознакомиться съ «Запиской Императорской Академіи Наукъ» отъ 20 февраля 1906 года. Академія устанавливаетъ, что украинскій языкъ отнюдь не представляется нарѣчіемъ русскаго языка, и что онъ есть отдѣльный славянскій языкъ, равно какъ и украинскій народъ не есть отрасль русскаго народа, а является самостоятельной славянскою народностью.

телемъ Марковичемъ, покойнымъ Вязловымъ, бывшимъ членомъ 1-ой Государственной Думы, и Тихомировымъ — способнымъ и весьма свѣдущимъ юристомъ — составлялъ вмѣстѣ съ нами одну тѣсную семью. И не ощущалось никакого диссонанса въ томъ, что всѣ они говорили по украински, я-же одинъ отвѣчалъ имъ по русски. . . Но я уже освоился съ украинскимъ языкомъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы все понимать. Особенно красиво звучала украинская рѣчь въ устахъ С. П. Шелухина, пламеннаго оратора и одного изъ лучшихъ знатоковъ языка.

Тѣсное общеніе дѣлало свое дѣло, создавались взаимное пониманіе, довѣріе и глубокія симпатіи.

Въ составѣ канцеляріи Генеральнаго Суда были знатоки украинскаго языка. Они охотно переводили на украинскій языкъ изготовляемые мною рѣшенія.

Тѣмъ не менѣе вопросъ о языкѣ былъ для меня такой-же личною драмой, какъ и для всѣхъ тѣхъ, кто привыкъ съ дѣтства говорить, писать и думать на русскомъ языкѣ. Для меня было ясно, что никогда мнѣ не удастся достигнуть того совершенства въ знаніи украинскаго языка, которое дано только тѣмъ, кто впитываетъ въ себя каждый данный языкъ въ дѣтскіе или очень молодые годы. И только сознание, что на украинскомъ языкѣ говорить все крестьянское населеніе, т. е. подавляющее большинство населенія Украины, то море, среди котораго мы, жители городовъ, жили, заставляло примириться съ личными лишеніями и неудобствами, связанными съ этимъ вопросомъ.

Одновременно назрѣвала для меня другая личная драма, связанная съ моимъ уходомъ въ іюнѣ 1918-го года изъ состава трудовой народно-соціалистической

партіи. Тяжело было разставаться съ партіей, во главѣ которой стояли Пѣшеоновъ и Мякотинъ . . . Но этого требовало отъ меня сознание моего долга, какъ еврея и уроженца Украины. И я послалъ заявленіе въ Центральный Комитетъ о моемъ выходѣ изъ Комитета и партіи.

Въ предыдущемъ изложеніи я не останавливался на всѣхъ тѣхъ событіяхъ, которыя являются общеизвѣстными или получили уже свое надлежащее освѣтленіе въ печати. Къ такого рода общеизвѣстнымъ фактамъ относится вопросъ о персонально-національной автономіи и его разрѣшеніи Центральной Радою, о министерствахъ для защиты правъ меньшинствъ и т. д.

По весьма важному вопросу о выборахъ въ Украинское Учредительное Собрание у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, подробныхъ матеріаловъ. И я ограничусь лишь установленіемъ того факта, что на этихъ выборахъ украинскіе списки повсюду, за исключеніемъ, конечно, лишь большихъ городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ, получили еще болѣе подавляющее количество голосовъ (отъ 80 до 90%), чѣмъ на выборахъ во Всероссийское Учредительное Собрание.

Не вижу необходимости останавливаться и на подробностяхъ переворота, который былъ совершенъ германскимъ военнымъ командованіемъ, распустившимъ Центральную Раду и передавшимъ власть гетману Скоропадскому. Къ тому-же я былъ въ моментъ этого переворота лишь судьей и еще не вступилъ въ ряды украинской партіи социаль-федералистовъ, а потому не стоялъ еще столь близко къ этимъ событіямъ, чтобы считать свое сужденіе о нихъ въ достаточной мѣрѣ компетентнымъ.

Скажу лишь, что позиція бойкота, занятая всѣми украинскими партіями по отношенію къ свершившемуся факту, представлялась мнѣ ошибочною. Прямой отказъ лѣвыхъ украинскихъ партій отъ участія въ правительствахъ и колебанія среднихъ группъ (соціалъ-федералистовъ) привели къ тому, что и Скоропадскій, и германское верховное командованіе стали искать опоры въ россійскихъ политическихъ партіяхъ. И хотя въ первомъ кабинетѣ и оказались Василенко и Чубинскій, весьма близкіе украинскимъ кругамъ своимъ прошлымъ, но они являлись въ это время представителями всероссійской партіи народной свободы, въ рядахъ которой даже вопросъ о федераціи былъ еще весьма спорнымъ для большинства партіи.

Въ концѣ іюня, какъ уже упоминалось выше, я вошелъ въ составъ партіи соціалъ-федералистовъ и былъ кооптированъ въ центральный комитетъ партіи.

Въ этой партіи былъ сосредоточенъ весь цвѣтъ украинской интеллигенціи. Достаточно назвать имена Ефремова, Стебницкаго, Никовскаго, Прокоповича, Шульгина, Саликовскаго, Лотоцкаго, уже покойныхъ теперь Шрага, Матушевскаго и Вязлова. Ефремова справедливо называли «совѣстью партіи»; живой, остроумный и реально-мыслящій Никовскій являлся, по чьему-то мѣткому выраженію, движущимъ нервомъ партіи. Въ лицѣ Маціевича партія имѣла лучшаго знатока земельного вопроса на Украинѣ. Вскорѣ послѣ меня вступилъ въ ряды партіи М. А. Славинскій, извѣстный въ общерусскихъ и украинскихъ кругахъ своей литературной и общественной дѣятельностью, многолѣтній сотруд-

никъ покойнаго М. М. Ковалевскаго по редактированію «Вѣстника Европы». Въ составъ Комитета входилъ также профессоръ М. И. Туганъ-Барановскій, впоследствии столь безвременно сраженный грудной жабой.

Я называлъ имена, наиболѣе извѣстныя и популярныя не только на Украинѣ, но и среди всероссійской интеллигенціи. Всѣ остальные члены Комитета были такими-же стойкими и закаленными общественными и политическими дѣятелями.

Засѣданія Комитета происходили два раза въ недѣлю. Почти всегда являлся весь составъ Комитета.

Къ назначенному часу всѣ были на лицо, опозданія наблюдались въ исключительныхъ случаяхъ. Въ тѣхъ условіяхъ россійской дѣйствительности, въ которыхъ мы всѣ были воспитаны, это было нѣчто неожиданное и новое, всецѣло напоминающее нравы Западной Европы. Но и по своему внутреннему содержанию засѣданія носили весьма дѣловой и серьезный характеръ. Всѣ говорили весьма сжато, коротко, безъ всякой реторики. С. А. Ефремовъ великолѣпно велъ засѣданія и былъ настоящій предсѣдатель, въ полномъ смыслѣ этого слова. То-же самое можно сказать и о товарищѣ предсѣдателя, А. В. Никовскомъ, который въ то время часто велъ засѣданія, замѣняя хворавшаго Ефремова. Правда, Никовскій иногда проявлялъ уже излишнюю рѣзкость въ гильотинированіи преній, но большей частью это было на пользу самому дѣлу и никто на него не обижался.

Засѣданія тянулись обыкновенно не болѣе 2-хъ часовъ. Рѣшенія принимались по вопросамъ повѣстки

почти всегда въ томъ-же засѣданіи, причемъ рѣдко пренія не приводили къ единодушнымъ выводамъ. Люди быстро понимали другъ друга, никто не проявлялъ задора и амбиціи въ отстаиваніи своего мнѣнія и охотно отказывался отъ него, если другіе представляли серьезные аргументы, убѣдительные и для него. Вообще, не было мелкихъ личныхъ счетовъ, болѣзненного самолюбія и соревнованія, столь часто встрѣчавшихся въ политическихъ организаціяхъ того времени.

Объяснялось все это отчасти тѣмъ, что большинство членовъ комитета, какъ и вообще большинство членовъ партіи, были люди уже не первой молодости. Но главная причина заключалась въ ихъ высокомъ нравственномъ уровнѣ, въ обаяніи личности предсѣдателя и въ органическомъ отвращеніи социаль-федералистовъ ко всякой демагогіи. — Конечно, такая партія не могла имѣть успѣха въ бурные дни революціи. Въ періодъ-же гетманства она сама отказалась отъ власти.

Лишь въ послѣдствіи, незадолго предъ возстаніемъ, социаль-федералисты согласились войти въ коалиціонное правительство, дни котораго были сочтены . . .

Какъ извѣстно, гетманское правительство перваго состава отмѣнило институтъ персонально-національной автономіи. Когда составилось коалиціонное правительство съ участіемъ социаль-федералистовъ въ качествѣ довольно внушительнаго меньшинства, нашъ комитетъ, по инициативѣ А. В. Никовскаго, единогласно постановилъ войти въ правительство съ предложеніемъ о возстановленіи дѣйствія закона о

персонально-національной автономіи. Правительство уже не успѣло рассмотреть это предложеніе, такъ какъ вскорѣ разыгралось возстаніе противъ гетмана и гетманскаго режима.

Какъ человѣкъ совершенно новый въ украинскомъ движеніи, я зналъ близко въ описываемое время только свою партію. Правда, и во всѣхъ остальныхъ группировкахъ были люди, извѣстные мнѣ по встрѣчамъ на выборахъ, либо по политическимъ процессамъ, были также между ними и хорошіе знакомые. Но я, напримѣръ, не только не зналъ въ то время С. В. Петлюру, но даже никогда его не видѣлъ, т. к. онъ жилъ въ послѣдніе годы въ Москвѣ. Первая моя бесѣда съ нимъ состоялась значительно позже, въ ноябрѣ 1919 года, а еще ближе я узналъ его лишь въ декабрѣ 1920-го года, во время моего трехдневнаго пребыванія въ Тарновѣ.

Съ В. К. Винниченко я встрѣтился впервые осенью 1918-го года, въ редакціи «Новой Рады». Но эта встрѣча была случайная, мы познакомились и обмѣнялись лишь нѣсколькими обычными словами.

Изъ остальныхъ лидеров украинской социаль-демократической партіи я зналъ близко еще со времени выборовъ въ 1-ую Государственную Думу Чеховскаго и Левицкаго (по дѣлу лубенской обороны). Съ Мазепой и Шадлуномъ я встрѣтился значительно позже. Что-же касается Порша, Мартоса и Матюшенко, то я тогда только-что съ ними познакомился.

Изъ украинскихъ социалистовъ-революціонеровъ я зналъ лишь Грушевскаго и его молодого даровитаго сотрудника, Н. И. Шрага. Уже впоследствии, за границей, я познакомился съ Чечиллемъ, который съ первой-же встрѣчи произвелъ на меня хорошее

впечатлѣніе чистотою своихъ молодыхъ, утопическихъ, но искреннихъ убѣжденій.

Вообще-же въ партіи украинскихъ социаль-революціонеровъ, за исключеніемъ маститаго Грушевскаго, этого стараго идеолога украинскаго движенія и выдающагося европейскаго ученаго, была представлена по большей части украинская молодежь, еще не успѣвшая окончательно опредѣлиться и впервые выступившая на арену широкой политической дѣятельности. Тѣмъ не менѣе почти все крестьянство шло въ то время за ними. Эта популярность партіи была, конечно, результатомъ работы десятковъ лѣтъ русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, или, какъ они назывались раньше, партій «Земли и Воли» и «Чернаго Передѣла».

Изъ партіи самостійниковъ я зналъ примаыкавшаго къ ней генерала Грекова, съ которымъ привелось ближе познакомиться уже въ Одессѣ, въ февралѣ и мартѣ 1919 года.

Наконецъ, изъ группъ, стоявшихъ правѣе социаль-федералистовъ, я зналъ С. М. Шемета, большого и самоотверженнаго украинскаго патриота. Съ другимъ лидеромъ украинскихъ правыхъ круговъ, В. К. Липинскимъ, я познакомился значительно позже.

Учрежденіе «Державнаго Сената» вновь выдвинуло на первый планъ вопросъ объ языкѣ и вызвало сильное обостреніе этого вопроса. Въ составъ Сената были включены всѣ члены Генеральнаго Суда. Но мы составляли уже меньшинство, такъ какъ количество вновь назначенныхъ сенаторовъ значительно превосходило число членовъ Генеральнаго Суда, избранныхъ Центральной Радою.

Назначеніе сенаторовъ происходило по представленію министра юстиціи М. П. Чубинскаго. Въ своемъ стремленіи привлечь въ украинскій Сенатъ испытанныхъ и опытныхъ російскихъ кассаторовъ изъ состава бывшаго Правительствующаго Сената Чубинскій проявилъ лихорадочную поспѣшность и не сговорился, видимо, съ тѣми, кого пригласилъ, по вопросу объ языкѣ. Какъ онъ объяснялъ впоследствии, онъ былъ увѣренъ, что сенаторы сами понимаютъ предстоящую имъ необходимость взяться за изученіе украинскаго языка, разъ они соглашаются принять назначеніе. Вообще, я не сомнѣваюсь, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ добросовѣстно, но зато весьма неосторожно . . . Онъ думалъ, видимо, что все образуется. Однако, этого не случилось! Выступленія сенатора Носенко и прокурора Лашкарева доставили вскорѣ много тяжелыхъ минутъ самому Чубинскому. Эти выступленія прозвучали, какъ вызовъ украинскому движенію, какъ первый сигналъ назрѣвавшаго поворота въ политикѣ гетмана Скоропадскаго и его окружающихъ . . .

Въ судебныхъ засѣданіяхъ Сената вопросъ объ языкѣ былъ разрѣшаемъ каждымъ сенаторомъ по его личному усмотрѣнію. Наша группа, т. е. бывший составъ Генеральнаго Суда, склонялась къ тому, чтобы рѣшенія изготавлялись на двухъ языкахъ, украинскомъ и русскомъ. Мы предлагали правительству объявить шестимѣсячный или годичный срокъ, въ теченіе котораго сенаторы могли-бы изучить украинскій языкъ. До того времени чины канцеляріи могли-бы переводить рѣшенія, слѣдить-же за точностью перевода могли тѣ изъ насъ, кто владѣлъ украинскимъ языкомъ.

Но правительство медлило съ разрѣшеніемъ этого вопроса. А петербургскіе сенаторы, среди которыхъ были не только выдающіеся юристы, но и весьма порядочные люди, растерялись и не знали, какъ выйти изъ создавагося положенія. Было очевидно, что многіе изъ нихъ поѣхали въ Кіевъ въ добросовѣстномъ заблужденіи, что старый Правительствующій Сенатъ переносится туда на время владычества въ Великороссіи большевиковъ для обслуживанія территории Украины, какъ находящейся внѣ вѣдѣнія Совѣтскаго Правительства. Такое заблужденіе было вполне возможнымъ въ то время, когда Петербургъ былъ настолько отрѣзанъ отъ Кіева. Старые сенаторы были очень опытные юристы, но весьма аполитичные люди. Надъ этимъ, къ сожалѣнію, не призадумался своевременно Чубинскій . . .

Но были среди петербургскихъ сенаторовъ и такіе, какъ Носенко. Этотъ сенаторъ зналъ, что творилъ... Былъ, наконецъ, и такой сенаторъ изъ Петербурга, который хорошо владѣлъ украинскимъ языкомъ и писалъ вначалѣ проекты своихъ рѣшеній на двухъ языкахъ. Но вскорѣ, какъ только выяснилось, что правительство склоняется къ новой оріентаціи, онъ сократилъ свое первоначальное усердіе и ограничивался уже представленіемъ проектовъ на одномъ русскомъ языкѣ.

Мнѣ суждено было попасть въ то отдѣленіе Уголовнаго Кассационнаго Департамента, въ которомъ предсѣдательствовалъ сенаторъ Маньковскій, одинъ изъ ветерановъ Правительствующаго Сената. Онъ не имѣлъ представленія объ украинскомъ языкѣ и писалъ, конечно, только по русски. Но онъ былъ со-

вершенно чуждъ политиканства, готовъ былъ къ изученію украинскаго языка, и даже, кажется, приступилъ къ таковому. И это былъ не единичный случай.

Для насъ, болѣе молодыхъ юристовъ, совмѣстная работа съ такими кассаторами, какъ Маньковскій, была весьма полезною. Сотрудничество съ нимъ было въ то-же время и весьма пріятнымъ, въ виду его образцовой корректности и прямоты его характера.

Глава VIII.

Украинскій національный Союзъ. Директорія. Винниченко.
Въ огнѣ возстанія.

Въ іюлѣ 1918-го года всѣ украинскія политическія партіи пришли къ рѣшенію о необходимости создать Украинскій Національный Союзъ. Въ такомъ объединеніи всѣхъ украинскихъ силъ представлялась тогда насущная необходимость, въ виду возрастающаго съ каждымъ днемъ вліянія общероссійскихъ правыхъ круговъ на германское верховное командованіе и гетмана.

Предсѣдателемъ союза былъ избранъ Винниченко, товарищемъ предсѣдателя — Никовскій. Отъ соц.-федералистовъ былъ также делегированъ въ союзъ и принималъ въ немъ дѣятельное участіе М. А. Кушниръ.

Всѣ переговоры, которые велъ Союзъ съ германскимъ командованіемъ и правительствомъ, не привели къ соглашенію. Пропастъ между обѣими сторонами была уже слишкомъ велика и было очень трудно, а быть можетъ уже и невысказано, столкнуться.

Засѣданія Союза происходили въ условіяхъ полной конспиративности. Даже члены Центральныхъ Комитетовъ политическихъ партій не всегда знали, что обсуждалось и какія рѣшенія принимались въ Союзѣ. И когда Національный Союзъ избралъ Ди-

ректорію и объявилъ возстаніе (ноябрь 1918-го года), это явилось для весьма многихъ неожиданностью.

Въ возстаніи принимали участіе три партіи: украинскіе социалисты-революціонеры, социаль-демократы и самостійники. Изъ представителей этихъ-же трехъ партій составилась Директорія и ея первое правительство.

Партіи центра (соц.-федералисты, трудовики) и правое крыло воздержались отъ участія въ возстаніи. У этихъ группъ не было увѣренности въ успѣхѣхъ возстанія. Съ другой стороны центръ и правые опасались связанныхъ съ нимъ послѣдствій въ видѣ развитія большевизма и всякихъ иныхъ формъ анархіи и потрясеній.

Дѣйствительность показала, что размѣры возстанія и его первые успѣхи превосшли даже ожиданія лѣвыхъ партій. Но зато опасенія относительно послѣдствій возстанія оправдались полностью.

Ставка Директоріи находилась уже въ Фастовѣ, когда въ Кіевѣ все еще шло своимъ нормальнымъ порядкомъ. Державный Сенатъ продолжалъ свои засѣданія. Но было уже ясно, что предстоитъ коренная ломка въ ту или иную сторону, въ зависимости отъ исхода возстанія.

Въ Одессѣ въ это время уже появился французскій консулъ Эно, а въ Яссахъ засѣдали представители державъ Антанты.

Въ комитетѣ партіи социаль-федералистовъ шла усиленная, напряженная работа по выработкѣ плана дѣйствій въ этотъ отвѣтственный моментъ исторіи.

Рѣшено было послать делегацію отъ партіи въ Яссы и Одессу для переговоровъ съ представителями Антанты. Въ составъ делегаціи вошли Маціевичъ,

Прокоповичъ, Феценко-Чоповскій, Ю. Соколовскій и я. Засимъ къ намъ присоединился А. М. Коваленко, вступившій вполсѣдствіи въ партію социаль-федералистовъ.

Нѣмцы были уже въ это время вполнѣ безсильны и заняли, въ общемъ, нейтральную позицію по отношенію ко всему происходящему. Верховное командованіе спѣшно эвакуировало войска изъ Украины, что составляло тогда уже не легкую задачу. Всѣ надежды возлагались на Антанту. Франція и Англія еще до Брестъ-Литовскаго мира фактически признали Украину, какъ самостоятельное государство, и даже прислали въ декабрѣ 1917-го года въ Кіевъ своихъ дипломатическихъ представителей, аккредитированныхъ при украинскомъ правительствѣ (генераль Табуи и консуль Баге). Отъ этихъ двухъ державъ и ждали, главнымъ образомъ, помощи, своимъ вмѣшательствомъ онѣ могли приостановить и крайнюю политику правыхъ россійскихъ группъ, засѣвшихъ въ Кіевѣ, и тотъ неизбѣжный уклонъ въ сторону анархіи, къ которой могло привести и фактически привело возстаніе съ его крайними лѣвыми лозунгами.

Отъѣздъ нашей делегаціи состоялся, кажется, около 20-го ноября. Между Кіевомъ и Фастовомъ уже шли бои и надо было ѣхать кружнымъ путемъ. Мы избрали маршрутъ на Черкассы, по Днѣпру, а засимъ на Бобринскую и т. д.

Черезъ недѣлю предстояло въ Сенатѣ очередное судебное засѣданіе, въ которомъ я былъ однимъ изъ докладчиковъ, и я не считалъ себя въ правѣ, пока я состоялъ еще на службѣ, самовольно освободить себя отъ явки. Но въ Кіевѣ не было уже времени

для споровъ съ упрямымъ Маціевичемъ, который былъ назначенъ главою делегаціи и требовалъ, чтобы я ѣхалъ въ Яссы, угрожая въ противномъ случаѣ «также забастовать» и уклониться отъ поѣздки. Я рѣшилъ, что мнѣ удастся переубѣдить его въ пути, на пароходѣ. И дѣйствительно, мои соображенія были приняты во вниманіе при распредѣленіи нашихъ ролей. Рѣшено было, что въ Яссы поѣдутъ Маціевичъ, Прокоповичъ, Соколовскій и Коваленко, а на Фещенко-Чоповскаго и на меня возложили менѣе продолжительную и менѣе отвѣтственную поѣздку въ Одессу.

Возстаніе еще не докатилось до Днѣпра. Наше плаваніе прошло вполне благополучно.

Въ Черкассахъ мѣстные партійные товарищи сообщили намъ о томъ, что на станціи Бобринской (около часу ѣзды поѣздомъ отъ Черкассъ) уже образовался повстанческій комитетъ, который не только не окажетъ препятствій нашей поѣздкѣ, но даже будетъ ей содѣйствовать. Но и мы, въ свою очередь, не представляли себѣ основаній, по которымъ повстанческій комитетъ сталъ-бы чинить намъ затрудненія, въ виду нейтральнаго отношенія нашей партіи къ возстанію.

Не успѣлъ, однако, поѣздъ прибыть на станцію Бобринская, какъ тотчасъ-же нашъ вагонъ окружили солдаты и мы оказались запертыми. Засимъ вагонъ безъ всякаго объясненія причины былъ отцѣпленъ и увезенъ на запасный путь, недалеко отъ станціи. Время было позднее, около 10 часовъ вечера, освѣщеніе въ вагонѣ весьма тусклое, а на запасномъ пути, гдѣ мы стояли, оно совсѣмъ отсутствовало. Все это было весьма загадочно, становилось даже нѣсколько жутко . . . Наконецъ, къ намъ въ вагонъ вошло

нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ винтовками. Начался допросъ о томъ, кто мы, куда и зачѣмъ ѣдемъ. Засимъ насъ вывели изъ вагона на полотно желѣзной дороги, навели на насъ винтовки. Оказалось, что насъ пока собираются не разстрѣлять, а только лишь обыскать. Маціевичъ проявлялъ наибольшее хладнокровіе и продолжалъ даже съ поднятыми руками курить свою папиросу. Вообще, юморъ не покидалъ насъ въ эти жуткія минуты, а папироса Маціевича привела въ веселое настроеніе даже нашихъ грозныхъ стражниковъ . . .

Послѣ безрезультатнаго обыска (оружія при насъ, мирныхъ «эсефахъ», конечно, не оказалось) насъ повели на станцію и разрѣшили направиться уже безъ стражи въ буфетъ. Мы думали, что насъ окончательно освободили, и занялись чаепитіемъ и разспросами о поѣздахъ, идущихъ въ направленіи Яссы и Одессы. Но вскорѣ насъ вновь пригласили въ нашъ вагонъ и здѣсь намъ объявили, что «именемъ Директоріи и главнаго атамана Петлюры» мы арестованы и будемъ препровождены подъ стражей въ Фастовъ. Мы рѣшили, что повстанческій комитетъ снесся по телеграфу съ Директоріей и получилъ соотвѣтственные указанія. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Но если даже насъ желали увидѣть въ Ставкѣ, то къ чему былъ этотъ арестъ и стража? Мы всѣ довольно добродушно дѣлились нашими недоумѣніями, за исключеніемъ Маціевича, у котораго юморъ смѣнился гнѣвнымъ настроеніемъ. И долго еще раздавалось въ вагонномъ полумракѣ его ворчаніе, пока, наконецъ, всѣ заснули.

Часамъ къ 11-ти утра спеціальнй паровозъ доставилъ насъ въ Фастовъ. Опять оцѣпили нашъ вагонъ

солдаты, но на сей раз не надолго. Снова намъ объявили ту-же торжественную формулу ареста, но на сей разъ все это продолжалось нѣсколько минутъ, безъ поднятія рукъ вверхъ и безъ обыска. Намъ предложили выйти изъ вагона. Маціевича повели прямо къ Директоріи, а насъ подвергли заключенію въ одномъ изъ вокзальныхъ помѣщеній. Черезъ 15—20 минутъ мы были объявлены «именемъ Директоріи и главнаго атамана» свободными и насъ пригласили прослѣдовать въ тотъ вагонъ, гдѣ засѣдала Директорія.

У самага вокзала стояло 3 или 4 вагона, въ которыхъ размѣстилась Директорія и ея канцелярія. Въ одномъ изъ нихъ мы застали за большимъ рабочимъ столомъ Винниченко, Швеца, Андріевскаго, и Маціевича.

Петлюра былъ въ это время на фронтѣ. Макаренко, кажется, еще не входилъ тогда въ составъ Директоріи.

Послѣ обычныхъ привѣтствій Винниченко принесъ намъ извиненія и объясненія по поводу нашего ареста. Оказывается, что фамилія Коваленко, названная въ числѣ прочихъ въ запросной телеграммѣ изъ Бобринской о томъ, какъ съ нами поступить, вызвала большія сомнѣнія и тревогу у Директоріи. Дѣло въ томъ, что среди лицъ, которыхъ считали близкими къ гетману, былъ членъ партіи хлѣборобовъ — собственниковъ, однофамилецъ нашего Коваленко. Явилось подозрѣніе, что этотъ хлѣборобъ-собственникъ, въ сообществѣ съ нами, «эсефами», ѣдетъ къ Антантѣ въ качествѣ депутаціи отъ гетмана. Когда-же Маціевичъ разъяснилъ Директоріи недоразумѣніе, Винниченко, лично и близко знавшій

А. М. Коваленко въ годы ихъ совмѣстныхъ заграничныхъ эмигрантскихъ скитаній, отдалъ немедленное распоряженіе о нашемъ освобожденіи.

Засимъ Маціевичъ изложилъ цѣль нашей поѣздки. Винниченко заявилъ послѣ этого, что Директорія поѣздкѣ не будетъ препятствовать. Во время бесѣды часто раздавались телефонные звонки. Аппаратъ висѣлъ въ томъ-же вагонѣ, Винниченко лично подходилъ на всѣ вызовы. Каждый разъ онъ дѣлился съ нами поступающими сообщеніями о взятіи той или иной позиціи или деревни. Сраженія шли уже около Жулянь, въ 12 верстахъ отъ Кіева. «На дняхъ возьмемъ Кіевъ», обратился къ намъ Винниченко, «оставайтесь съ нами, все равно вы наши будущіе министры». Въ мягкой формѣ, но рѣшительно, мы отклонили это предложеніе, вѣрные постановленію нашей партіи и нашему личному рѣшенію не принимать прямого, активного участія въ возстаніи.

Возможно, что мы сдѣлали тогда большую, неправимую ошибку. Быть можетъ, слѣдовало остаться съ Директоріей и помочь этимъ смѣлымъ, отважнымъ людямъ въ ихъ трудномъ, опасномъ дѣлѣ, а главное — повліять на нихъ и не допустить того безконечнаго «равненія на лѣво», которое началось вскорѣ послѣ этой нашей встрѣчи.

Трудно и даже невозможно сейчасъ разрѣшить этотъ вопросъ . . .

Изъ наличнаго состава Директоріи говорилъ все время одинъ Винниченко. Съ Швецомъ я тогда впервые познакомился. Съ Андріевскимъ я встрѣчался раньше въ консультаціи кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ, но зналъ его очень мало. Въ качествѣ присяжнаго повѣрен-

наго онъ не приковывалъ къ себѣ вниманія. Его считали специалистомъ по крестьянскимъ земельнымъ дѣламъ. Выглядѣлъ онъ всегда угрюмо и непривѣтливо. Но за этой угрюмостью и нелюдимостью чувствовался сильный и упорный характеръ.

Наоборотъ, проф. Швець произвѣдиль впечатлѣніе добродушнаго и прямого человѣка. Но сразу-же было ясно, что ни онъ, ни Андріевскій не являются движущей пружиною возстанія. Душою возстанія были Винниченко и Петлюра. Въ ту минуту, въ Фастовѣ, Винниченко держалъ еще всѣ нити въ своихъ рукахъ, онъ былъ еще тогда подлинный вождь движенія. А вся исполнительная часть лежала на бывшемъ въ тотъ день на фронтѣ Петлюрѣ. Это ощущалось нами и въ ставкѣ, несмотря на его отсутствіе.

Выяснилось, что до Одессы уже нельзя было пробраться, т. к. гдѣ-то подъ Бирзулою шли бои съ какими-то полками, оставшимися вѣрными гетману. Точно нельзя было разобратся, какія это были части, но мы уразумѣли, что о поѣздкѣ въ Одессу во всякомъ случаѣ нечего и думать.

Что-же касается пути на Яссы (черезъ Волочискъ), то онъ оказался свободнымъ.

Фещенко-Чоповскій и я рѣшили возвратиться въ Кіевъ. Я предложилъ маршрутъ на Васильковъ-Триполье, имѣя въ виду, что по Днѣпру еще наканунѣ безпрепятственно ходили пароходы, и что мы проберемся изъ Триполья на пароходѣ въ Кіевъ.

Въ ставкѣ еще не знали, что какъ разъ въ этотъ день повстанцы пріостановили пароходное сообщеніе съ Кіевомъ, причѣмъ Триполье и было тѣмъ пунктомъ, гдѣ всѣ пароходы, идущіе какъ снизу, вверхъ по

теченію, по направленію въ Кіевъ, такъ и изъ Кіева, задерживались и дальше не пропускались.

Намъ изготовили бумагу о свободномъ пропускѣ черезъ всю полосу возстанія. Второпяхъ, мы не сообразили, что необходимо взять два отдѣльныхъ пропуска . . . Словно два каторжника, прикованные другъ къ другу общей цѣпью, мы не могли потомъ разлучиться съ Чоповскимъ ни на одну минуту. Правда, насъ связывала, помимо общаго документа, и взаимная симпатія, но все-же мы оказались на все время предстоящаго путешествія уже слишкомъ неразлучными.

Но мы, вообще, еще не подозрѣвали, какими терніями Провидѣніе усѣетъ нашъ путь на Кіевъ. Если-бы мы предвидѣли тогда хотя-бы одну десятую предстоящихъ намъ мытарствъ, мы-бы послушались Маціевича и остальныхъ товарищей, ѣхавшихъ въ Яссы и усиленно насъ приглашавшихъ туда-же. Но я не могъ тогда отлучиться изъ Кіева на долго, а Чоповскій и не имѣлъ особаго желанія ѣхать въ Яссы, и не хотѣлъ оставить меня одного. Вскорѣ я убѣдился, что мнѣ безъ него, дѣйствительно, могло прійтись очень круто.

Мы спѣшили выѣхать засвѣтло, а потому вскорѣ распрощались и сѣли въ воинскій поѣздъ, который шелъ въ Боярку. Въ тотъ-же вечеръ наши попутчики выѣхали специальнымъ поѣздомъ въ Волочискъ и благополучно добрались затѣмъ въ Яссы.

Вагонъ, въ которомъ мы ѣхали, былъ переполненъ повстанцами, ѣхавшими на фронтъ. Среди нихъ были преимущественно крестьяне и нѣсколько молодыхъ интеллигентовъ. Чувствовался большой подъемъ настроенія, вѣра въ правоту возстанія . . . Интели-

генты ругали тѣхъ, кто уклонился отъ участія въ возстаніи. Мелькнули имена Ефремова и Никовскаго . . . Но мы только слушали и считали бесполезнымъ и небезопаснымъ вступать въ споры.

Когда мы подѣхали къ Василькову, уже начинали сгущаться сумерки короткаго и пасмурнаго ноябрьскаго дня. У вокзала не оказалось ни одного извозчика, а итти пѣшкомъ съ чемоданами по пустынному полю до города, отстоящаго на разстояніи 10 верстъ отъ вокзала, было и тяжело, и рискованно. Маленькое-же зданіе вокзала было такъ переполнено и такъ загажено, что негдѣ было не только переночевать, но даже присѣсть.

Мы едва успѣли вскочить обратно въ тотъ-же поѣздъ и прослѣдовали въ Боярку.

Вскорѣ мы очутились въ столь намъ знакомомъ, но на сей разъ неизнаваемомъ «залѣ I—II класса» боярскаго вокзала. Надо было либо простоять всю ночь на ногахъ, либо итти съ чемоданами въ поселокъ и стучаться изъ хаты въ хату, пока не сжалятся и не впустятъ. Чоповскій сначала рѣшительно настаивалъ на первомъ . . . И мы довольно долго простояли у прилавка, бывшаго въ нормальное время буфетною стойкой.

Здѣсь впервые мелькнули въ толпѣ, наводнившей вокзалъ, подозрительныя лица . . . Я часто бывалъ въ свое время въ тюрьмахъ, на свиданіяхъ съ моими подзащитными, мнѣ знакомы были такія лица . . . Лѣзли въ голову нехорошія мысли, становилось очевидно, что къ возстанію начинаютъ присоединяться преступные элементы, почувавшіе близость взятія Кіева и возможностей тамъ пожитья на счетъ добра ближняго . . .

Но это были въ то время еще только единичные случаи, которые тонули въ общемъ могучемъ порывѣ, поднявшемъ и охватившемъ несмѣтныя массы крестьянства и городской молодежи. Эти массы смѣло и бодро шли на защиту завоеваній революціи и независимости Украины, которымъ угрожала, по ихъ убѣжденію, опасность.

Наконецъ, усталость взяла свое и Чоповскій согласился со мною, что надо пуститься въ поиски мѣста для ночлега. Мы нашли сердобольнаго солдата, который взялся помочь намъ, и отправились съ нимъ по направленію къ базарной площади. Сколько мы ни стучались въ нѣсколько домовъ, нигдѣ намъ не отверзлось . . . Жители боялись, очевидно, ночныхъ посѣтителей, и забаррикадировались за совами, ставнями и т. д. . . .

Печально возвращались мы къ вокзалу. Вдругъ, уже у самага вокзала, мелькнулъ въ глубинѣ усадьбы въ оконцѣ дачнаго домика огонекъ. Мы пошли на этотъ огонекъ, и на сей разъ на нашъ стукъ откликнулись. Молодой студентъ-техникъ приютилъ насъ въ своей комнатѣ. Его имя улетучилось изъ моей неблагодарной памяти . . . А вѣдь мы ему были обязаны кровомъ и теплымъ гостепріимствомъ.

Сопровождавшій насъ солдатъ, который тащилъ, по очереди съ нами, наши чемоданы, на-отрѣзъ отказался взять у насъ деньги въ вознагражденіе за его услуги. Такое безкорыстное стремленіе къ оказанію намъ помощи наблюдалось потомъ въ пути среди повстанцевъ не разъ и свидѣтельствовало о приподнято-восторженномъ состояніи умовъ и чувствъ въ эти первыя недѣли возстанія.

«Утро вечера мудренѣе» . . . И мы надумали поутру оставить чемоданы въ Бояркѣ и сдѣлать попытку пробиться на-легкѣ въ Кіевъ черезъ Деміевку, держась вправо отъ линіи боевъ. Оказалось, что это было уже слишкомъ мудро — и вся эта затѣя чуть-было не закончилась для насъ весьма трагически.

Мы набрали на крестьянина, возвращавшагося изъ Боярки въ своей телѣгѣ домой, въ деревню (забылъ, какъ она называется), расположенную недалеко отъ Деміевки. Онъ согласился взять насъ съ собою, но потребовалъ за 7—8 верстъ сто рублей. Мы согласились на эту непомѣрную въ то время плату, что показалось ему, вѣроятно, подозрительнымъ. Доѣхали мы до деревни благополучно. Все время со стороны Жулянъ слышалась канонада.

Нашъ возница пригласилъ насъ къ себѣ въ хату, намъ приготовили чай и ѣду, и мы стали обдумывать дальнѣйшій планъ движенія къ Деміевкѣ.

Между тѣмъ самъ возница куда-то исчезъ. Вскорѣ онъ возвратился въ сопровожденіи коннаго разъѣзда повстанцевъ. Я забылъ упомянуть, что плату за проѣздъ онъ поспѣшилъ взять съ насъ раньше . . . Мы предъявили нашъ пропускъ, но это не произвело никакого впечатлѣнія . . . Съ нами обошлись весьма грубо, объявили насъ арестованными, и повели черезъ всю деревню «въ штабъ». Тамъ, молъ, разберутъ . . .

Насъ привели въ довольно просторный домъ, въ которомъ расположился штабъ. Пришлось ожидать нѣсколько часовъ, пока дошла до насъ очередь. Къ счастью, въ штабѣ оказались люди, хорошо знавшіе Чоповскаго по его выступленіямъ на крестьянскихъ

сѣздахъ. Насъ предупредили, что по дорогѣ къ Деміевкѣ повстанцы не вѣрятъ никакимъ пропускамъ и по первому подозрѣнію разстрѣливаютъ.

Между тѣмъ снова надвигалася тѣма. Мы побрели пѣшкомъ обратно въ Боярку, къ нашему гостепріимному технику и къ нашимъ чемоданамъ.

По дорогѣ насъ дважды останавливали развѣзды. Мы предъявляли нашъ пропускъ съ тревогою . . . Но на сей разъ мы не вызвали подозрѣній, быть можетъ потому, что направлялись въ сторону, противоположную Кіеву.

Едва разсвѣло, какъ я разбудилъ Чоповскаго, и мы рѣшили на сей разъ вернуться къ первоначальному плану, т. е. добраться до Триполья. Во избѣжаніе повторенія исторіи съ доносчикомъ-возницею, мы предпочли на сей разъ продѣлать путь до города Василькова (около 15 верстѣ) пѣшкомъ. Шли лѣсомъ, полями. Черезъ три часа мы были въ Васильковѣ, пообѣдали и стали договариваться съ извозчиками о поѣздкѣ въ Триполье. Но никто изъ нихъ не соглашался ѣхать дальше мѣстечка Обухова (25 верстѣ отъ Василькова), куда можно было добраться до вечера.

Снова конные развѣзды и остановки въ пути, однажды даже съ наведеніемъ револьвера . . . Но имя Фещенко-Чоповскаго, министра при Центральной Радѣ, каждый разъ выручало.

Въ Обуховѣ мы застали на площади несмѣтную толпу народа. Опять куда-то повели, опять разспросы и объясненія. На сей разъ оказались среди офицеровъ-повстанцевъ хорошіе знакомые Чоповскаго и намъ даже дали «казенныхъ» лошадей, телѣгу и надежнаго возницу для путешествія въ Триполье.

Въ Обуховѣ-же я успѣлъ повидаться и перегово-
рить съ мѣстнымъ раввиномъ и представителями
мѣстнаго еврейскаго населенія. Раввинъ снабдилъ
насъ деньгами, т. к. наши средства были на исходѣ,
а опытъ предыдущихъ дней не внушалъ увѣренности
въ томъ, что мы скоро доберемся въ Кіевъ. Еврей-
ское населеніе въ это время еще не имѣло основаній
опасаться погромовъ. На многихъ зданіяхъ и стол-
бахъ въ Обуховѣ (и вообще по пути, по которому мы
ѣхали) были расклеены воззванія Директоріи. Я
самъ читалъ нѣсколько такихъ воззваній и могу
засвидѣтельствовать, что въ нихъ населеніе при-
зывалось къ соблюденію порядка и уваженію къ
чужой жизни и собственности. «Евреи — наши
братья», гласили эти воззванія.

Далѣе, указывалось на всю позорность погромовъ
царскаго времени и на то презрѣніе къ Россіи, кото-
рые они вызывали у другихъ народовъ, и объявлялось
равенство и братство всѣхъ народовъ, населяющихъ
Украину.

Тонъ воззваній былъ убѣдительный, а главное —
они были написаны простымъ, понятнымъ для народа
языкомъ и дышали теплотой и искренностью. Без-
условно, у Директоріи были самыя благія намѣренія
не только предувратить гибельныя для возстанія и
его цѣлей анархію и погромы, но всячески обезпечить
мирное и дружное сожителство всѣхъ народовъ на
началахъ полнаго равенства.

Мѣстечко Триполье расположено весьма живо-
писно на берегу Днѣпра, въ гористой мѣстности.
Часть построекъ разбросана на вершинѣ горъ, часть

— на откосахъ, сбѣгающихъ къ рѣкѣ. По рѣкѣ отъ Кіева до Триполья около 50-ти верстъ, а по прямой линіи — немногимъ больше сорока.

Въ 7—8 верстахъ отъ Триполья, вверхъ по теченію, ближе къ Кіеву, находится дачный поселокъ «Плюты», одно изъ излюбленныхъ мѣстъ лѣтняго пребыванія кіевлянъ.

Мы подъѣхали къ Триполью около 10 часовъ вечера. Въ мѣстечко ведутъ изъ Обухова двѣ или три дороги. Конечно, ни возница, ни мы, не могли знать о томъ, что повстанцы распорядились, чтобы ночью въѣзжали въ Триполье лишь по одной изъ этихъ дорогъ. И мы попали какъ разъ на запретный путь... Лошади неслись во всю, они какъ-бы чувствовали близость конца путешествія, а можетъ быть подгонялъ холодный вѣтеръ...

Вдругъ въ догонку намъ послышались выстрѣлы и крики. Мы остановились и насъ быстро нагналъ казачій разъѣздъ. Стали объясняться. Сошли съ телѣги и пѣшкомъ, снова подъ конвоемъ, направились въ трипольскій штабъ. Наконецъ, на сей разъ въ помѣщеніи штаба оказались уже и мои знакомые изъ числа родственниковъ крестьянъ, которыхъ я защищалъ въ свое время по дѣламъ о самосудахъ, убійствахъ въ дракѣ и т. д. . . .

Насъ встрѣтили очень привѣтливо. Рѣшено было помѣстить насъ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ мѣстечка, у зажиточнаго купца Половинчика. Тутъ же намъ гордо сообщили о томъ, что всѣ пароходы задержаны и отведены въ Плюты, гдѣ находятся подъ охраною разъѣзда казаковъ.

Это былъ тяжелый ударъ... Мы снова были отрѣзаны отъ Кіева.

Но нельзя было даже показать и тѣни неудовольствія. А между тѣмъ повстанцы переоцѣнивали значеніе для нихъ захвата пароходовъ. Было морозно — рѣка должна была остановиться со дня на день и налетѣть на Кіевъ съ Днѣпра, на пароходахъ, уже все равно не могъ осуществиться . . .

Но развѣ въ дни стихійнаго возстанія есть время логически размышлять, взвѣшивать?

Насъ отвели къ Половинчикамъ. Старики-хозяева оказались на рѣдкость милыми и гостепріимными людьми. У нихъ уже поселили нѣсколько человекъ изъ пассажировъ, снятыхъ съ пароходовъ и застрявшихъ поневолѣ въ Трипольѣ, а также эконома или управляющаго имѣніемъ сосѣдняго съ Трипольемъ помѣщика, Орлова, оставшагося намъ потомъ весьма памятнымъ.

Насъ заботливо накормили и уложили спать.

На слѣдующее утро меня навѣстилъ капитанъ одного изъ пароходовъ, находившихся подъ стражей въ Плютахъ. Онъ пришелъ съ утра въ мѣстечко и узналъ отъ жителей, что я нахожусь въ Трипольѣ, у Половинчика. Капитанъ предложилъ Феценко-Чоповскому и мнѣ перебраться къ нему на пароходъ. Но Феценко-Чоповскій считалъ неблагоразумнымъ удаляться такъ далеко отъ трипольскаго штаба, гдѣ насъ знали и гдѣ, казалось, мы были въ безопасности. Пришлось съ нимъ согласиться, о чемъ мы оба на другой день очень пожалѣли . . .

Кажется, былъ воскресный или праздничный день. На площади, на горѣ собралась многотысячная толпа. Священники вышли съ хоругвями, иконами . . .

Народъ приносилъ присягу Директоріи. На другой день около 12 ч. дня поднялась тревога. Все

населеніе мѣстечка стремглавъ бѣжало на самую высокую гору, откуда открывался видъ на Днѣпръ и на далекіе просторы. Взобрались на гору и мы.

Словно бѣлые лебеди, плавно неслись одинъ за другимъ по рѣкѣ, уже значительно выше Плютовъ, пароходы . . . Вспомнились дивныя, трогательныя описанія норвежскихъ писателей о послѣднихъ пароходахъ, покидающихъ передъ наступленіемъ зимы маленькіе норвежскіе города съ замерзающими фіордами.

Скоро все объяснилось. Изъ Кіева, оказывается, пришелъ «бронированный», какъ говорили въ толпѣ, пароходъ. Съ парохода дали залпъ по берегу, послѣ чего казаки, охранявшіе пароходы, разбѣжались. А такъ-какъ, по недосмотру повстанцевъ, всѣ пароходы все время не тушили огня и стояли на парахъ, то все случившееся представлялось яснымъ.

Позже, въ Кіевѣ, я узналъ, что пароходныя общества и частныя пароходовладѣльцы, желая спасти свое имущество, пригласили безработныхъ въ то время нѣмецкихъ солдатъ помочь имъ, и тѣ, за хорошее вознагражденіе, выполнили всю эту операцію.

По рѣкѣ уже шелъ ледъ и для судебъ возстанія было безразлично, гдѣ зазимуютъ эти пароходы — въ Плютахъ или въ Кіевѣ. Но было нѣчто отнюдь не безразличное во всей этой исторіи.

Разнесся слухъ, что выпущеннымъ съ парохода залпомъ раненъ одинъ казакъ. Такъ и не знаю, соотвѣтствовало-ли это дѣйствительности. Но слухъ о пролитой крови пьянилъ и возбуждалъ повстанцевъ.

Тутъ-же вдругъ показался аэропланъ, прилетѣвшій изъ Кіева, и сталъ кружиться надъ мѣстечкомъ . . . Толпа разбѣжалась. Но тревога оказалась напрас-

ной. Аэропланъ вскорѣ улетѣлъ, не бросивши ни одной бомбы.

Въ 5-омъ часу дня мы рѣшили пойти въ штабъ посоветоваться о нашей дальнѣйшей судьбѣ. Когда же Орловъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ, не пойти ли и ему вмѣстѣ съ нами, я, къ сожалѣнію, отвѣтилъ утвердительно.

На большой площади, у здания штаба, кишѣла огромная толпа. Снова въ рядахъ повстанцевъ мелькнули подозрительныя лица. То были, несомнѣнно, представители той накипи, которая стала облипать въ эти дни первоначальное, здоровое ядро, первые кадры возстанія.

Вдругъ отъ толпы отдѣлилось нѣсколько человекъ, которые окружили Орлова и съ криками «кровопійца», «довольно сосалъ мужицкую кровь» и т. д., куда-то его потащили.

Раскаяніе, что я далъ Орлову такой неудачный совѣтъ, а можетъ быть и профессионально создавшаяся привычка правозаступничества, толкнули меня на весьма опрометчивый шагъ — я бросился въ догонку за Орловымъ, вступился за него. Начались угрозы по моему адресу. Но тутъ подоспѣли знакомые изъ штаба. Изъ толпы раздались возгласы — «да это изъ тѣхъ, что ѣхали къ французамъ, это свои, они за насъ». Очевидно вѣсть о делегаціи, побѣхавшей въ Яссы, стала извѣстной и широко распространилась въ Трипольѣ, въ связи съ нашимъ пребываніемъ.

Меня и Фещенко оставили въ покоѣ, Орлова же повели въ зданіе штаба. Это уже было гарантіей, что надъ нимъ не учинять, по крайней мѣрѣ, самосуда. И я уже не жалѣлъ о томъ, что вмѣшался въ это дѣло.

Штабъ долженъ былъ считаться съ толпою и продержалъ Орлова довольно долго въ заточеніи. Объ его освобожденіи я узналъ значительно позже, въ Кіевѣ, отъ него самого.

Наступившая ночь оказалась самой тяжелой, самой страшной частью нашего злополучнаго путешествія. Около 10-ти часовъ вечера въ квартиру Половинчиковъ ввалились три пьяныхъ солдата и потребовали отъ насъ всѣхъ предъявленія документовъ. Особенно долго они разсматривали почему-то мой паспортъ. Въ концѣ концовъ они заявили, что заберутъ его. Тогда Фещенко-Чоповскій прикрикнулъ на нихъ и потребовалъ въ свою очередь отъ нихъ предъявленія ордера отъ штаба на предметъ провѣрки документовъ. Солдаты нѣсколько смутились, паспорта моего не взяли, но, уходя, заявили, что еще возвратятся . . . У меня мелькнула мысль о томъ, не пало-ли на меня подозрѣніе въ прикосновенности къ исторіи съ пароходами. Имя моего отца было въ теченіе 50-ти лѣтъ связано съ днѣпровскимъ пароходствомъ, какъ бывшаго пароходовладѣльца и засимъ безсмѣннаго директора пароходныхъ обществъ. Я также состоялъ одно время юрисконсультомъ пароходныхъ обществъ . . . Часъ отъ часу становилось не легче . . .

Наше положеніе было безвыходное. Усадьба Половинчика находилась довольно далеко отъ штаба. Мирное населеніе уже спало, выйти изъ дому было весьма опасно, такъ какъ можно было попасть въ руки такихъ-же самочинствующихъ бунановъ и грабителей.

Вдругъ послышалось, что къ нашей усадьбѣ подѣхалъ экипажъ или телѣга. Оказалось, что пріѣхалъ

изъ Обухова нашъ знакомый офицеръ, котораго направили на ночлегъ къ Половинчику. Это спасло насъ отъ большой, уже нависавшей опасности. Не успѣли мы раздѣться и лечь, какъ раздался сильный стукъ въ двери. Пьяные солдаты, согласно своимъ угрозамъ, вернулись для продолженія «допроса».

Но офицеръ зналъ, какъ ихъ выпроводить. Въ эти дни престижъ офицера еще сдерживалъ солдата. Пронеслось . . .

Конечно, все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что переживало еврейство въ дни погромовъ. Но я подробно остановился на всѣхъ этихъ происшествіяхъ для характеристики того перелома, который на нашихъ глазахъ уже начинался въ рядахъ возстанія. Назрѣвало разложеніе, анархія, начинались самочинныя дѣйствія, власть ускользала изъ рукъ тѣхъ, кто стояли во главѣ, были руководителями и вдохновителями возстанія.

Часто я вспоминалъ въ послѣдствіи этотъ наглядный примѣръ полного безсилія трипольскаго штаба въ дѣлѣ наблюденія за ночными буянами-повстанцами, а также и беспомощности предъ этими буянами Феценко-Чоповскаго, столь виднаго украинскаго дѣятеля, бывшаго еще такъ недавно министромъ демократическаго правительства.

На другой день мы твердо рѣшили покинуть Триполье. Съ ранняго утра на площади шелъ митингъ. Это намъ дало возможность уѣхать незамѣтнымъ образомъ. Лошадей намъ дали знакомые изъ штаба.

Поѣхали опять на Обуховъ . . . Повстанцевъ въ этотъ день уже не встрѣчали. Очевидно, произошли какія-то передвиженія въ этомъ районѣ. Въ Обуховѣ переночевали. На слѣдующій день перебрались въ

Васильковъ, оттуда — прямо на вокзалъ, а къ вечеру мы были снова въ Бояркѣ въ нашей штабъ-квартирѣ, у того-же разбитаго корыта . . .

Но зато можно было, наконецъ, переоблачиться въ свѣжее бѣлье, т. к. мы снова вернулись къ нашимъ чеходанамъ.

Удаляясь отъ Триполья, мы долго думали о томъ, сколь ужасно положеніе мирныхъ жителей маленькихъ городовъ и мѣстечекъ въ дни возстаній и революціи. Жутко было вспомнить о старикахъ Половинчикахъ, которые столько изъ-за насъ всѣхъ, постояльцевъ, выстрадали — и въ результатѣ остались въ Трипольѣ . . .

На слѣдующій день старая канитель, обсужденіе новыхъ проектовъ движенія на Кіевъ. Въ этотъ же вечеръ мы узнали, что въ Бояркѣ находится нѣмецкій отрядъ, съ майоромъ во главѣ. На слѣдующее утро мы впервые за все это время разстались съ Феценко-Чоповскимъ. Онъ не хотѣлъ пойти со мною къ нѣмецкому майору, отчаявшись въ возможности попасть въ Кіевъ до взятія его повстанцами. Между тѣмъ я возлагалъ большія надежды на нѣмцевъ и не сомнѣвался въ томъ, что они дадутъ намъ во всякомъ случаѣ хорошій совѣтъ и указанія. Мы условились, что Феценко никуда не выйдетъ до моего возвращенія, и я отправился съ нашимъ общимъ пропускомъ къ майору.

Какъ только я назвалъ ему моихъ знакомыхъ изъ состава нѣмецкаго командованія, онъ принялъ живѣйшее участіе въ нашей судьбѣ. Въ этотъ день, съ согласія обѣихъ сторонъ, на линіи Боярка-Святошинъ-Кіевъ было назначено перемиріе, вызванное передвиженіемъ нѣмецкихъ отрядовъ, въ связи съ

эвакуаціей ими України. Майоръ предложилъ намъ отправиться съ четырьмя нѣмецкими солдатами, идущими въ это-же утро черезъ Святошино въ Кіевъ. Я съ радостью принялъ это предложеніе и просилъ познакомить меня съ этими солдатами. Они оказались весьма любезными и стоворчивыми людьми. Черезъ четверть часа мы уже двинулись въ путь и, согласно условію, зашли сначала за Фещенко-Чоповскимъ.

Можно себѣ представить, какъ изумился Фещенко-Чоповскій, когда увидѣлъ меня въ сопровожденіи нѣмцевъ. Нашъ хозяинъ-техникъ острилъ, что мы снова къ нему возвратимся . . . Но на сей разъ онъ ошибся. По дорогѣ насъ остановилъ, и то одинъ только разъ, повстанческій отрядъ, но осмотрѣвъ документы, пропустилъ дальше.

Уже подходя къ Святошину, мы наткнулись на первый сторожевой постъ гетманскихъ войскъ, все еще оборонявшихъ Кіевъ.

Въ составѣ сотряда, охранявшего этотъ постъ, оказался сынъ одного изъ профессоровъ кіевского политехникума, лично знавшій Фещенко-Чоповскаго. У насъ даже не спросили документовъ и мы прослѣдовали съ нашими попутчиками-нѣмцами прямо къ Святошинскому трамваю, который доставилъ насъ въ Кіевъ.

За чемоданами мы послали въ Боярку нарочнаго уже послѣ того, какъ Директорія вступила въ Кіевъ.

Глава IX.

Ожиданія въ Кіевѣ представителей Антанты. Вступленіе Директоріи въ Кіевъ. Правительство и политика Директоріи. Министерство по еврейскимъ дѣламъ.

Еще въ ноябрѣ все населеніе Кіева ожидало со дня на день прибытія въ Кіевъ представителей Антанты. Имя Энo не сходило съ газетныхъ столбцовъ. Телеграммы изъ Одессы часто приводили всякія его заявленія о ходѣ событій. Получалось впечатлѣніе, что Энo представляетъ собою лицо съ неограниченными полномочіями отъ французскаго правительства. И только позже выяснилось, что значеніе Энo было весьма небольшое и что настоящія полномочія были въ рукахъ французскаго военнаго командованія, высадившагося въ Одессѣ въ декабрѣ 1918 года.

Слухи по Кіеву ходили самые нелѣпыя, вплоть до утвержденія, что въ Одессу прибылъ дипломатическій представитель Америки съ большимъ штабомъ и что эти граждане Соединенныхъ Штатовъ направляются въ Кіевъ. А французовъ и англичанъ многіе даже «видѣли собственными глазами» на кіевскомъ вокзалѣ.

Такъ и остается по сей день непонятнымъ, почему въ этихъ ожиданіяхъ были забыты итальянцы, ближайшіе изъ великихъ державъ сосѣди Украины со

стороны Чернаго моря. Но фактъ таковъ, что обывательская фантазія облюбовала французовъ, англичанъ и американцевъ. Готовились даже депутаціи къ ихъ встрѣчѣ, писались привѣтственные адреса . . .

Большинство кіевскаго населенія сознавало всѣ опасности гражданской и междуусобной войны въ эти дни разбушевавшихся страстей. И вполне понятно, что мирный обыватель, который больше думаетъ о себѣ и своемъ благѣ, нежели о судьбахъ грядущихъ поколѣній, съ уходомъ нѣмцевъ сталъ побаиваться за себя и за свою судьбу. Справедливость требуетъ признанія, что въ теченіе всей нѣмецкой оккупаціи Украины въ городахъ и мѣстечкахъ наблюдался образцовый порядокъ, жизнь и имущество находились въ полной безопасности. Правда, нелегко приходилось зато деревнѣ, у которой нѣмцы реквизировали хлѣбъ, скоть и т. д. Но и для деревенскаго населенія это былъ еще рай въ сравненіи съ тѣмъ, что уже происходило въ то время въ Велико-россиі.

Боязнь большевистскаго нашествія съ сѣвера, растерянность гетманскихъ войскъ въ обложенномъ со всѣхъ сторонъ повстанческими войсками Кіевѣ, неизвѣстность окончательнаго исхода борьбы — такова была сгущенная атмосфера, которая нависла въ ноябрѣ и въ первой половинѣ декабря надъ Кіевомъ.

Неудивительно, если всѣ взоры мирнаго городского населенія обращались къ Одессѣ, если такъ пламенно ждали изъ-за моря варяговъ . . .

Но варяги не являлись . . .

Между тѣмъ въ Кіевѣ начиналось разложеніе среди войскъ, оборонявшихъ городъ. На окраинахъ по ночамъ уже нельзя было показываться, особенно

евреямъ. Сталъ безудержно выявляться антисемитизмъ добровольческихъ частей, къ защитѣ коихъ прибѣгло гетманское правительство, все учащались случаи избіенія евреевъ въ глухихъ и малонаселенныхъ мѣстахъ города, ограбленіе квартиръ.

14-го декабря гетманъ подписалъ отреченіе и скрылся изъ Кіева.

Вскорѣ въ Кіевъ вошли побѣдоносныя войска Директоріи, а вслѣдъ затѣмъ состоялся торжественный въѣздъ и восторженная встрѣча населеніемъ самой Директоріи.

Горячую, задушевную рѣчь отъ имени еврейской общины произнесъ при этой встрѣчѣ Н. С. Сыркинъ. Энтузіастъ возрожденія еврейскаго народа, онъ понималъ тождественныя стремленія Украины къ свободному національно-государственному существованію. Увы, этотъ праздничный день мирнаго ликования, къ которому такъ искренно пріобщился Сыркинъ и его единомышленники, оказался для него роковымъ. Онъ простудился, слегъ, и вскорѣ его не стало.

Правительство Директоріи составилось изъ представителей трехъ партій, принимавшихъ участіе въ возстаніи. Премьеръ-министромъ былъ назначенъ В. М. Чеховскій. Онъ-же взялъ на себя портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Вообще, главными руководителями судебъ Украины оказались на сей разъ украинскіе соціаль-демократы. Глава Директоріи и глава арміи, Винниченко и Петлюра, принадлежали къ составу этой партіи.

Вскорѣ сталъ опредѣляться основной тонъ политики Директоріи. Винниченко шелъ быстрыми, безудержными шагами влѣво. Въ этомъ его усиленно

поддерживалъ Чеховскій, который со времени выборовъ въ 1-ую Государственную Думу сохранилъ еще всю свѣжесть молодой вѣры въ возможность немедленнаго переустройства міра на социалистическихъ началахъ.

О Петлюрѣ, напротивъ, утверждали, что онъ представляетъ собою правое крыло партіи и склоняется къ совмѣстной работѣ и соглашенію съ буржуазіею. Но онъ былъ въ то время всецѣло поглощенъ работой по арміи и, видимо, не игралъ руководящей роли въ политикѣ Директоріи и правительства.

Появились воззванія Директоріи съ выпадами противъ буржуазіи. Этотъ открытый походъ противъ буржуазнаго строя привелъ къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Стали печататься и распространяться, отъ имени штаба какой-то военной организаціи, прокламаціи, въ которыхъ общее понятіе буржуазіи уже дополнялось поясненіями, что въ ея составъ входятъ главнымъ образомъ національныя меньшинства — великороссы, евреи и поляки. Это уже было прямымъ разжиганіемъ не только классовой, но и національной вражды.

Затѣмъ началось насильственное перекрашиваніе вывѣсокъ. Ефремовъ въ «Новой Радѣ» и другіе трезвые украинскіе политики тщетно протестовали противъ этихъ крайнихъ, недопустимыхъ выявленій шовинизма. Вскорѣ послѣдовали обыски сейфовъ, выемки золота и драгоценностей, эти первые финансовыя опыты молодого социалистическаго правительства.

Весь этотъ максимализмъ, быстрота и натискъ, отшатнули отъ Директоріи буржуазныя слои населенія, а таковыя составляли большинство населенія

Кіева. Между тѣмъ, при болѣе умѣренной и спокойной политикѣ, Директорія могла найти поддержку всего городского населенія. Крестьянство-же очень мало интересовалось походомъ Министра Финансовъ на кіевскихъ ювелировъ и ждало разрѣшенія земельного вопроса.

Итакъ, Директорія и правительство рѣшили рѣзко отмежеваться отъ буржуазіи и строить государство лишь силами социалистическихъ партій и пролетаріата. Но это было уже почти той-же программой максимумъ, какъ и программа большевиковъ. Впрочемъ, Винниченко къ этому и стремился, но онъ хотѣлъ провести грань между московскимъ большевизмомъ и своей программой на почвѣ вопроса о самостоятельномъ и независимомъ существованіи Украины. Кромѣ того, онъ вѣрилъ еще въ то время, что Директоріи удастся сохранить всю полноту власти и не допустить тѣхъ безобразій и того ужаса, въ которые уже вылился тогда совѣтскій режимъ.

То былъ заколдованный кругъ. Нельзя было въ одно и то-же время и противопоставлять себя большевизму, и воспринимать почти цѣликомъ его программу. Винниченко переоцѣнилъ и свои собственные силы, и силу движенія. Надо было остановиться на одномъ изъ двухъ: либо строить Украину по образу и подобию уже существующихъ въ Западной Европѣ и Америкѣ демократическихъ государствъ, либо объявить себя сторонникомъ совѣтской системы, отказаться отъ общенія съ буржуазной Западной Европой и договориться съ Москвой о раздѣленіи сферъ власти.

Но Винниченко былъ не только горячій украинскій патріотъ. Онъ унаслѣдовалъ отъ общерусской куль-

туры самую характерную черту російской интеллигенціи — ея вѣру въ мессіанское назначеніе Россіи. Винниченко перенесъ эту вѣру на свою родную почву. Онъ ждалъ, что украинскій народъ явитъ всему чело-вѣчеству чудо и вынесетъ на своихъ плечахъ бремя устроенія своего государства на социалистическихъ началахъ. Въ возможность такого чуда искренно вѣрилъ и Чеховскій, въ которомъ причудливо соче-талось богословско-мистическое міросозерцаніе съ его преданностью социаль-демократической догмѣ.

А между тѣмъ всякое большое народное движеніе только тогда достигаетъ намѣченныхъ цѣлей, когда таковыя являются вполне ясными и не очень слож-ными для воспріятія. Лозунги должны быть крат-кими, сжатыми и по формѣ, и по содержанію. «Боль-шевизмъ — это значитъ не воевать», вспоминались мнѣ лаконическія изреченія солдатъ на выборахъ въ черниговской губерніи. А тутъ звали народъ на одновременное осуществленіе и національныхъ, и социалистическихъ идеаловъ въ ихъ сложномъ взаим-номъ переплетеніи, надуманномъ кабинетными людь-ми, но весьма неясномъ и туманномъ для челоуѣка отъ плуга или станка, для огромной массы крестьян-ства, рабочихъ, мелкихъ городскихъ ремесленниковъ — словомъ, для всѣхъ тѣхъ, кто не причислялся тогда къ буржуазіи.

Вскорѣ Директорія и правительство почувство-вали всю тяжесть взятаго ими на себя бремени. Кон-кретная цѣль возстанія была достигнута, гетманъ низложенъ, Кіевъ взятъ. Лучшіе элементы повстан-ческой арміи стали расходиться по домамъ. Тѣ-же, кто шелъ ради наживы и грабежа, были весьма разочарованы . . . Впослѣдствіи они нашли себѣ

примѣненіе и запятнали доброе имя первоначальнаго состава украинской арміи звѣрскими погромами евреевъ, грабежомъ, убійствами и издѣвательствами..

Въ Одессѣ въ это время наблюдалось мирное сожителство представителей Антанты съ русской добровольческой арміей. Антанта проявляла полное безразличіе къ идейной сторонѣ украинскаго движенія. Французы какъ-бы окопались въ Одессѣ и ея окружности и не проявляли признаковъ дальнѣйшаго продвиженія. А на сѣверѣ накоплялись большевистскія тучи, готовыя разразиться надъ Украиной . . .

Тогда, наконецъ, призадумались. За бортомъ государственнаго корабля оказались почти всѣ умственныя силы Украины, Директорія осталась въ одиночествѣ съ небольшою горсточкой людей, способныхъ къ государственной работѣ, изъ числа «трехъ партій, принимавшихъ участіе въ возстаніи».

Начались переговоры Директоріи и правительства съ партіями центра. Въ министерствахъ, въ центральныхъ учрежденіяхъ и на мѣстахъ не хватало опытныхъ людей. Надо было организовать представительство за границей, послать миссіи во всѣ государства.

Однако, и въ это время рѣшено было искать сотрудничества «справа» лишь для чисто техническихъ заданій. Общій-же курсъ и направленіе должны были оставаться прежними. Рѣчь шла, въ первую очередь, о должностяхъ товарищей министровъ, директоровъ департаментовъ и т. д. . . .

Съ другой стороны, Директорія понимала, что партіи центра и не согласились-бы взять на себя отвѣтственность за продолженіе той-же политики и

поставили-бы, въ качествѣ условія своего вхожденія въ кабинетъ, требованіе о самой коренной и радикальной перемѣнѣ всей системы, всего режима.

«Оказаніе технической помощи» началось съ назначенія Фещенко-Чоповскаго въ качествѣ тов. министра торговли и промышленности. Засимъ, въ связи съ предстоявшею посылкой за границу дипломатическихъ миссій, возникъ вопросъ о назначеніи меня тов. министра иностранныхъ дѣлъ и о моей поѣздкѣ за границу.

Наша партія стала на ту точку зрѣнія, что серьезность момента обязываетъ всѣхъ насъ къ оказанію Директоріи посильной помощи, хотя-бы на первыхъ порахъ и чисто технической. Но помимо сего было ясно, что фактически сдвигъ въ первоначальной позиціи Директоріи уже наступилъ и что за первымъ шагомъ вправо послѣдуютъ дальнѣйшіе.

Лично мнѣ дѣятельность въ области внѣшней политики представлялась чрезвычайно важной въ смыслѣ возможности контакта съ Западной Европой и ея вліянія на ходъ событій. Я принадлежалъ, въ этомъ отношеніи, къ той средѣ мирныхъ обывателей, которые одинаково боялись и опытовъ російскихъ реставраторовъ, и опытовъ нашего кустарнаго социалистическаго движенія. И если старые призраки царской Россіи съ ея погромами были еще столь свѣжими въ моей памяти, то и тѣ миражи, которые уже смутно вырисовывались тогда на горизонтѣ прямого и безудержнаго устремленія къ социалистическому строю, заставляли крѣпко задуматься . . . А когда въ Конотопѣ и Бахмачѣ солдаты произвели примѣрную экзекуцію несчастныхъ пассажировъ-евреевъ, имѣвшихъ дерзость ѣхать въ поѣздахъ по

своимъ буржуазнымъ дѣламъ, то стало еще яснѣе, какіе результаты можетъ дать «радикальная ломка буржуазнаго строя».

Быть можетъ я переоцѣнивалъ въ то время значеніе помощи, которую могла оказать Украинѣ Западная Европа. Фактъ тотъ, что безъ вмѣшательства и вліянія Европы я не представлялъ себѣ возможности избѣжанія продолжительнѣйшей внутренней, гражданской войны. Но уже и для того только, чтобы отвратить нашествіе большевиковъ съ сѣвера, помощь со стороны Антанты была крайне необходимой.

Я поставилъ вопросъ о моей кандидатурѣ на обсужденіе моихъ товарищей по центральному комитету еврейской территоріалистской организаціи. Рѣчь, конечно, шла не о какомъ-либо мандатѣ, ибо Е. Т. О. никогда не была политической партией, да и не могла быть таковой по всему строю политическаго мышленія ея родоначальниковъ Занвилля и Мандельштама. Но мнѣ хотѣлось узнать мнѣніе близкихъ для меня людей въ столь важномъ вопросѣ. Мои старые, испытанные друзья высказались въ положительномъ смыслѣ.

Мнѣніе партіи и организаціи, къ которымъ я принадлежалъ, уже были мнѣ извѣстными.

Оставалось самому мнѣ разрѣшить этотъ вопросъ окончательно.

Къ личности В. М. Чеховскаго, при всемъ расхожденіи нашихъ политическихъ взглядовъ въ это время, я относился съ большимъ уваженіемъ и теплыми симпатіями. Мы были связаны старыми отношеніями — и я зналъ заранее, что работа съ нимъ будетъ для меня и легкою и приятною.

Въ составѣ Министерства находился также профессоръ О. О. Эйхельманъ, впослѣдствіи товарищъ министра, близкій другъ всей нашей семьи, специалистъ международнаго права, популярный во всемъ Кіевѣ и извѣстный своей спартански-скромной жизнью вѣчнаго труженика. Изъ кіевского адвокатскаго сословія въ министерствѣ состояли А. И. Яковлевъ, товарищъ по Комитету партіи, который занималъ тогда постъ директора департамента, и Н. Г. Левицкій, вице-директоръ того-же департамента.

Все это были старые знакомые, съ которыми можно было наладить совмѣстную дружную работу. Но рѣшающимъ для меня было то обстоятельство, что вопросъ шелъ о моей работѣ въ самомъ министерствѣ лишь въ теченіе 2—3 недѣль для ознакомленія съ составомъ заграничныхъ миссій и завершенія ихъ организаціи, послѣ чего я долженъ былъ выѣхать въ Одессу, для переговоровъ съ французскимъ военнымъ командованіемъ, а засимъ — въ Парижъ, въ качествѣ члена Украинской Делегаціи при Конференціи Мира. Званіе-же товарища министра было необходимо для того, чтобы у меня была возможность выступать отъ имени правительства не только въ Парижѣ, но и въ Одессѣ, и въ Лондонѣ и т. д.

Такая работа представлялась мнѣ наиболѣе для меня пріемлемой въ виду моей вѣры въ необходимость помощи со стороны Западной Европы. И я принялъ на себя въ первыхъ числахъ января предложенный мнѣ постъ съ доброй вѣрой въ возможность быстрого полученія этой помощи.

Въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ я засталъ работу по составленію заграничныхъ миссій почти

законченной. Главное вниманіе было обращено на состав Делегации, ѣдущей въ Парижъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ тогда никакого представленія о Г. М. Сидоренкѣ, главѣ этой Делегации. Онъ находился въ это время въ Яссахъ и собирался проѣхать прямо въ Парижъ. Точно также я совершенно не зналъ д-ра Панейко, извѣстнаго галиційскаго дѣятеля и публициста. Но зато личность А. Я. Шульгина, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ при Центральной Радѣ, третьяго делегата дипломатической секціи въ Парижѣ, была мнѣ не только близко знакомой, но сулила всѣ возможности цѣннаго и плодотворнаго сотрудничества. Я зналъ Шульгина еще студентомъ. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе благородныхъ, искреннихъ и культурныхъ украинскихъ дѣятелей, и можно было заранѣе предвидѣть то хорошее впечатлѣніе, которое онъ произведетъ въ Парижѣ.

Кромѣ Шульгина и меня, изъ членовъ нашей партіи были назначены: юрисконсультомъ Делегации — сенаторъ С. П. Шелухинъ, въ качествѣ совѣтника политической секціи — М. А. Кушниръ. На постъ совѣтника Делегации по экономическимъ вопросамъ былъ назначенъ также членъ комитета нашей партіи, проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Какъ уже упоминалось выше, эта крупная сила безвременно ушла изъ міра сего. Уже по дорогѣ въ Парижъ Туганъ-Барановскій скончался отъ припадка грудной жабы.

Во главѣ дипломатическихъ миссій въ Турцію, Грецію, Швейцарію, Бельгію и Голландію, Финляндію и Швецію оказались также социаль-федералисты. Изъ рядовъ той-же партіи были назначены вполсѣдствіи представители для Румыніи, Сканди-

нави и Англіи. Вообще, наша партія отдала для заграничной службы большую часть членовъ своего центрального комитета.

Уже при мнѣ состоялось назначеніе извѣстнаго еврейскаго историка и публициста, д-ра М. Л. Вишницера, секретаремъ дипломатической миссіи въ Англію. Въ качествѣ человѣка, знающаго нѣсколько иностранныхъ языковъ, я рекомендовалъ молодого врача, д-ра Зархи, извѣстнаго мнѣ по его работѣ въ Еврейской Территориалистской Организациіи. Онъ былъ зачисленъ въ политическую секцію парижской Делегациіи. Наконецъ, изъ еврейской молодежи были назначены въ составъ заграничныхъ миссій студенты Кулишеръ, Рабиновичъ и Глузманъ.

Мои старанія и представленія о назначеніи нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по Державному Сенату въ Италію и Испанію не увѣнчались успѣхомъ. Итальянская миссія уже была сформирована, во главѣ ея стоялъ извѣстный украинскій дѣятель, Д. В. Антоновичъ. Посылка-же миссіи въ Испанію и Португалію затянулась и не состоялась и по сей день.

За короткое время моей работы въ министерствѣ я исключительно былъ поглощенъ этимъ вопросомъ о заграничномъ представительствѣ. Между прочимъ, я усиленно уговаривалъ В. И. Лацкаго, когда Министерство Иностранныхъ Дѣлъ предложило ему вступить въ составъ нашей парижской делегациіи, принять это назначеніе. Но онъ не могъ послѣдовать моему совѣту, такъ какъ былъ связанъ партійной дисциплиною, въ качествѣ предсѣдателя Еврейской Фолькспартей. Его вступленіе могло быть истолковано, какъ одобреніе этой партіей всей политики

Директоріи. Между тѣмъ, въ это время уже вы-
явилось рѣзкое расхожденіе Директоріи съ наиболѣе
численной сіонистской партіей и нѣкоторыми дру-
гими еврейскими партіями и организаціями по во-
просу о способѣ назначенія министра по еврейскимъ
дѣламъ . . .

Сіонисты и фолькспартей исходили изъ началъ
парламентаризма и требовали, чтобы на этомъ посту
былъ представитель еврейскихъ партій, имѣющихъ
за собою большинство еврейскаго населенія. Дирек-
торія-же хотѣла видѣть въ лицѣ министра по еврей-
скимъ дѣламъ обязательно представителя еврейскихъ
соціалистическихъ партій.

Этимъ объяснялось и назначеніе поймаей-сіониста
Ревуцкаго на названный постъ при формированіи
правительства Директоріи, и отрицательное отно-
шеніе къ факту такого способа назначенія со стороны
названныхъ выше еврейскихъ партій.

ГЛАВА X.

Поѣздка въ Одессу. Переговоры и проектъ соглашенія представителей Украины, Дона, Кубани и Бѣлоруссіи. Французское командованіе въ Одессѣ.

Мой отъѣздъ въ Одессу былъ назначенъ на 26-ое января 1919 года. Со мною должны были выѣхать бывший товарищъ министра торговли С. В. Бородаевскій и чины министерства финансовъ со спеціальными порученіями. Въ мое распоряженіе былъ предоставленъ вагонъ, въ которомъ я и мои попутчики предполагали имѣть наше жительство въ Одессѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ я заѣхалъ къ генералу Грекову, который уже былъ назначенъ тогда военнымъ министромъ. Онъ успѣлъ уже побывать въ Одессѣ, вступилъ въ сношенія съ французскимъ военнымъ командованіемъ.

Я взялъ у него письма къ генералу Ансельму и начальнику штаба, полковнику Фреданберу, такъ какъ было нежелательно создавать впечатлѣніе, что между представителями украинскаго правительства нѣтъ единства дѣйствій.

На вокзалѣ творилось нѣчто невообразимое. Это были первые дни начинавшейся паники по случаю быстрого продвиженія большевиковъ къ Кіеву. Этимъ же поѣздомъ ѣхало двѣ или три миссіи, направлявшіяся черезъ Проскуровъ и Галицію въ мѣста своего назначенія.

На перронѣ я встрѣтилъ В. Э. Брунста, бывшаго товарища министра земледѣлія въ періодъ гетманства. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою предоставить ему мѣсто въ моемъ вагонѣ, такъ какъ поѣздъ былъ уже совершенно переполненъ. Кромѣ него, ко мнѣ обратилось еще нѣсколько человѣкъ съ такою-же просьбою. Конечно, нельзя было не согласиться. Засимъ, по пути, все время въ нашъ вагонъ садились люди уже безъ спроса, такъ какъ на станціяхъ царила полная анархія. Въ Казатинѣ же мы почувствовали полную деморализацію мѣстной власти. Къ намъ въ вагонъ ввалился комендантъ станціи. Ни объясненія наши о томъ, что это вагонъ служебный, всецѣло намъ предоставленный, ни наши документы не возымѣли на него воздѣйствія. Онъ непремѣнно хотѣлъ «произвести ревизію вагона». Когда-же мы сослались на то, что ѣдемъ по порученію Директоріи и принесемъ таковой жалобу на задержку въ пути (поѣздъ и безъ того уже безконечно стоялъ въ Казатинѣ), онъ отвѣтилъ, что теперь нѣтъ надъ нимъ начальства и что Директорія — это тоже товарищи.

Въ концѣ концовъ онъ заставилъ меня купить билеты за нѣсколькихъ пассажировъ (это были крестьяне и желѣзнодорожные служащіе), которые влѣзли въ нашъ вагонъ на промежуточныхъ станціяхъ. Надо было покончить всю эту гнусную канитель, истинные мотивы коей были изъ той-же области, что и всѣ послѣдующіе въ ту эпоху болѣе трагическіе подвиги станціонныхъ помпадуровъ, пора было, наконецъ, тронуться въ путь, и я оплатилъ стоимость 7 или 8 билетовъ 1-го класса, хотя потомъ оказалось, что безъ билетовъ было всего двое или трое.

Привожу этотъ фактъ, какъ чрезвычайно показательный. Если уже въ ночь на 27-ое января въ Казатинѣ такъ обращались и такъ разговаривали съ членами правительства, то можно-ли было удивляться всему тому, что вскорѣ разыгралось? Власть Директоріи уже ограничивалась Кіевомъ и ближайшимъ райономъ. Въ Казатинѣ была уже своя самочинная власть! . . .

Поѣздъ шель черепашымъ шагомъ, мы приѣхали въ Одессу только на слѣдующій день, поздно вечеромъ.

Утромъ къ намъ явился въ вагонъ полковникъ украинской службы П., ближайшій сотрудникъ украинскаго военнаго представителя при французскомъ комадованіи, ген. Матвѣева. Онъ предложилъ намъ свои услуги по вопросу о свиданіи съ французами. Я вручилъ ему запечатанныя письма военнаго министра, его прямого начальника, и просилъ передать ихъ немедленно по назначенію и получить для меня отвѣтъ. Точно также и Бородаевскій просилъ устно доложить французскому военному комадованію его просьбу принять его по весьма важному дѣлу.

А дѣло было, дѣйствительно, важное. Добровольческая армія захватила въ Одессѣ, послѣ ухода оттуда украинскихъ войскъ, клише для печатанія ассигнацій достоинствомъ въ 50 карбованців, и усиленно пользовалась этимъ клише. Бородаевскій и приѣхавшіе съ нимъ чины министерства финансовъ и должны были заявить протестъ предъ французскимъ комадованіемъ о недопустимости такого рода печатанія денегъ представителями добровольческой арміи. Прошло нѣсколько дней. Мы ежедневно справлялись

у Матвѣева и его сотрудниковъ объ отвѣтѣ французскаго командованія, но каждый разъ получали отвѣтъ, что Ансельмъ и начальникъ штаба очень заняты, а потому извиняются и просятъ подождать еще день-другой.

Наконецъ, совершенно случайно выяснилось, что французамъ даже ничего не было сообщено о нашей просьбѣ назначить намъ свиданіе и что письма ген. Грекова были распечатаны, прочитаны и не доставлены по адресу . . . Когда-же я попытался установить виновника столь неслыханнаго злоупотребленія по службѣ, то всѣ стали обвинять другъ друга.

Кромѣ военной миссіи съ Матвѣевымъ во главѣ въ Одессѣ находился въ такъ назыв. специальной миссіи мой предшественникъ по должности тов. министра, д-ръ Галипъ, буковинецъ, также назначенный въ составъ парижской Делегации, но приѣхавшій въ Парижъ лишь въ концѣ лѣта 1919 года. Съ Галипомъ я тогда въ Одессѣ впервые и познакомился.

Наконецъ, время отъ времени въ Одессу наѣзжали съ чрезвычайными полномочіями министры Остапенко и Грековъ.

Вскорѣ я нашелъ пути къ французскому командованію помимо г-на Матвѣева. Но было ясно, что и въ Одессѣ уже начались разложеніе, интриги и самочинныя дѣйствія.

Матвѣева вскорѣ уволили. Но лишь съ назначеніемъ и приѣздомъ въ Одессу въ качествѣ министра Иностранныхъ Дѣлъ съ обширнѣйшими полномочіями К. А. Маціевича закончились мѣстные одесскія интриги.

На другой-же день по приѣздѣ въ Одессу меня навѣстилъ С. М. Шеметь и предложилъ мнѣ познако-

мится и вступить въ переговоры съ представителями Кубани и Бѣлоруссіи, находящимися въ Одессѣ съ такими-же заданіями, какъ и мы. Я охотно принялъ это предложеніе и въ тотъ-же день состоялась наша первая встрѣча. Во главѣ кубанской делегаціи стоялъ извѣстнѣйшій дѣятель Кубани, Л. Л. Бычъ, пользующійся популярностью и за предѣлами Кубани, а особенно на Украинѣ.

Бѣлорусскую делегацію возглавлялъ инженеръ Бахановичъ, о которомъ у насъ не было никакихъ свѣдѣній. Бахановичъ производилъ впечатлѣніе очень толковаго и способнаго человѣка.

Рѣшено было на первомъ-же совѣщаніи составить общее заявленіе на имя французскаго командованія о политическихъ стремленіяхъ Украины, Кубани и Бѣлоруссіи, о методахъ борьбы съ большевизмомъ и о той помощи, которой мы ждемъ отъ державъ Антанты. Засимъ къ намъ присоединился и представитель Дона, бывшій въ то время въ Одессѣ, генераль Черечукинъ.

Составленіе проекта заявленія было возложено на меня. Кромѣ того было рѣшено составить записку объ экономическомъ положеніи названныхъ четырехъ государственныхъ новообразованій, что было поручено С. В. Бородаевскому.

Мой проектъ былъ принятъ безъ особыхъ измѣненій. Передъ подписаніемъ заявленія я просилъ представителей всѣхъ украинскихъ партій, имѣющихся въ Одессѣ, устроить специальное собраніе и обмѣняться сужденіями о содержаніи заявленія. Собраніе состоялось, были представлены соц.-революціонеры, соц.-демократы, соц.-федералисты и хлѣ-

боробы-демократы.¹⁾ Я выслушалъ мнѣніе собранія. Нѣкоторые не соглашались кое-съ какими деталями, но общій смыслъ заявленія былъ одобренъ. Послѣ этого я со спокойной совѣстью подписалъ этотъ документъ, въ которомъ были изложены мои сокровенныя мысли по основному вопросу о путяхъ возможнаго возсозданія въ тотъ моментъ государственнаго порядка на развалинахъ и хаосѣ, въ которомъ уже пребывала тогда почти вся огромная территория рухнувшаго російскаго государства.

Вмѣстѣ со мною отъ имени украинскаго правительства заявленіе подписалъ д-ръ Галипъ, отъ Кубани — Л. Л. Бычъ, отъ Бѣлоруссіи — ген. Бахановичъ, отъ Дона — генераль Черечукинъ. Настроение у всѣхъ было въ моментъ подписанія торжественное. Вѣрилось, что найденъ общій языкъ. Помню, почтенный генераль Черечукинъ даже осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ передъ подписаніемъ.

Привожу полностью текстъ этого заявленія:

«Нижеподписавшіеся, представители Украины, Бѣлоруссіи, Дона и Кубани, собравшіеся въ Одессѣ, на совмѣстномъ совѣщаніи постановили обратиться къ Верховному Командованію державъ Антанты съ нижеслѣдующимъ меморандумомъ по вопросамъ:

1. О формѣ государственнаго устройства этихъ территорій, равно какъ и сосѣднихъ съ ними государственныхъ образованій,
2. О путяхъ и методахъ для подавленія анархіи и большевизма во всѣхъ тѣхъ государствахъ и частяхъ, на которыя распалась Россія.

¹⁾ Изъ кіевлянъ присутствовали Шеметь и Маціевичъ. Послѣдній еще не былъ тогда министромъ и пріѣхалъ въ Одессу въ роли общественнаго дѣятеля.

I.

Самые убѣжденные сторонники непосредственнаго и немедленнаго переустройства прежняго унитарнаго російскаго государства на федеративныхъ началахъ должны признать, что событія послѣднихъ 18 мѣсяцевъ, въ связи съ катастрофой, постигшей Россію послѣ большевистскаго переворота 25-го октября 1917 года, создали непреодолимые препятствія для осуществленія такого рода «федерации сверху».

Вообще, исторія возникновенія государствъ знаетъ мало случаевъ прямого и непосредственнаго перехода отъ централизованной и унитарной формы государственнаго устройства къ федеративной. Такого рода опыты были примѣнены съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ южно-американскихъ государствахъ (Боливія, Венецуэла и т. д.).

Но страны, наиболѣе извѣстныя своимъ образцовымъ федеративнымъ устройствомъ, пришли къ федерации не сверху, а снизу. Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Швейцарія образовались путемъ соединенія отдѣльныхъ штатовъ или кантоновъ. Переходъ отъ союза государствъ къ союзному государству — таковъ былъ результатъ исторической эволюціи и хода событій въ этихъ государствахъ.

Свободное соглашеніе, основанное на доброй свободной волѣ отдѣльныхъ государствъ или кантоновъ, предшествовало такого рода реорганизации на федеративныхъ началахъ.

Примѣръ южно-американскихъ государствъ вдохновлялъ тѣ политическія партіи, которыя ввели въ свою программу переустройство Россіи въ федеративное государство.

Въ пользу федераціи опредѣленно высказались вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ отъ 27-го февраля 1917 года Большой Войсковой Кругъ Дона, Областная Кубанская Рада и Бѣлорусская Рада, какъ и большинство политическихъ партій россійскихъ, украинскихъ и другихъ. Всероссийское Учредительное Собраніе успѣло за короткіе часы своего существованія провозгласить, что Россія должна быть организована на федеративныхъ началахъ.

Но послѣ этого Россія фактически распалась. Въ результатѣ исчезновенія центральной власти тѣ части страны, которыя не признали большевистскаго режима, организовали при помощи здоровыхъ элементовъ мѣстную власть и были вынуждены объявить себя суверенными государственными единицами.

И не было уже той центростремительной силы, которая могла-бы не только прокламировать, но и осуществить такого рода переустройство стараго зданія на новыхъ федеративныхъ основаніяхъ.

Въ настоящее время федерація сверху была-бы возможной только путемъ вмѣшательства силою иностранныхъ Державъ, путемъ принужденія.

Внѣ этого пути федерація сверху представляется неосуществимой и остается лишь путь федераціи снизу, построенной на добровольномъ соглашеніи, какъ равныхъ съ равными, государственныхъ ячеекъ, которыя образовались на развалинахъ старой Россіи.

Только таковой можетъ быть здоровая и жизненная программа тѣхъ федералистовъ, которые основываютъ свои построенія не только на собственныхъ желаніяхъ и чаяніяхъ, но и на дѣйствительномъ соотношеніи силъ и общемъ политическомъ положеніи.

Исходя изъ всего изложеннаго, мы, представители Украины, Бѣлоруссіи, Дона и Кубани, пришли къ глубокому убѣжденію, что вопросъ государственнаго устройства этихъ четырехъ единицъ можетъ получить быстрое и надлежащее разрѣшеніе лишь путемъ отдѣльнаго осуществленія началъ государственности и порядка въ каждой изъ нихъ.

Есть основанія предполагать, что и другія государственныя образованія присоединятся къ этой нашей формулѣ.

И мы обращаемся, чрезъ посредство Высокаго Союзнаго Командованія, къ державамъ Антанты съ просьбою объ оказаніи возможной помощи національнымъ стремленіямъ нашихъ народовъ къ укрѣпленію уже создавшихся отдѣльныхъ образованій.

И лишь послѣ подавленія большевизма и анархіи, когда населеніе каждаго такого образованія будетъ имѣть возможность свободно высказать свою дѣйствительную волю, наступитъ время для выясненія тѣхъ или иныхъ условій соглашенія между ними на началахъ свободы, равенства и братства всѣхъ народовъ, — началахъ, провозглашенныхъ вашими великими націями.

II.

Переходя къ жгучему вопросу о наилучшихъ и кратчайшихъ путяхъ къ ликвидаціи анархіи и большевизма, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе Верховнаго Командованія на одинъ весьма важный и наиболѣе существенный фактъ.

Успѣхъ въ борьбѣ съ большевизмомъ явится наиболѣе достижимымъ въ томъ случаѣ, если эта борьба будетъ основана на использованіи въ каждой области

мѣстнаго населенія, какъ источника живой силы. Защита собственнаго дома, своего очага, своей семьи, своего народа — таковы должны быть лозунги, къ которымъ слѣдуетъ апеллировать для искорененія большевизма.

Мы обращаемся къ Союзному Командованію также за технической помощью и за всѣми тѣми предметами, которыхъ у насъ вовсе нѣтъ или которые имѣются въ недостаточномъ количествѣ.

Въ первую очередь намъ необходимы ружья, патроны, митральезы, тяжелая артиллерія, а въ особенности танки и блиндированные автомобили. Ощущается недостатокъ также въ военномъ снаряженіи, въ обуви, одеждѣ, средствахъ связи и въ санитарныхъ матеріалахъ.

Мы полагаемъ, что не слѣдуетъ осложнять чисто военную задачу борьбы съ большевизмомъ стремленіями къ организаціи единой арміи для операцій во всѣхъ областяхъ, охваченныхъ его пламенемъ.

Но мы допускаемъ, что для болѣе успѣшной организаціи борьбы слѣдуетъ создать общій генеральный штабъ для руководства всѣми операціями на основѣ взаимнаго соглашенія государственныхъ новообразований, находящихся въ состояніи войны съ большевизмомъ, между собою, и въ контактѣ съ державами Антанты. Такой штабъ не долженъ былъ-бы вмѣшиваться въ политическую жизнь и внутреннія дѣла государственныхъ новообразований».

Заявленіе было подано по назначенію уже 5-го февраля. Оно появилось во всѣхъ одесскихъ газетахъ, вызвало всеобщее къ себѣ вниманіе и ожесточенныя нападки со стороны представителей того поли-

тического течения, которое ждало спасения Россіи отъ Добровольческой Арміи.

Впослѣдствіи оказалось, что въ Одессѣ находится бѣлорусскій консуль Некрашевичъ, оспаривающій правомочность делегаціи Бахановича и имѣющій довѣренность отъ бѣлорусскаго правительства. Мы не могли вторгаться въ разсмотрѣніе чужихъ внутреннихъ дѣлъ, а потому удовлетворились тѣмъ, что Некрашевичъ, въ свою очередь, присоединилъ свою подпись къ нашему заявленію, о чемъ извѣстилъ и верховное союзное командованіе. Какъ мы установили, французы считали Некрашевича представителемъ болѣе авторитетнаго течения въ Бѣлоруссіи.

Со времени подачи заявленія прошло больше 2¹/₂ лѣтъ.

Державы Антанты не вняли тѣмъ призывамъ о помощи мѣстнымъ силамъ, которые потомъ столь часто повторялись нами и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Римѣ. И лишь паденіе Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля наглядно показало Антантѣ всю безцѣльность и безрезультатность примѣненія всероссійскихъ, централистическихъ лозунговъ въ борьбѣ съ анархіей. Единственною силою, которую можно было противопоставить тогда большевизму, былъ мѣстный патриотизмъ, какъ творческое начало, въ противовѣсъ анархіи. Было уже тогда ясно, что украинцы не пойдутъ воевать съ большевизмомъ въ Сибирь, что грузины не согласятся умирать на поляхъ Эстоніи, что эстонцы уклонятся отъ наступленія на Москву . . .

Какъ извѣстно, военное союзное командованіе было фактически представлено въ Одессѣ французами, а въ Новороссійскѣ и Батумѣ — англичанами. Уже

въ Одессѣ мнѣ удалось установить причину такого распредѣленія ролей. Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ я узналъ о существованіи между Англіей и Франціей тайнаго договора о сферахъ вліянія этихъ государствъ на территоріи Европейской Россіи. Точную дату договора я не знаю, но она во всякомъ случаѣ предшествуетъ времени заключенія Брестъ-литовскаго мира.

По этому договору Англійи предназначается сфера вліянія на сѣверѣ Россіи (лѣсная полоса), въ Балтикѣ, на Кавказѣ, въ Кубани и въ восточной части Дона. Украина-же, Крымъ, Польша и западная часть Дона включаются въ сферу вліянія Франціи.

Впослѣдствіи, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, я на каждомъ шагу встрѣчался съ фактами, подтверждающими существованіе этого тайнаго договора. И только въ началѣ 1920-го года стало, наконецъ, ощущаться, что въ этомъ вопросѣ огромной политической важности появились какія-то тренія и что возможенъ полный пересмотръ и радикальныя измѣненія въ отношеніяхъ союзниковъ къ судьбамъ Восточной Европы.

Впервые предаю гласности эти свѣдѣнія, такъ какъ считаю это теперь вполне своевременнымъ.

Тогда-же, въ Одессѣ, я узналъ о существованіи во Франціи сильнаго политическаго теченія въ пользу созданія въ будущемъ тѣснѣйшей связи между Польшей, Украиной и Румыніей. Вначалѣ называли и Чехословакію, которая намѣчалась какъ четвертое звено въ этой цѣпи. Засимъ Чехословакія то выпадала изъ этой схемы, то вновь принималась въ качествѣ одного изъ намѣчаемыхъ участниковъ этой анти-германской коалиціи.

Позже, въ Парижѣ, выяснилось, что это теченіе возглавляется вліятельнѣйшими французскими политическими дѣятелями. Но параллельно съ нимъ существовало въ то время во Франціи не менѣе сильное теченіе въ пользу воссозданія унитарной Россіи.

Къ болѣе подробному освѣщенію этого вопроса я возвращусь въ другомъ мѣстѣ.

Свиданіе съ генераломъ Ансельмомъ убѣдило меня въ томъ, что онъ, какъ боевой генераль, мало занимается политикой, которую онъ возложилъ главнымъ образомъ на начальника своего штаба, полковника Фреданбера. Съ той поры я, а впослѣдствіи и Маціевичъ, и вновь назначенный товарищъ министра Бачинскій, видѣлись и вели переговоры исключительно съ Фреданберомъ.

Противоположное впечатлѣніе произвелъ на меня известный французскій генераль Бертело, который пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Одессу изъ своей главной квартиры въ Бухарестѣ. Чувствовалось сразу, что этотъ человѣкъ живо интересуется политикой и имѣетъ свои опредѣленные взгляды относительно будущаго Восточной Европы. Уже въ Бухарестѣ, при второмъ свиданіи съ нимъ, стало ясно, что онъ является сторонникомъ федеративнаго устройства бывшаго Россійскаго Государства.

Кіевъ уже въ началѣ февраля былъ въ рукахъ большевиковъ. Директорія и правительство находились въ Винницѣ. Взаимоотношенія французской власти, представителей Добровольческой Арміи и делегатовъ украинскаго правительства были весьма сложными и запутанными. Французы колебались, не знали, на чемъ остановиться. Въ полицейскомъ

отношеніи Одесса обслуживалась представителями Добровольческой Арміи. Но уже на вокзалѣ, напри- мѣръ, всѣмъ вѣдалъ французскій комендантъ.

Пока мы жили въ вагонѣ, на путяхъ у вокзала, мы считались какъ-бы экстерриториальными и были подъ охраной французскаго командованія. Но не успѣли мы поселиться съ Бородаевскимъ въ городѣ, какъ въ одну изъ ближайшихъ-же ночей къ намъ на- грянула полиція и арестовала именовъ Доброволь- ческой Арміи Бородаевскаго. Таковъ былъ резуль- татъ его жалобы французамъ на захватъ доброволь- цами клише . . .

Послѣ этого я поспѣшилъ переѣхать обратно на вокзалъ въ служебный вагонъ.

Бородаевскаго продержали въ тюрьмѣ больше мѣ- сяца, пока, наконецъ, Фрѣданберъ внялъ нашимъ хло- потамъ и потребовалъ его освобожденія. Между про- чимъ, французы мотивировали свое долгое упорство въ этой исторіи съ освобожденіемъ Бородаевскаго ссылками на нежеланіе украинскаго правительства освободить, по ходатайству французовъ, бывшихъ министровъ гетманскаго періода, Гербеля, Ржепец- каго, Рейнбота и другихъ, находившихся въ то время подъ арестомъ въ Винницѣ. «Исполните нашу прось- бу», говорили намъ, «и мы тогда воздѣйствуемъ на добровольцевъ и освободимъ Бородаевскаго».

Такая постановка вопроса была по своей формѣ и оскорбительной, и неприемлемой.

Но по существу и Маціевичъ, и Бачинскій, и я были въ корнѣ не согласны съ правительствомъ, которое медлило съ исполненіемъ этой гуманной просьбы французовъ объ освобожденіи людей, не представлявшихъ въ то время никакой опасности.

И мы неоднократно требовали, уже и послѣ освобожденія Бородаевского, чтобы это желаніе французскаго командованія было, наконецъ, удовлетворено. Уже въ апрѣлѣ, по дорогѣ въ Парижъ, изъ Бухареста, я вновь послалъ категорическую телеграмму по этому поводу, съ указаніемъ на то, что генераль Бертело настаиваетъ на освобожденіи Гербеля и остальныхъ узниковъ. И лишь тогда, благодаря ли этой телеграммѣ, или другимъ причинамъ, ихъ выпустили, наконецъ, на свободу.

Перехожу къ существенному вопросу о содержаніи проекта соглашенія, которое явилось тогда результатомъ переговоровъ представителей Директоріи съ французскимъ командованіемъ. Привожу главные его пункты.

Во 1-ыхъ, французы потребовали передачу имъ контроля желѣзныхъ дорогъ и финансовъ на Украинѣ. Во 2-ыхъ, было поставлено непремѣнное условіе объ уходѣ изъ состава Директоріи Винниченка, и изъ состава правительства Чеховскаго, какъ наиболѣе лѣвыхъ элементовъ, вопросъ-же о Петлюрѣ былъ оставленъ пока открытымъ. Въ 3-хъ, въ отношеніи аграрной реформы, вводился принципъ вознагражденія собственниковъ.

Съ своей стороны Франція должна была признать Директорію, какъ фактическое правительство Украины, впредь до разрѣшенія конференціей мира вопроса о суверенности Украины. Далѣе, французское командованіе обязывалось оказать украинской арміи въ войнѣ съ большевиками помощь какъ техническую (вплоть до танковъ), такъ и людьми, а въ особенности инструкторами. Въ мартѣ въ Одессѣ даже появились

греческія войска, предназначавшіяся для этой цѣли, кромѣ того намѣчалось формированіе французскихъ и румынскихъ батальоновъ.

Винниченко и Чеховскій еще 6-го фѣвраля подали въ отставку. Образовалось новое, коалиціонное правительство, съ Остапенко во главѣ. Изъ социаль-федералистовъ вошли на сей разъ Маціевичъ, Фещенко-Чоповскій, Марковичъ, Корчинскій.

Проектъ соглашенія былъ уже изготовленъ въ письменной формѣ. Оставалось его подписать.

И вдругъ, совершенно неожиданно и внезапно, въ послѣднихъ числахъ марта представители французскаго командованія заявили, что переговоры о соглашеніи, по телеграфному распоряженію изъ Парижа, прерываются . . .

И уже черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 3-го апрѣля, французы приступили къ спѣшной эвакуаціи Одессы, и бросили ее на потокъ и разграбленіе большевикамъ.

И по сей день существуетъ много разныхъ версій о причинахъ этой эвакуаціи. Но еще не наступило время и нѣтъ пока вполне точныхъ матеріаловъ для того, чтобы распутать сложный клубокъ взаимоотношеній державъ Антанты въ тотъ одесскій періодъ. А безъ этого нельзя поднять завѣсы надъ тайной, которой все еще окутана дѣйствительная причина эвакуаціи Одессы.

ГЛАВА XI.

Февральскіе и мартовскіе погромы. Моя отставка. Отъѣздъ въ Парижъ.

Съ развитіемъ успѣховъ большевиковъ на украинскомъ фронтѣ росъ развалъ украинской арміи, который достигъ своего апогея при ея беспорядочномъ отступленіи отъ Винницы къ Каменецъ-Подольску. Начались страшные жестокіе, февральскіе и мартовскіе погромы. Прибывающіе изъ Балты, Анањева, Проскурова и другихъ городовъ и мѣстечекъ очевидцы погромовъ рассказывали о такихъ звѣрствахъ, которыя превосходили все, что могло себѣ представить воображеніе, и вызывали въ памяти печальные дни 1903-го года въ Кишиневѣ . . .

Къ Маціевичу и ко мнѣ стали обращаться различныя еврейскія депутаціи изъ погромленныхъ мѣстъ. Наше положеніе было кошмарное. . . Мы бросались отъ телеграфнаго провода къ французскому командованію, совѣщались съ Грековымъ . . . Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что Грековъ былъ искренно подавленъ и не менѣе насъ метался и принималъ зависящія отъ него мѣры. Онъ поспѣшилъ на фронтъ, издалъ приказъ о преданіи военному суду и разстрѣлѣ погромщиковъ . . . Но это не возымѣло никакого дѣйствія, да и нельзя было провѣрить, исполнялись-ли уже въ это время приказы правительства на разстояніи дальше нѣсколькихъ верстъ отъ его нахождения.

Вѣря въ ту силу гипноза, которая еще заключалась въ то время для всего населенія юга Украины въ самомъ словѣ «Антанта», я умолялъ Фреданбера выступить, отъ имени Франціи или всей Антанты, съ печатнымъ протестомъ и рѣзкимъ осужденіемъ погромовъ, и съ указаніемъ на то, что Украина компрометируетъ и клеймитъ себя предъ всѣмъ міромъ этими варварскими изувѣрствами. Но послѣдоваль отказъ, союзники не пожелали «вмѣшиваться во внутреннія дѣла Украины» . . .

А между тѣмъ французы были еще хозяевами движенія до самой Бирзулы. Мы это очень хорошо знали, такъ какъ безъ разрѣшенія французовъ нельзя было ни выѣхать изъ Одессы, ни проѣхать, направляясь къ Одессѣ, дальше Бирзулы, гдѣ находился французскій контрольный постъ. Но и послѣ Бирзулы, до Жмеринки и Винницы, всѣ на вокзалахъ почтительно подтягивались, когда проносился лишь слухъ, что у станціи стоитъ или ожидается поѣздъ, въ которомъ ѣдетъ хотя-бы одинъ французскій офицеръ . . . Я лично въ этомъ убѣдился, когда ѣздили съ Маціевичемъ въ самомъ началѣ февраля на одинъ день въ Винницу, съ докладомъ правительству о переговорахъ съ французами.

Въ томъ-же экстренномъ поѣздѣ ѣхалъ съ нами курьеръ французскаго командованія, который везъ Директоріи пакеты. И уже этого было достаточно, чтобы въ Одессѣ намъ дали и паровозъ, и пропускъ.

Было ясно, что французы могли безъ всякаго труда занять двумя-тремя батальонами всю линію отъ Бирзулы до Винницы, а также и линію Жмеринка-Проскуровъ. И тогда не было-бы ни анархіи, ни погромовъ . . .

Снова, и на сей разъ, въ Винницѣ, мнѣ не суждено было познакомиться ближе съ С. В. Петлюрой, такъ какъ онъ торопился съ отъѣздомъ куда-то на фронтъ. По внѣшнему-же виду онъ произвелъ на меня впечатлѣніе очень одареннаго, смѣлаго и въ тоже время милаго и добраго человѣка.

Тревожныя вѣсти поступали со всѣхъ сторонъ.

Уже пережившая ужасы двукратнаго погрома Балта притаилась въ страхъ ожиданія третьяго . . . И не только Балта была въ такомъ положеніи . . .

Огромную дѣятельность въ эти дни проявлялъ д-ръ М. С. Шварцманъ, глава еврейской общины въ Одессѣ, извѣстный сіонистскій дѣятель. Онъ тоже стучался къ Антантѣ, направлялъ еврейскія депутаціи отъ пострадавшихъ или ожидавшихъ погромовъ къ Маціевичу, совѣщался съ Маціевичемъ и со мною . . .

Оставаться дольше на своемъ посту было не въ моготу. А съ другой стороны было сознаніе, что мой уходъ ничему не поможетъ и что станетъ меньше однимъ человѣкомъ среди тѣхъ, кто могъ, по крайней мѣрѣ, бить въ набать. Достаточно сказать, что я могъ пользоваться въ тѣ дни, по своему положенію, телеграфнымъ проводомъ изъ Одессы въ ставку Директоріи. Этотъ проводъ находился въ рукахъ французовъ и имъ могли пользоваться лишь должностныя лица.

И я телеграфировалъ правительству, взывалъ не только къ его чувствамъ, но и къ политическому разуму. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что тамъ, въ ставкѣ, эти растерявшіеся люди, уже безвластные, подхваченные и несомые мутнымъ, но бурнымъ тече-

ніємъ, сами понимали весь ужасъ происходившаго не только для несчастныхъ жертвъ погромовъ, но и для украинскаго національнаго дѣла, и для нихъ самихъ.

Наконецъ, въ полномъ сознаниі моего безсилія, я обратился за совѣтомъ къ Шварцману и къ другимъ знакомымъ сіонистскимъ дѣятелямъ изъ Кіева, которые были тогда въ Одессѣ. Я просилъ ихъ сказать мнѣ, что дѣлать, оставаться-ли на посту или уйти. Мнѣ дали совѣтъ воздержаться съ окончательнымъ рѣшеніемъ еще нѣкоторое время.

А черезъ нѣсколько дней они мнѣ посоветовали подать въ отставку, что я немедленно и исполнилъ.

11-го марта 1919-го года я подалъ заявленіе на имя министра иностранныхъ дѣлъ Маціевича слѣдующаго содержанія:

«Тяжелая отвѣтственная работа, которая лежитъ теперь на всѣхъ членахъ правительства, осложняется трагическимъ фактомъ все не прекращающихся еврейскихъ погромовъ и сознаниемъ, что власть оказывалась все время безсильной для приостановленія ужасныхъ насилій и убійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ Проскуровѣ, Ананьевѣ и т. д. Мнѣ точно извѣстно, что правительство дѣлаетъ все отъ него зависящее для борьбы съ погромами. Я знаю также, что безсиліе правительства въ этой борьбѣ удручаетъ всѣхъ членовъ правительства и лишаетъ ихъ того душевнаго равновѣсія и спокойствія, которыя сейчасъ такъ необходимы для плодотворной работы на благо всѣхъ народовъ, населяющихъ Украину. Мои-же душевные переживанія, какъ еврея, усугубляются сознаниемъ, что результаты анархіи, отъ которой страдаютъ главнымъ образомъ лишь матеріальные ин-

интересы всего другого населенія, для еврейскаго народа являются роковыми и гибельными.

Въ виду изложеннаго я не чувствую себя въ силахъ продолжать работу по занимаемой мною должности товарища министра иностранныхъ дѣлъ и прошу объ освобожденіи меня отъ исполненія обязанностей по названной должности.»

На этомъ прошеніи К. А. Маціевичъ сдѣлалъ надпись, что просить меня остаться на посту до его возвращенія изъ Ставки, куда онъ собирался выѣхать чуть-ли не въ тотъ-же день.

Маціевичъ едва добрался до мѣстонахожденія правительства, какъ произошелъ прорывъ фронта большевиками. Было ясно, что на скорое его возвращеніе нечего рассчитывать. И я заявилъ оставшемуся со мною въ Одессѣ С. В. Бачинскому, что больше не считаю себя состоящимъ въ должности товарища министра.

Иначе разрѣшилъ этотъ вопросъ П. А. Красный, министръ по еврейскимъ дѣламъ при украинскомъ правительствѣ. Онъ остался на должности и не разставался съ правительствомъ въ теченіе всего послѣдующаго времени и по сей день. Но я не знаю, кто изъ насъ былъ правъ въ тѣ страшные дни, я-ли, уйдя съ корабля, ставшаго игрушкою стихіи, или онъ, который остался и подавалъ посильную помощь жертвамъ этой стихіи челоуѣконенавистничества, дикости и разнуздавшейся преступности . . .

Я ушелъ изъ состава правительства, но оставался еще рядовымъ членомъ украинской делегаціи въ Парижѣ. Снова появился вопросъ, ѣхать-ли въ Парижъ, или отказаться и отъ этой должности?

Въ Одессѣ мнѣ нечего было больше дѣлать. Ѣхать въ Крымъ, гдѣ хозяйничала добровольческая армія,

было неудобно. Съ моими друзьями и сотрудниками по прежней работѣ въ общероссійскомъ освободительномъ движеніи, бывшими тогда въ Крыму, у меня уже не было общаго языка. Они хотѣли строить разрушенное многоэтажное зданіе сверху, начиная съ крыши, я принадлежалъ къ тѣмъ, которые полагали болѣе цѣлесообразнымъ начинать съ фундамента, возвести сначала хотя-бы одинъ этажъ. Они не вѣрили и не хотѣли вѣрить въ силу украинскаго національнаго движенія, отождествляли его съ большевизмомъ, я-же позналъ силу этого движенія и видѣлъ все спасеніе въ его противопоставленіи большевизму.

Кіевскіе ближайшіе друзья были недосыгаемы, въ Кіевѣ-же осталась моя жена и одна изъ моихъ дочерей . . . Разставаясь съ ними въ январѣ, я былъ увѣренъ, что черезъ самое короткое время возвращусь обратно, вмѣстѣ съ представителями Антанты . . .

Въ Одессѣ находились въ то время мои старики — родители, въ Крыму другія двѣ дочери и зять, Е. М. Кулишеръ.

Знакомые французы настоятельно совѣтовали ѣхать въ Парижъ. Снова, какъ и въ Кіевѣ, стало казаться, что только помощь съ Запада можетъ положить конецъ анархіи, а вмѣстѣ съ симъ и погромамъ. И я рѣшилъ поѣхать въ Парижъ и тамъ, на мѣстѣ, выяснитъ вопросъ о моихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ украинской делегаціи въ Парижѣ.

Еще 31-го марта полковникъ Фреданберъ и другіе французы увѣряли меня, что они никогда не сдадутъ Одессы большевикамъ и, вообще, не уйдутъ изъ Одессы. И эти увѣренія были вполне добросовѣстными. Одесса и весь прилегающій районъ были

наводнены французскими, греческими и румынскими войсками. Никто не спѣшилъ, поэтому, съ отъѣздомъ.

На другой-же день, перваго апрѣля, я покинулъ на итальянскомъ пароходѣ Одессу, направляясь черезъ Галацъ и Бухарестъ въ Парижъ.

Уже въ Бухарестѣ стало извѣстно, что началась эвакуація Одессы . . . Я задержался въ Бухарестѣ больше недѣли, такъ какъ хотѣлъ посѣтить генерала Бертело, а также повидаться съ мѣстнымъ раввиномъ и представителями румынскаго еврейства. Затѣмъ надо было запасть визами ряда государствъ, по территоріи которыхъ предстояло проѣхать, и мѣстомъ въ парижскомъ экспрессѣ. Попасть въ этотъ экспрессъ было очень трудно, такъ какъ онъ ходилъ тогда всего два раза въ недѣлю и мѣста были уже расписаны на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. И лишь благодаря любезности генерала Бертело мнѣ предложили одно изъ мѣстъ, предназначенныхъ для союзнаго командованія, хотя я и не принадлежалъ къ таковому . . .

Наканунѣ отъѣзда изъ Бухареста я случайно встрѣтился на улицѣ съ Фреданберомъ. Отъ него я узналъ подробности эвакуаціи Одессы. Онъ ѣхалъ тѣмъ-же поѣздомъ, что и я, въ Парижъ, и мы провели значительную часть пути вмѣстѣ. Я успѣлъ узнать его ближе и убѣдился въ томъ, какъ много было и лжи, и добросовѣстнаго заблужденія во всемъ томъ, что рассказывали о немъ въ Одессѣ . . . Его именемъ злоупотребляли всякіе авантюристы и проходимцы, которыми кишѣла тогда Одесса. Но одного я не могъ ни забыть, ни простить и Фреданберу, и всѣмъ французамъ, бывшимъ въ Одессѣ — ихъ бездѣйствія и молчанія въ отношеніи погромовъ.

Въ Парижѣ мы часто встрѣчались. Онъ призналъ открыто рядъ тяжкихъ ошибокъ, совершенныхъ французами, и обвинялъ въ этомъ Эно, который пріѣхалъ раньше всѣхъ въ Одессу и отъ котораго исходили первоначальныя інформаціонныя свѣдѣнія. Эно изображалъ всѣхъ украинцевъ большевиками и восхвалялъ добровольческую армію. Это и дало толчокъ первоначальной политикѣ французовъ въ Одессѣ. Но засимъ онъ, Фреданберъ, убѣдился въ томъ, что надо было избрать совершенно иной путь.

Изъ хода переговоровъ въ Одессѣ, о которыхъ упоминалось выше, я зналъ, что Фреданберъ, дѣйствительно, былъ сторонникомъ оказанія помощи украинскому правительству въ его борьбѣ съ большевиками. И онъ отстаивалъ потомъ, какъ я слышалъ, ту-же точку зрѣнія въ его докладахъ французскому правительству.

17-го апрѣля я былъ уже въ Парижѣ.

ГЛАВА XII.

Парижъ весной 1919 года. Украинская Делегація. Еврейская Делегація. Маклаковъ, Керенскій, Авксентьевъ. Проектъ посылки французской военной миссиі на Украину. Аудиенціи у Пишона и Клемансо. Французскія оріентаціи.

Внѣшній видъ Парижа — бульвары, толпа, рестораны — совершенно не напоминалъ собою всего того, что было связано съ однимъ именемъ этого жизнерадостнаго и веселаго города до войны. Населеніе еще не оправилось отъ всего перенесеннаго, не пришло еще въ себя. Въ одинадцать часовъ вечера жизнь кончалась, все закрывалось. Не было видно яркихъ туалетовъ, не было того, что называется «парижской жизнью».

Но больше всего меня лично поразило то сѣрое, будничное впечатлѣніе, которое производили въ городѣ засѣданія Конференціи Мира. Не было никакой торжественности въ этихъ засѣданіяхъ, ореоль же конференціи, собравшейся подъ знакомъ благородныхъ и справедливыхъ принциповъ Вильсона, уже потускнѣлъ. Самъ Вильсонъ какъ-то выдохся, его лебединая пѣсня была уже спѣта, онъ уже сказалъ все лучшее, что только было возможно, теперь же каждый день безжалостно разбивалъ, стиралъ эти слова, и все, что дѣлала конференція, противорѣчило этимъ словамъ.

Исторія поединка Клемансо съ Вильсономъ блестяще рассказана въ книгѣ Кейнеса. Вильсонъ сдавалъ позицію за позиціей, но и Клемансо суждено было вскорѣ ступежаться. И только Ллойдъ-Джорджъ, вліяніе котораго возрастало съ каждымъ днемъ, остался тѣмъ единственнымъ изъ трехъ главныхъ персонажей Конференціи мира, который сохранилъ свою власть и положеніе и послѣ Версальскаго мира.

Въ составѣ украинской делегаціи въ Парижѣ оказались старые знакомые и товарищи по партіи Шульгинъ, Шелухинъ, Кушниръ. Что-же касается остальныхъ членовъ делегаціи, то среди нихъ выдѣлялись своей подготовленностью къ столь трудной работѣ, знаніемъ языковъ и необходимымъ тактомъ д-ръ Панейко и д-ръ Матюшенко. Но ихъ роднили только эти внѣшніе признаки, по существу-же ихъ взглядовъ и по тактикѣ это были совершенно разные люди.

Болѣе подробно я долженъ остановиться на личности Г. М. Сидоренко, главы делегаціи.

Съ первой-же встрѣчи я почувствовалъ, что этотъ искренній украинскій патріотъ взялъ на себя совершенно непосильное для него бремя. Каждое государство, каждая народность старалась послать на Конференцію въ качествѣ главы делегаціи самого блестящаго, образованнаго и опытнаго представителя. У Сидоренка не было тѣхъ внѣшнихъ данныхъ, которыя составляли первое необходимое условіе въ его роли и положеніи. Утверждали, что онъ очень хорошій инженеръ и администраторъ. Но этого было мало, и это было совсѣмъ другое... Тутъ могъ быть очень плохой инженеръ и никуда негодный администраторъ, но нуженъ былъ сильный дипло-

мать, владѣющій въ совершенствѣ французскимъ или англійскимъ языкомъ, хорошій ораторъ, свѣтскій человѣкъ.

Правда, среди насъ, членовъ делегаціи, тоже не было ни одного человѣка, обладавшаго всѣми этими данными. Но все-же и Шульгинъ, и Панейко, и Матюшенко являлись куда болѣе подходящими кандидатами на эту должность, не говоря уже о многихъ другихъ отсутствовавшихъ (напримѣръ, Прокоповичъ).

Зато въ той области, которая меня особенно интересовала для разрѣшенія вопроса о моемъ участіи въ работахъ делегаціи, т. е. въ еврейскомъ вопросѣ, Сидоренко оказался прямо-таки на высотѣ. Онъ не только считалъ справедливымъ обезпеченіе полного равенства всѣхъ народовъ Украины въ схемѣ государственнаго устройства Украины, но былъ убѣжденъ въ невозможности созданія Украины силами одного украинскаго народа, безъ самой активной помощи и участія въ государственномъ строительствѣ евреевъ, въ виду незначительнаго количества украинской интеллигенціи и почти полного отсутствія торгово-промышленнаго класса. Его заявленія по еврейскому вопросу всегда звучали очень искренно и неподдѣльно и производили самое благоприятное впечатлѣніе на тѣхъ еврейскихъ дѣятелей, съ которыми онъ встрѣчался (Люсьенъ Вульфъ, члены украинской еврейской делегаціи при Конференціи мира.)

При первомъ-же нашемъ знакомствѣ я убѣдился, что Сидоренко всегда пойдетъ со мною въ дѣлѣ защиты еврейскихъ интересовъ и не только предоставитъ мнѣ свободу дѣйствій въ этомъ вопросѣ, но и самъ будетъ всячески меня поддерживать въ моихъ

начинаніяхъ. Я рѣшилъ, поэтому, остаться членомъ делегации. И, дѣйствительно, я не ошибся въ Сидоренкѣ. Несмотря на всѣ наши разногласія, обнаружившіяся впослѣдствіи по весьма существеннымъ вопросамъ и дошедшія почти до полного разрыва между нами къ концу лѣта, Сидоренко все время былъ внѣ всякихъ упрековъ въ области еврейскаго вопроса. Онъ проявилъ большую энергію въ дѣлѣ объ учрежденіи анкетной комиссіи изъ представителей еврейства по обследованію погромовъ на мѣстѣ. Онъ самъ предложилъ, чтобы на приѣмѣ у Клемансо я выступилъ отъ имени делегации специально по еврейскому вопросу.

Съ особенной охотой и сознаниемъ всей необходимости и важности контакта съ еврействомъ онъ встрѣчался съ представителями еврейства. Одна изъ такихъ встрѣчъ состоялась у меня въ гостиницѣ. Со стороны украино-еврейской делегации присутствовали Усышкинъ, Гольдштейнъ и Капланъ, со стороны украинской, кромѣ Сидоренка, также Панейко и Шульгинъ. Еврейскіе делегаты прямо и рѣшительно указывали тогда на всю безвыходность положенія еврейства на Украинѣ, въ виду фактическаго отсутствія защиты отъ погромовъ со стороны украинскаго правительства и безнаказанности главарейзачинщиковъ погромовъ. Особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ произвели объясненія Шульгина. Чувствовалось, какъ этотъ чловѣкъ горячо принималъ къ сердцу страданія потерпѣвшихъ и какъ въ то-же время его жгло и мучило сознание, что виновниками всѣхъ этихъ ужасовъ являются сыны украинскаго народа, хотя-бы и изъ его отбросовъ . . .

Менѣ вдохновенно, но весьма убѣдительно, говорилъ и Сидоренко о томъ, насколько украинская интеллигенція не является виновной въ погромахъ, и о безсиліи правительства, и о будущихъ перспективахъ.

Потомъ, уже въ моему отсутствіи, состоялись такія-же свиданія. Члены еврейской делегаціи сами могли убѣдиться, насколько былъ чуждъ антисемитизмъ представителямъ Украины въ Парижѣ. А между тѣмъ они вовсе не являлись исключеніемъ среди украинской интеллигенціи и отражали тѣ-же взгляды и настроенія, которые были характерными и для Фещенко-Чоповскаго, Корчинскаго и другихъ членовъ послѣдняго правительства, какъ и для Винниченко, Петлюры, Чеховскаго и всѣхъ имъ подобныхъ. Всѣ эти люди не принадлежали къ той родовой знати, которая впитывала въ себя въ Россіи съ молокомъ матери ядъ презрѣнія и отношенія сверху къ еврейскому народу. Дѣти сельскихъ учителей, священниковъ, крестьянъ, они росли вмѣстѣ съ еврейской молодежью, принимали совмѣстное участіе въ освободительномъ движеніи. Достаточно ознакомиться съ одной книжкою разсказовъ Модеста Левицкаго, извѣстнаго украинскаго дѣятеля, исколесившаго въ качествѣ врача не мало городовъ и мѣстечекъ Украины и хорошо изучившаго еврейскій бытъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о психикѣ украинскаго интеллигента въ еврейскомъ вопросѣ. Особенно яркимъ является въ этомъ отношеніи послѣднее произведеніе Винниченка, написанное для синемаграфическаго экрана, «Коль-Нидре».

Изъ иностранныхъ дѣятелей общеврейской делегаціи при Конференціи мира я познакомился въ

Парижѣ съ Луи Маршаломъ. Мы жили въ одной гостиницѣ и я поражался трудоспособности этого человѣка и его безграничной любви къ своему народу. Въ украинскомъ-же вопросѣ онъ разбирался, какъ и всѣ американцы, довольно смутно. Съ другой стороны, было трудно и ожидать спокойнаго и объективнаго отношенія со стороны иностранцевъ къ мало знакомому и новому для нихъ движенію, которое сопровождалось такими отталкивающими явленіями, какъ лютые погромы еврейскаго мирнаго населенія.

Я былъ также въ контактѣ съ членами президіума еврейской делегаціи Соколовымъ и Моцкинымъ, сдѣлалъ въ одномъ изъ засѣданій делегаціи сообщеніе о той части моей работы, которая могла интересовать еврейскую делегацію.

Изъ представителей общерусскаго политическаго теченія я въ первую очередь повидался съ Маклаковымъ. Я зналъ его лично еще со времени московскаго процесса евреевъ-дантистовъ, но ближе мы познакомились уже въ подготовительной стадіи дѣла Бейлиса, а затѣмъ и на самомъ процессѣ. И я предвидѣлъ, что этотъ умный, тонкій человѣкъ, всегда отличавшійся умѣніемъ понять не только единомышленниковъ, но и противниковъ, сразу разберется, въ какой плоскости можно искать хотя-бы нѣкотораго примиренія и даже совмѣстнаго сотрудничества представителей различныхъ группировокъ и направленій, объединенныхъ сознаниемъ необходимости борьбы съ анархіей и водворенія порядка на Востокѣ Европы.

Мое конкретное предложеніе заключалось въ слѣдующемъ. При Конференціи мира въ Парижѣ имѣются делегаціи и миссіи Украины, Дона, Кубани, Грузіи, Азербейджана, Арменіи, горцевъ Сѣвер-

наго Кавказа, Бѣлоруссіи, Литвы, Латвіи и Эстоніи. Но зато совершенно отсутствуетъ представительство отъ Великороссіи, такъ какъ и «русское политическое совѣщаніе», и группа російскихъ соц.-революціонеровъ выступаютъ отъ имени всей Россіи, либо Всероссийскаго Учредительнаго Собранія. Такое соотношеніе силъ создаетъ полную неразбериху и путаницу. Часть не можетъ договариваться съ цѣлымъ, разъ это цѣлое говоритъ и отъ имени этой части. Если-же образуется группа, говорящая только отъ имени Великороссіи, то сразу-же явится возможность и почва для начала переговоровъ такой группы съ выше названными делегаціями различныхъ частей бывшей Россійской Имперіи. Я предлагалъ, въ связи съ этимъ, создать совѣщательный органъ при Конференціи мира въ составѣ представительства отъ Великороссіи, Украины, Эстоніи, Дона и всѣхъ остальныхъ перечисленныхъ выше земель въ количествѣ пяти делегатовъ отъ каждой группы. Принимая-же во вниманіе огромные размѣры Сибири, я вводилъ поправку къ этой схемѣ въ видѣ возможности допущенія отдѣльнаго представительства Сибири.

Основными лозунгами такого объединенія всѣхъ этихъ группъ могли явиться, по моему предложенію, общая борьба противъ большевизма, признаніе права каждой изъ земель, каждаго изъ національно государственныхъ новообразованій, равно какъ и Великороссіи и Сибири, на созывъ своего Учредительнаго Собранія, единственно компетентнаго въ разрѣшеніи судебъ каждой данной земли, и мирная пропаганда идеи о желательности сближенія впоследствии этихъ земель на началахъ свободныхъ между ними договоровъ, т. е. на началахъ конфедераціи.

Въ общихъ чертахъ, это было дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей, положенныхъ въ основу проекта соглашенія Украины, Дона, Кубани и Бѣлороссіи въ Одессѣ (см. главу X-ую).

Маклаковъ отнесся съ большимъ интересомъ къ этому предложенію. Мы не разъ возвращались къ его обсужденію. Ему самому, какъ послу, было неудобно и даже невозможно взять на себя представительство Великороссіи. Но онъ обѣщаль подумать о томъ, кто могъ-бы взять на себя организацію такого представительства.

Прошло довольно продолжительное время въ этихъ поискахъ подходящаго человѣка. Въ результатѣ Маклаковъ ни на комъ не могъ остановиться.

Въ этомъ, въ сущности, не было ничего удивительнаго, такъ какъ такихъ великороссовъ, которые согласились-бы говорить только отъ имени одной Великороссіи, а не всей Россіи, въ природѣ пока не было . . .

Параллельно съ этимъ, по инициативѣ Р. М. Бланка и Н. А. Лазаркевича, со мною вступили въ переговоры члены Учредительнаго Собранія, соц.-рев. Соколовъ, Слонимъ и Сухомлинъ. Я изложилъ имъ мой проектъ и мнѣ казалось вначалѣ, что можно будетъ столковаться. Мы условились, что мнѣ дадутъ отвѣтъ на мое предложеніе въ ближайшіе дни.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней меня посѣтили Керенскій и Вишнякъ, уполномоченные для продолженія переговоровъ. Но съ первыхъ-же словъ Керенскаго выяснилось, что ни онъ, ни Вишнякъ даже не ознакомились еще съ содержаніемъ моего предложенія. Пришлось повторить все съ самаго начала.

Керенскій выступилъ съ горячими и пространными возраженіями противъ моего проекта. Онъ увлекся, уклонился въ сторону, сталъ говорить о томъ, что грузинскій крестьянинъ не можетъ обойтись безъ русскаго языка, безъ Пушкина и Толстого. Говорилъ онъ искренно, вдохновенно, но надо было договориться до чего-либо конкретнаго, а потому я просилъ его формулировать какое-либо отвѣтное предложеніе, разъ онъ считаетъ мой планъ неприемлемымъ.

Туть-то и повторилась старая исторія. «Россійская демократія должна договориться съ народностями», послѣдовала стереотипный отвѣтъ Керенскаго. Когда-же я указалъ ему на то, что и великороссы являются народностью и что, съ другой стороны, общее понятіе о Россійской демократіи складывается изъ демократій всѣхъ народностей, онъ меня нетерпѣливо перебилъ и заявилъ, что я «ловлю его на словахъ». Но тутъ-же онъ снова впалъ въ ту-же логическую погрѣшность и заявилъ, что считаетъ себя не великороссомъ, а русскимъ. Выходило, что Церетелли и Маціевичъ или Винниченко должны говорить отъ имени народностей, а Керенскій и Авксентьевъ — отъ имени демократіи. И я никакъ не могъ согласиться съ такой постановкой вопроса, такъ какъ ни на секунду не могъ забыть той азбучной истины, что Церетелли такой-же представитель демократіи, какъ и Керенскій, и что Авксентьевъ также не безъ роду и племени, какъ и Чхеидзе или Пипъ. . .

Закончилось это свиданіе также весьма характерно для нашихъ старыхъ Россійскихъ нравовъ. Какъ и въ первый разъ, мнѣ сказали на прощанье, что «черезъ 4—5 дней дадутъ отвѣтъ». А когда мы собрались въ слѣдующій разъ у Авксентьева, то Керенскій уже

не явился и мнѣ опять пришлось излагать Авксентьеву все съ самаго начала, такъ-какъ оказалось, что онъ еще не былъ посвященъ въ исторію нашихъ предыдущихъ переговоровъ.

Авксентьевъ не прибавилъ по существу ничего новаго къ тому, что сказала Керенскій. Опять прозвучала формула о сговорѣ россійской демократіи съ народностями. Опять заявленіе о томъ, что онъ, Авксентьевъ, считаетъ себя русскимъ, а не великороссомъ.

Невольно вспоминалось старое время самодержавія, когда правительство царя иногда снисходило къ выслушиванію мнѣній народностей, а затѣмъ рѣшало по своему усмотрѣнію ихъ судьбы. Вспоминался султанъ, принимающій на торжественномъ своемъ выходѣ представителей народностей, живущихъ въ Оттоманской Имперіи, картина, столь знакомая тѣмъ, кто хоть разъ побывалъ въ циркѣ и видѣлъ пантомимы изъ жизни турецкаго или персидскаго двора!

Только на сей разъ, на смѣну царю и султану, говорить съ народностями должны были представители демократіи.

А между тѣмъ давно-ли тѣ-же россійскіе социалисты-революціонеры, къ которымъ принадлежали Керенскій и Авксентьевъ, сами требовали на своемъ съѣздѣ въ Москвѣ (лѣтомъ 1917-го года) представленія самимъ народностямъ права на полное самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія? Теперь представители демократіи брали это право обратно . . .

Заколдованный кругъ . . . Я вовсе не хотѣлъ «придираться къ словамъ», какъ это думалъ Керенскій. Но все-таки выходило все это очень ужъ не-

ладно, такъ-какъ получалось, что Великороссія — это демократія, а Эстонія и Грузія — народности . . .

Все это покоилось на косности и привычкѣ къ старой революціонной терминологіи. Способные, культурнѣйшіе люди, разбивавшіеся въ самыхъ сложныхъ вопросахъ науки, общественной и государственной жизни, не могли все еще отказаться отъ своихъ старыхъ навыковъ мышленія. Авксентьевъ и Керенскій говорили отъ имени «русской демократіи», Львовъ и Чайковскій отъ имени «русскаго народа», которому противопоставлялось понятіе входившихъ, по ихъ мнѣнію, въ его-же составъ народностей (кромѣ, опять таки, великорусской) . . .

Навѣстилъ я въ Парижѣ и Н. В. Чайковскаго, котораго лично зналъ по работѣ въ комитетѣ трудовой народно-соціалистической партіи. Этотъ обаятельный старецъ, одинъ изъ лучшихъ людей Россіи, глубоко страдалъ отъ всего того, что творилось тамъ, на необъятныхъ пространствахъ родины, которой онъ отдалъ всю свою праведную жизнь. Радость, что ему удалось увидѣть конецъ самодержавія, съ которымъ онъ боролся не на жизнь, а на смерть, была такъ быстро и такъ непоправимо отравлена . . .

Наиболѣе трезво и дальновидно смотрѣлъ въ то время на весь ходъ событій и на открывающіяся перспективы Савинковъ, съ которымъ я тогда только что познакомился. Съ той поры мы не видѣлись и я знаю о его теперешней дѣятельности лишь по газетамъ и по наслышкѣ.

Въ первые-же дни моего приѣзда въ Парижъ я сталъ посѣщать министерство иностранныхъ дѣлъ,

гдѣ имѣется спеціальный «отдѣлъ по русскимъ дѣламъ». Согласно распредѣленію работы въ нашей делегациі, Шульгинъ и я должны были обратить въ то время особое вниманіе на Францію и ея отношеніе къ украинскому вопросу. На общихъ теченіяхъ французской политики я остановлюсь немного позже. Пока же, въ интересахъ хронологической послѣдовательности, я долженъ спеціально выдѣлить ту частную задачу, которую наша делегация тогда преслѣдовала.

Уходъ французовъ изъ Одессы отнюдь не предрѣшалъ ихъ дальнѣйшаго отношенія къ Украинѣ. И намъ не безъ основаній представлялось, что Франція предпочитаетъ, въ качествѣ театра военныхъ дѣйствій Украины противъ большевиковъ, не Черное море, а Галицію. А такъ какъ и украинское правительство находилось въ это время какъ разъ у границъ Галиціи, то мы и прилагали наши усилія къ тому, чтобы была послана французская военная миссія и всякая иная помощь для оказанія поддержки украинской арміи.

Уже 6-го мая Шульгинъ представилъ министерству меморандумъ по этому вопросу.

19-го мая послѣдовалъ официальный отвѣтъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ виду огромной важности этого документа, характеризующаго взгляды французскаго правительства того времени, полагаю наиболѣе цѣлесообразнымъ привести его полностью¹⁾.

На бланкѣ «отдѣла по русскимъ дѣламъ» министерство запечатлѣло нижеслѣдующее:

¹⁾ Примѣчаніе. Подлинный французскій текстъ этой ноты французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ напечатанъ въ отдѣлѣ «Приложеній», N. 2.

«6-го сего мая г. Шульгинъ обратился съ меморандумомъ, въ которомъ ссылается на предыдущія обращенія къ французскому правительству съ цѣлью полученія отъ него матеріальной и моральной помощи, необходимой Украинѣ для успѣшной борьбы противъ русскаго большевизма.

Французское правительство счастливо засвидѣтельствовать полное соотвѣтствіе его собственнымъ чувствамъ позиціи, занимаемой украинцами по отношенію къ большевикамъ, которые являются, прежде всего, врагами челоувѣчества. Французское правительство не можетъ остаться индифферентнымъ къ обращеннымъ къ нему призывамъ въ этомъ вопросѣ. Оно расположено къ посылкѣ въ настоящее-же время въ Галицію военной миссіи, усиленіе которой будетъ зависѣть отъ разрѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, въ направленіи, согласномъ съ взглядами Конференціи Мира.

Во всякомъ случаѣ, имѣя въ виду настоящія политическія условія, поддержка Франціи должна быть основана на нижеслѣдующихъ общихъ соображеніяхъ.

Въ настоящее время французское правительство лишено возможности какого-либо вмѣшательства между украинцами и поляками относительно обладанія Лембергомъ. Этотъ вопросъ подлежитъ разсмотрѣнію Конференціи Мира. Необходимо, чтобы украинцы и поляки объединились въ ихъ борьбѣ противъ общаго врага, большевизма, забыли свои взаимныя личныя притязанія и прекратили враждебныя другъ съ другомъ дѣйствія, и безъ того долго тянувшіяся. Въ связи съ этимъ должно быть ясно, что французскіе офицеры ни въ коемъ случаѣ не станутъ обслуживать фронтъ галиційскихъ операцій,

равно какъ и принимать участіе въ организаціи борьбы на этомъ фронтѣ.

Наконецъ, помощь Франціи не должна оказаться благопріятствующей ни одной изъ сторонъ для организаціи впоследствии войскъ съ цѣлью борьбы противъ устойчивыхъ элементовъ Россіи, или тѣхъ группъ, которыя французское правительство признаетъ таковыми, а именно — противъ армій Колчака и Деникина — въ томъ случаѣ, если-бы таковыя, въ своемъ наступленіи противъ большевиковъ, проникли на украинскую территорію. Такія-же оговорки сдѣланы специально противъ участія офицеровъ въ такого рода операціяхъ, причемъ имъ будутъ даны на сей предметъ самыя точныя инструкціи при ихъ отъѣздѣ, съ указаніемъ, что они должны немедленно удалиться съ рутено-украинскихъ территорій, если для нихъ представится рискъ вступить въ конфликтъ съ названными военными російскими элементами.

Представляется весьма срочнымъ, чтобы г. Шульгинъ сообщилъ свое полное согласіе съ вышеназванными условіями, для ускоренія посылки, безъ замедленій, названной миссіи въ Галицію.»

20-же мая Шульгинъ, отъ имени украинской делегаціи, препроводилъ министерству письмо слѣдующаго содержания:

«Въ отвѣтъ на ноту Министерства Иностраннхъ Дѣлъ отъ 19-го мая 1919 г. имѣю честь, отъ имени Делегаціи Украинской Республики въ Парижѣ, выразить благодарность Министерству за рѣшеніе послать военную миссію, которая принесетъ намъ свою матеріальную помощь въ борьбѣ противъ русскаго большевизма.

Что касается условий, на которыхъ предложена посылка инструкторовъ и снаряженія, то долженъ объявить, что въ намѣренія украинскаго правительства отнюдь не входитъ ихъ использование ни противъ поляковъ, ни противъ войскъ Колчака или Деникина. Въ томъ-же исключительномъ случаѣ, когда военныя операціи привели-бы на украинскую территорію какія-либо антибольшевистскія войска, оперирующія въ контактѣ съ Антантою, явится необходимость заключать немедленно для каждаго такого случая соотвѣтствующее соглашеніе съ правительствомъ Украинской Республики.»

Это заявленіе Шульгина вызвало полное удовлетвореніе со стороны министерства. Начались переговоры о составѣ французской военной миссіи, объ ея задачахъ и подробной программѣ ея дѣятельности, о днѣ ея отъѣзда. Въ теченіе всего лѣта мы съ Шульгинымъ не прекращали работы въ этомъ направленіи. Но пришла и осень, а миссія все не ѣхала . . . Не поѣхала она и по сей день!

Сколько надеждъ было погребено одновременно съ этой миссіей! Въ частности, я хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нею и взять специально на себя всю постановку вопроса о будущей защитѣ еврейскаго населенія отъ дальнѣйшихъ послѣдствій анархій.

И когда я былъ на аудіенціи у министра иностранныхъ дѣлъ Пишона вмѣстѣ съ Панейко и Шульгинымъ, я специально и подробно развивалъ предъ Пишономъ все то, что необходимо сдѣлать для борьбы съ антисемитизмомъ и прекращенія на будущее время возможности повторенія погромовъ. Пока-же, до предполагавшейся тогда поѣздки на мѣсто французской миссіи, я взывалъ къ Пишону съ просьбой объ

издані деклараціи французскаго правительства съ осужденіемъ погромовъ. Я ссылался на примѣръ Англіи, завоевавшей себѣ горячія симпатіи еврейскаго народа деклараціей Бальфура о Палестинѣ . . . Я указывалъ на то, что намъ извѣстно то преимущественное вліяніе, которое отведено Франціи (по ея тайному договору съ Англіею) въ отношеніи Украины, Польши и Румыніи, т. е. какъ разъ тѣхъ территорій, гдѣ живетъ большинство еврейскаго народа всего земного шара.

Декларація Франціи по еврейскому вопросу могла ей создать симпатіи и вѣчную признательность этихъ нѣсколькихъ милліоновъ евреевъ.

Старикъ Пишонъ внимательно слушалъ, одобрительно кивалъ головою, записывалъ . . . Онъ обѣщаль сдѣлать все возможное. Но декларація не появилась, а посылка французской военной миссіи не состоялась.

Столь-же безрезультатными оказались мои заявленія по этому-же вопросу на аудіенціи украинской делегаціи у Клемансо. Эта аудіенція состоялась главнымъ образомъ по вопросу о захватѣ польской арміей Галлера украинской части Галиціи. Эта основная часть доклада была возложена на Панейко, Шульгинъ взялъ на себя разъясненія о Директоріи и правительствѣ, мнѣ-же было поручено остановиться на вопросѣ о судьбахъ національныхъ меньшинствъ и, въ частности, еврейства.

Клемансо былъ очень любезенъ, но во всѣхъ его короткихъ отвѣтныхъ репликахъ чувствовалась неискренность и явное желаніе скрыть отъ насъ свои настоящія мысли, симпатіи и стремленія въ отношеніи Польши, Украины и, вообще, всего вопроса

о русском наследствѣ. Онъ порицалъ дѣйствія Галлера, соглашался, что среди польской интеллигенціи очень много реакціонеровъ и антисемитовъ . . . Но все-же мы находились тогда въ кабинетѣ главного сторонника созданія огромнѣйшаго польскаго государства за счетъ земель сосѣднихъ народовъ, отца французской идеи о великой Польшѣ. И сколько ни старался этотъ испытанный старый дипломатъ вселить въ насъ, случайныхъ и невольныхъ диллентантовъ дипломатіи, вѣру въ его неудовольствіе по адресу Галлера, мы все-же ушли отъ него съ иными думами по сему предмету . . .

Для изложенія подробностей этой бесѣды время еще не наступило.

Въ частности, по вопросу о вмѣшательствѣ Франціи во «внутреннее дѣло» защиты еврейства отъ притѣсненій и погромовъ въ странахъ Восточной Европы, тотъ-же Клемансо, ничего не сдѣлавшій для украинскихъ евреевъ, выступилъ съ громовымъ письмомъ по поводу еврейскихъ погромовъ и взрывовъ антисемитизма въ Польшѣ. Письмо это, адресованное, насколько помнится, Падаревскому, было опубликовано въ газетахъ, произвело огромное впечатлѣніе на польское правительство и населеніе. Погромы въ Польшѣ прекратились и продолжались лишь отдѣльные случаи издѣвательства надъ евреями въ поѣздахъ, на улицахъ, сопровождающіеся отрѣзаніемъ бороды, удаленіемъ изъ поѣздовъ и т. д. Письмо было написано въ очень сильныхъ выраженіяхъ, на сей разъ Франція, дѣйствительно, являлась защитницей угнетенныхъ и выступала съ открытымъ забраломъ противъ несправедливости и жестокихъ самосудовъ надъ невиннымъ еврейскимъ населеніемъ. Но это было

сдѣлано лишь для Польши, Франція сознавала недопустимость погромовъ въ странѣ, которой она такъ покровительствуетъ. Ей необходимо было озаботиться не только о прекращеніи погромовъ въ Польшѣ, но и о спасеніи престижа самой Польши, какъ вновь нарождающагося государства, въ глазахъ Америки, Англіи и всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Тѣни убитыхъ и умученныхъ евреевъ на Украинѣ и стоны живыхъ уцѣлѣвшихъ, ихъ страхи за ближайшее будущее, такъ и не вызвали такого-же вмѣшательства Клемансо либо его сотрудниковъ по Конференціи мира въ защиту еврейства на Украинѣ... Во внутреннія дѣла Украины они такъ-таки и не пожелали вмѣшиваться . . .

Въ «русскомъ отдѣлѣ» французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ явно ощущалось тяготѣніе къ старой ориентации Франціи на единую и сильную Россію. Пишонъ, Бертело и Камереръ находились въ то время подъ сильнымъ вліяніемъ той доминирующей мысли, что Россія въ концѣ концовъ непременно возстанетъ, что если даже предпріятія Колчака, Деникина и Юденича не приведутъ къ такому результату, то это случится позже «чисто стихійнымъ путемъ». Съ одной стороны, чувство долга къ бывшей союзницѣ, столь содѣйствовавшей въ началѣ войны спасенію Парижа, съ другой стороны чувство страха предъ такой стихійной возможностью возстановленія Россіи, удерживали Министерство отъ выявленія сочувствія полному осуществленію права народовъ Россіи на самоопредѣленіе. Пишонъ и его сотрудники находились въ то время подъ вліяніемъ круговъ Савонова, а также Маклакова. И они говорили

вслѣдъ за ними о созданіи единой Россіи «съ автономіями для народностей». Они видѣли по прежнему въ такой будущей физически-мощной Россіи свой оплотъ на Востокъ противъ Германіи.

Относясь скептически къ боевымъ способностямъ Деникина и весьма раздраженные тѣмъ, что этотъ генераль считался все время съ одной лишь Англіей, какъ главной его покровительницей, министерскіе круги¹⁾ все-же настоятельно рекомендовали намъ путь соглашенія съ арміей и правительствомъ Деникина. Они указывали намъ, что сила Деникина заключается въ упорной поддержкѣ со стороны Англіи, и вѣрили въ возможность его конечнаго успѣха при помощи англійскихъ танковъ и пушекъ.

Эта ориентація Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на Россію не раздѣлялась, однако, нѣкоторыми вліятельными военными и общественными кругами Франціи.

Куда больше симпатій и дѣйственной поддержки со стороны этихъ вліятельныхъ круговъ вызывала ориентація на Польшу. Эта ориентація заключалась въ проектѣ созданія, въ противовѣсъ Германіи, великой Польши, за счетъ сосѣднихъ германскихъ, бѣлорусскихъ, литовскихъ и особенно значительной части украинскихъ земель. Проектъ созданія такой великой Польши пользовался особенно сильными симпатіями военныхъ круговъ Франціи и самаго Клемансо. Послѣдніе готовы были, въ тайникахъ своей души, признать на бумагѣ независимость маленькой Украины, фактически подчиненной Польшѣ.

¹⁾ Примѣчаніе. Рѣчь идетъ все время о французскомъ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ періодъ весны и лѣта 1919-го года.

шѣ и идущей у нея на буксирѣ, въ качествѣ пушечнаго мяса противъ Германіи. Завершеніемъ такой коалиціи Великой Польши и Маленькой Украины на Востокѣ являлся планъ привлеченія къ ней Румыніи, а если удастся, то и Чехословакіи.

И Польша, и Румынія, и Чехословакія имѣють свои виды и притязанія на сохраненіе за собою различныхъ земель съ украинскимъ населеніемъ. На этихъ притязаніяхъ отчасти и была построена идея коалиціи, причемъ руководящая роль предназначалась Польшѣ, какъ наиболѣе вѣрной и надежной союзницѣ Франціи. Общипанная съ запада въ пользу Польши, Румыніи и Чехо-Словакіи, Украина рисовалась въ воображеніи авторовъ этого проекта лишь въ границахъ до Днѣпра, лѣвая-же часть Приднѣпровья предназначалась для успокоенія притязаній Великороссіи.

Весьма характерно, что названныя двѣ ориентаціи, на Россію или на Польшу, никогда рѣзко не противопоставлялись одна другой предъ внѣшнимъ міромъ. Представители столь различныхъ взглядовъ и политическихъ прогнозовъ о желательности той или иной политики Франціи въ Восточной Европѣ дѣйствовали, какъ-бы по молчаливому уговору, параллельно. Ставили какъ-бы на двѣ карты, страховали себя на оба случая . . . Не удастся сильная Польша, будетъ сильная Россія, и наоборотъ. Суть въ томъ, чтобы имѣть впослѣдствіи сильную опору противъ нѣмцевъ въ лицѣ того или другого мощнаго союзника . . .

Мысль-же о возможности пріобрѣтенія въ Восточной Европѣ нѣсколькихъ друзей и ихъ симпатій, въ лицѣ всѣхъ или большей части народовъ

бывшаго Россійскаго государства, плохо вязалась со всёми укладомъ и навыками французской политики и съ основными свойствами французскаго мышленія и чувствованія. Французы были слишкомъ проникнуты и пропитаны духомъ централизма. Сама Франція, какъ централистически-бюрократическое государство, является живымъ примѣромъ психологій французскаго народа и его самыхъ талантливыхъ представителей въ вопросахъ системы государственнаго строительства. Трудно было сразу примириться съ утерей одного сильнаго союзника на Востокъ и необходимостью пріисканія на его мѣсто нѣсколькихъ союзниковъ, въ лицѣ новыхъ государственныхъ образований.

И лишь небольшая группа депутата Франкленъ-Бульона, Пелисье и нѣсколько другихъ искреннихъ друзей Украины, обстоятельно изучившихъ украинскій вопросъ, питали дѣйствительное сочувствіе къ справедливымъ домоганіямъ украинскаго народа и оказывали посильное содѣйствіе украинской делегаціи въ ея работѣ въ Парижѣ. Вполнѣ добросовѣстно и разумно эта группа совѣтовала намъ ставить требованіе объ Украинскомъ Учредительномъ Собраніи въ качествѣ основного лозунга нашей программы, отодвигая вопросъ объ окончательномъ устройствѣ Украины до того времени, когда явится возможность созыва и вотума названнаго Учредительнаго Собранія по этому вопросу. Для ближайшаго-же времени она рекомендовала добиваться фактическаго признанія Украинской Директоріи и правительства и оказанія имъ моральной и технической помощи въ борьбѣ съ анархіей и большевизмомъ.

Таково было положеніе украинскаго вопроса весной и лѣтомъ 1919 года во Франціи, таковы были тогда политическія оріентаціи правительственныхъ и общественныхъ группъ Франціи по вопросу о судьбахъ Восточной Европы.

Было ясно, что надежды, возлагавшіяся руководителями украинской политики на Францію, не оправдались. А между тѣмъ сама Франція дала въ свое время серьезныя основанія для вѣры въ ея готовность оказать поддержку Украинѣ и украинскому народу въ его стремленіи къ независимости. Достаточно упомянуть, что Франція первая официально признала Украинское Правительство Центральной Рады и еще въ декабрѣ 1917-го года, почти за два мѣсяца до заключенія Брест-Литовскаго мира, назначила генерала Табуи своимъ официальнымъ представителемъ при Украинскомъ правительствѣ. Назначеніе представителя Англии, Пиктона Багге, послѣдовало нѣсколькими днями позже, въ началѣ января 1918-го года.¹⁾

Изъ сопоставленія этихъ датъ явствуетъ, что первыми на путь признанія Украины вступили не Центральныя Державы, а Франція и Англія.

¹⁾ Примѣчаніе. Въ отдѣлѣ «Приложеній» (N. 1.) воспроизводится содержаніе нотъ наванныхъ представителей Франціи и Англии на имя Украинскаго правительства Центральной Рады, при коротомъ они были аккредитированы.

ГЛАВА XIII.

Англія и Деникинъ. Англійская Делегація. Сидоренко и Лансингъ. Василько. Мой уходъ изъ состава Делегаціи.

Въ маѣ 1919 года я поѣхалъ на нѣсколько дней, по порученію украинской делегаціи, въ Лондонъ. Спеціальная украинская миссія, назначенная для Англии, находилась еще въ пути, въ Даніи, гдѣ ожидала получения визъ для въѣзда въ Англію, и прибыла въ Лондонъ лишь въ іюнѣ.

Во главѣ «русскаго отдѣла» въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ стоялъ тогда мистеръ Сельби. Съ первыхъ-же словъ онъ прямо заявилъ мнѣ, что англійское правительство сочувственно относится къ арміи Деникина и къ ея задачамъ по искорененію анархіи и водворенію порядка на всемъ югѣ Россіи. Выслушавъ мое весьма подробное сообщеніе о характерѣ и задачахъ украинскаго движенія, а также о фактическомъ положеніи на мѣстѣ, каковое я лично наблюдалъ до самого конца марта въ Одессѣ, онъ откровенно сказалъ мнѣ, что въ Англии мало еще знакомы съ украинскимъ движеніемъ и что наилучшимъ путемъ борьбы съ большевиками онъ считаетъ соединеніе или даже сліянiе украинской арміи съ арміей Деникина. Идеаломъ-же государственнаго устройства для Украины являлась, по его мнѣнію, федерація съ Великороссіей.

Въ тотъ-же день мы снова увидѣлись и онъ вручилъ мнѣ известную декларацію «русскаго политическаго совѣщанія» въ Парижѣ отъ 9-го марта 1919-го года съ просьбою написать для министерства заключеніе по поводу всего, въ ней изложеннаго.

Я поспѣшилъ съ исполненіемъ этой просьбы и на другой-же день послалъ ему, въ формѣ письма на его имя, мое заключеніе по главнымъ пунктамъ Декларации русскаго политическаго совѣщанія.

При слѣдующемъ свиданіи м-ръ Сельби выразилъ мнѣ отъ имени лорда Керсона и отъ себя благодарность за мое заключеніе. Вообще, онъ проявилъ самый живой интересъ ко всѣмъ моимъ сообщеніямъ. Чувствовалось, что многое было для него совершенно новымъ. Въ этомъ и не было ничего удивительнаго, принимая во вниманіе, что до моего пріѣзда въ Англію всѣ свѣдѣнія Министерства черпались либо изъ російскихъ реакціонныхъ круговъ, либо, въ лучшемъ случаѣ, изъ среды проживавшаго тогда въ Англіи Милюкова и его единомышленниковъ.

Визы для украинской спеціальной миссіи, находившейся, по пути въ Англію, въ Даніи, были уже посланы въ Копенгагенъ, и я рѣшилъ возвратиться въ Парижъ. Прощаясь со мною, Сельби совѣтовалъ мнѣ вступить въ контактъ съ англійской Делегацией при Конференціи Мира въ Парижѣ.

Мое заключеніе о Декларации русскаго политическаго совѣщанія было опубликовано въ «Temps» и въ другихъ газетахъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ. Сидоренко и нѣкоторые другіе члены делегации находили, что послѣдняя часть заключенія оставляетъ слишкомъ много надеждъ на возможность федераціи. По ихъ мнѣнію, это могло совдаться не-

правильное представлѣніе о дѣйствительной волѣ украинскаго народа и даже повредить въ вопросѣ немедленнаго признанія хотя-бы de facto украинскаго правительства. Поэтому они высказались противъ опубликованія нѣсколькихъ послѣднихъ строчекъ. И хотя я не былъ согласенъ съ этими соображеніями, но въ то время я состоялъ членомъ делегаціи и не могъ не считаться съ этимъ мнѣніемъ. Теперь-же этотъ вопросъ уже утратилъ свою остроту — и я счелъ возможнымъ опубликовать въ настоящей книгѣ, въ отдѣлѣ приложеній, полный текстъ моего письма къ м-ру Сельби, вмѣстѣ съ текстомъ Декларациі русскаго политическаго совѣщанія отъ 9-го марта 1919-го года.¹⁾ Все, что было высказано мною въ этомъ документѣ, составляетъ и въ настоящее время точное воспроизведеніе моихъ взглядовъ на тѣ единственныя пути къ искорененію анархіи, приостановленію полнаго развала и паралича хозяйственной жизни и къ началу государственнаго строительства на Востокѣ Европы, которыя еще существовали въ 1919-мъ году.

Мой визитъ къ сэру Говарду, одному изъ главныхъ сотрудниковъ англійской делегаціи въ Парижѣ, и наша бесѣда были, въ сущности, продолженіемъ переговоровъ съ мистеромъ Сельби въ Лондонѣ. Но у Говарда уже не наблюдалось той предвзятости и вѣры по отношенію къ Деникину, которыя такъ ярко были выражены у Сельби при первомъ нашемъ разговорѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія въ помѣщеніе нашей делегаціи неожиданно явился профессоръ Эдинбургскаго университета Симпсонъ, со-

¹⁾ Примѣчаніе. См. Приложенія, N. 5.

трудникъ Говарда, спеціалистъ въ области государ-
ствовѣдѣнія, и обратился ко мнѣ отъ имени Говарда
съ просьбою составить для англійской делегаціи
«проектъ конституціи» или планъ будущаго госу-
дарственнаго устройства всѣхъ земель, входившихъ
въ составъ бывшей Россійской Имперіи. Это пред-
ложеніе было весьма для меня лестнымъ. Но оно
свидѣтельствовало о томъ, что отъ меня ждуть больше
того, чѣмъ я могъ дать . . . У меня было вполне
ясно сложившееся убѣжденіе о томъ, что слѣдуетъ
предпринять въ борьбѣ съ анархіей въ данный
моментъ, я былъ убѣжденнымъ сторонникомъ при-
знанія и поддержки всѣхъ новообразовавшихся пра-
вительствъ въ ихъ борьбѣ съ анархіей и большевиз-
момъ вплоть до востановленія нормальныхъ условій
жизни и до созыва Учредительныхъ Собраній. Но
болѣе далекое будущее представлялось для меня
весьма неопредѣленнымъ. Каковъ, напримѣръ, будетъ
вотумъ бѣлорускаго Учредительнаго Собранія, ка-
кова будущая судьба Арменіи, Туркестана и т. д. —
все это были для меня неразрѣшимые вопросы. Кромѣ
того я объяснилъ Симпсону, что не считаю себя до-
статочно компетентнымъ для выполненія такого от-
вѣтственнаго и чрезвычайно труднаго заданія.

Мы помирились на томъ, что я представляю, въ
видѣ проекта резолюціи Конференціи мира, мои
предположенія о ближайшихъ необходимыхъ шагахъ
къ умиротворенію Восточной Европы. Я предупредилъ
при этомъ, что эти предположенія должны быть
разсматриваемы, какъ мои личныя и не обязатель-
ныя ни для украинской делегаціи, ни для украин-
скаго правительства, съ которымъ не было тогда
возможности быстро снестись.

Въ отдѣлѣ приложеній читатель можетъ найти текстъ изготовленнаго мною проекта резолюціи и моего частнаго письма къ профессору Симпсону. (N. 6).

По моимъ свѣдѣніямъ, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ средѣ англійской делегаціи не было единства взглядовъ по вопросамъ, затронутымъ въ моемъ проектѣ резолюціи. Большинство англійскихъ политиковъ держалось еще тогда ориентаціи на Деникина. Говардъ и Симпсонъ, насколько я могъ разобратъся, принадлежали къ меньшинству и раздѣляли взгляды, изложенные въ моемъ проектѣ резолюціи. Вскорѣ Говардъ былъ назначенъ англійскимъ посломъ въ Швецію, а затѣмъ въ Испанію. Съ профессоромъ Симпсономъ я встрѣчался потомъ въ Англии, весной 1920-го года. Онъ вышелъ изъ состава министерства иностранныхъ дѣлъ и вернулся къ профессорской дѣятельности въ Эдинбургѣ. Изъ разговоровъ съ нимъ я убѣдился, что мое представленіе объ ориентаціи англійской делегаціи въ Парижѣ было правильнымъ.

Симпсонъ продолжалъ живо интересоваться судьбою всѣхъ народностей, возродившихся послѣ російской катастрофы. Онъ пригласилъ д-ра Вишницера въ Эдинбургъ и Глазго для прочтенія публичныхъ лекцій на тему о судьбахъ и стремленіяхъ этихъ народовъ. Лекціи эти прошли съ большимъ успѣхомъ и вызвали большой интересъ къ данному вопросу среди присутствовавшихъ.

Сношенія съ итальянской и японской делегаціями, равно какъ и переговоры съ поляками о положеніи и судьбѣ Галиціи, входили преимущественно въ кругъ компетенціи товарища предсѣдателя нашей

делегации, д-ра Панейко. Что-же касается румынской делегации, то съ нею поддерживали отношенія и самъ Сидоренко, и прїѣхавшій въ концѣ іюня въ Парижъ Галипъ.

Изъ состава американской делегации больше всѣхъ интересовался нашимъ вопросомъ профессоръ Лордъ, по его должности завѣдующаго «отдѣломъ русскихъ дѣлъ». Съ нимъ мы всѣ видѣлись довольно часто. Но онъ интересовался всегда только фактической стороной дѣла и своихъ сужденій никогда не высказывалъ.

Панейко мрачно смотрѣлъ на положеніе нашего вопроса и не вѣрилъ въ помощь Антанты. Шульгинъ и я также не видѣли въ то время (конецъ іюня) основаній для радужныхъ надеждъ въ отношеніи ближайшаго будущаго.

Зато Сидоренко находилъ, что все идетъ блестяще, и посылалъ правительству весьма оптимистическіе доклады о положеніи дѣлъ.

Объяснялось это не только его прирожденнымъ оптимизмомъ и упорной вѣрой въ достиженіе того, къ чему онъ стремился, но и его пристрастіемъ къ даннымъ, исходившимъ отъ такъ-называемой «контръ-развѣдки» . . . Его окружали разные люди, отъ которыхъ онъ черпалъ свои свѣдѣнія. Я лично и по сей день не знаю, кто были эти люди, такъ-какъ никогда этимъ не интересовался и, вообще, не видѣлъ необходимости въ самомъ существованіи при нашей Делегации такого рода контръ-развѣдочнаго института. Но фактъ тотъ, что именно эти люди и вводили Сидоренко въ заблужденіе.

Особенно вѣрилъ Сидоренко въ благожелательное отношеніе къ украинскому вопросу и рѣшеніе признать Украину со стороны американской делегации.

Я охотно, поэтому, воспользовался любезностью Лорда, который устроилъ мнѣ и извѣстному галиційскому дѣятелю, прис. повѣр. Окуневскому, совмѣстную аудіенцію у Лансинга, бывшаго тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Это свиданіе, состоявшееся 30-го іюня, произвело и на Окуневскаго, и на меня потрясающее впечатлѣніе. Лансингъ проявилъ полное незнакомство съ положеніемъ и слѣпую вѣру въ Колчака и Деникина. Онъ категорически настаивалъ на томъ, чтобы украинское правительство признало Колчака верховнымъ правителемъ и вождемъ всѣхъ противобольшевицкихъ армій. Когда рѣчь зашла о принципахъ Вильсона, примѣненіе которыхъ было предрѣшено въ отношеніи народовъ бывшей Австро-Венгерской монархіи, Лансингъ заявилъ, что онъ знаетъ только объ единомъ русскомъ народѣ и что единственный путь для восстановления Россіи — это федерація, по образцу Соединенныхъ Штатовъ. Когда-же я пытался доказать ему, что какъ разъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ свидѣтельствуетъ о необходимости предварительнаго существованія отдѣльныхъ государствъ, какъ субъектовъ для всякихъ возможныхъ между ними въ будущемъ соглашеній, онъ уклонился отъ отвѣта и сталъ опять упорно призывать насъ къ признанію Колчака.

Правда, то было время оказанія наиболѣе усиленной помощи Колчаку со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Но все-же никогда ни французы, ни англичане не говорили съ нами столь безапелляціоннымъ образомъ.

Такъ на дѣлѣ осуществлялись въ то время принципы Вильсона. Соединенные Штаты поддерживали

Колчака, Англія — Деникина и Юденича, Франція — Галлера . . . Безъ помощи оставался одинъ Петлюра . . .

Пушки Галлера уже были обращены противъ украинской арміи, выдерживавшей въ то-же время непрерывный натискъ большевиковъ. А впоследствии, въ сентябрѣ, послѣ успѣшнаго наступленія украинской арміи и взятія Кіева, къ этому прибавилась война съ арміей Деникина . . . Англія, конечно, и не предвидѣла того обстоятельства, что то оружіе, которымъ она такъ обильно снабжала тогда армію Деникина для войны съ большевиками, будетъ потомъ употреблено противъ украинской арміи, противъ законныхъ стремленій украинскаго народа отстоять своей собственной грудью свою землю и свою свободу.

Послѣ свиданія съ Лансингомъ я уѣхалъ въ Швейцарію. Хотѣлось отдохнуть и на досугѣ обдумать, что можно предпринять, чтобы сдвинуть вопросъ съ мертвой точки. Но еще до моего отъѣзда уже въ полной мѣрѣ назрѣлъ разладъ въ составѣ нашей делегаціи. Шульгинъ и я откровенно заявили Сидоренкѣ, что его тактика и методы насъ не удовлетворяютъ и что его мѣсто долженъ занять въ столь отвѣтственную минуту кто-либо другой, болѣе отвѣчающій условіямъ работы въ то время въ Парижѣ. Наше мнѣніе раздѣляли чуть-ли не поголовно всѣ члены делегаціи. При этомъ обсуждались кандидатуры для замѣстителя. Называли Прокоповича, но мы даже не знали, гдѣ онъ находится. Панейко усиленно рекомендовалъ Липинскаго. И когда я познакомился впоследствии съ Липинскимъ, я убѣдился въ томъ, что Панейко былъ правъ — и что

лучшаго кандидата нельзя было себѣ и представить. Однако, врядъ-ли Липинскій согласился-бы принять такое назначеніе, такъ-какъ онъ, кажется, уже отказался тогда отъ занимаемаго имъ поста украинскаго посла въ Австріи и переживалъ ту эволюцію, которая привела его въ ряды сторонниковъ такъ называемой трудовой монархіи, какъ формы верховнаго правленія для грядущаго украинскаго государства.

Шульгинъ высказывался тогда за кандидатуру графа Тышкевича, который находился въ то время, въ качествѣ украинскаго посла, при Ватиканѣ. Очевидно, онъ очень мало зналъ Тышкевича, иначе онъ никогда не могъ-бы считать его подходящимъ кандидатомъ.

Я лично воздерживался отъ сужденій по этому поводу, такъ-какъ не зналъ еще тогда ни Липинскаго, ни Тышкевича.

Всѣ эти соображенія о необходимости замѣны Сидоренка другимъ лицомъ были сообщены правительству. Въ августѣ Сидоренко былъ отозванъ и одновременно состоялось назначеніе на его мѣсто Тышкевича.

Въ свою очередь, Сидоренко выступилъ тогда-же съ обвиненіемъ Шульгина и меня въ явномъ сочувствіи и содѣйствіи федеративному соединенію Украины съ Великороссіей.

Въ Бернѣ я познакомился съ главой украинской миссіи въ Швейцаріи, барономъ Василько. Красочная фигура этого стараго политическаго дѣятеля сразу приковывала къ себѣ вниманіе. Живые, пронизательные глаза обнаруживали большой практической умъ и энергію. Василько 20 лѣтъ былъ без-

смѣннымъ депутатомъ отъ своей родной Буковины въ австрійскомъ парламентѣ. Онъ былъ однимъ изъ основателей украинскаго политическаго клуба въ Вѣнѣ. Въ тѣ довоенныя времена онъ былъ извѣстенъ, какъ самый ярый противникъ польскаго господства въ Галиціи. Гибкій, воспитанный въ школѣ австрійской дипломатіи, онъ склонялся теперь къ признанію необходимости соглашенія Украины съ той-же Польшею, цѣною хотя-бы большихъ территоріальныхъ уступокъ. Точно также и въ отношеніи Румыніи онъ высказывался за насущную необходимость подобнаго-же соглашенія, во имя котораго онъ готовъ былъ пожертвовать не только Бессарабіей, но даже и родной Буковиною.

Въ одномъ нельзя было не согласиться съ Василько — это въ его оцѣнкѣ одиночества носителей идеи національнаго возрожденія Украины въ ту минуту, когда Антанта въ лицѣ наиболѣе крупныхъ государствъ стала такъ рѣшительно на сторону Колчака и Деникина. Онъ лихорадочно искалъ, поэтому, спасенія отъ большевиковъ и надвигавшейся Деникинской арміи въ сосѣднихъ съ Украиной странахъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ охраненіи самихъ себя какъ отъ нашествія большевистскихъ полчищъ, такъ и отъ образованія сильнаго военнаго государства на Востокѣ въ видѣ единой и унитарной Россіи. Онъ, а съ нимъ и многіе украинскіе политики, рѣшили въ это время, что надо пока примириться съ планомъ созданія Украины, какъ самостоятельнаго государства, хотя-бы и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ того требовали этнографическія начала. Василько указывалъ при этомъ на непостоянство судебъ всѣхъ государствъ и на возможность послѣдующаго рас-

ширенія предѣловъ Украины, съ укрѣпленіемъ и ростомъ ея силы.

Эта политика совпадала съ той французской оріентаціей, которая стремилась къ созданію «Великой Польши».

Но ея слабая сторона заключалась въ одиночествѣ Франціи въ этомъ вопросѣ. Можно было уже и тогда предвидѣть, что Англія и Італія, не говоря уже о Германіи, врядъ-ли пойдутъ по пути стремленій къ созданію на Востокѣ новой мощной военной державы, огромной Польши, въ качествѣ союзницы Франціи, взамѣнъ бывшей Россійской Имперіи.

Всѣ эти соображенія были мною высказаны тогда же Василько, однако не поколебали его взглядовъ по этому вопросу.

Въ концѣ іюля я возвратился въ Парижъ и вскорѣ подалъ въ отставку. Какъ разъ въ это время стали поступать въ делегацію «письма украинскихъ солдатъ», бывшихъ въ Парижѣ, а также анонимныя письма, съ указаніями на то, что Шульгинъ, Панейко и я «хотимъ отдать Украину москалямъ», что мы идемъ на федерацію и т. д. Откуда солдаты получали такія свѣдѣнія, такъ и остается невыясненнымъ.

Шульгинъ также подалъ приблизительно въ то-же время въ отставку, правда, по нѣскольکو инымъ мотивамъ.

Наша отставка не была принята. Министръ иностранныхъ дѣлъ Темницкій (замѣстившій Маціевича) выразилъ намъ по телеграфу довѣріе и настаивалъ на томъ, чтобы мы остались на посту.

Вопросъ былъ оставленъ на самое короткое время открытымъ, впредь до свиданія съ Темницкимъ.

Во второй половинѣ августа прибылъ въ Парижъ Тышкевичъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ изложенія въ «Petit Parisien» своей программы. Это интервью было полно непріязненныхъ выпадовъ по адресу Великороссіи и Германіи. Врядъ-ли оно могло понравиться серьезнымъ французскимъ дѣятелямъ, ибо всѣ эти выпады производили впечатлѣніе специального желанія угодить французамъ, попасть въ тонъ.

Я окончательно убѣдился въ томъ, что намъ съ нимъ не по дорогѣ . . .

Съ другой стороны, все больше обнаруживалась безрезультатность всѣхъ усилій нашей делегачіи въ дѣлѣ полученія помощи отъ Антанты для борьбы съ анархіей и успѣшнаго ея одолѣнія. Безъ такой поддержки извнѣ я лично въ то время не представлялъ себѣ, чтобы украинская армія, обезсиленная одиночествомъ въ неравной борьбѣ съ большевиками, и Галлеромъ, и Деникинымъ, и сохранившая лишь свое небольшое здоровое ядро, могла справиться со стихіей бунтарства и бандитизма. Послѣдній-же неизбѣжно несъ съ собою погромы . . .

И уже 1-го сентября 1919 г. я покинулъ Парижъ съ тѣмъ, чтобы ускорить мое свиданіе съ Темницкимъ и получить отставку.

Передъ отъѣздомъ я встрѣтился съ Маклаковымъ. Украинскія войска приближались къ Кіеву. Съ другой стороны, и Деникинская армія подходила туда-же. Маклаковъ предвидѣлъ всю опасность возможнаго столкновенія и всѣ страшныя послѣдствія, къ которымъ оно можетъ повести. Онъ искренно искалъ въ ту минуту путей къ предотвращенію этого нависавшаго несчастья.

Узнавъ отъ меня, что я ухожу въ отставку и что я ѣду въ Прагу, гдѣ находился тогда Темницкій, онъ далъ мнѣ письма къ Родичеву и Челнокову, которые должны были находиться тогда по его расчетамъ въ Прагѣ. Онъ хотѣлъ воздѣйствовать на нихъ, уговорить ихъ ѣхать къ Деникину и удержать его отъ нападенія на украинскую армію.

Я не засталъ уже Родичева и Челнокова въ Прагѣ. Они были уже въ Бѣлградѣ.

4-го сентября я былъ у Темницкаго и въ этотъ-же день получилъ отъ него указъ объ отставкѣ.

И хотя я былъ уже въ эту минуту свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, все-же я счелъ своимъ долгомъ посоветоваться съ Темницкимъ о томъ, слѣдуетъ-ли мнѣ заѣхать въ Бѣлградъ и повидаться съ Родичевымъ и Челноковымъ. Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о моей семьѣ, я рѣшилъ поѣхать въ Константинополь и попытаться оттуда снестись съ Одессой. Я избралъ маршрутъ на Бѣлградъ—Бухарестъ. Хотя это и удлиняло путь, но давало возможность повидаться въ Бухарестѣ съ Маціевичемъ, который былъ уже въ это время главой украинской миссіи въ Румыніи.

ГЛАВА XIV.

Евреи и Сербія. Родичевъ и Челноковъ. Бухарестъ. Константинополь. Въ царствѣ Деникина.

До послѣдней великой войны существовало общераспространенное убѣжденіе о томъ, что Сербія и Болгарія являются государствами съ ярко выраженной демократической тенденціей и съ полнымъ отсутствіемъ антисемитизма и прочихъ обязательныхъ атрибутовъ политической реакціи. Это убѣжденіе вполне соответствовало дѣйствительности. Наоборотъ, Румынія являлась страной, которая могла даже соперничать съ Россіей по части реакціонности всей ея политики и преслѣдованія евреевъ всякими ограничительными законами и незаконными ограниченіями.

На сей разъ мнѣ привелось увидѣть въ Сербіи совершенно иную картину. Уже въ поѣздахъ, когда я ѣхалъ по сербской территоріи, я былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ столкновеній сербовъ съ венгерскими евреями. И почвой для издѣвательства надъ этими мирными путешественниками-торговцами служила отнюдь не ихъ принадлежность къ бывшему врагу по войнѣ, Венгріи, а исключительно то обстоятельство, что они евреи. Въ Бѣлградѣ я неоднократно слышалъ даже въ интеллигентскихъ кругахъ такія-же издѣвательства по адресу евреевъ. То были

результаты агитаціи и воздѣйствія со стороны русскихъ черносотенцевъ, засѣвшихъ въ Бѣлградѣ и создавшихъ тамъ центръ своей пропаганды.

Родичевъ и Челноковъ оказались въ Бѣлградѣ. Челноковъ отнесся вполнѣ отрицательно къ мнѣнію Маклакова о необходимости его поѣздки къ Деникину. Вообще, онъ показалъ себя тѣмъ-же заядлымъ централистомъ, которымъ былъ и раньше. Все, что произошло за послѣдніе годы, нисколько его не поколебало. Его типично-московское гостепріимство и общій любезный тонъ хлѣбосола-хозяина не помѣшали ему наговорить массу ѣдкихъ колкостей по адресу украинскаго движенія.

Въ совершенно иныхъ тонахъ говорилъ о томъ-же самомъ Родичевъ. «Поймите», восклицалъ онъ съ горечью обиды, «что Кіевъ для меня такой-же родной, какъ и Москва, что я не могу считать себя въ Кіевѣ чужимъ.» Далѣе слѣдовало обычное указаніе на необходимость выхода къ Черному морю. Затѣмъ онъ неоднократно возвращался къ исторіи съ перекрашиваніемъ вывѣсокъ, къ ужасамъ погромовъ. И онъ, какъ и Челноковъ, не согласился ѣхать къ Деникину. Оба они собирались тогда въ Польшу. «Тутъ, въ Сербіи, мы уже вамъ, украинцамъ, напакостили», добродушно язвилъ Челноковъ, «теперь поѣдемъ пакостить въ Варшаву».

Я спросилъ Родичева, почему Вѣна должна быть совершенно отрѣзана отъ моря, разъ Москва не можетъ жить безъ Чернаго моря. На это Родичевъ мнѣ отвѣтилъ: «А вы забыли статьи въ «Neue Freie Presse» въ первые дни войны, призывавшіе громы и молніи ада на головы Россіи, такъ имъ и надо, они заслужили свою участь».

Я увидѣлъ изъ этого, что Родичевъ еще не излѣчился отъ своей глубокой ненависти къ австро-германской коалиціи, каковую онъ еще переносилъ въ то время и на народы этой коалиціи. И меня несказанно обрадовало, когда недавно мнѣ попалась брошюра Родичева о большевизмѣ и евреяхъ, въ которой этотъ прекрасный, благородный человѣкъ и старый, вѣрный другъ еврейскаго народа, между прочимъ, проявляетъ уже признаки наступившей у него въ этомъ вопросѣ эволюціи и болѣе спокойнаго и объективнаго отношенія къ нѣмецкому народу.

Было ясно, что Родичевъ и Челноковъ далеки отъ дѣйствительной жизни и не понимаютъ того, насколько необходимо итти на уступки новымъ требованіямъ времени и искать примиренія между родственными и сосѣдними народами. Маклаковъ ошибся въ своихъ расчетахъ на нихъ, они не были тѣми реальными политиками, которые могли понять его въ то время. И онъ вскорѣ самъ предпринялъ поѣздку къ Деникину. Но когда онъ пріѣхалъ, было уже поздно, такъ-какъ все самое худшее, что только можетъ себѣ представить фантазія, уже случилось. Уже въ Кіевѣ началась братоубійственная война Деникинцевъ съ украинской арміей. Затѣмъ начались погромы Деникинской арміи, затмившіе собою ужасные дни Проскурова, Ананьева и т. д.

Снова Бухарестъ . . . Въ сравненіи съ грязнымъ Бѣлградомъ этотъ городъ имѣетъ всѣ основанія на званіе столицы Балканскаго полуострова. Недаромъ онъ слыветъ маленькимъ Парижемъ.

Но, конечно, онъ не выдерживаетъ сравненія уже съ Будапештомъ, гордо расположившимся на живописнѣйшемъ берегу Дуная, съ его величественными

зданіями и размахомъ жизни настоящей европейской столицы.

Маціевичъ радъ встрѣчѣ, но, разумѣется, ворчить . . . Какъ могли Шульгинъ и я оставить Парижъ въ такое время? Какъ можно уходить въ отставку въ такое время?

Возражаю, но Маціевичъ упрямъ . . . Онъ, вѣдь, тоже неисправимый оптимистъ, но, конечно, не того типа, какъ Сидоренко, а совсѣмъ другой. Въ его оптимизмѣ есть подлинный философскій смыслъ. Онъ всегда помнитъ, что никакія превратности судьбы не могутъ стереть съ лица земли факта существованія украинскаго народа. Онъ знаетъ, что народъ возьметъ свое . . . Онъ ждетъ. Но онъ требуетъ, чтобы и другіе ждали.

Маціевичъ настаиваетъ, чтобы я поѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ, къ правительству, и изложилъ ему все, что мнѣ извѣстно о положеніи въ Парижѣ. Но я не могъ и думать о такой поѣздкѣ до моего путешествія въ Константинополь. Я страдалъ бессонницей вслѣдствіе полной отрѣзанности отъ семьи и незнанія, что съ нею.

Условились, что послѣ Константинополя я снова заѣду въ Бухарестъ и оттуда вмѣстѣ поѣдемъ въ Каменецъ-Подольскъ. Этого требовалъ, по мнѣнію Маціевича, мой партійный долгъ.

Черезъ Констанцу я быстро добрался на румынскомъ пароходѣ въ Царьгородъ¹⁾. Здѣсь я встрѣтился съ покойнымъ К. С. Шмерлингомъ, товарищемъ по комитету Еврейской Территориалистической Орга-

¹⁾ Примѣчаніе. Такъ и теперь называется по украински Константинополь.

низаціи. Онъ прїѣхалъ изъ Швейцаріи и упорно рѣшилъ пробратъся къ роднымъ, въ Кіевъ и Умань. Вообще, въ Константинополѣ я засталъ многихъ кіевлянъ. Но всѣ они давно уѣхали изъ Одессы или Крыма и никто не могъ мнѣ ничего сообщить о моей семьѣ.

Еще предъ отъѣздомъ изъ Праги я написалъ въ Парижъ Панейко, прося его зайти въ министерство иностранныхъ дѣлъ и обезпечить для моей семьи право вѣзда въ Константинополь. Во французскомъ посольствѣ я засталъ уже чрезвычайно интересную телеграмму министерства иностранныхъ дѣлъ. Очевидно, тамъ еще не знали, что я ушелъ въ отставку, и телеграмма носила не только частный, но и политическій характеръ. Министерство просило оказать мнѣ и моей семьѣ всяческое содѣйствіе въ отношеніи поѣздки. Но засимъ было выражено, что если-бы я захотѣлъ поѣхать къ Деникину, то меня слѣдуетъ поддержать въ этой миссіи. И, наконецъ, мотивировка: хотя я и являюсь представителемъ украинскаго правительства, но я человѣкъ миролюбивый и «болѣе или менѣе» допускаю въ будущемъ возможность федераціи.

Чувствовалась въ этой телеграммѣ рука «отдѣла по русскимъ дѣламъ».

Но, въ сущности, содержаніе этой телеграммы вполне правильно характеризовало мои взгляды. Я, дѣйствительно, всегда былъ врагомъ человѣческой бойни и кровопролитія, какъ способамъ разрѣшенія споровъ между народами и отдѣльными людьми. Я допускалъ также «болѣе или менѣе» возможность въ будущемъ федераціи, какъ формы сожителства украинскаго народа съ сосѣдями.

Я объяснилъ совѣтнику французскаго посольства, что не состою уже членомъ украинской делегаціи и что уже по одной этой причинѣ о моей поѣздкѣ къ Деникину не можетъ быть и рѣчи.

На всѣ мои телеграммы въ Одессу, которая была въ то время въ рукахъ Деникина, я не получилъ никакого отвѣта. Телеграфировалъ знакомымъ въ Ростовъ на Дону, но съ тѣмъ-же результатомъ.

Надо было принять какое-либо рѣшеніе. Въ это время было объявлено о началѣ круговыхъ рейсовъ пароходовъ Итальянскаго Ллойда (Lloyd Triestino) между Триестомъ и Батумомъ, съ заходомъ въ Варну, Констанцу, Одессу, Новороссійскъ въ прямомъ и обратномъ направленіи. 10-го октября отправлялся изъ Константинополя въ Батумъ въ такой рейсъ пароходъ «Прага», одно изъ лучшихъ судовъ торгово-пассажирскаго флота бывшаго «Австрійскаго Ллойда», перешедшее, какъ военный призъ, къ итальянцамъ.

Я рѣшилъ пуститься въ плаваніе на этомъ пароходѣ, такъ какъ могъ возвратиться на той-же «Прагѣ» обратно. Для того, чтобы сойти въ Одессѣ и Новороссійскѣ на берегъ, надо было взять визу у представителей деникинскаго правительства въ Константинополѣ. Этого я не могъ сдѣлать принципиально, такъ-какъ у меня былъ украинскій паспортъ, и я не собирался мѣнять его на деникинскій. Но вато на пароходѣ я былъ, по законамъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, въ положеніи экстерриториальности и подъ защитою государства, подъ флагомъ котораго плавало данное судно.

Меня снабдили во французскомъ посольствѣ не только дипломатическою визою во всѣ порты Чернаго моря, но и письмомъ къ французскимъ консуламъ

въ Одессѣ и Новороссійскѣ объ оказаніи помощи къ выѣзду моей семьи за-границу. Въ этомъ письмѣ указывалось, что я рекомендованъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе у меня было какое-то предчувствіе о возможности осложненій съ полиціей денкинского правительства, набранной большей частью изъ стараго состава прежней царской Россіи . . . И я обратился къ совѣтнику французскаго посольства съ просьбою о рекомендаціи меня итальянскому посольству (или т. н. высокому комиссаріату).

Онъ любезно исполнилъ мою просьбу, хотя выразилъ при этомъ увѣренность, что законы объ экстерриториальности соблюдаются и въ Одессѣ и Новороссійскѣ. Итальянское посольство поручило меня особому вниманію и охранѣ капитана парохода «Прага».

Я запасся, наконецъ, англійской и грузинской визою для Батума.

Нѣсколько дней, бывшихъ въ моемъ распоряженіи въ Константинополѣ, я провелъ въ семьѣ Лотоцкаго, главы украинской миссіи въ Турціи. Я познакомился съ представителемъ сіонистской организаціи въ Турціи, д-ромъ Калобомъ, съ которымъ имѣлъ весьма интересное собесѣдованіе объ устройствѣ въ Константинополѣ дома для эмигрантовъ-евреевъ, направляющихся Чернымъ моремъ въ Палестину и Америку.

10-го октября мы вышли въ море. На этомъ-же пароходѣ ѣхалъ К. С. Шмерлингъ въ Одессу.

Въ Варнѣ и Констанцѣ, во время остановокъ, все шло, какъ полагается. Береговая полиція стояла

внизу, у сходни, и никто, конечно, не могъ ни выйти на берегъ, ни войти на пароходъ безъ установленныхъ визъ. На пароходъ-же полиція даже не являлась.

Но не успѣли мы причалить къ набережной въ Одессѣ, какъ на пароходъ мигомъ взобралась полиція . . . Милые старые нравы . . .

Капитанъ «Праги», старый морской волкъ и очень милый человѣкъ, растерялся. Пароходъ былъ не военный, а коммерческій, Ллойдъ былъ заинтересованъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ береговыми властями.

Ревизія происходила въ столовой 1-го класса. Я рѣшилъ не выходить изъ своей каюты. Одинъ изъ представителей полиціи, какъ мнѣ потомъ рассказывали, присталь-было къ одному путешественнику на Батумъ съ польскимъ паспортомъ и безъ визы денин-кинскаго посольства. Но тотъ объяснилъ, что не собирается сходить на берегъ въ Одессѣ. Вмѣшался капитанъ и отстаивалъ законное право пассажира на экстерриториальность.

Капитанъ видѣлъ, что все осталось въ Одессѣ по старому, какъ было до войны . . . Появилось вино и закуски, чины контроля подкрѣпились и не только покинули пароходъ, но удалились въ городъ.

Опять характерная подробность! Теперь каждый могъ свободно уходить и приходить на пароходъ вплоть до слѣдующаго утра! . . .

Шмерлингъ взялся разыскать моихъ родителей въ Одессѣ. Черезъ пару часовъ онъ прислалъ мнѣ на пароходъ извѣщеніе о томъ, что они уѣхали нѣкоторое время тому назадъ въ Ялту, а также сообщилъ ихъ ялтинскій адресъ, по которому я немедленно

телеграфировалъ, съ указаніемъ дней прибытія «Праги» въ Новороссійскъ. Я рассчитывалъ, что они выѣдутъ немедленно въ Новороссійскъ и сядутъ на ту-же «Прагу».

Вдругъ разнесся слухъ, что въ этотъ-же вечеръ будетъ отправленъ первый поѣздъ въ Кіевъ. Соблазнъ для меня былъ исключительный, я могъ послать въ Кіевъ моей семьѣ письмо и вызвать ее въ Одессу, къ обратному приходу «Праги» изъ Батума.

Вечерѣло. За позднимъ итальянскимъ обѣдомъ помощникъ капитана и пароходный врачъ убѣждали меня, что я могу смѣло пойти съ ними въ городъ. Они были оба въ формѣ и увѣряли, что никто не тронетъ меня, разъ я буду въ ихъ обществѣ. Я, въ концѣ концовъ, согласился на этотъ рискованный шагъ, съ условіемъ, что мы отправимся прямо на вокзалъ и я отправлю письмо въ Кіевъ.

Когда мы вышли на берегъ, было совершенно темно. Мы быстро дошли до города. Было всего 9—9½ часовъ, но на улицахъ наблюдалась полная тишина и безлюдье. Рѣдко виднѣлась тѣнь городского или офицера. «Штатскіе» боялись, очевидно, выходить изъ дому. Первое впечатлѣніе отъ денкинского режима было убійственное.

На вокзалѣ, дѣйствительно, стоялъ уже поѣздъ, готовящійся къ отходу на Кіевъ. И мнѣ уже думалось о томъ, какъ мнѣ повезло съ прибытіемъ въ Одессу какъ разъ въ день отхода перваго поѣзда въ Кіевъ. Я облюбовалъ пассажира, который показался мнѣ культурнымъ и надежнымъ человѣкомъ. Онъ охотно взялся за передачу письма. Другое письмо везъ въ Кіевъ Шмерлингъ, но я не зналъ, сколько онъ останется въ Одессѣ.

Уже на обратномъ пути я узналъ, что поѣздъ этотъ не дошелъ до Кіева . . . Большевикамъ удалось сдѣлать прорывъ и сообщеніе съ Кіевомъ было опять прервано.

Между тѣмъ мои итальянцы заявили мнѣ, что они не намѣрены сейчасъ-же возвратиться на пароходъ и что я обязанъ пойти съ ними въ какой-нибудь ресторанъ или театръ, разъ они, ради меня, совершили прогулку на вокзалъ.

Хотя все это говорилось въ милой и шутливой формѣ, но я видѣлъ, что они твердо рѣшили по-смотреть «ночную жизнь Одессы».

Возвращаться одному, безъ нихъ, было безуміемъ. Пришлось подчиниться. Извозчикъ отвезъ насъ въ «варьете», единственное въ то время въ Одессѣ учрежденіе этого рода, какъ онъ пояснилъ намъ съ козель.

Кажется, это было въ помѣщеніи бывшаго «Дома артиста». Среди присутствовавшей публики чуть-ли не всѣ были офицеры добровольческой арміи. Мы сѣли за отдѣльный столикъ, разговаривали по французски, и я былъ принятъ, вѣроятно, публикой за такого-же итальянца, какъ и мои спутники.

На эстрадѣ стояло нѣсколько восковыхъ фигуръ съ надписями: Скоропадскій, Петлюра, Махно, большевикъ и нѣмецъ. Пѣвица въ украинскомъ національно-деревенскомъ костюмѣ, подъ аккомпаниментъ оркестра, выкрикивала куплеты о томъ, какъ всѣ эти господа (при этомъ она показывала поочередно пальцемъ на каждую изъ восковыхъ фигуръ) хотѣли на ней жениться. «Нѣмецъ соблазнялъ ромомъ, Махно погромомъ» — остался у меня въ памяти отрывокъ изъ этихъ куплетовъ. Но она быстро рас-

кусила ихъ всѣхъ, «мошенниковъ», желающихъ «пить ея кровь», отвергаетъ ихъ и снова выходитъ замужъ за московскаго молодца. «Имъ-же», заканчивался послѣдній куплетъ, «одинъ отвѣтъ», послѣ чего пѣвица подошла къ восковымъ фигурамъ и плюнула въ сторону каждой изъ нихъ . . .

Публика была въ дикомъ восторгѣ . . . Итальянцы, ничего, конечно, не понимали и добивались отъ меня объясненій. Я что-то пробормоталъ въ отвѣтъ, мое самочувствіе было ужасное . . .

Слѣдующій номеръ программы изображалъ хитраго еврея, который стоитъ въ очереди за водою. Очевидно, тогда въ Одессѣ водопроводъ былъ поврежденъ и очередь у общаго городского крана была злободневной темой для сочинителей программъ варьете . . . Народу стоитъ много: у всѣхъ въ рукахъ ведра. Еврей вдругъ вскрикиваетъ: «На городской станціи открылась продажа билетовъ на заграничные пароходы.» Всѣ бросаютъ ведра и бѣгутъ на городскую станцію. Еврей забираетъ быстро всѣ ведра и, довольный, убѣгаетъ. Конечно, оказывается, что никакой продажи билетовъ нѣтъ, о чемъ кричатъ съ негодованіемъ возвращающіяся изъ-за кулисъ на сцену жертвы еврейскаго «гешефта». Но еврея и слѣдъ простыль!

Опять публика въ восторгѣ.

Къ счастью, итальянцамъ все это надоѣло . . . Идемъ къ себѣ, въ наши чистенькія каюты, подальше отъ этой пошлости и грязи.

Мы на пароходѣ . . . Все обошлось благополучно. А на слѣдующій день я все-же съ грустью смотрѣлъ съ палубы, какъ постепенно исчезали изъ поля зрѣнія контуры одесскихъ домовъ, городского

театра . . . Какъ могло быть хорошо и какъ все было загажено . . .

Въ Новороссійскѣ никого изъ моихъ не оказалось. Не было для меня и телеграммы, хотя я и указалъ адресъ (пароходъ Прага, капитану). Опять та-же исторія съ ревизіей, опять угощеніе . . . Опять я сижу въ своей каютѣ, пока идетъ ревизія паспортовъ въ рубкѣ. Такъ просить капитанъ, а онъ хозяинъ парохода. Между прочимъ, онъ меня не включилъ въ журналъ пассажировъ. Ему надо сочетать цѣлость моей особы съ коммерческими интересами пароходнаго общества. «Нельзя спориться съ этими господами.» . . .

Такова его аргументація.

Заходимъ въ Поти. Наконецъ, Батумъ.

Видъ съ парохода изумительный. Мягкія, зеленыя очертанія горъ купаются въ солнечныхъ лучахъ. Тропическая растительность, пальмы . . .

Для меня Батумъ милѣе и красивѣе лучшихъ уголковъ Ривьеры.

Наконецъ, можно безпрепятственно сойти на берегъ. Первое, что бросается въ глаза, это названіе улицъ на обычныхъ дощечкахъ, но уже на двухъ языкахъ — русскомъ и англійскомъ. Мелькаетъ вопросъ, а почему и не на грузинскомъ. Грузины, видимо, не торопятся, а можетъ быть и красокъ нѣтъ.

Простояли всего сутки. Опять Поти. Пришли снова въ Новороссійскъ. Опять нѣтъ ни моихъ, ни свѣдѣній отъ нихъ . . . Снова ревизія . . . Закусили, выпили, ушли съ парохода . . .

Вдругъ оказывается, что уголь, который должны были приготовить въ Новороссійскомъ порту для дальнѣйшаго плаванія «Праги», еще не прибылъ.

Капитанъ виѣ себя . . . Проходятъ сутки, а угля все еще нѣтъ.

Наконецъ, на третій день, уголь доставленъ и начинается погрузка.

Я забылъ упомянуть выше, что ревизія паспортовъ производилась въ Одессѣ и Новороссійскѣ не только при прибытіи парохода, но и передъ его отплытіемъ.

Около 7-ми часовъ, за 2 часа до отхода «Праги», явились гг. ревизоры. Время было обѣденное и капитанъ усадилъ ихъ за общій столъ, а я вынужденъ былъ обѣдать въ своей каютѣ.

Не успѣлъ я закончить свой обѣдъ, какъ вбѣжалъ въ каюту итальянецъ — офиціантъ. Волнуясь, онъ быстро пробормоталъ, что на пароходъ прибыло съ берега много солдатъ и что меня ищутъ, а потому капитанъ проситъ меня немедленно покинуть каюту и послѣдовать за нимъ, офиціантомъ.

Размышлять было некогда . . . Офиціантъ повелъ меня по корридору, а затѣмъ внизъ по лѣстницѣ, распахнулъ дверь какого-то чулана, и предложилъ мнѣ войти въ этотъ чуланъ. Дверь захлопнулась, потянулись тяжелыя минуты . . . Я находилъ, что поведеніе капитана крайне безрассудное. Если меня обнаружили-бы въ моей каютѣ, то сняли-бы съ парохода и разстрѣляли-бы, — это былъ максимумъ того, что мнѣ-бы угрожало. Но если меня найдутъ въ чуланѣ, то къ этому максимуму прибавится еще злорадство тѣхъ, кто охотился за мною, по поводу неудавшихся прятковъ . . . Затѣмъ я не зналъ, что будетъ, когда въ моей каютѣ обнаружатъ мои чемоданы.

Въ это время я услышалъ вблизи за дверью шаги и русскую рѣчь. «А что, развѣдка искала уже въ

багажномъ отдѣленіи», спросилъ чей-то властный голосъ. «Такъ точно», провучалъ отвѣтъ. «О немъ уже заведено дѣло», подалъ кто-то реплику, смыслъ которой былъ для меня, бывшего адвоката, весьма понятнымъ . . .

Затихло. Вдругъ тихій стукъ въ дверь. Входитъ другой официантъ, ведетъ меня за собою на палубу. Наконецъ, свѣжій воздухъ! Тьма, холодъ и мелкій дождь. А я безъ пальто, безъ шляпы. Но все-же это хоть не чуланъ!

На палубѣ ни души . . . Погрузка закончена. Раздается первый свистокъ.

Опять приходитъ за мною официантъ, опять другой — по счету уже третій. Какіе люди! Какое сочувствіе! Вѣдь всѣ они, вся команда знаетъ, что меня ищутъ. Но они — дѣти свободнаго народа, они не предають . . .

Новый чуланъ, но освѣщенный электрической лампочкой. Узнаю въ углу мои чемоданы, пальто и шапку. Даже палку захватили, какіе молодцы эти итальянцы!

Второй свистокъ, а за нимъ вскорѣ и третій . . . Пароходъ зашевелился . . . Мы тронулись въ путь . . .

Черезъ пять минутъ за мною приходитъ помощникъ капитана и врачъ, мои одесскіе спутники. Поздравляютъ съ избавленіемъ отъ смертельной опасности, приглашаютъ къ капитану. Добрый старикъ не знаетъ предѣловъ своей радости. Онъ исполнилъ порученіе своего посольства въ Константинополь, охранилъ меня. Угощаетъ меня виномъ, шутить, что рассчитываетъ получить орденъ отъ украинскаго правительства . . .

Наконецъ, успокоились — и я разспросилъ капитана, какъ все это произошло.

Оказывается, что во время обѣда съ берега принесли какую-то телеграмму для старшаго офицера.

Онъ прочиталъ ее, сильно заволновался и послалъ немедленно на берегъ нарочнаго, который вскорѣ возвратился въ сопровожденіи большого количества вооруженныхъ солдатъ. Лишь послѣ этого старшій офицеръ обратился къ капитану съ заявленіемъ, что онъ получилъ изъ Одессы телеграмму съ приказомъ арестовать меня. Капитанъ предъявилъ, въ отвѣтъ на это, журналъ, гдѣ я не значился, и поспѣшилъ предупредить меня черезъ официанта. Всѣ протесты капитана и указанія на экстерриториальность не возымѣли дѣйствія. Обыскали всѣ каюты, багажное и машинное отдѣленіе . . . Но нельзя было безъ конца задерживать пароходъ. И я былъ спасенъ.

Однако, впереди была Одесса и возможность повторенія охоты на живого человѣка.

Было рѣшено, что я переберусь на время стоянки въ Одессѣ въ каюту пароходнаго врача. Все-же это не было такъ унижительно, какъ прятаться въ чуланахъ и кладовыхъ. Капитанъ-же рѣшилъ немедленно послать въ Одессѣ за итальянскимъ консуломъ и просить его вмѣшательства на случай новой попытки нарушенія экстерриториальности.

Утромъ мы были въ Одессѣ. Все обошлось благополучно. Прибывшій на пароходъ итальянскій консулъ приказалъ именемъ итальянскаго правительства не пускать ни одного вооруженнаго человѣка на пароходъ и пресѣкать всякія попытки обыска. Онъ говорилъ, что потребуетъ удовлетворенія за исторію въ Новороссійскѣ.

Мнѣ принесли на пароходъ письмо отъ Шмерлинга. Онъ былъ еще въ Одессѣ, но боялся прійти ко мнѣ.

Онъ описываль, какъ онъ пытался сѣсть въ поѣздъ, который былъ отправленъ на Кіевъ уже въ день моего отъѣзда изъ Одессы (этотъ второй поѣздъ, конечно, также не дошелъ до Кіева, какъ и первый). Не успѣлъ онъ войти въ вагонъ, снабженный билетомъ, какъ вслѣдъ за нимъ ворвались офицеры и потребовали паспортъ. Установивъ, что онъ еврей, они вытащили его изъ вагона, повели на вокзалъ, въ помѣщеніе, специально предназначенное для «допроса», и отняли у него всѣ бывшія при немъ деньги и чемоданы. При немъ-же они подѣлили между собою добычу, а его попросили убираться по добрудорову въ городъ. «Жидамъ ѣздить въ поѣздахъ не полагается», сказали ему на прощанье.

Шмерлингъ писалъ, что такая-же судьба постигла и другихъ евреевъ пассажировъ. И это происходило на сей разъ уже не въ Жмеринкѣ, не въ Конотопѣ, а въ такомъ центрѣ, какъ Одесса!

Къ своему письму Шмерлингъ приложилъ вырѣзки изъ одесскихъ газетъ о моемъ путешествіи по Черному морю. Въ одной газетѣ (забылъ ея названіе) сообщалось, что я разѣзжаю на пароходѣ «Прага» по Черному морю, и выражалось недоумѣніе, почему «правительство Добровольческой арміи это терпитъ». Замѣтка была датирована 2-мя—3-мя днями раньше дня отплытія «Праги» изъ Новороссійска. Теперь было ясно, почему телеграмма объ арестѣ была послана изъ Одессы.

Въ другой газетѣ (это были «Одесскія Новости», гдѣ у меня было много знакомыхъ со времени дѣла Бейлиса) высказывалось въ связи съ появленіемъ замѣтки о моей поѣздкѣ возмущеніе, что одесская пресса опустила до доносовъ . . .

Пассажиры «Праги», бывшіе свидѣтелями обыска, возмущались и выражали мнѣ сочувствіе. Среди пассажировъ былъ д-ръ Грановскій, молодой еще человѣкъ, въ формѣ военного врача. Онъ сѣлъ въ Новороссійскѣ и проѣхалъ до Одессы. По его словамъ, онъ со мною познакомился еще раньше, въ Одессѣ, въ началѣ 1919-го года. Но я этого не помнилъ. Грановскій проявилъ много теплоты и участія къ моимъ переживаніямъ во время «облавы». Я не зналъ тогда, что встрѣчусь еще разъ съ Грановскимъ, при совершенно другихъ обстоятельствахъ.

Въ Одессѣ опять таки никакихъ свѣдѣній отъ моей семьи я не получилъ. Но отъ пассажировъ сѣвшихъ въ Новороссійскѣ, я узналъ, что отца моего недавно видѣли въ Екатеринославѣ и что онъ пробылъ въ Кіевѣ, что моя мать находится въ Ялтѣ, а жена и остальные члены моей семьи пребываютъ всѣ въ Кіевѣ.

Это было все, что мнѣ удалось узнать о самыхъ близкихъ людяхъ такою трудною цѣною. Но я зналъ, по крайней мѣрѣ, что всѣ мои живы.

26-го октября, послѣ 16-ти дневнаго плаванія по Черному морю, я распрощался съ капитаномъ и со всѣми тѣми, съ кѣмъ пришлось вмѣстѣ столько пережить, высадился въ Констанцѣ, а на другой день былъ опять въ Бухарестѣ. Отсюда я послалъ совѣтнику французскаго посольства въ Константинополь подробное письмо съ изложеніемъ о томъ, какъ толкуются законы объ экстерриториальности агентами Деникина въ Новороссійскѣ и Одессѣ.

ГЛАВА XV.

Поѣздка въ Каменецъ-Подольскъ. Евреи въ Румыніи. Петлюра и Петрушевичъ.

Въ послѣднюю минуту, наканунѣ того дня, когда Маціевичъ и я собирались выѣхать изъ Бухареста въ Каменецъ-Подольскъ, получились извѣстія весьма важнаго политическаго характера, задержавшія Маціевича въ Бухарестѣ. Пришлось ѣхать одному.

До Черновицъ сообщеніе было очень удобное, ходили безпересадочные скорые поѣзда. Отъ Черновицъ дорога шла на Новоселицу и Хотинъ, а засимъ отъ Днѣстра уже оставалось меньше 20 верстъ до Каменецъ-Подольска. Желѣзная дорога кончалась въ Новоселицѣ, отсюда надо было уже ѣхать лошадьми до самого Каменца.

Въ Новоселицѣ и Хотинѣ я разспрашивалъ мѣстныхъ евреевъ о томъ, какъ имъ живетъ при новомъ румынскомъ режимѣ. Отвѣты получились довольно благопріятные, румынское правительство вело себя вполне благоразумно и въ Буковинѣ, и въ Бессарабіи. Въ этихъ мѣстностяхъ оно отказалось отъ своей старой традиціонной политики притѣсненій въ отношеніи евреевъ. Снова вспомнилось послѣднее пребываніе въ Сербіи . . .

По сравненію съ тѣмъ, что переживало еврейство тамъ, по ту сторону Днѣстра, сначала отъ бандъ и разложившихся частей украинской арміи, затѣмъ

отъ большевиковъ и Деникинской арміи, здѣсь, въ Бессарабіи, жизнь еврея представлялась, конечно, раемъ.

Послѣ этого я слышалъ отъ многихъ еврейскихъ дѣятелей, побывавшихъ въ Бессарабіи, что ихъ впечатлѣнія совпадаютъ съ моими. Конечно, рядовые представители власти на мѣстахъ еще не совсѣмъ отвыкли отъ старыхъ привычекъ. Но руководящая линія политики центрального румынскаго правительства является въ отношеніи еврейства вполне благожелательной. Вообще, сознательные румыны прилагаютъ теперь всѣ усилія, чтобы вывести Румынію и ея населеніе изъ состоянія отсталой аграрной страны и приобщить ее къ семейству культурныхъ западно-европейскихъ государствъ.

Этого отнюдь нельзя пока утверждать о другомъ сосѣдѣ Украины, Польшѣ.

Первый человекъ, котораго я увидѣлъ въ Каменецъ Подольскій въ тотъ вечеръ, когда я туда пріѣхалъ, былъ Корчинскій. Онъ только-что перенесъ тяжелый тифъ, которымъ переболѣла тогда чуть-ли не половина украинской арміи и населенія Подольской губерніи. Отъ него я узналъ, что положеніе арміи катастрофическое, нѣтъ ни обуви, ни теплой одежды, ни лекарствъ. Изъ состава такъ называемой наддніпровской арміи надежныхъ войскъ у Петлюры въ это время было не болѣе 15-ти тысячъ, все остальное разбѣжалось или разложилось, заполняя собою голодныя банды и добывая себѣ пропитаніе грабежемъ и вымогательствомъ. Но зато галиційская армія, находившаяся также подъ общимъ украинскимъ командованіемъ, еще сохранилась послѣ от-

ступленія изъ Кіева. Въ ней насчитывалось чуть-ли не до 50 000 душъ. Но половина этой еще дисциплинированной въ то время силы не имѣла оружія, кромѣ того очень значительная часть переболѣла недавно тифомъ.

Корчинскій былъ въ то время предсѣдателемъ комитета по борьбѣ съ погромами и по оказанію помощи потерпѣвшимъ. Отъ него я узналъ, что въ этотъ, такъ называемый каменецкій, періодъ Петлюрѣ и правительству удалось, наконецъ, оздоровить оставшуюся въ ихъ распоряженіи армію. Не только не было больше и попытокъ къ устройству погромовъ, но, вообще, установились очень дружественныя взаимоотношенія между украинскимъ и еврейскимъ населеніемъ. Правда, рѣчь шла лишь о томъ незначительномъ районѣ (Подольская губернія), который оставался тогда въ распоряженіи украинскаго правительства.

Тоже самое мнѣ подтвердили и Красный, котораго я засталъ въ Каменцѣ, и прис. пов. Альтеръ, у котораго я остановился, и очень многіе другіе евреи, съ которыми я разговаривалъ въ теченіе трехъ дней моего пребыванія въ Каменцѣ. Рассказывали о томъ, какъ Петлюра выступалъ на солдатскихъ собраніяхъ и со слезами на глазахъ умолялъ солдатъ не поддаваться агитаторамъ, зовущимъ ихъ на злодѣянія и погромы, какъ онъ появлялся всюду съ Краснымъ, желая демонстрировать предъ войсками общность интересовъ и задачъ украинскаго и еврейскаго народовъ по искорененію анархіи на Украинѣ.

Въ Каменецъ-Подольскъ просачивались въ то время «съ оказіей» кіевскія газеты. Какъ разъ получился номеръ «Кіевлянина», гдѣ была помѣщена

статья В. Шульгина «Пытка страхомъ» . . . Въ одномъ изъ номеровъ «Кіевской Мысли» я прочиталъ телеграмму о моей поѣздкѣ по Черному морю. Тонъ телеграммы поразилъ меня. Вспомнился одесскій черносотенный листокъ и достойное поведеніе «Одесскихъ Новостей». Было обидно, но не за себя, а за редакцію, пропустившую такую телеграмму . . .

Прибыли изъ Кіева и нѣкоторые смѣльчаки, пробравшіеся пѣшкомъ въ ночное время лѣсами и окольными путями. Пришли изъ Кіева жены И. А. Фещенко-Чоповскаго и Д. И. Дорошенка. Но никто не могъ ничего мнѣ сообщить о моей семьѣ.

Въ Каменцѣ состоялись мои свиданія съ Петлюрою, а также съ диктаторомъ украинской части Галиціи докторомъ Петрушевичемъ и новымъ премьеръ-министромъ Мазепою. Шли какъ-разъ въ это время лихорадочныя совѣщанія о томъ, что предпринять въ виду натиска съ двухъ сторонъ — и большевиковъ, и деникинцевъ.

Петрушевичъ, а вмѣстѣ съ нимъ въ то время уже и Панейко, бывший въ Парижѣ, склонялись къ мысли о настоящей необходимости военного союза украинской арміи съ арміей Деникина и политическаго соглашенія между ними. Но Петрушевичъ заявлялъ, что не желаетъ пользоваться численнымъ перевѣсомъ галиційской части общеукраинской арміи и что онъ подчинится рѣшенію большинства голосовъ Директоріи, въ которой онъ самъ располагалъ лишь однимъ голосомъ.

Что-же касается Панейко, то онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ увлекся планомъ спасенія украинской Галиціи при помощи союза съ Деникинымъ. Какъ галичанинъ, Панейко не зналъ близко условій ста-

рой російской дѣйствительности, не вѣдалъ ни начальствующихъ лицъ въ Деникинской арміи, ни тѣхъ людей, изъ которыхъ состоялъ ближайшій кругъ Деникина.

Петлюра, Швець и Макаренко не находили возможнымъ осуществленіе такого рода союза и соглашенія, такъ-какъ предвидѣли, что Деникинское правительство, еще сильное тогда поддержкой Англійи его арміи, захочетъ диктовать условія болѣе слабой и изнывающей изъ-за отсутствія всего необходимаго украинской арміи.

Уже послѣ моего отъѣзда, въ Бухарестѣ, я узналъ о томъ, что значительная часть галиційской арміи подписала, помимо Петрушевича, соглашеніе съ Деникинской арміей, и направляется, по общему стратегическому плану, къ Одессѣ.

Наконецъ, я впервые говорилъ лично съ Петлюрою. Судьба все время какъ-то такъ устраивала, что раньше мы никакъ не могли встрѣтиться. А между тѣмъ этотъ человѣкъ такъ долго стоялъ во главѣ украинскаго движенія, съ которымъ и я былъ связанъ уже съ весны 1918-го года. О немъ столько говорили и писали. Его, наконецъ, обвиняли въ попустительствѣ во время погромовъ. Для меня, еврея, это было самое страшное обвиненіе. Думаю, однако, что и для такихъ людей, какъ В. К. Прокоповичъ, А. Я. Шульгинъ, Б. П. Матюшенко и имъ подобные, сотрудничество съ правительствомъ или Директоріей, хотя-бы косвенно виновныхъ въ погромахъ, представлялось-бы явно недопустимымъ. Отъ этихъ-же уважаемыхъ дѣятелей, давно и близко знавшихъ Петлюру, я имѣлъ о немъ такіе отзывы, которые совершенно исключали самое мысль о возможности

проявленія съ его стороны не только погромнаго, но даже и, вообще, антисемитскаго настроенія.

Правда, я уже зналъ, что Директорія не рѣшилась сразу покончить съ Семесенко и ему подобными, не взирая на явную доказанность виновности Семесенка, Козырь-Зирки и др. Мнѣ было извѣстно, что Директорія ограничилась заключеніемъ Семесенка въ тюрьму и назначеніемъ надъ нимъ и другими атаманамъ, обвинявшимися въ устройствѣ, либо попустительствѣ погромовъ, предварительнаго слѣдствія¹⁾.

Но къ разсмотрѣнію этого вопроса о всѣхъ тѣхъ, кто самочинно творилъ ужасы Проскурова и всѣхъ другихъ этаповъ еврейскаго мученичества, я еще вернусь въ другомъ отдѣлѣ этой книги. Пока же ограничусь лишь общимъ замѣчаніемъ, что въ той атмосферѣ безвластія и разложенія, которая окружала Петлюру въ Проскуровскіе дни, единственное, что онъ и правительство могли сдѣлать — это уйти... Ихъ уходъ не остановилъ-бы, конечно, злодѣевъ, и лишь углубилъ-бы еще больше анархію. Но Петлюра лично избавилъ-бы себя отъ всякой отвѣтственности за продолженіе этихъ ужасовъ.

Однако, ни Колчакъ, ни Деникинъ не ушли изъ-за погромовъ, съ которыми они не могли, и даже не пробовали справиться. Не ушли изъ-за этихъ погромовъ и члены русскаго политическаго совѣщанія, которое являлось дипломатическимъ представительствомъ арміи Деникина въ Парижѣ.

¹⁾ Примѣчаніе. Семесенко, Палиенко, Козырь-Зирка находились въ Каменецъ-Подольской тюрьмѣ вплоть до перехода Каменецъ-Подольска, въ концѣ 1919 года, въ руки поляковъ, а затѣмъ — большевиковъ. Объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ свѣдѣній у меня не имѣется.

Петлюра откровенно рассказал мнѣ о томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ находилась въ это время армія. Съ подкупающей искренностью онъ бичевалъ и себя, и другихъ за цѣлый рядъ ошибокъ въ прошломъ. Никакой демагогіи, никакой рисовки, а одинъ лишь здравый смыслъ и безграничная любовь къ своему народу сквозили во всемъ томъ, что онъ мнѣ говорилъ. Затѣмъ онъ сталъ спрашивать меня о моихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ. По самой постановкѣ вопросовъ я видѣлъ, что этотъ человекъ превосходно уже разбирался въ западноевропейской политикѣ и сильно отошелъ отъ утопии русской социалистической мысли, на которой былъ, въ сущности, воспитанъ.

Какъ разъ въ это время къ нему прибыла изъ Варшавы спеціальная военно-дипломатическая миссія. Онъ говорилъ, что соглашеніе съ Деникинымъ не можетъ состояться, равно какъ не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи съ большевиками. Проскальзывало въ его словахъ, что онъ надѣется на помощь Пилсудскаго и Польши въ борьбѣ съ большевиками. Въ этомъ случаѣ большое вліяніе могъ имѣть на него фактъ его давнишняго знакомства и дружбы съ Пилсудскимъ. Кромѣ того у Петлюры была еще какая-то тѣнь надежды, что здоровое ядро украинской арміи «голыми руками», какъ онъ выразился, отстоить себя отъ двойного давленія со стороны большевиковъ и арміи Деникина.

Я изложилъ ему мое мнѣніе о томъ, какъ онъ долженъ поступить на случай полной катастрофы. Я совѣтовалъ ему ѣхать въ такомъ случаѣ въ Вѣну или Прагу, создать тамъ или въ Парижѣ украинскій національный комитетъ, какъ это было уже сдѣлано

въ свое время сербами, поляками, армянами и другими народами во время оккупации ихъ земель вражескими силами.

Очень скоро послѣ этой бесѣды оказалось, что онъ не послѣдовалъ этому совѣту и поѣхалъ въ Варшаву. Одна только исторія разсудить, правильно-ли онъ поступилъ. Время для этого еще не наступило.

Петрушевичъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе. Благородный, рыцарскій тонъ, страстная любовь къ родной Галиціи и галицко-украинской арміи, которую онъ увелъ сюда, за Днѣстръ, отъ грозившаго ей разгрома при помощи французскихъ пушекъ арміи Галлера . . . Позже мы встрѣчались съ нимъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ.

Наконецъ, И. П. Мазепа. Серьезное, вдумчивое выраженіе лица этого извѣстнаго работника екатеринославскаго земства сразу располагало въ его пользу. Я обнаружилъ въ немъ удивительное умѣніе слушать собесѣдника и воспринимать его мысли — столь рѣдкое въ людяхъ качество. Онъ жадно вытягивалъ въ себя все, что я ему разсказывалъ о заграничныхъ ориентацияхъ, о моемъ отношеніи къ программѣ и тактикѣ Тышкевича, о всей односторонности той назрѣвавшей ориентации, которую ярче всѣхъ представлялъ собою Василько и къ которой уже склонялся отчасти и Маціевичъ, о причинахъ моей отставки . . .

И я почувствовалъ, что не взирая на нашу принадлежность къ разнымъ партіямъ (Мазепа является однимъ изъ лидеров украинской социаль-демократической партіи), онъ сходится со мною въ оцѣнкѣ положенія Украины за границей и въ выборѣ тѣхъ

мѣрь, которыя надо предпринять въ Западной Европѣ и Америкѣ для надлежащей постановки украинскаго вопроса.

Въ результатѣ-же этого разномыслія, которое наблюдалось въ то время по вопросу объ ориентацияхъ и тактикѣ, получилось то, что всегда бываетъ у людей, находящихся въ состояніи крайняго отчаянія. Стали бросаться во всѣ стороны, искать параллельно и одновременно сочувствія и поддержки въ разныхъ направленіяхъ. Бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, А. Н. Левицкій, котораго я не засталъ въ Каменцѣ, уже готовилъ соглашеніе съ Польшею. А въ то-же время назрѣвала рѣзкая оппозиція въ рядахъ украинства, въ томъ числѣ и въ рядахъ его же политической партіи (с.-д.) противъ этого соглашения, которое могло привести и привело въ апрѣлѣ 1920-го года къ отказу со стороны Петлюры и украинскаго правительства отъ права на украинскую часть Галиціи.

Мазепа и Красный настаивали на моемъ возвращеніи къ активной политической работѣ. Красный, по порученію Мазепы и нѣкоторыхъ другихъ украинскихъ дѣятелей, долго и убѣжденно уговаривалъ меня либо войти въ кабинетъ и взять на себя министерство иностранныхъ дѣлъ (Левицкій тогда хотѣлъ оставить этотъ постъ, который онъ занималъ временно, совмѣщая его съ постомъ министра юстиціи) либо поѣхать въ Англію въ качествѣ главы тамошней украинской миссіи. Красный находилъ, что окончательный уходъ евреевъ отъ активнаго участія въ украинскомъ движеніи крайне нежелателенъ, ссылался на примѣръ своей работы, на цѣлый рядъ случаевъ, когда благодаря существованію министер-

ства по еврейскимъ дѣламъ удавалось спасти евреевъ и отъ погромовъ, и отъ другихъ бѣдствій.

Какъ интересный фактъ, явно не допустимый при томъ духѣ, который царилъ въ правительствахъ Колчака и Деникина, отмѣчу, что Красный принималъ въ это время участіе въ обсужденіи и рѣшеніи правительствомъ всѣхъ вопросовъ на правахъ члена кабинета съ рѣшающимъ голосомъ. Въ этомъ сказывался и подлинный демократизмъ правительства (Красный былъ министромъ не по общимъ, а по еврейскимъ дѣламъ), и его искреннее желаніе всегда слышать голосъ еврейства, хотя-бы изъ устъ скромнаго, тихаго, но стойкаго и мужественнаго Пинхуса Краснаго...

Мнѣ удалось въ этотъ пріѣздъ въ Каменецъ отстоять передъ Директоріей одного молодого еврея, котораго обвиняли въ явной принадлежности къ большевизму и въ содѣйствіи большевикамъ въ ихъ войнѣ съ украинской арміей. Ему угрожали разстрѣль. Я зналъ близко семью этого молодого человѣка и могъ лишь допустить, что онъ способенъ былъ идейно сочувствовать большевизму. Но его активное участіе въ рядахъ воинствующихъ большевиковъ представлялось мало вѣроятнымъ. Я представилъ всѣ эти мои соображенія членамъ Директоріи Макаренко и Швецу. Жизнь молодого человѣка была спасена.

И если въ этомъ была доля моего участія, то я не раскаиваюсь въ моемъ заступничествѣ, ибо убѣжденъ, что среди юныхъ большевиковъ есть горячія головы, въ которыхъ еще многое перебродить, и что изъ рядовъ этой молодежи выйдутъ еще многіе полезные работники при наступленіи нормальныхъ условій жизни.

Я наотрѣвъ отказался отъ самой мысли о возможности моей работы въ кабинетѣ при такомъ неопредѣленномъ положеніи. Я объяснилъ Красному, что не могу и не желаю, уже какъ еврей, принимать участіе въ переговорахъ, которые могутъ привести къ отказу правительства хотя-бы отъ одной пяди украинской земли. Какъ и въ прошломъ, я готовъ былъ всѣми силами служить дѣлу пропаганды справедливыхъ лозунговъ (право украинскаго народа на полное самоопредѣленіе), дѣлу борьбы съ анархіей, привлеченія помощи со стороны Западной Европы. Я могъ добиваться признанія украинскаго правительства и признанія суверенности будущаго Украинскаго Учредительнаго Собранія.

Но вопросъ о политическихъ границахъ Украины съ Польшей и Румыніей выходилъ за предѣлы того, что я считалъ въ сферѣ моей компетенціи, какъ одного изъ бывшихъ членовъ украинской делегациі въ Парижѣ. И я не имѣлъ никакого намѣренія взять на себя тяжесть такого бремени и на будущее время, тѣмъ болѣе, что и не считалъ себя знатокомъ этнографическихъ условій, столь важныхъ при опредѣленіи границъ въ данномъ случаѣ.

Что касается Лондона, гдѣ постъ главы украинской миссіи былъ послѣ ухода Стаховскаго незамѣненнымъ, то положеніе было нѣсколько иное. Тамъ не предстояло рѣшать вопросъ о границахъ Украины. Вообще, тамъ было поприще для защиты отвлеченныхъ началъ справедливости и права и для предъявленія законныхъ требованій о томъ, чтобы эти начала нашли свое примѣненіе въ отношеніи Украины. Но я отказался дать положительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ и уклонился отъ занятія какой-бы то

ни было должности. Я былъ слишкомъ еще потрясенъ отъ всего того, что видѣлъ на берегахъ Чернаго моря и что творилось недавно въ родномъ Кіевѣ, въ Фастовѣ и т. д.

На четвертый день моего пребыванія въ Каменцѣ, рано утромъ, я распрощался съ семействомъ Альтера, у котораго я обрѣлъ хоть на три дня давно утерянный уютъ домашняго очага, и вновь, по волѣ судьбы, обрекъ себя на скитанія. Я рѣшилъ поѣхать въ Швейцарію, заняться наукой, литературою и ждать...

Передъ отъѣздомъ я использовалъ всѣ оказіи для передачи писемъ семьѣ въ Кіевъ.

Главнымъ сторонникомъ моего назначенія въ Англію былъ Маціевичъ. Онъ первый возбудилъ этотъ вопросъ, когда я находился еще въ моемъ плаваніи по Черному морю. И когда я снова остановился, проѣздомъ въ Швейцарію, въ Бухарестѣ, онъ развивалъ мнѣ всѣ доводы въ пользу принятія мною этой должности. Маціевичъ переоцѣнивалъ мои скромныя силы, онъ вѣрилъ, что моя энергія раскачаетъ холодныхъ англичанъ и вызоветъ ихъ интересъ и вниманіе къ судьбамъ Украины. Далѣе, онъ ссылался на полную независимость работы въ Англіи, которая нисколько не связывала меня съ чьей-либо оріентаціей и не налагала на меня отвѣтственности за возможные въ будущемъ соглашенія украинскаго правительства съ сосѣдями. И, наконецъ, онъ апеллировалъ къ моему партійному долгу.

Маціевичъ поколебалъ меня на сей разъ. Мнѣ начинало, дѣйствительно, казаться, что въ Англіи удастся продолжить и закрѣпить уже завязавшіяся у меня связи съ Сельби, Говардомъ и Симпсономъ.

Я еще не зналъ, что Говарда и Сельби уже нѣтъ въ Лондонѣ и что Симпсонъ временно оставилъ службу въ Министерствѣ.

Основной-же осью, вокругъ которой вертѣлась и на сей разъ моя мысль, была сложившаяся еще во времена моихъ студенческихъ мечтаній вѣра въ то, что спасеніе для коснѣющаго во тьмѣ и невѣжествѣ Востока Европы грядетъ съ Запада. Французы не пришли на помощь, — авось придутъ англичане. Авось Англія перейдетъ отъ декларацій и защиты правъ меньшинствъ въ Версальскомъ трактатѣ съ Румыніей, Польшей и т. д., къ дѣйственному искорененію анархіи, таящей въ себѣ главную причину бывшихъ и возможныхъ въ будущемъ погромовъ. Въ предвидѣніи, что англійское правительство вскорѣ уарѣбѣтъ истинную сущность окружающихъ Деникина «спасателей Россіи» и отшатнется отъ нихъ, я надѣялся, что Англія протянетъ, наконецъ, руку помощи Украинѣ и ея демократическому правительству. Миѣ казалось, что Англія должна, наконецъ, стать на путь послѣдовательнаго проведенія той политики оздоровленія Востока Европы по частямъ, который столь ясно уже намѣтился въ ея отношеніяхъ съ Эстоніей, Литвой, Латвіей и Грузіей.

Съ точки-же зрѣнія чисто еврейскихъ интересовъ, послѣ всего того, что я лично увидѣлъ на берегахъ Чернаго моря, и что стало уже тогда извѣстно о Деникинской арміи, всѣхъ ея вдохновителяхъ, «Освагѣ» и т. д., у меня уже не было теперь даже и тѣни какого-либо сомнѣнія въ томъ, что всякій возвратъ къ централизму и всякая дальнѣйшая поддержка централистическихъ попытокъ восстановленія Россіи угрожаетъ еврейству продолженіемъ

погромовъ и новыми неисчислимыми и неизмѣрными гибельными бѣдствіями¹⁾. Наоборотъ, усиленіе и укрѣпленіе украинскаго правительства и небольшого здороваго ядра украинской арміи и гегемонія Англіи въ борьбѣ съ анархіей сузили полную возможность прекращенія анархіи и погромовъ.

«Одна лишь мощная мысль Запада въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патриархальномъ быту славянства».²⁾ Это основное положеніе Герцена и его послѣдователей сохранило для меня всю силу своего значенія и въ приложеніи къ вопросу о способахъ искорененія анархіи въ Восточной Европѣ. Въ моемъ представленіи одна лишь реальная сила и моральная и матеріальная поддержка Запада могли ускорить наступленіе порядка и нормальныхъ условій жизни въ Восточной Европѣ. Достаточно было флоту Антанты взять Одессу, укрѣпиться въ ней и наводнить ее и прилегающій районъ предметами первой необходимости. Послѣдніе оказались-бы куда болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ противъ большевизма, нежели танки и пушки.

Я поставилъ Маціевичу на видъ, какому риску могла подвергнуться моя семья въ Кіевѣ, если-бы появились свѣдѣнія о назначеніи меня представителемъ украинскаго движенія въ Англіи. Въ концѣ

¹⁾ Примѣчаніе. Болѣе подробное развитіе и освѣщеніе вопроса о различномъ происхожденіи и характерѣ погромовъ эпохи Директоріи и эпохи Деникина дается въ спеціальной главѣ: «Погромы эпохи Директоріи и погромы Деникинской арміи. Параллели. Народы и правительства».

²⁾ Примѣчаніе. Герценъ, Былое и Думы, изд. 1921 г. т. II-ой, стр. 303.

концовъ я заявилъ, что самъ вопроса рѣшить не могу и предоставляю себя въ распоряженіе его и другихъ товарищей по партіи.

Тогда-же въ Бухарестѣ находился и Фещенко-Чоповскій. Онъ былъ совѣтникомъ миссіи по дѣламъ торгово-экономическимъ. Представителемъ военнаго вѣдомства при миссіи былъ извѣстный военный ученый въ области вопросовъ артиллеріи, генералъ Дельвигъ. Любопытно отмѣтить, что онъ былъ раньше командующимъ тѣмъ корпусомъ, въ составъ котораго входила дивизія Деникина. Теперь они были въ разныхъ лагеряхъ.

Такъ я и уѣхалъ въ Лозанну, оставивъ свою дальнѣйшую судьбу въ рукахъ Маціевича . . .

Уже къ концу ноября я получилъ въ Лозаннѣ телеграмму о томъ, что я назначенъ посломъ въ Лондонъ.

Я отвѣтилъ на имя Маціевича, что исполню мой партійный долгъ. Но раньше, чѣмъ ѣхать въ Англію, я хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку къ отысканію слѣдовъ и свѣдѣній о моей семьѣ.

Въ Берлинѣ жило много кіевлянъ, одновременно вырвавшихся всякими чудесными способами изъ Кіева и добравшихся черезъ Варшаву, либо Галицію въ Германію. Я поѣхалъ въ Берлинъ и этимъ удовлетворилъ мое подсознательное желаніе отодвинуть поѣздку въ Лондонъ и окончательное принятіе должности главы украинской миссіи въ Англіи.

ГЛАВА XVI

Берлинъ. Документы о погромахъ арміи Деникина. Мой отъѣздъ въ Лондонъ. Гаага. Сіонисты въ Лондонѣ.

Я хорошо зналъ Берлинъ, такъ какъ часто бывалъ въ немъ передъ войною. Вообще, частыя посѣщенія Германіи и пребываніе въ Лейпцигѣ въ 1900—1901 гг. дали мнѣ возможность изучить нѣмецкій народъ и близко присмотрѣться ко многимъ сторонамъ его жизни и дѣятельности.

Въ послѣдній разъ я былъ въ Берлинѣ лѣтомъ 1918 года, во время нѣмецко-австрійской оккупациі Украины. Я пріѣхалъ тогда изъ Кіева на нѣсколько дней. Цѣлью моей поѣздки была тогда покупка книгъ для Украинскаго Генеральнаго Суда, а также бесѣда съ нѣкоторыми парламентскими и общественными дѣятелями Германіи объ ошибкахъ политики германскаго верховнаго командованія на Украинѣ и о необходимости измѣненія этой политики.

Тогда я еще не принималъ участія въ официальной работѣ правительства и занимался почти исключительно судебной дѣятельностью. Поэтому и моя поѣздки, и названныя собесѣдованія носили вполнѣ частный характеръ.

Изъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей я видѣлся тогда съ Джемсомъ Симономъ и Паулемъ Натаномъ. Послѣдній готовился къ отъѣзду въ Румынію, въ одно изъ своихъ безчисленныхъ путешествій по

дѣламъ еврейства. Я пытался тогда устроить отделение Е. Т. О. въ Германіи, но изъ этихъ попытокъ ничего не вышло.

Тогда же я познакомился съ членомъ германскаго рейхстага, д-ромъ Л. Гассомъ изъ Карлсруэ. Онъ былъ въ то время уполномоченъ рейхстагомъ или правительствомъ для изученія еврейскаго вопроса въ Польшѣ. Интересовался еврейскимъ вопросомъ въ то время и депутатъ Готгейнъ, предсѣдатель нѣмецкой Лиги борьбы съ антисемитизмомъ. Депутатъ социаль-демократической партіи, д-ръ Давидъ, оказался въ курсѣ всего того, что происходило тогда на Украинѣ. Но онъ интересовался больше всего земельнымъ вопросомъ, а въ этой области у меня были лишь общія свѣдѣнія и я не могъ удовлетворить его желанія ознакомиться подробно съ положеніемъ этого вопроса на Украинѣ въ смыслѣ его постановки въ различныхъ частяхъ Украины самими крестьянами. По приѣздѣ въ Кіевъ я просилъ Маціевича письменно отвѣтить Давиду на всѣ его вопросы.

Сейчасъ, въ концѣ декабря 1919-го года, я засталъ Берлинъ въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ лѣтомъ 1918 года. Тогда въ Германіи ощущался самый настоящій голодъ во всемъ, и въ отношеніи хлѣба, мяса, сахара, яицъ, и въ отношеніи мануфактуры и т. д. Несмотря на то, что нѣмцы вывозили тогда много сырья изъ Польши, Прибалтики и Украины, все-же въ Варшавѣ лѣтомъ 1918-го года было полное обиліе, а въ Берлинѣ — недостатокъ въ всемъ. Объяснялось это тѣмъ, что всѣ рабочія мужскія руки были тогда еще на западномъ фронтѣ, гдѣ танки и фіолетовые лучи уже приближали конецъ войны.

Теперь многое изменилось къ лучшему. Но, конечно, о прежнемъ Берлинѣ еще не могло быть рѣчи.

Въ этотъ прїѣздъ я познакомился съ д-ромъ Мюллеромъ, бывшимъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Сразу чувствовалось, что Германія находится въ выжидательномъ положеніи и не опредѣлила еще своего отношенія къ вопросу объ Украинѣ и, вообще, ко всей Восточной Европѣ.

Нѣмецкое еврейство интересовалось украиноеврейскими отношеніями, но было огорошено потрясающими свѣдѣніями о погромахъ, приходившими со всѣхъ сторонъ, сначала о полосѣ погромовъ весны 1919 года, затѣмъ о погромахъ Деникинской арміи.

Я прочелъ докладъ у проф. Зобернгейма объ Украинѣ и украиноеврейскихъ отношеніяхъ. На этомъ докладѣ присутствовали представители различныхъ теченій еврейской общественной мысли въ Германіи, отъ д-ра Натана до д-ра Струка, извѣстнаго сіониста, включительно. Засимъ я имѣлъ бесѣду на ту-же тему съ д-ромъ Гантке.

Къ сожалѣнію, все это сводилось къ взаимному информированію, такъ какъ нѣмецкое еврейство было бессильно въ то время для оказанія помощи, какъ въ смыслѣ прекращенія анархіи на Востокѣ, такъ и въ смыслѣ возможности послыки на мѣста матеріальной помощи пострадавшимъ.

Какъ разъ передъ самымъ Новымъ Годомъ я внезапно получилъ изъ Вѣны отъ постоянно проживающихъ тамъ родныхъ телеграмму о томъ, что моя жена и одна изъ дочерей находятся уже въ Варшавѣ, по пути ко мнѣ. Я снесся съ Варшавой — и въ началѣ января жена и дочь уже были со мной въ Берлинѣ.

Тогда же пришла изъ Вѣны телеграмма о прїѣздѣ въ Вѣну изъ Батума представителя еврейскаго комитета общественныхъ организацій въ Ростовѣ, ѣдущаго въ Лондонъ съ данными о погромахъ. Телеграмма была адресована мнѣ, подписана Грановскимъ, который спрашивалъ меня, гдѣ и когда онъ меня можетъ повидать. Я не имѣлъ представленія, что это былъ тотъ самый Грановскій, котораго я встрѣтилъ на пароходѣ въ Новороссійскѣ. У меня въ памяти съ этой фамиліей сочеталось представленіе о старомъ общественномъ дѣятелѣ Грановскомъ.

Я посовѣтовался съ Натаномъ, послѣ чего послалъ Грановскому телеграмму съ предложеніемъ заѣхать, по дорогѣ въ Лондонъ, въ Берлинъ.

Грановскій не замедлилъ прїѣхать. Онъ привезъ съ собою меморандумъ «Центральнаго Комитета помощи жертвамъ погромовъ», на имя сіонистскаго Комитета въ Лондонѣ и на мое имя, перечень вопросовъ этого Комитета, которые предлагались Украинской Директоріи, и два письма на мое имя.

Всѣ документы были подписаны д-ромъ Межеровскимъ, какъ предсѣдателемъ Комитета. Въ числѣ членовъ Комитета были названы имена весьма извѣстныхъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей. Достаточно назвать д-ра Г. Брука, члена 1-ой Госуд. Думы и виднаго сіониста, прис. повѣренныхъ Гутермана и Черникова, давно стоявшихъ во главѣ ростовской еврейской общины, инженера Брука изъ Екатеринослава и т. д.

Въ документѣ на имя Грановскаго пояснялось, что «Центральный Комитетъ» основанъ «еврейской политической коллегіей», составъ которой былъ тождественнымъ съ Ц. К. Эта коллегія состояла изъ

представителей всѣхъ большихъ еврейскихъ партій и организацій ростовскаго, полтавскаго, екатеринославскаго, одесскаго и прилегающихъ районовъ.

Послѣднее засѣданіе президіума Ц. К. имѣло мѣсто въ 20-хъ числахъ ноября въ Батумѣ, такъ какъ въ Ростовѣ по полицейскимъ условіямъ собираться было не безопасно.

Меморандумъ, а въ особенности семь вопросовъ на имя Директоріи, были редактированы очень опытной рукой. Текстъ этихъ вопросовъ говорилъ о большой эрудиціи и интеллигентности его составителей.

Для меня въ данныхъ о погромахъ Деникинской арміи, приводимыхъ въ меморандумѣ, не было ничего особенно новаго. Было важно то, что это исходило отъ авторитетнаго органа, отъ людей, бывшихъ на мѣстѣ и хорошо освѣдомленныхъ.

Но зато тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Центральный Комитетъ, были чрезвычайно показательными и важными. Его готовность объявить себя солидарнымъ съ политикой Директоріи, т. е. признать ее, какъ правомочное правительство Украины, говорила о большомъ переломѣ въ настроеніяхъ еврейства на территоріи, по которой прокатилась волна погромовъ и безчинствъ Деникинской арміи. Несчастное еврейское населеніе, очевидно, рѣшило, что чисто-украинская національная власть все-же является для него наиболѣе желательной по сравненію съ опытами Деникиніады и большевистскаго режима.

Меня удивило, что въ Батумѣ 20-го ноября знали о моемъ назначеніи въ Лондонъ, которое состоялось въ Каменцѣ лишь за нѣсколько дней передъ двадцатымъ. Очевидно, батумскія газеты получили черезъ

Бухарестъ или инымъ путемъ телеграмму изъ Каменца.

Скорѣе-же всего въ Одессу или Ростовъ проникли еще лѣтомъ 1919 года англо-еврейскія повременныя изданія изъ Лондона, въ которыхъ были напечатаны интервью со мною, мои заявленія и т. д. Это могло создать впечатлѣніе, что я работалъ тогда по украинскому вопросу не въ Парижѣ, а въ Лондонѣ.

Нечего было и сомнѣваться, что Директорія дастъ положительные отвѣты на всѣ 7 вопросовъ: и объ ея намѣреніи продолжать борьбу какъ съ большевиками, такъ и съ Деникинскою арміею, и о защитѣ правъ меньшинствъ, и о сохраненіи завоеваній мартовской революціи, и о разрѣшеніи земельного вопроса на демократическихъ и правовыхъ началахъ, и о громкомъ съ ея стороны протестѣ противъ погромовъ, и, наконецъ, объ организаціи еврейскаго министерства при правительствѣ по соглашенію съ еврейскою политической коллегіею.

Но я считалъ невозможнымъ предпринять какіе-либо рѣшительные шаги отъ имени «Центрального комитета» или «коллегіи», пока не снесусь съ сіонистскимъ комитетомъ въ Лондонѣ. Документы были адресованы не только мнѣ, но въ первую очередь сіонистскому комитету. Самъ Грановскій казался и молодымъ, и недостаточно установившимся и авторитетнымъ для роли, которую ему предназначали. Вѣроятно, этотъ выборъ объяснялся тѣмъ, что не легко было найти человѣка, который согласился бы тутъ-же, въ Батумѣ, сейчасъ послѣ совѣщанія, бросить все и двинуться «на легкѣ» въ такой далекой путь. Во всякомъ случаѣ надо было подчинить

Грановскаго контролю какого-либо коллектива. И я заявилъ ему, что онъ долженъ, по моему мнѣнію, немедленно ѣхать въ Лондонъ къ комитету сіонистской организаціи, къ которой онъ самъ, по его заявленію, принадлежалъ.

Грановскій послѣдовалъ этому совѣту и уѣхалъ тотчасъ-же въ Лондонъ. Я-же остался еще на нѣсколько дней въ Берлинѣ. Послѣ документовъ, которые привезъ Грановскій, я уже и не колебался по вопросу о принятіи мною должности и безповоротно рѣшилъ ѣхать въ Лондонъ. Кромѣ того я получилъ еще въ мою бытность въ Берлинѣ письма отъ Петлюры и Левицкаго, въ которыхъ они излагали свои взгляды на мои задачи въ Англии. Содержаніе этихъ писемъ показало мнѣ, что у меня будетъ полная возможность вести въ Англии ту политику, которую я считалъ одинаково полезною для блага и украинскаго, и еврейскаго народа.

Съ другой стороны, въ Англии жили мои друзья и старые товарищи по Е. Т. О., тамъ-же я могъ разсчитывать всегда и на добрый совѣтъ и указанія такого умнаго политика и еврейскаго дѣятеля, какъ Любсенъ-Вульфъ, съ которымъ я встрѣчался до войны, а также лѣтомъ 1919 года въ Парижѣ.

Улыбалась также и перспектива совмѣстной работы съ такимъ милымъ и культурнымъ человѣкомъ, какъ д-ръ Вишницеръ, который былъ тогда въ Лондонѣ.

26-го января я выѣхалъ съ женой и дочерью въ Лондонъ.

По пути въ Англию я остановился въ Гаагѣ, для свиданія съ Яковлевымъ, главой украинской миссіи въ Голландіи и Бельгіи.

Какъ разъ въ день моего прїѣзда состоялся въ Гаагѣ концертъ украинскаго хора, подѣ дирижерствомъ Кошица. Успѣхъ концерта былъ огромный. Трудно описать восторгъ публики. И, дѣйстви-тельно, было чему восторгаться. Словно изъ глу-бины народной души неслась пѣсня, то могучая, дикая, то нѣжная и грустная. Кошицъ властно велъ за собою хоръ. Особенно поражало разно-образіе оттѣнковъ, отъ чуть слышнаго вдали эхо до наибольшихъ подъемовъ хоровой динамики. Однимъ едва уловимымъ движеніемъ пальца Кошицъ укро-щаль пѣсню, какъ-бы налагалъ сурдинку на свой хоръ, и слышался заглушенный звукъ скрипки. И вдругъ налеталъ внезапный вихрь. Словно молніей оварялось лицо Кошица, словно сказочный титанъ, онъ выравнивался, выросталъ и властными движе-ніями извлекалъ изъ послушнаго ему инструмента живыхъ человѣческихъ голосовъ все то наиболѣе яркое, сильное, что только можетъ клокотать въ груди человѣческой.

Этому хору съ чародѣемъ-дирижеромъ во главѣ незначѣмъ было рядиться въ національные костюмы. Пѣсня сама за себя говорила. Кошицъ и мужчины были во фракахъ, дамы въ скромныхъ платьяхъ, вполне подобающихъ серьезности того дѣла, которое эти люди творили. Никакая дипломатія, никакіе аргументы, хотя-бы и самые хитросплетенные, не могли имѣть такой убѣдительной силы, какъ это повѣствованіе въ звукахъ то о печали народной, то о покорности въ цѣпяхъ, то о побѣдномъ выходѣ изъ рабства.

Слышался аромать украинскихъ полей, сила черно-зема, непочатость и степная дикость юной народной души.

Вся голландская пресса заговорила объ этомъ чудѣ. Такой-же восторгъ сопровождалъ хоръ всюду, куда онъ только не являлся, въ Парижѣ, Прагѣ, Мадридѣ . . .

Въ Лондонѣ уже при мнѣ состоялось около 10-ти концертовъ хора съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Лондонскій университетъ чествовалъ хоръ въ своихъ стѣнахъ. Студенты организовали концертъ, которому предшествовали рѣчи одного изъ англичанъ-профессоровъ по кафедрѣ славянскихъ языковъ, представителя лондонскихъ студентовъ и Кошица.

Кошиць оказался блестящимъ ораторомъ. И хотя онъ говорилъ на родномъ украинскомъ языкѣ, но англичане были захвачены его темпераментомъ и искренностью тона. Когда-же партіотическая рѣчь Кошица была тутъ-же переведена, ему была устроена овація.

Много вниманія къ себѣ вызвалъ также концертъ хора въ одной изъ обширнѣйшихъ церквей Лондона, гдѣ представители англійскаго духовенства выразили въ напутственномъ словѣ пожеланія успѣха украинскому народу.

Но я забѣжалъ впередъ.

Въ Гаагѣ я побывалъ, конечно, во Дворцѣ Правосудія, гдѣ есть немало слѣдовъ о прикосновенности бывшаго русскаго царя къ гааской конференціи мира. Тутъ и портретъ Николая II-го во весь ростъ, и мебель, подаренная имъ для Дворца. Какая иронія судьбы! Не онъ-ли, движимый неудачливыми совѣтниками, бросилъ, быть можетъ и не сознавая послѣдствій, первую искру, отъ которой загорѣлся всемірный пожаръ? Впрочемъ, о мертвыхъ «хорошее или ничего» . . . Своей мученической

смертью Николай II-й искупилъ многое, поскольку рѣчь идетъ объ его личной винѣ.

Я уже собирался на вокзалъ, когда вдругъ появился Грановскій. Онъ уже возвращался изъ Лондона и горько жаловался на то, что его очень холодно встрѣтили въ сіонистской организаціи, которая скептически отнеслась къ его миссіи и отвергла его сотрудничество. Онъ рѣшилъ, поэтому, ѣхать прямо къ украинской Директоріи для непосредственныхъ переговоровъ о семи пунктахъ.

Все это показалось мнѣ страннымъ и непонятнымъ. Но само поведеніе Грановскаго, его спѣшка, нервно-ность, характеръ всего разговора, мнѣ не понравились . . . Я рѣшилъ, что надо воздержаться отъ окончательныхъ сужденій до свиданія съ сіонистами въ Лондонѣ.

29-го января я былъ уже въ Лондонѣ. На вокзалѣ меня встрѣтилъ д-ръ Вишницеръ. Въ тотъ-же день я познакомился съ совѣтникомъ миссіи, прис. повѣреннымъ Олесницкимъ, родомъ изъ Галиціи. Олесницкій сразу завоевалъ всѣ мои симпатіи, и я съ удовлетвореніемъ могъ констатировать, что въ его лицѣ и въ лицѣ Вишницера я буду имѣть двухъ выдающихся и корректнѣйшихъ сотрудниковъ. Я не ошибся. Наша совмѣстная работа въ дальнѣйшемъ была всегда дружной и солидарной, между нами ни разу не произошло ни одного недоразумѣнія.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ изложенію самого содержанія этой работы, я долженъ закончить исторію съ Грановскимъ и его миссіей.

Меня пригласили въ засѣданіе Комитета сіонистской организаціи для бесѣды по этому вопросу.

Здѣсь я засталъ д-ра Гантке, Гольдштейна, Гольдберга и др. Мнѣ объяснили, что сіонистская организація мало знаетъ Грановскаго, а потому, вообще, не можетъ основываться на его данныхъ, пока не удостовѣрится въ ихъ подлинности.

Всецѣло раздѣляя мнѣніе Лондонскаго Комитета сіонистовъ о несоотвѣтствіи личности Грановскаго возложенной на него задачѣ, я не могъ, однако, согласиться съ сомнѣніями о подлинности документовъ. Слишкомъ толково и литературно, съ большимъ знаніемъ политическихъ и національных задачъ еврейства, было все это написано.

А главное — такъ легко было все это провѣрить. Въ обращеніи политическаго еврейскаго совѣщанія на имя Грановскаго былъ указанъ адресъ для дальнѣйшихъ сообщеній съ президіумомъ совѣщанія въ лицѣ англійской миссіи въ Батумѣ. Я предложилъ Сіонистскому Комитету послать немедленно телеграмму по этому адресу въ Батумъ, гдѣ англійская миссія, со свойственной въ такихъ случаяхъ любезностью, передала бы телеграмму по назначенію.

Однако, они этого не сдѣлали, и я почувствовалъ, что тутъ не только не вѣрятъ, но и не хотятъ вѣрить подлинности документовъ. Политика сіонистовъ въ Лондонѣ была связана въ это время съ тѣмъ теченіемъ въ Англій, которое относилось враждебно къ образованію отдѣльныхъ государствъ на мѣстѣ бывшей Россіи. Они не хотѣли, поэтому, вмѣшиваться въ вопросы о томъ или иномъ разрѣшеніи русской проблемы, въ ея связи съ аспираціями отдѣльныхъ народовъ.

Таково было мое впечатлѣніе. Вскорѣ я нашелъ въ нѣкоторыхъ фактахъ подтвержденіе правильности

этого впечатлѣнія. И я понялъ, что сіонистская организація, какъ таковая, дѣйствительно не могла связать себя въ то время съ той или иной оріентаціей въ отношеніи Украины. Вообще, какъ оно по существу ни противорѣчиво, но и среди сіонистовъ было немало такихъ, которые мечтали о возстановленіи прежней Россіи. При такихъ расхожденіяхъ въ средѣ самой организаціи не могло быть, конечно, одной опредѣленной оріентаціи сіонистовъ и въ украинскомъ вопросѣ.

Помимо всего изложеннаго, сіонистскій комитетъ въ Лондонѣ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что единственнымъ законнымъ представительствомъ украинскаго еврейства въ Западной Европѣ является Делегація украинскаго еврейства при Конференціи мира въ Парижѣ, избранная на извѣстномъ кievскомъ еврейскомъ съѣздѣ, и что новообразовавшийся въ Ростовѣ для территоріи, занятой войсками Деникина, комитетъ и политическая еврейская коллегія не являются съ формальной стороны въ достаточной мѣрѣ правомочными представителями еврейства тѣхъ областей.

Вскорѣ я получилъ свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ опрометчивыхъ и больше чѣмъ легкомысленныхъ поступковъ Грановскаго, которые окончательно его дискредитировали . . . Было тяжело сознавать, что выборъ лица для столь важнаго порученія оказался столь неудачнымъ . . . Но отъ этого значеніе документовъ, которые онъ привезъ, нисколько не умалялось. И пока не опровергнута ихъ подлинность, они являются весьма существеннымъ и важнымъ матеріаломъ для всякаго, кто хочетъ заняться изученіемъ психологіи еврейства въ полосѣ операцій арміи Деникина осенью 1919-го года.

ГЛАВА XVII.

Лондонъ. Ориентаціи. Labour Party. Зангвилль. Вильямсъ. Гардингъ, Робертъ Сесиль, Асквиль. Венизелось и Вайда-Воеводъ. Шалоя. Черчилль. Съ вышки омнибуса.

Мой предшественникъ въ Лондонѣ находился на своемъ посту въ самое неблагоприятное время. Англійское правительство съ обычными для англичанъ послѣдовательностью и упорствомъ поддерживало Деникина. При такихъ условіяхъ никакая энергія, никакіе, даже самые дѣятельные сотрудники, не могли сдвинуть вопросъ объ Украинѣ съ мертвой точки. Англичане ждали результата поединка между Ленинымъ и Троцкимъ и Деникинымъ. Какъ и подобаеть народу бокса и всякаго, вообще, спорта, англичане не любятъ прерывать бой на серединѣ. Въ данномъ-же случаѣ упорство англичанъ въ ихъ выжиданіи было тѣмъ болѣе понятно, что одинъ изъ партнеровъ поединка былъ подъ ихъ высокимъ покровительствомъ и что они вложили значительный капиталъ въ это предпріятіе . . .

И пока Деникинъ еще держался, украинская миссія въ Англии вынуждена была влечить самое сѣрое существованіе.

Ко времени моего приѣзда положеніе рѣзко пере-мѣнилось. Дѣло Деникина было окончательно проиграно. Не лучше обстояло съ Колчакомъ и Юденичемъ.

Англичане задумались. Судьба бѣлыхъ генераловъ, поведеніе тѣхъ круговъ, которые ихъ окружали, отношеніе къ нимъ населенія, совершенно не соответствовали тѣмъ представленіямъ, которыя рисовались раньше по сообщеніямъ и увѣреніямъ Милюкова, парижско-русскаго совѣщанія и т. д.

Англичане убѣдились, что даже лучшіе представители россійской интеллигенціи не знали и не понимали народной психики. Наконецъ, былъ и предѣлъ жертвамъ Англій въ погашеніе нравственнаго долга предъ бывшимъ союзникомъ въ войнѣ. Являлись, кромѣ того, сомнѣнія, кого-же считать этимъ бывшимъ союзникомъ, Милюкова и другихъ эмигрантовъ, или-же то населеніе, которое осталось на мѣстахъ и не проявляло, въ своемъ большинствѣ, солидарности съ этими эмигрантами.

Въ отношеніи балтійскихъ и кавказскихъ народностей Англія уже намѣтила свою политику. Но оставалась огромная Украина, которую столь неудачно и безрезультатно опекала все время Франція . . . Надо было, наконецъ, обратить свои взоры въ сторону Украины и украинскаго національнаго движенія.

Вотъ почему я былъ очень хорошо принятъ референтомъ по дѣламъ народностей Россіи, Грегори. Я написалъ подробное письмо лорду Керсону, получилъ весьма любезный отвѣтъ. Миѣ была назначена спеціальная аудіенція у лорда Гардинга, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, нынѣ англійскаго посла въ Парижѣ. Наблюдался безусловный ростъ интереса Англій къ Украинѣ.

Однако, съ другой стороны было ясно, что на интервенцію Англій въ борьбѣ съ большевизмомъ

разчетовъ мало. Англичане сознавали, что вся ихъ политика въ отношеніи Деникина и Колчака была сплошной, но уже и непоправимой ошибкой. Они понимали, какой ударъ былъ нанесенъ при ихъ-же невольной помощи боееспособности украинскихъ національныхъ силъ. Но это уже было, какъ они говорили, «въ прошломъ».

А въ настоящемъ они усиленно поддерживали тогда Эстонію на ея пути къ миру съ Совѣтской Россіей. Такая-же политика проводилась и въ отношеніи Латвіи и Литвы. И огромная пропасть анархіи, подобно большой, зіяющей ранѣ, стала затягиваться и зарубцовываться съ краю, съ береговъ Балтики. То былъ здоровый процессъ, нормальный путь начала излеченія отъ анархіи.

Такой же процессъ происходилъ на другомъ отдаленномъ берегу пропасти, въ Грузіи. Но тамъ заживаніе оказалось непрочнымъ и чреватымъ рецидивами анархіи и взаимной рѣзни.

Мнѣ дали весьма отчетливо понять, что Украинѣ надо попытаться пойти тѣмъ-же путемъ, какимъ пошла уже Эстонія. Я успѣшилъ предупредить объ этомъ украинское правительство, но тамъ къ этому отнеслись, насколько я въ этомъ могъ въсплѣдствіи убѣдиться, безъ должнаго вниманія. Впрочемъ, и трудно было имъ предпринять какіе-либо практическіе шаги, разъ другая сторона, большевики, такъ упорно добивалась удержанія за собою именно Украины, какъ житницы для Москвы.

Въ Лондонѣ-же можно было, по крайней мѣрѣ, обратиться за содѣйствіемъ къ Labour Party, которая имѣла тогда огромное вліяніе на російскихъ большевиковъ.

Завязалась переписка и переговоры съ лидерами рабочей партіи. Гендерсонъ и его сотрудники, равно какъ и депутаты лѣвыхъ группъ Кенворси и Ваджвудъ, заинтересовались украинскимъ вопросомъ, просили дать имъ литературу и т. д. Но особенно характерной была наша встрѣча съ Вильямсомъ. Зангвилль представилъ ему меня и Вишницера по окончаніи грандіознаго митинга рабочей партіи, на которомъ мы присутствовали. Митингъ этотъ состоялся въ самомъ большомъ помѣщеніи Лондона, Albert Hall, присутствовало до 15 000 народу. Сначала игралъ органъ, и подъ пѣсни англійскихъ рабочихъ шла въ публикѣ раздача портретовъ и біографій Ленина и Троцкаго. Это было въ ту пору, когда англійскіе рабочіе не успѣли еще распознать сущность російскаго большевизма. Ленинъ и Троцкій являлись еще для нихъ апостолами социализма и грядущаго счастья рабочихъ массъ.

Въ числѣ ораторовъ выступали видные вожди рабочихъ, а также и представители другихъ группъ, сочувствующихъ рабочей партіи. Въ качествѣ гостя выступилъ Зангвилль, который произнесъ лучшую рѣчь на этомъ митингѣ. Говоря о большевистскомъ опытѣ, онъ остроумно замѣтилъ, что все-же опыты продѣлываются всегда раньше въ лабораторіяхъ, а потому онъ рекомендовалъ Совѣтскому правительству ограничиться Великобританіей, которая также была слишкомъ большой лабораторіей для начала, и освободить отъ этихъ опытовъ тѣ государственныя новообразованія, которыя возникли на почвѣ національнаго самоопредѣленія, въ томъ числѣ и Украину.

Вильямсъ лаконически заявилъ намъ объ его сочувствіи украинскому движенію. «Великороссія хо-

четь Совѣты, пусть ихъ имѣеть, Украина хочетъ парламентъ, — да сбудется ея воля.» резюмировалъ свою мысль этотъ сильный человѣкъ, отъ вліянія котораго зависѣли рѣшенія всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Англіи. Вильямсъ хотѣлъ забастовку — и была забастовка. Но его сила заключалась въ томъ, что онъ не такъ часто и не такъ легко «хотѣлъ забастовку».

Однако, въ отношеніи Украины его хотѣніе не могло явиться рѣшающимъ. Къ тому-же большевики тоже не дремали. Они старались убѣдить англійскую рабочую партію въ томъ, что Петлюра — контръ-революціонеръ, что онъ идетъ съ реакціонными кругами Польши. До конца апрѣля еще можно было бороться съ этими слухами, которые распускались большевиками. Но какъ только въ Лондонѣ получились свѣдѣнія о подписаніи украинскимъ правительствомъ въ Варшавѣ соглашенія съ Польшей, такъ тотчасъ-же рабочая партія прервала съ нами всякія сношенія. Объясняется это тѣмъ представленіемъ о силѣ реакціонныхъ слоевъ Польши, которое существуетъ въ Англіи. И поэтому соглашеніе съ Польшей сдѣлало одиознымъ въ глазахъ англійскаго рабочаго также и украинское національное движеніе.

Для того, чтобы хоть нѣсколько парализовать такой поворотъ въ отношеніяхъ рабочей партіи, я усиленно звалъ въ Лондонъ тѣхъ представителей лѣвыхъ украинскихъ партій, которые жили за границей и не входили въ составъ правительства. Я писалъ, между прочимъ, объ этомъ и Шульгину въ Чехію, прося его воздѣйствовать въ этомъ отношеніи на Грушевскаго, а также и на социаль-демократовъ.

Однако, ни Грушевскій, ни Шрагъ, ни Матюшенко не приѣхали. Мы-же, официальная миссія, были уже въ глазахъ рабочей партіи союзниками Польши.

Со времени соглашения съ Польшей началось охлажденіе къ намъ и со стороны не-соціалистической печати. Польша представлялась въ Англіи форпостомъ французскаго вліянія на Востокъ Европы. Тотъ, кто шелъ съ Польшей, попадалъ въ фарватеръ французскаго вліянія. Широкіе круги въ Англіи не знали и не хотѣли знать никакихъ тайныхъ договоровъ о сферахъ вліянія Англіи и Франціи. Начинаясь явная оппозиція англійскаго общественнаго мнѣнія противъ преобладанія польско-французскаго вліянія въ Восточной Европѣ. Но и въ официальныхъ кругахъ явно нащупывалось рѣшеніе пересмотра этого тайнаго договора съ Франціей, либо его постепеннаго анулированія.

Раньше всѣ крупнѣйшіе органы печати сами обращались къ намъ, особенно въ теченіе февраля, марта и апрѣля. Теперь моимъ талантливымъ сотрудникамъ приходилось уже самимъ брать на себя инициативу хожденій и хлопотъ для помѣщенія самой маленькой замѣтки.

Точно также реагировали представители индустріи и финансовъ, проявившіе вначалѣ очень серьезный интересъ къ Украинѣ. Въ февралѣ и мартѣ меня навѣстили въ скромномъ, но уютномъ домикѣ, гдѣ помѣщалась наша миссія, директора двухъ самыхъ крупныхъ англійскихъ фирмъ по постройкѣ портовъ и желѣзныхъ дорогъ. Они особенно интересовались вопросомъ о расширеніи и полномъ переустройствѣ одесскаго порта, а также постройкой желѣзныхъ дорогъ на Украинѣ. Всякій, кто трезво оцѣниваетъ

состояніе полной разрухи хозяйства на Украинѣ, какъ и въ Великороссіи, понимаетъ также всю невозможность возрожденія экономической жизни мѣстными силами. Если не распахнуть широко двери иностранному капиталу, то нечего и думать о томъ, чтобы быстро подняться на ноги.

Но и эти фирмы, и финансовые круги Сити, съ которыми я былъ въ контактѣ, допускали скорѣе возможность соглашенія Украины съ большевиками, по образцу прибалтійскихъ государствъ, нежели соглашеніе съ Польшей. Первое было неосуществимо, ибо большевики не собирались уйти изъ Украины. Второе-же стало фактомъ въ концѣ апрѣля. И тогда же оборвались переговоры представителей англійской промышленности и финансовъ съ нашей миссіей.

Одно лишь англійское правительство, вѣрное своимъ навыкамъ, не спѣшило еще съ открытымъ выявленіемъ своего отношенія къ вопросу о польско-украинскомъ соглашеніи. Оно выжидало результатовъ наступленія польско-украинскихъ войскъ на Кіевъ. И хотя его отношеніе къ вѣроятному исходу этого наступленія было скептическое, но все-же оно воздерживалось до послѣдней минуты отъ высказыванія своихъ сужденій. Я очень часто видѣлся тогда съ шефомъ кабинета Ллойдъ-Джорджа, вліятельнѣйшимъ въ то время Филиппомъ Керромъ, но долго не могъ добиться отъ него даже какихъ-либо намековъ по этому поводу. «Поживемъ — увидимъ», повторялъ онъ въ нѣсколько измѣненной редакціи старую французскую поговорку.

Изъ выдающихся англійскихъ государственныхъ дѣятелей я поддерживалъ также отношенія съ лордомъ Робертомъ Сесилемъ и Асквитомъ, которыхъ

все время информировалъ и держалъ въ курсѣ событій на Украинѣ.

Первый изъ нихъ имѣлъ очень смутное представление объ украинскомъ движеніи и съ трудомъ различалъ, кто есть Петлюра и Раковский. Но при первой же встрѣчѣ Сесиль просилъ меня дать ему всѣ матеріалы, какіе только имѣются въ моемъ распоряженіи. Онъ просилъ также прислать ему фотографію Петлюры.

Съ той поры этотъ пытливый и добросовѣстный дѣятель внимательно слѣдилъ за всѣми событіями на Украинѣ, всегда аккуратно отвѣчалъ на письма и т. д. Одновременно онъ интересовался выясненіемъ участія евреевъ въ большевистскомъ движеніи, о чемъ имѣлъ преувеличенное представление. Я послалъ ему въ связи съ этимъ вопросомъ нѣкоторые матеріалы. Тогда-же съ нимъ вступилъ въ переписку по этому же поводу Р. М. Бланкъ.

Съ Асквитомъ я встрѣтился на торжественномъ обѣдѣ общества Лиги Націй. Я былъ случайно его сосѣдомъ за столомъ. Онъ спрашивалъ меня объ украинскомъ крестьянствѣ и особенно интересовался тѣмъ, какая украинская политическая партія соотвѣтствуетъ англійской либеральной партіи, лидеромъ которой онъ является и по сю пору.

Мое сосѣдство съ Асквитомъ весьма заинтриговало тогда многихъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ.

Ко мнѣ потомъ подходили, знакомились. Случай играетъ всегда огромную роль въ дипломатическомъ мірѣ и этотъ обѣдъ далъ мнѣ потомъ доступъ и общеніе съ очень интересными людьми. Изъ представителей другихъ державъ особенно тепло относились къ украинскому движенію Вензелось и Вайда-Воеводъ.

Венизелось видѣль въ Украинѣ собрата по общимъ интересамъ на Черномъ морѣ. Я съ нимъ видѣлся неоднократно въ Лондонѣ, Санъ-Ремо и въ Спа, и онъ неизмѣнно изъявляль готовность поддержать украинскій вопросъ передъ своими сильными друзьями.

Румынскій премьеръ, Вайда-Воеводъ, гостившій тогда въ Лондонѣ, родомъ изъ Трансильваніи, являль собою нагляднѣйшій образецъ новой Румыніи. Онъ страстно тянулся къ свѣту, идущему съ Запада. Это чувствовалось въ каждомъ его словѣ. Утонченно-культурный, онъ хотѣль видѣть въ будущемъ свою родину такою-же. И онъ не боялся «иностранныаго засилія», а, напротивъ, ждалъ отъ него блага для своей страны. Мнѣ привелось присутствовать при его горячемъ спорѣ на эту тему съ княземъ Сапѣгою, который былъ тогда польскимъ посломъ въ Лондонѣ. Сапѣга, самъ получившій отъ западной культуры все, что только возможно, воспитанный въ Лондонѣ, держался иныхъ взглядовъ по этому вопросу.

Немного позже пріѣхаль въ Лондонъ итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шалойа.

Онъ весьма охотно назначилъ мнѣ аудіенцію и оказался весьма чуткимъ другомъ украинскаго народа, и, вообще, всѣхъ народовъ, проснувшихся отъ вѣковой спячки и стремящихся къ свободному существованію подъ солнцемъ. Шалойа былъ довольно извѣстнымъ юристомъ въ Италіи, его появленіе на аренѣ дипломатіи было недавнимъ и не очень продолжительнымъ. Его смѣнилъ Сфорца, принимавшій потомъ столь активное участіе въ вопросѣ о Верхней Силезіи.

Все яснѣй становилось, что Англія съ каждымъ днемъ все больше склоняется къ отказу отъ всякихъ плановъ интервенціи. Рабочая партія настойчиво требовала соглашенія съ большевиками.

Ллойдъ-Джорджъ, убѣжденный противникъ не только большевизма, но и вообще социализма, пришелъ, однако, къ заключенію, что ближайшимъ путемъ къ паденію большевистскаго режима является своего рода «непротивленіе злу».

Онъ какъ-бы хотѣлъ показать и своей рабочей партіи, и всему міру, что большевизмъ, предоставленный самому себѣ, самъ же себя приведетъ къ своему логическому концу. При борьбѣ съ большевизмомъ пушками послѣдній остался бы, даже въ случаѣ пораженія, съ ореоломъ мученичества, вошелъ бы въ исторію, какъ жертва, удушенная иностранными капиталистами — бандитами.

Вотъ почему Ллойдъ-Джорджъ повелъ эту новую свою политику въ отношеніи русскаго вопроса и допустилъ посѣщеніе большевистскаго царства представителями англійскихъ рабочихъ, писателями и т.д.

Онъ хотѣлъ, чтобы они сами убѣдились, своими глазами увидѣли, къ чему привело на мѣстѣ примѣненіе большевистскихъ теорій и приемовъ, ихъ насажденіе въ область дѣйствительной жизни. Большинство кабинета шло съ Ллойдъ-Джорджемъ.

Но былъ и рѣшительный противникъ этого направленія. То былъ военный министръ Черчилль.

Въ своемъ пространномъ интервью по еврейскому вопросу, появленіе котораго вызвало всеобщее вниманіе, Черчилль выступилъ въ то время со своимъ оригинальнымъ дѣленіемъ всего еврейства на сіонистовъ и большевиковъ. Сіонисты представлялись

въ этомъ интервью, какъ лучшіе сыны еврейскаго народа. Черчилль высказывалъ свое горячее сочувствіе сіонизму и пожеланіе достиженія его идеаловъ.

Наоборотъ, большевики евреи были представлены, какъ враги рода человѣческаго. И тутъ-же была брошена фраза о «россійскихъ большевикахъ и петлюровскихъ бандахъ», какъ явленіяхъ общаго происхожденія и порядка.

Выводы были весьма ясные. Во 1-хъ, Черчилль объявлялъ себя большимъ другомъ сіонизма. Во 2-хъ, онъ не зналъ о существованіи среди еврейства огромнаго количества, подавляющаго большинства, не принадлежащаго ни къ официальному сіонизму, ни къ большевизму. Въ 3-хъ, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ украинскаго движенія.

Но и помимо этого интервью было извѣстно, что Черчилль, какъ настоящій реакціонеръ, мечтаетъ о восстановленіи старой Россіи. У него продолжали искать покровительства и помощи всѣ бывшіе бѣлые генералы и новые кандидаты на эти роли.

И хотя Черчилль былъ въ подавляющемъ меньшинствѣ, но все-же его выступленіе и направленіе давали пищу для всякихъ надеждъ со стороны тѣхъ, кто даже во снѣ видѣлъ возвратъ къ старому.

Работала наша миссія все это время съ большимъ подъемомъ и напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ. Олесницкій взялъ на себя всю переписку и сношенія съ Лигой Націй. Сэръ Эрикъ Дрэмонъ, генеральный секретарь Лиги Націй, живо интересовался Україною, размножалъ и разсылалъ членамъ Совѣта Лиги все, что мы ему посылали. Существовала кромѣ

того спеціальна українська секція при Обществі Лиги Націй, предсѣдателемъ которой состоялъ Олесницькій.

Вишницеръ спеціальнo завѣдывалъ еврейскимъ отдѣломъ, помимо общихъ обязанностей по секретариату и прессѣ. Затѣмъ была спеціальная секція по экомоническимъ и торговопромышленнымъ вопросамъ, которой вѣдали Меленевскій и Шафаренко, авторъ весьма интересной брошюры о богатствахъ Украины.

На всякое малѣйшее проявленіе антисемитизма въ средѣ украинцевъ, жившихъ за-границей и состоявшихъ на службѣ, Вишницеръ и я незамедлительно реагировали. Такихъ случаевъ было мало, но и въ отношеніи нихъ мы получали должное удовлетвореніе. Такъ, напримѣръ, въ связи съ уходомъ со службы одного изъ украинскихъ дѣятелей и съ отчисленіемъ изъ штата миссіи въ Англіи его друга, у меня произошли съ ними непріятныя объясненія. Я написалъ тогда С. В. Петлюрѣ письмо, которое помѣщено въ отдѣлѣ приложений. Не знаю, былъ ли изданъ тогда тотъ циркуляръ, который я рекомендовалъ въ моемъ письмѣ. Переписка съ правительствомъ происходила въ очень тяжелыхъ условіяхъ, военная цензура еще не была отмѣнена въ рядѣ транзитныхъ странъ. Приходилось посылать корреспонденцію съ оказіей на Прагу, Берлинъ или Вѣну, гдѣ письма лежали въ украинскихъ посольствахъ опять таки до оказіи въ Варшаву, Каменецъ или Тарновъ.

Фактъ тотъ, что лица, изъ-за которыхъ тогда загорѣлся весь этотъ сыр-боръ, на службу не вернулись. И я сильно сомнѣваюсь въ томъ, возможно-ли было найти такое-же отношеніе въ тождественныхъ

случаяхъ въ ставкѣ Деникина, Колчака или Врангеля.

Тѣмъ не менѣе, благодаря свѣжимъ еще ранамъ, нанесеннымъ еврейству полосой погромовъ на Украинѣ, надъ всѣмъ, что носило названіе украинскаго, протягивалась густая пелена подозрительности ко всѣмъ и вся. Появились, напримѣръ, въ еврейской прессѣ сообщенія, будто Никовскій, новый министр иностранныхъ дѣлъ, въ связи съ изготовленіемъ проекта новой конституціи и закона о временномъ предпарламентѣ, высказывается за стмѣну института національно-персональной автономіи. Мы немедленно запросили его и получили отъ него телеграмму категорическаго содержанія, которая гласила: «буду лично защищать въ Совѣтѣ Министровъ національно-персональную автономію».

Вѣсть о томъ, что въ Англіи образовалась такъ называемая «Федерація украинскихъ евреевъ» во главѣ съ д-ромъ Йохельманомъ, вызвала большое удовлетвореніе у украинскаго правительства. Такія же спеціальныя организаціи для евреевъ - выходцевъ изъ Украины имѣются теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, и, насколько я слышалъ, также и въ Палестинѣ. Самый фактъ сказавшагося въ этомъ признанія евреями Украины, какъ самодовлѣющей единицы, вызвалъ глубокое удовлетвореніе въ рядахъ украинскаго правительства, обратившагося къ д-ру Йохельману въ спеціальному письмѣ съ выраженіемъ признательности ему, какъ учредителю названной «Федераціи».

Спокойное и объективное отношеніе Зангвилля и Люсьена Вульфа къ украинскому движенію, ихъ умѣніе отдѣлять все злое, порочное и преступное

отъ всего такого, что является чистымъ и незапятнаннымъ родникомъ этого движенія, давать должную оцѣнку и тому, и другому, создало большую популярность этихъ именъ среди лучшихъ представителей украинской интеллигенціи и правительства.

Ирландія и назрѣвавшая угроза забастовокъ внутри страны отвлекали каждый разъ вниманіе Ллойдъ-Джорджа и всего правительства отъ внѣшней политики. Въ такіе тревожные дни нечего было и думать о томъ, чтобы вызвать какой-либо интересъ къ украинскому вопросу.

Нерѣдко, въ эти промежутки вынужденнаго отдохновенія и бездѣлія, я ѣздилъ по окраинамъ и живописнымъ окрестностямъ Лондона на вышкѣ omnibusовъ. Этотъ способъ передвиженія, какъ извѣстно, нигдѣ на континентѣ не поставленъ на такую высоту удобства и комфорта, какъ въ Англіи. Впрочемъ, оно и понятно, если вспомнить, съ какихъ незапамятныхъ временъ omnibusъ появился и систематически развивался въ Англіи. Онъ занимаетъ почетное мѣсто въ повѣстяхъ Диккенса и, вообще, въ англійской литературѣ.

Когда удаляешься отъ центра города и глядишь съ omnibusа на фасады домовъ, на архитектуру и стиль построекъ, мимо которыхъ онъ быстро несется, когда видишь прохожихъ, слышишь ихъ рѣчь — тогда только начинается ощущаться огромная разница во всемъ, существующая на континентѣ Европы, и здѣсь на островѣ. Тутъ все старше, а потому и старѣе. Только то, что предназначено для общаго пользованія, идетъ рядомъ, нога въ ногу, съ прогрессомъ техники. Такихъ идеальныхъ мостовыхъ, та-

кого уличного освѣщенія, даже на окраинахъ, нѣтъ нигдѣ на континентѣ.

Зато дома, какъ частная собственность, стоятъ въ своей идилической неприкосновенности съ давнихъ временъ, приземистые, закопченные. Англичанинъ консервативенъ, онъ не любитъ ломать того, что уже существуетъ. Онъ любитъ свой старинный особнякъ и его не прельщаютъ выгоды, которыя онъ могъ бы получить, возведя на мѣстѣ этого особняка съ садомъ высокій, доходный домъ. Англичанинъ склоненъ къ эволюціи, но старый домъ не обладаетъ способностью медленнаго превращенія въ домъ новаго типа. И онъ стоитъ въ прежнемъ видѣ, очень часто рядомъ съ новымъ домомъ, недавно выросшим на сосѣдней, раньше не застроенной усадьбѣ.

Но конечно, если пожаръ уничтожитъ старыя зданія, то на ихъ мѣстѣ возводятся уже постройки новаго типа, съ просторными, высокими и свѣтлыми комнатами.

Я часто думалъ объ этомъ, когда мнѣ приводили соображенія о нежелательности ломки старыхъ государственныхъ образованийъ.

Конечно, ломка, крушеніе государствъ вызываетъ слишкомъ большія потрясенія и лишенія для населяющихъ ихъ народовъ.

Радикальное примѣненіе принциповъ Вильсона къ тѣмъ государственнымъ организмамъ, которые еще не распались и крѣпко держатся сковавшимъ ихъ отдѣльныя части цементомъ, врядъ ли желательно въ интересахъ самихъ народовъ, хотя-бы и составляющихъ меньшинство населенія, а потому подавленныхъ въ развитіи своего языка, культуры и индивидуальности преобладающимъ большинствомъ. Но

совершенно иное дѣло, когда старое зданіе по той или другой причинѣ уже рухнуло, и когда рядомъ, по сосѣдству, также измѣнились условія и принципы государственнаго строительства. Въ такихъ случаяхъ только косность обывательской мысли и сила привычки могутъ диктовать стремленіе къ возстановленію стараго зданія.

Но благими желаніями, скажу я объ этихъ мечтателяхъ возврата къ старому, вымощенъ адъ. Не найдется уже ни каменщиковъ, ни плотниковъ для возведенія старой російской храмины. Постройка начнется не съ крыши, не съ общаго купола, а съ фундамента, снизу. Каждый народъ займется творческимъ созиданіемъ у себя, на мѣстѣ, пышнымъ цвѣтомъ разовьется мѣстная жизнь и мѣстная инициатива. А дальнѣйшее — предметы общаго пользованія съ сосѣдями, сервитуты и проч. — потомъ приложится само собой, на началахъ свободнаго соглашенія, а не порабощенія.

Если же такое строительство по новымъ законамъ, по вольному рѣшенію свободныхъ народовъ, и не наступитъ у насъ сразу, если какой-либо силѣ, подобно большевикамъ, удастся вновь подчинить одному центру, одной волѣ обширныя пространства всей территоріи бывшаго російскаго государства, то такое господство будетъ непрочнымъ и недолговѣчнымъ. Наскоро склеенное зданіе снова распадется. Его внутреннія связи окажутся такими-же непрочными, какъ и тѣ, которыми еле держатся современныя «совѣтскія» Россія и Украина.

Рождались на вышкѣ омнибуса и другія досужія мысли. Вотъ мелькнула мясная лавка . . . Сколько тушъ вывалено въ окнахъ этой лавки. Какое обиліе

всего наблюдается въ этомъ Лондонѣ, куда пароходы везутъ со всѣхъ концовъ свѣта и мясныя туши, и всякіе заморскіе овощи и фрукты . . . А тамъ, въ Вѣнѣ, полуголодное существованіе. И, наконецъ, у насъ, въ Кіевѣ, какъ и въ несчастномъ Петербургѣ, полный голодъ.

Но какое дѣло до всего этого обывателю Лондона? Онъ занять борьбой за существованіе, достаточно, если онъ самъ сытъ. Попробуйте спросить его о существованіи Украины и окажется, что онъ знаетъ объ этомъ не больше, нежели мы знаемъ о различныхъ народахъ, изъ которыхъ состоитъ населеніе Китая.

И меня повергало въ отчаяніе безсиліе нашей маленькой миссіи въ ея задачѣ проникновенія въ эту среду, въ безбрежное море населенія Лондона. Для такой задачи въ Англіи, гдѣ Украину знали куда меньше, чѣмъ во Франціи, не говоря уже о Германіи и сосѣднихъ съ Украиною народахъ бывшей Австро-Венгріи, нужны были огромныя средства, нужна была своя пресса.

Ничего подобнаго въ распоряженіи нашей миссіи не было

ГЛАВА XVIII.

Санъ-Ремо. Римъ. Луцатти. Вѣна. Отступление отъ Кіева.
Снова погромы.

Въ маѣ состоялась конференція въ Санъ-Ремо. Еще въ Лондонѣ Шалойа говорилъ мнѣ, что не исключена возможность разсмотрѣнія на этой конференціи и вопроса объ отношеніи къ большевизму и государственнымъ новообразованіямъ. Въ виду этого, а также по уполномочію группы украинскихъ пословъ и нѣкоторыхъ членовъ правительства, бывшихъ тогда за-границей, я поѣхалъ въ Санъ-Ремо. Тамъ-же я засталъ Тышкевича, Галипа, Мазуренко и другихъ украинскихъ дѣятелей.

Въ то время внутренней конфликтъ между членами парижской делегаціи былъ въ полномъ разгарѣ. Почти вся делегація давно уже взывала къ правительству объ отозваніи Тышкевича и замѣнѣ его другимъ лицомъ. Но правительство не торопилось съ разрѣшеніемъ этого насущнѣйшаго вопроса. Эта медлительность была самой крупной ошибкой правительства во всей заграничной политикѣ. Связи Тышкевича были слишкомъ односторонними и ограничивались клерикальными и правыми кругами. Весь его образъ нисколько не соответствовалъ тому движенію, которое онъ представлялъ на самомъ отвѣтственномъ посту, при Конференціи Мира. Но еще больше вреда дѣлу причинила та недопустимая

травля, которой онъ подвергался со стороны своихъ коллегъ по делегации. Правда, онъ платилъ имъ тѣмъ-же. Все это выносилось наружу, предъ иностранцами, на радость врагамъ украинскаго движенія.

Съ большимъ интересомъ слѣдилъ я за успѣхами палестинскаго дѣла въ Санъ-Ремо. Но я не долго оставался тамъ, такъ какъ узналъ отъ Филиппа Керра и Шалойа, что восточно-европейскіе вопросы за недостаткомъ времени исключены изъ повѣстки конференціи. И я поторопился проѣхать въ Римъ, гдѣ у меня предстояло нѣсколько политическихъ свиданій.

Въ этой книгѣ я стараюсь возстановить всѣ тѣ факты, опубликованіе которыхъ уже является своевременнымъ. Многое изъ того, что мнѣ пришлось узнать и въ Парижѣ, и въ Англии, и на сей разъ въ Италіи, не подлежитъ еще оглашенію.

Я ограничусь изложеніемъ моей встрѣчи со старикомъ Луцатти.

Пришлось ожидать нѣсколько дней, пока онъ назначилъ мнѣ аудіенцію. Еще въ дѣтствѣ я слышалъ часто это имя. Евреи гордились Луцатти, его положеніемъ въ Италіи. И чѣмъ только онъ уже не былъ, вплоть до должностей военнаго министра и премьера. И теперь, уже совсѣмъ престарѣлый и дряхлѣющій, онъ занималъ должность министра финансовъ и былъ замѣстителемъ премьера.

«Не удивляйтесь, что я заставилъ васъ долго ждать,» началъ Луцатти бесѣду. «Есть двѣ вещи на свѣтѣ, которыми все держится. Первая — это Богъ, да, Богъ, безъ него ничего не дѣлается. Вторая — это деньги. Я министръ финансовъ, значитъ я самый занятой человѣкъ въ мірѣ.»

Это вступленіе, какъ и все остальное, что говорилъ этотъ большой въ прошломъ человѣкъ, обнаруживало склонность къ риторикѣ, восторженности, столь несвойственнымъ современнымъ политикамъ. Но Луцатти сложился въ другія времена, это былъ представитель старой политической школы.

Сочетаніе семитской крови и жгучаго итальянскаго солнца создало этотъ темпераментъ. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ и весьма маленькую аудиторію (я былъ съ нимъ одинъ на одинъ), онъ зажегъ и все время говорилъ, быстро мѣняя темы, переходя съ одного вопроса на другой. Восторженный поклонникъ Франціи, онъ одобрялъ ея политику по отношенію къ Польшѣ. Онъ раздѣлялъ страхи передъ Германіей, поэтому признавалъ правильнымъ планъ созданія очень сильной и большой Польши. Онъ находилъ поэтому, что Украина, какъ молодое и только что зарождающееся государство, должна уступить Польшѣ украинскую Галицію, для укрѣпленія Польши противъ Германіи.

Вообще, онъ оказался большимъ другомъ Польши. Онъ зналъ о всѣхъ страданіяхъ еврейскаго народа въ Польшѣ, но тутъ-же добавлялъ, что все это потомъ наладится. Онъ находилъ, что еврейство напрасно хочетъ быть признаннымъ въ качествѣ націи, что лучше, по прежнему, считать еврейство лишь религіей. Наконецъ, онъ выразилъ сожалѣніе, что «литваки»-евреи не уживаются съ коренными польскими евреями, и что виноваты, по его мнѣнію, «литваки».

Было ясно, что онъ уже весь въ прошломъ... Ясно было также, что многое онъ повторялъ съ чужихъ словъ, вращаясь въ дипломатическихъ кругахъ.

Я заговорилъ съ нимъ на другую тему и, между прочимъ, сказалъ ему, что его считаютъ у насъ отцомъ итальянской коопераціи. «Не отецъ я, а дѣдъ коопераціи,» отвѣтилъ онъ мнѣ и сталъ рассказывать много интереснаго изъ этой области, въ которой онъ, дѣйствительно, считался всемірнымъ авторитетомъ. Онъ выразилъ желаніе ознакомиться съ украинскими кооперативами и обѣщаль дать свои совѣты и полезныя указанія.

Прощаясь со мною, онъ снова сказалъ мнѣ, что послѣ Бога онъ самый занятой человекъ въ мірѣ.

Политическіе взгляды Луцатти, сущность которыхъ я вкратцѣ изложилъ выше, всецѣло совпадали съ той французской оріентаціей, которая стремилась къ созданію великой Польши.

Но Луцатти въ Италіи былъ въ очень незначительномъ меньшинствѣ. Руководители итальянской политики склонялись больше къ политикѣ Ллойдъ Джорджа.

Къ сожалѣнію, я не успѣлъ познакомиться съ другимъ евреемъ, входившимъ тогда въ кабинетъ — съ министромъ юстиціи Мортара. Онъ былъ въ эти дни очень заваленъ работой и я не счелъ себя въ правѣ беспокоить его, такъ какъ не имѣлъ конкретнаго къ нему дѣла.

Въ Римѣ я засталъ многихъ кіевлянъ, они всѣ отогрѣвались подъ гостепріимнымъ небомъ Италіи отъ холода лишеній и переживаній въ недавнемъ прошломъ. Люди быстро все забываютъ, многіе даже жаловались, что солнце въ маѣ слишкомъ уже грѣетъ въ Римѣ . . . И дѣйствительно, было очень жарко.

Изъ Рима я долженъ былъ поѣхать въ Вѣну, этотъ центръ украинской эмиграціи, куда привлекала

всѣхъ дешевизна валюты. Въ Вѣнѣ предстоялъ съѣздъ украинскихъ пословъ и нѣкоторыхъ представителей правительства. По дорогѣ я сдѣлалъ объѣздъ, остановился на одинъ день въ Женевѣ, гдѣ состоялся съѣздъ группы социаль-федералистовъ, и заѣхалъ на два дня въ Баденъ-Баденъ, къ моимъ родителямъ, которые только что вырвались изъ Крыма черезъ Константинополь.

Городъ вѣчнаго веселья и вальса еще не отошелъ отъ бѣдствій, въ которыя его повергла война. Бѣдная Вѣна, что съ ней стало! Днемъ, на главныхъ улицахъ, еще чувствовалась бывшая столица огромнаго государства, въ которомъ жило рядомъ столько народовъ. Но по ночамъ городъ очень скверно и скупо освѣщался, пустынно и тоскливо выглядѣли большіе каменные дома, дворцы, музеи и театры единственнаго въ своемъ родѣ «Ринга».

Какъ быстро все забывается! Гдѣ, какъ не въ Австро-Венгріи, въ борьбѣ національностей родились всѣ лозунги свободы національнаго самоопредѣленія, защиты правъ меньшинствъ и т. д. Въ Черновицахъ названія улицъ изображены на трехъ языкахъ. Конечно, австрійскіе нѣмцы были господствующей народностью и подавляли развитіе и ростъ силъ другихъ народовъ Австріи. Но развѣ можно было сравнить съ положеніемъ въ Австріи передъ войною тотъ гнетъ, подъ которымъ находились народы Россіи? Развѣ въ Варшавѣ поляки могли такъ свободно дышать, какъ въ Краковѣ? А гдѣ, какъ не во Львовѣ, прозябало, но все же жило украинское движеніе? И развѣ могъ мечтать грузинъ или татаринъ увидѣть въ родномъ городѣ надпись названія улицы на родномъ языкѣ!

Что-же касается положенія евреевъ въ Россіи и въ Австро-Венгріи, то въ этомъ вопросѣ даже нѣтъ мѣста для параллелей и сравненій. Конечно, еврейская молодежь послѣдней формациі требовала уже отъ Австро-Венгріи персонально-національной автономіи. Но этотъ новый ростокъ, вѣдь, нигдѣ тогда еще не привился. Зато въ очень многихъ домахъ стариковъ-евреевъ можно было видѣть портреты Франца-Иосифа. Набожный еврей искренно возносилъ свои молитвы ко Всевышнему за его здравіе.

На съѣздѣ въ Вѣнѣ настроеніе собравшихся въ большомъ количествѣ пословъ и политическихъ дѣятелей было весьма радостное и приподнятое, такъ какъ Кіевъ былъ тогда въ рукахъ польско-украинскихъ войскъ и хотѣлось вѣрить, что цѣною соглашенія съ Польшею получена, по крайней мѣрѣ, возможность сверженія большевистскаго ига и начала нормальныхъ условій жизни. Тогда-же, въ Вѣнѣ, состоялся также съѣздъ группы социаль-федералистовъ.

Съѣздъ пословъ пришелъ къ единогласному рѣшенію, что необходимо упразднить Парижскую Делегацию и замѣнить ее такою-же миссіей, какія были во всѣхъ государствахъ. Делегациа утратила смыслъ своего существованія уже съ того времени, какъ Конференція Мира превратилась изъ осѣдло-парижской институціи въ кочевую и собиралась каждый разъ въ другомъ мѣстѣ. Съѣздъ рекомендовалъ, поэтому, правительству организовать такую же кочевую специальную миссію при Конференціи въ составѣ лицъ, стоящихъ во главѣ миссій во Франціи, Италіи и Англии, а также той страны, гдѣ собирается въ каждомъ случаѣ Конференція. Предсѣдателемъ такой миссіи съѣздъ предложилъ назначить Министра

Иностранныхъ Дѣлъ, который могъ, въ случаѣ отсутствія, передавать свои функціи одному изъ членовъ миссіи.

Маціевичъ, Антоновичъ и Шульгинъ были командированы этимъ съѣздомъ въ Кіевъ. Но имъ не удалось выполнить эту командировку до конца. Вскорѣ Кіевъ снова былъ въ рукахъ большевиковъ.

Опять отступленіе и связанная съ нимъ анархія... Опять въ Галиціи грабежи и погромы... На сей разъ дезорганизованные солдаты «погуляли» не только въ мѣстечкахъ и городкахъ, но и въ деревняхъ. Крестьянское населеніе извѣдало разграбленіе и похищеніе имущества, изнасилованія женщинъ и дѣтей...

Уже изъ Лондона шлемъ запросы. Вишницеръ получаетъ телеграмму отъ Василька, что 40 погромщиковъ разстрѣляны. Но мы настаиваемъ, чтобы намъ прислали подробности суда надъ ними и ихъ имена... Отвѣта не получаемъ.

Правда, уже въ декабрѣ, въ Тарновѣ, генераль Омельяновичъ-Павленко и Красный подтвердили мнѣ рядъ случаевъ разстрѣла погромщиковъ непосредственно на мѣстѣ погромовъ. Но документовъ я и у нихъ не могъ тогда получить.

Кіевъ палъ. Въ Лондонѣ, въ кругахъ правительства, это предвидѣли и предсказывали, но, какъ я уже излагалъ подробно, выжидали. Теперь больше не ждали. Изъ разговоровъ съ Керромъ и другими лицами, съ которыми у меня уже завязались добрыя личныя отношенія, я съ каждымъ днемъ все больше убѣждался въ томъ, что необходима радикальная перемѣна въ политикѣ украинскаго правительства. Въ противномъ случаѣ въ Англіи намъ незачѣмъ было оставаться дальше.

Въ концѣ іюня я послалъ Министерству Иностран-
ныхъ Дѣлъ докладъ о такомъ положеніи въ Англии,
въ которомъ писалъ, что «вопросъ всей нашей загра-
ничной политики долженъ быть пересмотрѣнъ», что
«необходимо немедленное совѣщаніе всѣхъ пословъ
съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ» и что я лично
«не въ состояніи продолжать въ Англии мою работу,
впредь до коренного измѣненія нашей политики».
Независимо отъ сего я телеграфно просилъ Ников-
скаго ускорить наше свиданіе. Я хотѣлъ ознако-
миться съ точнымъ содержаніемъ соглашенія, под-
писаннаго въ апрѣлѣ съ Польшей. Я не сомнѣвался
въ высокому патриотизму и благородныхъ побужде-
ніяхъ авторовъ этого соглашенія, которые были по-
ставлены цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ въ необ-
ходимость его подписанія (*coactus voluit*). Но я
находилъ, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ дол-
женъ былъ немедленно ознакомить всѣхъ пословъ
съ текстомъ этого соглашенія. Этому не сдѣлалъ ни
Левицкій, ни замѣстившій его уже послѣ подписанія
соглашенія Никовскій. И только самый фактъ, что
Прокоповичъ, Никовскій, Саликовскій и другіе с.-ф.
вошли тогда въ кабинетъ (въ кіевскій періодъ),
удержалъ меня въ тотъ моментъ отъ отставки.

Вмѣсто созыва такого совѣщанія пословъ съ ми-
нистромъ, Министерство назначило коллегію въ со-
ставѣ Тышкевича, Василько, Яковлева и меня для
присутствованія на сѣздѣ Конференціи Мира въ
Спа. Конференція была назначена въ первой поло-
винѣ іюля. Я рѣшилъ въ послѣдній разъ провѣрить
самого себя и свои заключенія въ Спа, а потому не
уклонился и на сей разъ отъ исполненія своихъ обя-
занностей.

ГЛАВА XIX.

Конференція въ Спа. Мое заявленіе. Струве и Гучковъ. Германскія орієнтаціи. Вѣсти изъ Украины. Антанта и Черное море.

Въ Спа Конференція была занята почти исключительно нѣмецкимъ вопросомъ. Ференбахъ и Симонсъ произвели на всѣхъ, особенно на англичанъ, очень хорошее впечатлѣніе. Въ составѣ германской Делегациі былъ и д-ръ Мельхіоръ, извѣстный кievлянамъ по его пребыванію въ Кіевѣ въ 1918 году. Мельхіоръ пользовался неизмѣнными симпатіями всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, благодаря его такту и выдержкѣ, о которыхъ мнѣ еще въ Лондонѣ говорили нѣкоторые англичане и французы.

Наша коллегія выработала совмѣстно текстъ обращенія къ Конференціи Мира, каковое и было тогда-же подано.

Однако, никакихъ непосредственныхъ послѣдствій это обращеніе не дало.

Помимо этого общаго шага, въ Спа состоялись свиданія Тышкевича съ Фошемъ, Василька съ польской Делегацией и мои — съ представителями английской Делегациі.

Мнѣ сообщили о рѣшеніи созвать въ Лондонѣ конференцію въ составѣ представителей большевиковъ, Польши, Латвіи, Литвы и Финляндіи, для достиженія мира между большевиками и ихъ названными сосѣ-

дями. Какъ извѣстно, эта конференція не состоялась, но тогда, въ Спа, разговоры о ней были гвоздемъ дня. Я спросилъ англичанъ, почему не приглашена Эстонія на этотъ предполагаемый съѣздъ въ Лондонѣ. Мнѣ пояснили, что зовутъ лишь тѣхъ, кто еще не заключилъ окончательнаго мира съ Совѣтской Россіей. Далѣе, мнѣ сказали, что украинская часть Галиціи, ея украинское населеніе, получить право прислать своихъ делегатовъ на эту конференцію въ Лондонъ. «Судьба украинской Галиціи должна быть рѣшена такъ, какъ этого пожелаетъ большинство населенія», торжественно добавляли къ этому англичане. Это было продолженіемъ той политики Ллойд-Джорджа въ отношеніи Галиціи, которой онъ держался еще лѣтомъ 1919 года, въ Парижѣ, когда онъ рѣшительнѣе всѣхъ (и болѣе искренно, чѣмъ Клемансо въ бесѣдѣ съ нами . . .) протестовалъ противъ дѣйствій арміи Галлера. «Мы рады были возрожденію польскаго народа,» продолжали англичане, «но мы не можемъ сочувствовать его захватнымъ стремленіямъ, онъ долженъ понять, что ему нельзя сориться съ его сосѣдами, если онъ хочетъ создать свое государство.» Было ясно, что Англія сочувствовала дѣлу созданія Польши, какъ государства, лишь въ предѣлахъ ея этнографическихъ границъ.

На мой вопросъ, будутъ-ли приглашены въ Лондонъ также и представители «надднѣпрянскаго» украинскаго движенія, отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Мотивы были приведены слѣдующіе. Украинская Галиція есть часть австрійскаго наслѣдства. Конференція мира, въ числѣ своихъ многочисленныхъ задачъ, должна также ликвидировать это наслѣдство на основѣ предоставленія каждой на-

родности бывшего австрийского государства права устроить свою государственную жизнь по своему собственному усмотрѣнію. Наоборотъ, устройство судебъ народовъ Россіи не входитъ въ задачи Конференціи. Ошибки вмѣшательства и помощи Колчаку и Деникину не будутъ повторены. Англія съ живымъ сочувствіемъ относится къ украинскому движенію. Но украинскій народъ долженъ самъ показать себя достаточно сильнымъ и завоевать свое право на самостоятельное существованіе. До сихъ же поръ онъ такъ-же терпитъ большевистскій режимъ, какъ и великорусскій народъ.

Англійскій народъ является поклонникомъ индивидуализма, онъ-бы никогда не допустилъ тѣхъ опытовъ надъ собою, которые допускаетъ украинскій народъ. Когда-же послѣдній стряхнетъ съ себя иго и отстоитъ свою свободу — Англія съ радостью признаетъ свершившійся фактъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній англичане не находили возможнымъ приглашеніе на Лондонскую Конференцію съ большевиками ни представителей правительства, возглавляемого Петлюрой, ни представителей Врангеля. Въ лицѣ Врангеля и остатковъ его арміи, бывшихъ еще тогда въ Крыму, они признавали лишь «полицію для охраны въ Крыму бѣженцевъ изъ Совѣтской Россіи».

Все это было слишкомъ ясно. И я спросилъ моихъ собесѣдниковъ, не является-ли при такихъ условіяхъ работа украинской миссіи въ Англіи излишней. На это послѣдоваль отвѣтъ, что, напротивъ, эта работа представляется весьма цѣнной и желательной именно въ настоящее время, когда такъ возросъ въ Англіи интересъ къ украинскому вопросу.

Итакъ, рассчитывать на скорую помощь Англїи въ дѣлѣ прекращенія анархіи было нечего. Оставалось свести всю работу миссіи къ дальнѣйшему информированію англичанъ объ украинскомъ движеніи и о положеніи на мѣстѣ.

Но послѣднее, т. е. фактическое положеніе, было всегда извѣстно англичанамъ лучше, чѣмъ намъ, ибо въ ихъ рукахъ былъ и телеграфъ, и постоянные курьеры и т. д., мы-же въ Лондонѣ были совершенно отрѣзаны отъ Украины. Что-же касается исторіи украинскаго движенія, историческаго и юридическаго обоснованія правъ украинскаго народа на самоопредѣленіе, этнографическихъ границъ Украины и т. д., то среди украинскихъ дѣятелей были настоящіе знатоки и спеціалисты по этимъ вопросамъ, которые могли сообщить англійскому правительству и англійскому обществу куда болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, чѣмъ я. Вотъ, почему я безповоротно рѣшилъ тогда, послѣ этого свиданія съ англичанами, подать въ отставку.

Ничего утѣшительнаго не было и въ томъ, что сказалъ Фошъ Тышкевичу. Всѣ усилія умнаго Василько, его здравый практическій смыслъ и умѣніе находить выходы въ труднѣйшихъ положеніяхъ, не могли на сей разъ помочь дѣлу.

Вмѣстѣ съ Яковлевымъ я встрѣтился въ Спа съ П. Б. Струве и Н. А. Базили. Невадолго передъ тѣмъ появилось въ газетахъ интервью Струве, въ которомъ онъ, въ качествѣ Министра Иностраннхъ Дѣлъ въ правительствѣ Врангеля, говорилъ о федераціи народовъ, какъ «равныхъ съ равными», о правѣ народовъ на разрѣшеніе ихъ судебъ въ своихъ отдѣльныхъ Учредительныхъ Собраніяхъ и т. д.

Меня тогда это интервью несказанно обрадовало. «Вот онъ, общій языкъ, наконецъ-то,» думалъ я. Но оказалось, что интервью, видимо, «устарѣло» . . . Тогда, еще такъ недавно, Петлюра съ Пилсудскимъ были на территоріи Украины. Теперь, когда мы бесѣдовали въ Спа, «реальное соотношеніе силъ», на которое Струве загадочно ссылался, какъ на основу своей будущей политики, измѣнилось . . . И Струве старался внушить намъ, что армія Врангеля является еще очень большой силой . . .

Какимъ-то холодомъ вѣяло отъ всѣхъ его словъ. У меня было впечатлѣніе, что и симпатичный, чуткій Базили, съ которымъ я встрѣчался раньше въ Парижѣ, словно съежился отъ этого холода. И мы съ Яковлевымъ ушли съ этого свиданія весьма разочарованными и содержаніемъ бесѣды со Струве, и столь поблекшимъ обликомъ того, кого давно еще, въ юности, представляли себѣ олицетвореніемъ самой свободы и яркаго горѣнія за высшіе человѣческіе идеалы.

Почти въ то-же время (точной даты не помню) — либо немного раньше, либо вскорѣ послѣ Спа, я встрѣтился съ А. И. Гучковымъ, съ которымъ имѣлъ собесѣдованіе совмѣстно съ Х. А. Барановскимъ и проф. Смаль-Стоцкимъ.

Невольно напрашивалось сравненіе. Какъ сильно эволюціонировалъ живой, реально-мыслящій Гучковъ! Онъ готовъ былъ теперь, подъ давленіемъ требованій жизни, признать даже самостійность Украины. «Я не боюсь самостійности», говорилъ онъ, «ибо увѣренъ, что потомъ украинскій народъ вступитъ въ федерацію съ великорусскимъ.» Вообще,

Гучковъ былъ, кажется, первый русскій политическій дѣятель, который заговорилъ, наконецъ, о Великоросіи, какъ о таковой.

16-го іюля я послалъ изъ Спа на имя министра иностранныхъ дѣлъ подробно мотивированное заявленіе о моей отставкѣ. Я констатировалъ тотъ печальный фактъ, что въ Спа всецѣло подтвердились мои предостерегающія изъ Лондона сообщенія о крушеніи той политики, которой держалось украинское правительство, и о необходимости измѣненія этой политики. Въ заключительной части я высказалъ мое убѣжденіе о бесполезности моей дальнѣйшей работы въ Англій при создавшемся положеніи, просилъ объ освобожденіи меня отъ обязанностей главы миссіи, а также довелъ до свѣдѣнія министерства, что ѣду въ Лондонъ и передаю фактическое руководство всѣми внутренними дѣлами миссіи, вслѣдствіе моего переутомленія, д-ру Олесницкому. Наконецъ, я обѣщавъ не оставить официально поста въ Лондонѣ до назначенія моего замѣстителя, во избѣжаніе демонстраціи предъ англійскимъ правительствомъ моего ухода, какъ факта отчаянія съ моей стороны въ возможности что-либо сдѣлать въ смыслѣ полученія отъ Англій реальной помощи.

Никовскій отложилъ разрѣшеніе вопроса о моей отставкѣ до нашего свиданія въ Вѣнѣ, которое состоялось во второй половинѣ августа. Я убѣдилъ его въ томъ, что не могу быть больше полезнымъ при создавшемся положеніи. Въ теплыхъ, задушевныхъ словахъ Никовскій благодарилъ меня за мои труды въ прошломъ и просилъ не рвать связи съ Лондономъ. Моя отставка была принята. Одновременно, того-

же 21-го августа, я былъ назначенъ юрисъ-консультомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при Лигѣ Націй и при украинскихъ посольствахъ въ Лондонѣ и Берлинѣ.

Такое назначеніе вполне соотвѣтствовало моему желанію. Въ качествѣ юрисъ-консульта я могъ быть полезнымъ и въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, гдѣ жила моя семья и куда вскорѣ пріѣхали также мои двѣ дочери и зять, вырвавшіеся изъ Кіева и переѣхавшіе Дніѣстръ подъ градомъ пуль съ румынскаго берега. Я готовъ былъ и дальше нести работу на защиту справедливыхъ требованій украинскаго народа. Но я не желалъ больше нести даже косвенную отвѣтственность за политику правительства, которая дѣлалась безъ моего участія.

Тогда-же, въ Вѣнѣ, я предложилъ на общемъ совѣщаніи пословъ и политическихъ дѣятелей учредить украинскій національный комитетъ, который объединилъ-бы представителей всѣхъ украинскихъ партій, отъ хлѣборобовъ до соц.-революціонеровъ. Въ такой комитетъ могли войти тѣ многіе украинскіе политики, которые не принимали участія въ правительствѣ и его органахъ, въ виду расхожденія съ правительствомъ въ его тактикѣ и направленіи, но не «взрывали» его. Словомъ, рѣчь шла о созданіи оппозиціи правительству, а не правительству. Никовскій вначалѣ поддержалъ мое предложеніе, но оно встрѣтило возраженія со стороны Василька и другихъ, и не осуществилось.

Лишь нѣсколько позже была создана въ Вѣнѣ «Всеукраинская Національная Рада», съ Шелухинымъ и Грековымъ во главѣ. Но она была построена на нѣсколько иныхъ основаніяхъ въ отношеніи состава и программы дѣятельности.

Сентябрь и октябрь я провел попеременно въ Берлинѣ и въ Лоднонѣ.

Въ Берлинѣ я имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ направлениемъ германской политики въ отношеніи Востока Европы.

Посѣщеніе со Смаль-Стоцкимъ министра Симонса, будущаго министра Ратенау, рядъ бесѣдъ съ парламентаріями и общественными дѣятелями, дали матеріалы для сужденія объ основныхъ направленіяхъ нѣмецкой мысли. Вырисовывались три теченія.

Одно, къ которому примыкали правыя группы, мечтало о воссозданіи монархіи въ Германіи и одновременномъ восстановленіи великой и сильной Россійской Имперіи, съ неограниченнымъ монархомъ во главѣ.

Другое теченіе, въ лицѣ крайнихъ лѣвыхъ группъ, сочувствовало идеѣ великой Россіи, въ надеждѣ, что большевистскія крайности смягчатся и что тогда образуется огромное государство, построенное на социалистическихъ началахъ.

И правые, и крайніе лѣвые видѣли въ такой великой Россіи, реакціонно-самодержавной либо социалистической, будущаго союзника Германіи. Первые видѣли въ своей фантазіи зарождающееся зарево будущей войны и реванша, вторые — начало переустройства всего міра по принципамъ и методамъ социализма.

Наконецъ, къ третьему теченію принадлежали среднія группы, либеральная демократія и умѣренные социалисты. Это теченіе искренно стремилось къ укорененію въ Германіи демократическаго строя въ видѣ существующей теперь республики и парламентаризма.

Въ средѣ группъ, изъ которыхъ оно составлялось, было желаніе сговора и сотрудничества съ западными сосѣдями и разрѣшенія, въ частности, вопроса о Восточной Европѣ въ согласіи съ ними.

Правительство и его центральные органы состояли, конечно, изъ представителей перваго и третьяго теченій. Крайніе лѣвые въ Германіи были недостаточно сильными, чтобы удержаться на поверхности. Настоящая борьба шла и идетъ лишь между тѣми, кто желаетъ возврата къ старому, и тѣми, кто жаждетъ мира со всѣми сосѣдями и параллельнаго совмѣстнаго роста всѣхъ истинно-демократическихъ государствъ въ сторону наивысшаго расцвѣта духовной и матеріальной культуры.

Отъ того или иного отношенія державъ Антанты, въ особенности Англій и Франціи, къ Германіи, зависитъ исходъ этой внутренней борьбы, происходящей въ Германіи. 70 милліоновъ нѣмцевъ не могутъ прокормиться плодами той территоріи, которую они занимаютъ. Какъ страна высоко-развитой индустріи и промышленности, Германія должна имѣть свободный доступъ на міровые рынки. Но особенно необходимъ сейчасъ свободный путь для ея товаровъ на Востокъ. Съ искусственнымъ загражденіемъ этого пути державами Антанты есть всѣ данныя для торжества правыхъ и взрыва негодованія, голодныхъ бунтовъ и опасныхъ выступленій со стороны рабочихъ и крайнихъ лѣвыхъ группъ. Наоборотъ, если Германіи не будутъ чинить препятствій въ ея стремленіяхъ къ мирному завоеванію восточно-европейскихъ рынковъ, то тогда побѣда окажется за строителями новой демократической Германіи.

Сильное вліяніе Англіи на политику Германіи уже сказалося на исторіи признанія балтійскихъ государствъ. Особенно рельефно это выступило въ договорѣ Германіи съ Латвіей, который былъ заключенъ незадолго до юридическаго признанія Латвіи Англіей (а вслѣдъ за ней Италіей и Франціей). Въ этомъ договорѣ Германія обязалась механически признать Латвію съ того дня, когда она, Латвія, будетъ признана державами Антанты.

Въ отношеніяхъ съ большевиками Германія также шла по стопамъ Англіи. Какъ только Англія подписала торговый договоръ съ Совѣтской Россіей, такъ тотчасъ-же закипѣла работа по скорѣйшему заключенію торговаго соглашенія Германіи съ Совдепіей.

Какъ и всегда побѣжденный, Германія проявляетъ много склонности къ координированію своихъ дѣйствій съ политикою другихъ государствъ. Но если нѣмецкій народъ не увидитъ въ ближайшемъ будущемъ въ этой политикѣ западныхъ сильныхъ сосѣдей перемѣны въ сторону благожелательности, если онъ по-прежнему будетъ чувствовать себя закупореннымъ со всѣхъ сторонъ, то тогда Германія можетъ стать очагомъ неисчислимыхъ бѣдствій для всей Европы и всего міра.

Въ послѣднемъ случаѣ эти бѣдствія разразились бы съ особой сокрушающей силой надъ Польшей, имѣющей на Востокѣ въ качествѣ сосѣда истерзанное, голодное и отчаявшееся во всемъ населеніе огромнѣйшей Великороссіи.

Въ одномъ, однако, сходятся всѣ классы, партіи и самыя разнообразныя группы населенія Германіи — въ общемъ тяготившіи къ Востоку. Съ отнятіемъ ко-

лоній, а главное — съ исчезновеніемъ первокласнаго флота, уступавшаго по количеству боевыхъ единицъ лишь англійскому, и съ сокращеніемъ до минимальныхъ предѣловъ германскаго коммерческаго мореплаванія, исчезли прежнія мечтанія о міровомъ господствѣ, о владычествѣ на океанахъ. Міровая политика, die Weltpolitik, смѣнилась единственнымъ стремленіемъ на Востокъ, въ сторону наименьшаго сопротивленія и наибольшихъ возможностей для приложенія труда и сбыта фабрикатовъ и товаровъ. Этотъ германскій «Drang nach Osten» охватываетъ собою теперь весь германскій народъ съ небывалою силою. Уменьшеніе народонаселенія, въ особенности въ Великороссіи, огромные просторы, ведущіе черезъ Великороссію въ Сибирь, вотъ перспективы, раскрывающіяся передъ нѣмецкимъ народомъ.

Конечно, путь на Багдадъ и дальше сузилъ иныя параллели земнаго шара, иной, болѣе благодарный климатъ, а обладаніе океанскими и морскими путями было заманчивѣе сухопутнаго транспорта, начиная уже изъ Риги или Ревеля и вглубь, на Востокъ.

Отъ близкихъ людей, прибывшихъ осенью 1920 г. прямо изъ Кіева, я получилъ самыя свѣжія данныя о настроеніяхъ въ украинской деревнѣ. Какъ разъ среди нихъ были люди, посѣщавшіе села и деревушки Кіевской и Полтавской губерніи, гдѣ они закупали продукты питанія. По словамъ этихъ лицъ деревня съ нетерпѣніемъ ждетъ украинскихъ войскъ, которыя должны освободить ее отъ большевиковъ. Національное самосознаніе выросло до самыхъ большихъ предѣловъ. Благодаря тому, что большевикъ забираетъ и хлѣбъ, и скоть, и благодаря реакціонному

настроению и вызывающему поведению командного состава Деникинской армии во время ее непродолжительного пребывания на Украинѣ, у крестьянъ развилось чувство сильного недоброжелательства къ великороссамъ. Для нихъ и деникинцы, и большевистскіе солдаты были «кацапами», равно какъ городскіе комиссары для селянина сливаются съ понятіемъ о «жидахъ».

Конечно, эта ненависть съ теченіемъ времени начнетъ сглаживаться. Но она сильно содѣйствовала росту въ крестьянствѣ стремленій къ полной самостоятельности Украины и независимости отъ Велико-россіи.

Закрывать глаза на всѣ эти явленія равносильно траусовой политикѣ, весьма опасной и сулящей лишь углубленіе описанныхъ чувствъ и настроеній.

Украинская армія и украинское движеніе отождествляются у крестьянъ названныхъ губерній съ именемъ Петлюры. Это имя является нарицательнымъ. Также, какъ въ извѣстныхъ кругахъ Петлюрѣ приписываютъ тяжкую вину во многомъ, въ чемъ онъ или вовсе не виноватъ или лишь частично отвѣтственъ, такъ здѣсь, на селѣ, сложились уже всякія легенды, въ которыхъ иногда изображаются дѣянія Петлюры, весьма благопріятныя для его престижа, но либо вовсе не имѣвшія мѣста въ дѣйствительности, либо рисующія послѣднюю въ сильно измѣненномъ и преувеличенномъ видѣ. А если еще вспомнить про отсутствіе сношеній съ внѣшнимъ міромъ, то можно себя представить, какія устныя преданія возникаютъ и передаются изъ села въ село.

Все это мнѣ рассказывали люди, не раздѣлявшіе моихъ взглядовъ на украинскій вопросъ еще въ

январѣ 1919-го года, наканунѣ моего отъѣзда изъ Кіева. Это были люди, воспитанные исключительно на русской культурѣ и на русскомъ языкѣ и не пріобщившіеся еще и до сихъ поръ къ украинскому движенію. Но они были на мѣстѣ, на селѣ, и въ точности воспроизводили то, что ихъ глава видѣли, уши слышали. Ихъ свидѣтельскія показанія были вполне объективныя, а потому и весьма цѣнныя.

Все, что я вынесъ изъ опыта моей работы въ Англіи еще въ началѣ 1920 года, когда наблюдался наибольшій интересъ къ украинскому вопросу, свидѣтельствоvalo о большихъ измѣненіяхъ во взглядахъ англійскихъ руководящихъ круговъ на значеніе Украины для самой Англіи и англійской экономической политики въ будущемъ. По мѣрѣ того, какъ на смѣну ненависти къ Германіи во время войны теперь постепенно водворялось болѣе спокойное къ ней отношеніе, становилось все болѣе ясно, что сколько-бы ни затрачивалось со стороны Англіи вниманія и средствъ на районъ Балтійскаго моря и прилегающія балтійскія государства, экономическое преобладаніе въ этой сферѣ раньше или позже все равно должно будетъ перейти къ Германіи.

Прежде всего это предопредѣляется географическимъ сосѣдствомъ. Затѣмъ даже самые лютые враги нѣмцевъ не могутъ отрицать ихъ огромной трудоспособности и умѣнія работать дешевле другихъ западно-европейскихъ государствъ. Наконецъ, условія валютныя, столь тяжелыя для Германіи при покупкѣ ею товаровъ съ Запада, уже теперь даютъ ей всѣ преимущества въ области сбыта товаровъ на Востокѣ. И не только балтійскія государства, но

и Польша, въ виду ея общихъ границъ съ Германіей, не могутъ дать для Англійи всѣхъ тѣхъ обширныхъ возможностей, которыя таятся на Украинѣ.

Ключи отъ Чернаго моря находились въ рукахъ Антанты, англійскій торговый флотъ, по сравненію со всѣми другими, имѣлъ и до войны огромный перевѣсъ въ торговыхъ операціяхъ по черноморскому мореплаванію. Украина не имѣетъ непосредственныхъ географическихъ границъ съ Германіей. При отсутствіи же у Германіи торговаго флота, она на долгое время отрѣзана отъ Чернаго моря.

То обстоятельство, что по тайному соглашенію Франція имѣетъ свои преимущественныя права на экономическое вліяніе въ Украинѣ, также не является препятствіемъ для Англійи, такъ какъ Франція не въ состояніи взять на себя и пятой части того, что надо предпринять для надлежащаго и быстрого возрожденія экономической жизни Украины. Да и, вообще, вопросъ объ этомъ секретномъ договорѣ извѣстенъ лишь тѣснымъ правительственнымъ кругамъ. Тѣ-же англичане, которые не принадлежали къ этимъ кругамъ и въ то-же время интересовались Украиною, стали открыто высказывать свои взгляды по этому вопросу. Появилась даже на англійскомъ языкѣ весьма интересная брошюра Бегнала Булля подъ заглавіемъ «Украина» (The Ukraine).

Авторъ этой брошюры, большой англійскій патриотъ, выпустившій серію популярныхъ памфлетовъ во время войны, изучилъ основательно литературу объ Украинѣ и проявляетъ большое знаніе украинскаго вопроса. Бульль призываетъ англійскій и украинскій народы къ тѣснѣйшему единенію и сотрудничеству.

Среди лицъ, принадлежавшихъ къ секретариату Общества Лиги Націй, весьма заинтересовался украинскимъ вопросамъ полковникъ Чепманъ-Юстонъ. Такие люди и въ настоящее время продолжаютъ слѣдить за развитіемъ событій, сохраняя вѣру въ счастливое будущее Украины и въ руководящую роль Англій при ея экономическомъ возрожденіи.

Большая доля участія въ черноморскомъ мореплаваніи выпадетъ и на долю Италіи. Она первая снарядила регулярные товаро-пассажирскіе рейсы во всѣ черноморскіе порты осенью 1919 года, вслѣдъ за занятіемъ Одессы Деникинскою арміею.

Въ румынскихъ-же портахъ теперь всегда дымятся трубы огромныхъ американскихъ пароходовъ-грузовиковъ. И еслибы нашлась сила, которая укрѣпилась бы только въ Одессѣ и Херсонщинѣ и завела тамъ порядокъ, то гвозди, шапки, обувь и одежда, не говоря уже о сельско-хозяйственныхъ машинахъ, которыми можно было-бы наводнить этотъ районъ съ моря и въ которыхъ такъ тамъ нуждаются, были-бы наилучшимъ средствомъ для искорененія анархіи и большевизма. Вѣсть о такомъ оазисѣ быстро распространилась-бы въ сосѣднихъ прилегающихъ районахъ, заставила-бы задуматься всѣхъ тѣхъ, кто сейчасъ состоитъ въ числѣ рядовыхъ большевиковъ изъ-за соблазна вести хотя-бы полуголодное существованіе. Гвозди и сапоги могутъ сдѣлать больше, чѣмъ пушки.

ГЛАВА XX.

Лига націй. Съездъ въ Женевѣ. Радянская система. «Трудовая монархія». Парламентская монархія. Республика.

Еще 25-го августа 1920 г. Лига Націй препроводила по адресу украинской миссии въ Лондонѣ свое обращеніе къ премьеръ-министру украинскаго правительства. Въ этомъ обращеніи генеральный секретарь Лиги, Эрикъ Дреммондъ, предупреждалъ о предстоящемъ въ ноябрѣ съездѣ Лиги въ Женевѣ, и просилъ прислать акты, въ которыхъ выразилась воля украинскаго народа къ самостоятельному распоряженію своими судьбами, а также документы о признаніи суверенности Украины другими государствами.

Работа при Лигѣ Націй спеціально входила въ мою новую компетенцію юрисконсульта министерства. Но въ данномъ случаѣ вопросъ шелъ о весьма серьезномъ шагѣ. Я обратился къ Грушевскому за помощью. Онъ возстановилъ по памяти кое-какія данныя о трудовомъ конгрессѣ. Затѣмъ я обратился къ Шемету, прося его взять матеріалы у Липинскаго. Къ сожалѣнію, Шеметь мнѣ ничего не прислалъ. Правительство прислало въ Лондонъ документы о признаніи Украины Польшей, Финляндіей, Латвіей. Затѣмъ у насъ въ Лондонѣ были копіи нотъ на имя Шульгина, которыми были акредитированы при пра-

вительствѣ Центральной Рады представители Франціи и Англии.¹⁾

Но зато не было достаточныхъ цифровыхъ данныхъ о выборахъ во Всероссійское и Украинское Учредительное Собраніе. А между тѣмъ какъ разъ этотъ матеріалъ былъ особенно важенъ.

Д-ръ Олесницкій выѣхалъ спеціально изъ Лондона въ Вѣну для собиранія матеріаловъ. Но и ему не удалось раздобыть цифровой матеріалъ о точномъ количествѣ голосовъ, поданныхъ во время выборовъ въ Учредительныя Собранія за украинскіе списки.

Шелухинъ, который могъ помочь мнѣ и Олесницкому своими совѣтами и указаніями, находился въ это время въ Ригѣ.

Независимо отъ чисто юридическихъ соображеній, надо было явиться въ Женеву на съѣздъ Лиги и во всеоружіи историческихъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи правительство сдѣлало весьма удачный шагъ, назначивъ Шульгина своимъ постояннымъ представителемъ при Лигѣ Націй. Но Шульгинъ былъ еще въ Прагѣ. Между тѣмъ надо было заблаговременно дать отвѣтъ на вопросы Лиги Націй.

19-го октября этотъ отвѣтъ былъ посланъ за подписью моею и Олесницкаго. Лига Націй едва успѣла его отпечатать и разослать членамъ съѣзда до открытія засѣданій послѣдняго въ Женевѣ.

Шульгинъ настоятельно просилъ меня пріѣхать въ Женеву, гдѣ я уже засталъ его вмѣстѣ съ Коваленко, его сотрудникомъ и ближайшимъ помощникомъ.

¹⁾ Примѣчаніе. Текстъ этихъ историческихъ документовъ воспроизводится въ отдѣлѣ «Приложеній» къ настоящей книгѣ.

Я взялъ на себя задачу ознакомленія представителей англійскихъ колоній съ положеніемъ украинскаго вопроса. Мои бесѣды съ представителями далекой Австраліи, Индіи, Канады, Новой Зеландіи, имѣли то практическое послѣдствіе, что они заинтересовались ближе украинскимъ вопросомъ и просили прислать имъ литературу.

Представителемъ пятой англійской колоніи, Южной Африки, былъ Робертъ Сесиль, уже знакомый съ украинскимъ вопросомъ.

Интересно отмѣтить, что изъ числа членовъ Лиги около трети составляютъ государства, въ которыхъ главнымъ языкомъ, и государственнымъ, и разговорнымъ, является испанскій. Конечно, всѣ представители этихъ государствъ владѣли и французскимъ языкомъ, на которомъ Шульгинъ со свойственной ему энергіей и принялся знакомить ихъ съ украинскимъ вопросомъ.

Вообще, я ограничился на сей разъ лишь переговорами съ названными колоніями Англии, чисто юридической помощью Шульгину и передачей ему всѣхъ матеріаловъ о Лигѣ Націй и переписки украинской миссіи въ Лондонѣ съ Лигою. Несмотря на то, что Шульгинъ больше года передъ этимъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ чешской деревушкѣ, вдали отъ активной политики, онъ очень быстро освоился со всѣмъ матеріаломъ и положеніемъ и я могъ уже черезъ нѣсколько дней уѣхать изъ Женевы, считая, что исполнилъ свой долгъ и что дальнѣйшее мое пребываніе въ Женевѣ не представляется необходимымъ.

Наиболѣе интереснымъ моментомъ для насъ было засѣданіе подкомисіи, которая готовила для пленума

Лиги докладъ объ Украинѣ и о кавказскихъ государствахъ. Предсѣдателемъ ея состоялъ извѣстный норвежскій ученый, путешественникъ въ полярныя страны Нансенъ. Членами подкомиссіи были представители Румыніи, Греціи (какъ черноморскихъ государствъ), а также Испаніи и Австраліи. Мы были приглашены для дачи устныхъ объясненій по вопросу о границахъ Украины и устойчивости (stabilité) правительства въ смыслѣ степени его преемственности въ отношеніи перваго украинскаго правительства Центральной Рады, равно какъ и по вопросу о генезисѣ самого первоначальнаго правительства.

Шульгинъ далъ, въ качествѣ официальнаго представителя Украины, исчерпывающія объясненія по всѣмъ этимъ вопросамъ.

Особенно интересовался Нансенъ результатами выборовъ въ Украинское Учредительное Собраніе. Онъ зналъ, что германское военное командованіе не допустило въ свое время открытія этого Учредительнаго Собранія. Но подкомиссія, какъ это и можно было предвидѣть, хотѣла знать подробности голосованія на выборахъ. Въ этой средѣ, въ Лигѣ Націй, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея лучшихъ представителей, свято хранился принципъ парламентаризма и одинаково не считались пріемлемыми какъ диктатура совѣтовъ, такъ и диктатура справа. И Нансенъ подробно спрашивалъ насъ и о системѣ выборовъ, и о томъ, былъ-ли избранъ тогда Петлюра членомъ Украинскаго Учредительнаго Собранія, и какое количество голосовъ онъ получилъ на выборахъ.

Въ томъ же засѣданіи были заслушаны объясненія представителей Грузіи.

Группа балтійскихъ государствъ была отнесена къ вѣдѣнію другой подкомиссіи. Это обстоятельство свидѣтельствовало о правильномъ пониманіи со стороны Совѣта Лиги того факта, что наврѣваютъ двѣ новыя группировки государствъ и народовъ: балтійская и черноморская. Послѣднее соглашеніе между народами Кавказа съ одной стороны и проекты такого-же рода соглашеній между новыми балтійскими государствами съ другой, подтверждаютъ, что процессъ такого группированія по признаку тяготѣнія къ тому или иному морю уже начался.

Не только Украина, Азербейджанъ и Арменія, бывшіе въ это время подъ властью большевиковъ, но даже и Грузія, Латвія, Литва и Эстонія не были приняты въ эту сессію въ составъ Лиги. Однако, не послѣдовало и отказа въ принятіи, которое было лишь отсрочено. Главное препятствіе къ немедленному причисленію въ составъ Лиги этихъ новообразованій заключалось въ содержаніи десятаго параграфа Статута Лиги, который обязывалъ Лигу защищать силою оружія всѣхъ членовъ Лиги противъ всякихъ незаконныхъ агрессивныхъ поползновеній сосѣдей. Но Лига еще не имѣла своей арміи, члены-же Лиги, какъ отдѣльныя государства, уже заявили о томъ, что они не намѣрены воевать съ большевиками. Что могла предпринять Лига, при такихъ условіяхъ, для защиты Украины? И какимъ образомъ она осуществила-бы требованіе названнаго параграфа въ отношеніи Грузіи, которой завладѣли немного позже большевики?

Въ своемъ эмбріональномъ состояніи Лига была бессильнымъ аппаратомъ для проведенія своихъ принциповъ въ область реальной жизни. Лигѣ были

даны одни только порывы . . . Суждено ли ей будетъ претворить всѣ эти параграфы въ дѣйствительность? Распадется-ли она безслѣдно, или на ея мѣстѣ появится настоящій союзъ всѣхъ народовъ, безъ дѣленія таковыхъ на побѣдителей и на побѣжденныхъ?

Таковы были вопросы, которые напрашивались тогда, въ Женевѣ, сами собой.

Еще передъ отъѣздомъ въ Женеву, въ Лондонѣ, наши англійскіе друзья рекомендовали намъ представить Лигѣ Націй факты и доказательства, изъ которыхъ явствовало-бы, что не только правительство, которое олицетворяется въ представленіи Запада Петлюрою, но и другія украинскія группы, находящіяся въ оппозиціи къ Петлюрѣ и правительству, также добиваются принятія Украины въ Лигу Націй. Англичане правильно указывали, что Лига интересуется не тѣмъ или инымъ правительствомъ, а голосомъ самихъ народовъ.

Съ этой цѣлью я снесся съ представителями украинскіхъ партій и разныхъ группировокъ. Къ сожалѣнію, никто изъ нихъ, за исключеніемъ бывшаго гетмана Скоропадскаго, не исполнилъ своего прямого долга въ этомъ отношеніи. Скоропадскій-же представилъ записку съ весьма цѣнными данными въ пользу признанія за украинскимъ народомъ суверенныхъ правъ. И только послѣ Женевской секціи Лиги, благодаря стараніямъ Никовскаго и другихъ, стали поступать въ Лигу такого-же рода записки и заявленія различныхъ группъ и партій.

Вопросъ о принятіи новыхъ государствъ Восточной Европы въ Лигу долженъ былъ привлечь къ себѣ сочувствіе даже и тѣхъ круговъ, которые вѣрятъ въ

возможность немедленного созданія большого федеративнаго російскаго государства. Разъ англійскія колоніи являлись полноправными членами Лиги, то было полное основаніе добиваться отдѣльныхъ мандатовъ и для Украины, Эстоніи и т. д., независимо отъ вопроса о томъ, останутся ли эти земли впослѣдствіи самостоятельными государствами, или же войдутъ, какъ составныя части, въ ту или иную будущую группировку.

Однимъ изъ представителей Польши въ Лигѣ Націй былъ извѣстный проф. Ашкенази. Шульгинъ видѣлся съ нимъ по вопросамъ о границахъ, я же уклонился отъ встрѣчи съ нимъ, такъ какъ не считалъ себя компетентнымъ въ названномъ вопросѣ. Я объяснилъ тогда Шульгину, въ чемъ заключается разница положеній, въ которыхъ находились Ашкенази и я. Польша добивалась признанія ея правъ не только на тѣ земли, которыя фактически заселены преимущественно польскимъ народомъ, ея стремленія распространялись далеко за эти предѣлы этнографическаго начала. Поддерживая такія максимальныя требованія, Ашкенази, какъ польскій еврей, никогда не могъ впослѣдствіи вызвать на себя нареканія со стороны польскаго народа, для котораго онъ требовалъ свыше его правъ. Мнѣ же, какъ украинскому еврею, пришлось бы въ данномъ случаѣ, т. е. въ вопросѣ о границахъ — исходить изъ укороченныхъ апрѣльскимъ соглашеніемъ съ Польшею правъ украинскаго народа.

Шульгинъ понялъ меня и больше не настаивалъ на моемъ участіи въ этихъ переговорахъ.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады пришли въ Женеву на имя Совѣта Лиги Націй телеграммы отъ украинцевъ-галичанъ, переѣхавшихъ въ Америку, но сохранившихъ любовь къ родинѣ. Отъ имени одного милліона подписавшихъ эти телеграммы, заявлялось ходатайство о томъ, чтобы Лига не допустила отдачи украинской части Галиціи Польшѣ. Кромѣ того, по словамъ делегата отъ Канадскаго правительства, министра Догерти, въ Женеву прибылъ лично представитель украинскаго духовенства въ Канадѣ.

Затѣмъ, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, пріѣхала въ Женеву делегація отъ украинской Галиціи съ Петрушевичемъ и профес. Томашевскимъ во главѣ.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ достовѣрнаго источника, телеграммы изъ Канады произвели среди членовъ Лиги большое впечатлѣніе и содѣйствовали интересу и росту симпатій къ дальнѣйшимъ судьбамъ украинской Галиціи. Особенно-же заинтересовалась вопросомъ объ Украинѣ во всей его цѣлостности Аргентина, которая вскорѣ послѣ того объявила о признаніи ею Украины, какъ сувереннаго государства.

Изъ представителей еврейскихъ Делегацій присутствовалъ въ Женевѣ Люсьенъ Вульфъ, съ которымъ Шульгинъ и я имѣли свиданіе.

Среди юрисконсультовъ Лиги Націй я познакомился съ голландскимъ молодымъ юристомъ Ванъ-Гаммелемъ. Я зналъ его покойнаго отца, извѣстнѣйшаго криминалиста, съ которымъ встрѣтился еще въ 1902-мъ году, на международномъ съѣздѣ криминалистовъ въ Петербургѣ. Тогда никакая фантазія не могла нарисовать того, что случилось во всей Европѣ въ послѣдствіи . . .

Въ Женевѣ Нансенъ отражалъ господствующіе во всей Западной Европѣ и остальныхъ культурныхъ частяхъ свѣта принципы строгаго соблюденія парламентаризма. А въ это самое время Грушевскій и его партійные друзья въ Вѣнѣ стали издавать украинскій журналъ «Боритесь-поборете», въ которомъ все было построено на отрицаніи парламентаризма и давалось обоснованіе для радянскаго (совѣтскаго) принципа государственнаго устройства. Въ свою очередь и Винниченко, который возвратился изъ совѣтской Москвы и Харькова весьма разочарованный всѣмъ, что онъ тамъ видѣлъ, все-же остался сторонникомъ радянской, т. е. совѣтской системы.

Наконецъ, Липинскій, жившій подъ Вѣной, разносилъ парламентаризмъ въ своихъ «Листахъ къ хлѣборобамъ», печатавшихся въ сборникахъ союза хлѣборобовъ-державниковъ, и видѣлъ спасеніе Украины лишь въ одной только «трудовой» монархіи. Не партіи, а классы должны управлять по этой схемѣ государствомъ.

Каждый классъ принимаетъ ту долю участія въ управленіи, которая соотвѣтствуетъ значенію и пользѣ этого класса для государства. Во главѣ-же стоитъ монархъ, наследственный гетманъ. Какъ олицетвореніе верховной, надклассовой власти, такой монархъ считается не принадлежащимъ ни къ какому классу. Кандидатомъ въ монархи со стороны группы Липинскаго является бывший гетманъ П. П. Скоропадскій.

Есть, впрочемъ, и такія группы, которыя высказываются за монархію парламентарнаго типа, на подобіе англійской. Эти группы выдвигаютъ кандидатуру Василя Вышываного, родомъ изъ Габсбургскаго

дома (Вильгельмъ Габсбургъ), украинскаго патріота, превосходно владѣющаго украинскимъ языкомъ. Почтенный украинскій дѣятель Е. Х. Чикаленко также призывалъ въ «Волѣ» къ такого рода парламентской монархіи, причемъ искалъ монарха среди шведскаго, англійскаго или другаго царствующаго въ Западной Европѣ дома.

Вообще, и среди тѣхъ, кто не задавался новыми утопіями, а стремился къ уже существующимъ образцамъ государствъ Западной Европы и Америки, также появилось дѣленіе на монархистовъ и республиканцевъ. Монархисты этого толка ссылались всегда на Англію, Италію, Швецію и т. п., какъ доказательство того, что и при монархѣ все можетъ обстоять не хуже, чѣмъ въ республикѣ. Но при этомъ всегда забывалось, что республиканскій образъ правленія, какъ таковой, самъ по себѣ гарантируетъ демократическіе устои государства, тогда какъ монархія, въ условіяхъ восточно-европейскихъ, можетъ въ любой моментъ эволюционировать въ сторону реакціи и абсолютизма. Я не хочу сказать, что послѣднее является неизбѣжнымъ и обязательнымъ. Но возможность такой опаснѣйшей эволюціи, конечно, имѣется.

Самъ Петлюра, всѣ партіи центра и большинство состава украинскихъ социалистическихъ партій являются послѣдовательными приверженцами парламентаризма и демократической республики. Большинство галиційскихъ и буковинскихъ украинскихъ партій стоятъ на этой-же платформѣ. Но зато почти всѣ галичане находятся въ рѣзкой оппозиціи къ Петлюрѣ и правительству изъ-за вопроса о судьбѣ украинской Галиціи, т. е. изъ-за подписанія апрѣльскаго соглашения съ Польшей.

ГЛАВА XXI.

Тарновъ въ декабрѣ 1920-го года. Отставка Вишницера. Мой уходъ.

Въ началѣ декабря Василько и я были приглашены въ Тарновъ. Петлюра и правительство хотѣли ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣла за-границей. Василько больше всѣхъ могъ освѣтить вопросъ о польско-французской оріентаціи. Я былъ въ курсѣ англійской политики, кромѣ того я только что побывалъ въ Женевѣ.

Наконецъ, былъ рѣшенъ вопросъ объ отозваніи Тышкевича, съ опозданіемъ на цѣлый годъ . . . Его замѣстителемъ былъ назначенъ Шульгинъ.

Маленькій, но опрятный городокъ Тарновъ былъ переполненъ украинцами. Тутъ помѣщалась и ставка Петлюры, и всѣ министерства. На улицахъ встрѣчалось множество украинскихъ солдатъ. Въ ресторанахъ и кафе только и раздавалась украинская рѣчь. Мѣстное польское и еврейское населеніе имѣло свой домашній уголъ. Бездомные-же украинцы, пользующіеся въ Тарновѣ гостепріимствомъ Польши, поневолѣ искали пищи и уютнаго тепла въ ресторанахъ и кофейняхъ.

Только здѣсь, въ Тарновѣ, можно было понять, сколь великъ былъ огонь патріотизма, горѣвшій въ груди собравшихся здѣсь украинцевъ, остатковъ административнаго аппарата и представителей по-

литических партій. Въ Министерствѣ Иностран-
ныхъ Дѣлъ, которое помѣщалось въ одной изъ гостин-
ницъ, въ наиболѣе просторной комнатѣ сидѣло не
менѣе 20-ти душъ, изъ которыхъ большинство весь
день стучало на пишущихъ машинкахъ . . . Въ этой-
же комнатѣ, въ углу, работалъ и самъ Никовскій,
и директора департаментовъ . . . Въ двухъ другихъ
маленькихъ комнатахъ тѣснились остальные работ-
ники Министерства.

Люди познаются больше въ несчастіи, нежели въ
звѣнѣ успѣха. Это старое правило. За тѣ три дня,
которые мы пробыли въ Тарновѣ, я трижды видѣлся
съ Петлюрою. Его трезвые государственные взгляды,
безграничная любовь къ Украинѣ, умѣніе ориентиро-
ваться и отчетливое знаніе всего, что происходило
за-границей, на сей разъ обнаружались еще рельеф-
нѣе, чѣмъ во время встрѣчи въ Каменецъ-Подольскѣ.
Онъ снова какъ-бы выросъ. Всѣ муки, выпавшія на
долю этого человѣка, всякія обвиненія, сознаніе
огромной отвѣтственности, закалили его. Онъ про-
должалъ оставаться на своемъ посту.

Очень хорошее впечатлѣніе произвелъ на меня
Омельяновичъ-Павленко, настоящій боевой генералъ,
прямой, открытый. Украинская армія, бывшая въ
это время на территоріи польской Галиціи, насчиты-
вала около 30 000 человѣкъ. Это было ядро, которое
сохранялось на случай перемѣны обстоятельствъ въ
качествѣ первыхъ кадровъ будущей арміи.

Въ составѣ правительства я встрѣтилъ всѣхъ ста-
рыхъ знакомыхъ и друзей. Премьеромъ былъ А. Н.
Левицкій, товарищъ по адвокатурѣ, бывшій под-
судимый по дѣлу Лубенской обороны евреевъ отъ
погромовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Саликов-

скій былъ такъ близокъ и памятенъ по редакціи «Кіевскихъ Откликовъ», по всероссійскому съѣзду народно-соціалистической партіи. Никовскій, Прокоповичъ, Зайцевъ были товарищами по партіи. Корчинскій, не входившій въ это время въ составъ правительства, былъ тутъ-же и болѣлъ по прежнему душою за тѣ неслыханныя квалифицированныя страданія, которыя выпали въ огнѣ анархіи на долю еврейскаго народа. Красный обрадовалъ меня своей неизмѣнной стойкостью. Онъ не разлучался съ правительствомъ, все видѣлъ и все зналъ. Но онъ огорчилъ меня сообщеніемъ, что при спѣшныхъ отступленіяхъ арміи онъ растерялъ почти весь свой архивъ и данныя о погромахъ, объ еврейско-украинскихъ отношеніяхъ и т. д. Онъ состоялъ въ очень добрыхъ отношеніяхъ съ Омельяновичемъ-Павленко, который все время, и теперь, и раньше принималъ, по его словамъ, самыя рѣшительныя мѣры противъ еврейскихъ погромовъ, начиная отъ пропаганды и личныхъ выступленій предъ войсками, и кончая разстрѣлами погромщиковъ на мѣстѣ преступленія. Впослѣдствіи, въ іюлѣ 1921 года, когда писалась настоящая книга, въ мое распоряженіе поступили, наконецъ, нѣкоторые документы о такого рода мѣрахъ борьбы украинскаго правительства и представителей верховнаго командованія арміей съ погромами. На содержаніи этихъ документовъ я останавливаюсь въ слѣдующей главѣ.

Въ то время, когда мы были въ Тарновѣ, украинское правительство не располагало ни однимъ вершкомъ украинской территоріи. Условія жизни въ Тарновѣ были больше, чѣмъ скромныя и чисто походныя, перспективы весьма неопредѣленныя. И все-

же лучшие сыны украинского народа, собравшиеся здесь, крепко спаялись в одно целое, бодро переносили лишения и твердо вѣрили в будущее, в осуществление всех своих надежд. Вместо того, чтобы разсыпаться по свѣту в качестве эмигрантской пыли, вместо поисков личной карьеры и счастья, они терпѣливо ждали здесь, вблизи от родины, пока пронесется, наконец, смерчъ большевистскаго засилья надъ родными полями, и готовились къ возвращенію для работы по возрожденію порядка и государственности.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ этимъ людямъ и съ вѣрою в конечный успѣхъ ихъ стремленій покинулъ я Тарновъ.

Моя отставка по должности главы миссіи в Англии вызвала по моему адресу упреки и неудовольствіе в нѣкоторыхъ украинскихъ кругахъ. Начались разговоры, что я былъ больше занятъ в Лондонѣ дѣятельностью в области специально-еврейской, чѣмъ общеукраинской. Всегда корректная по отношенію ко мнѣ, пока я состоялъ на отвѣтственной должности посла, украинская пресса также измѣнила свое отношеніе. В еженедѣльной газетѣ «Воля» 2-го октября, т. е. черезъ 6 недѣль послѣ принятія моей отставки, появилась передовая, в которой было сказано, что для меня «еврейскій вопросъ былъ куда больше извѣстенъ и интересенъ, нежели украинскій» и что, поэтому, миссія в Англии мало успѣла сдѣлать для привлеченія интереса англичанъ къ Украинѣ.

Правда была в томъ, что для меня, конечно, ближе всего интересы моего родного народа. Я ни-

когда этого не скрывалъ и мои украинскіе друзья только ставили мнѣ такую прямоту и самый фактъ моей естественной привязанности къ еврейству въ плюсъ. Выбирая меня въ Генеральный Судъ, Центральная Рада знала, что я еще не имѣлъ тогда понятія объ украинскомъ языкѣ. Я состоялъ тогда еще членомъ центрального комитета всероссійской, а не украинской политической партіи. Мотивами-же для избранія послужили отчасти мои скромные научные труды и практической опытъ юриста, защиты по политическимъ дѣламъ, но главнымъ образомъ моя дѣятельность на нивѣ защиты еврейскихъ интересовъ и еврейской чести, мое участіе въ еврейскихъ процессахъ, въ дѣлѣ Бейлиса и т. д. Очевидно, предполагали, что человекъ, посвятившій себя защитѣ справедливыхъ интересовъ своего родного народа, будетъ также дѣлать все отъ него зависящее для защиты законныхъ интересовъ украинскаго народа, среди котораго онъ живетъ. И мнѣ кажется, что я не обманулъ надеждъ избравшихъ меня, поскольку рѣчь идетъ о добросовѣстномъ исполненіи взятаго на себя долга. Взявъ на себя работу и участіе въ строительствѣ общаго зданія, въ которомъ должны жить и украинскій, и еврейскій народы, я полагалъ и теперь полагаю, что мой трудъ шелъ на пользу обоимъ народамъ.

Противорѣчіе-же съ правдой въ этомъ незаслуженномъ выпадѣ «Воли» противъ меня заключалось въ утвержденіи, что я больше занимался въ Лондонѣ спеціально-еврейскими дѣлами, нежели общеукраинскими. Я былъ такъ поглощенъ работою по миссіи, что въ то время не имѣлъ, къ моему прискорбію, никакой физической возможности отдаваться и чисто-

еврейскимъ вопросамъ. Кромѣ того, еврейская эмиграція въ большихъ размѣрахъ тогда еще не возобновилась, а потому и не было работы въ той сферѣ, которая являлась для меня наиболѣе родственной.

Авторъ статьи въ «Волѣ», человекъ очень толковый и способный, самъ потомъ призналъ, что онъ написалъ эту статью лишь на основаніи отзывовъ другихъ лицъ и что онъ, можетъ быть, и не правъ.

29-го ноября подалъ въ отставку д-ръ Вишницеръ. Его заявленіе объ отставкѣ на имя Министра Иностранныхъ Дѣлъ по своимъ мотивамъ было весьма родственнымъ тому настроенію, которое начиналъ переживать и я. «Моя работа на нивѣ еврейской исторіи и публицистики требуетъ отъ меня въ данное время такого напряженія силъ», писалъ Вишницеръ, «что я не вижу возможности отдаваться дальше моимъ литературнымъ занятіямъ, работая одновременно на дипломатической службѣ. А такъ какъ я считаю въ такую весьма тяжелую для еврейства пору просвѣтительную работу на пользу еврейства неотложною и мое личное участіе въ ней своей обязанностью, то я покорно прошу освободить меня отъ исполненія обязанностей секретаря дипломатической миссіи Украинской Народной Республики въ Лондонѣ.»

Далѣе, Вишницеръ писалъ, что онъ оставляетъ службу, сохраняя глубокую симпатію къ украинскому народу въ его борьбѣ за свою свободу и вѣру въ то, что идея мирнаго сожителства украинскаго и еврейскаго народовъ на свободной украинской землѣ осуществится въ ближайшемъ будущемъ. Заявленіе заканчивалось выраженіемъ увѣренности, что идеалы демократіи и гуманности восторжествуютъ

и послужать дѣлу процвѣтанія украинскаго государства.

Я прочиталъ это заявленіе въ Тарновѣ, уже послѣ принятія отставки Вишницера. И я понималъ, что Вишницерь поступилъ правильно, такъ какъ каждый изъ насъ уже сдѣлалъ въ Лондонѣ для защиты справедливыхъ требованій украинскаго народа абсолютно все, что только было въ нашихъ человѣческихъ силахъ.

Но послѣ Спа мы окончательно убѣдились въ томъ, что англійское правительство заняло по отношенію къ Украинѣ позицію выжиданія и что въ данное время тамъ говорятъ охотнѣе съ Красинымъ, нежели съ нами. Для пропаганды-же въ широкихъ кругахъ у насъ не было необходимыхъ ресурсовъ.

Эта спячка въ отношеніи Украины оказалась, однако, глубже, чѣмъ можно было предполагать. «Мертвый сезонъ», наступившій для насъ въ Англии послѣ апрѣльскаго соглашенія Украины съ Польшей, продолжался. Сближеніе съ Совѣтской Россіей шло прогрессивными шагами все дальше. Взоры украинскаго правительства обращались за помощью къ той единственной странѣ въ Европѣ, которая еще не была въ общеніи съ Совѣтской Россіей и имѣла самую большую армію въ мірѣ — къ Франціи. Но и отсюда помощь не приходила.

Стало ясно, что въ такое время нѣтъ особенной надобности даже и въ моей скромной технической работѣ юрисконсульта Министерства. На нѣкоторое время наступило общее затишье въ дипломатической работѣ за-границей. И я отмѣнилъ первоначальную мысль о поѣздкѣ въ Англию, прося считать меня съ 1-го февраля лишь заштатнымъ юрисконсультомъ

Министерства. Меня тянуло вернуться къ той непосредственной, активной работѣ въ области чисто-еврейской, отъ которой я былъ такъ оторванъ въ послѣдніе бурные годы. Меня звали и мои обязанности въ отношеніи моей семьи, борьба за мое и ихъ существованіе.

Оглядываясь назадъ, я не только не чувствую сожалѣнія о большомъ затраченномъ трудѣ, о трехъ годахъ жизни, отданныхъ дѣлу служенія Украинѣ, но нахожу, что исполнилъ свой долгъ гражданина Украины и сына еврейскаго народа.

И если въ будущемъ вновь появятся надлежащія условія, при наличности которыхъ потребуется приложеніе моихъ силъ на дѣло строительства Украины, гдѣ я провелъ лучшіе годы своей жизни и гдѣ живутъ $3\frac{1}{2}$ милліона евреевъ, то я снова не уклонюсь отъ работы и не стану ссылаться на то, что я уже отбылъ свою гражданскую повинность.

ГЛАВА XXII.

Документы о мѣропріятіяхъ украинскаго правительства въ борьбѣ съ погромами. Письма Никовскаго къ еврейскимъ общественнымъ дѣтелямъ.

Еще въ началѣ января 1919 года Еврейскій Національный секретаріатъ въ Кіевѣ обратилъ вниманіе Директоріи на крайнюю необходимость принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ назрѣвающей опасности погромовъ. Со своей стороны и украинскія партіи соціаль-федералистовъ и народныхъ республиканцевъ, а также президіумъ «Просвіты», совмѣстно съ представителями еврейскаго секретаріата, навѣстили предсѣдателя Директоріи Винниченко и настаивали на немедленномъ опубликованіи соответствующаго воззванія. Винниченко заявилъ, что правительство уже изготовило такого рода декларацию, которая и была опубликована 11-го января 1919 года, за подписью всѣхъ членовъ Директоріи.

Въ деклараціи указывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдѣльныя казачьи группы учинили насилія надъ евреями.

«Согласно провѣреннымъ свѣдѣніямъ», — говорится далѣе, — «эти насильственные дѣйствія были вызваны «провокаторами изъ круговъ гетманскихъ, добровольческихъ, и именующихъ себя большевиками». Это дѣлалось «съ цѣлью покрытія украинской республиканской арміи позоромъ и развитія въ населеніи ненависти къ украинскому казачеству».

Директорія приказываетъ арміи и всѣмъ честнымъ гражданамъ «задерживать такого рода провокаторовъ» и представлять военному суду «подстрекателей къ насильственнымъ дѣйствіямъ».

Угрожая контръ-революціонерамъ строжайшими карами за ихъ стремленія запятнать погромами честь украинской арміи, Директорія обращается вслѣдъ за этимъ «ко всему демократическому еврейству» съ предложеніемъ энергично бороться съ «отдѣльными анархо-большевистскими членами еврейской націи», которые «выступаютъ враждебно противъ украинскаго государства и противъ украинскаго трудящагося народа». Эти элементы даютъ провокаторамъ почву для веденія «демагогической и вредной агитаціи противъ всего, не принимающаго участія въ большевизмѣ, еврейства».

Еврейское Національное Собраніе, засѣдавшее въ то время въ Кіевѣ, выступило со справедливымъ указаніемъ на ту опасность, которая заключается въ послѣдней части «Декларациі».

Упомянутое Директоріей даже объ отдѣльныхъ большевикахъ-евреяхъ могло, конечно, еще больше развязать руки всякимъ мѣстнымъ комендантамъ и начальникамъ, которые и безъ того уже не считались съ центральной властью и дѣйствовали по своему произвольному разумѣнію и хотѣнію. Провокаторы и подстрекатели могли использовать такого рода указаніе Директоріи, какъ высшей власти, съ соотвѣтственными ихъ погромнымъ цѣлямъ извращеніями и раздуваніемъ дѣйствительнаго содержанія этой части Декларациі.

Въ моемъ распоряженіи нѣтъ, къ сожалѣнію, документовъ или точныхъ свѣдѣній о мѣрахъ, при-

нимавшихся украинскимъ правительствомъ на протяженіи февраля и марта 1919-го года противъ погромовъ. Со словъ генерала Грекова я знаю, на примѣръ, объ изданныхъ имъ приказахъ о разстрѣлѣ зачинщиковъ и физическихъ погромщиковъ на мѣстѣ. Но лично я ихъ не читалъ, такъ какъ уже 1-го апрѣля выѣхалъ изъ Одессы за границу, во время же моего пребыванія въ Одессѣ въ февралѣ и мартѣ текстъ этихъ приказовъ не былъ опубликованъ въ одесской прессѣ.

Въ собраніи документовъ о положеніи евреевъ на Украинѣ, предпринятомъ украинскимъ посольствомъ въ Германіи¹⁾, наиболѣе ранній изъ напечатанныхъ правительственныхъ актовъ о погромахъ относится къ 12-му апрѣля 1919 года. Въ своемъ обращеніи къ украинскому населенію премьеръ-министръ Мартосъ предупреждаетъ, что «правительство будетъ искоренять разбойниковъ и погромщиковъ самыми суровыми карами. Особенно-же правительство не потерпитъ ни въ коемъ случаѣ погромовъ еврейскаго населенія и будетъ примѣнять всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для борьбы съ этимъ омерзительными и государственно-опасными злодѣяніями, которые позорятъ украинскую націю въ глазахъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.» Далѣе въ этомъ обращеніи высказывается увѣренность, что украинскій народъ, самъ познавшій національное рабство и провозгласившій персонально-національную автономію на Украинѣ, окажетъ правительству

¹⁾ Примѣчаніе. По инициативѣ Н. В. Порша и при ближайшемъ участіи д-ра В. Левицкаго и публициста Вальдмана издана брошюра «Die Lage der Juden in der Ukraine», откуда я и заимствую рядъ данныхъ.

поддержку для обезвреженія злодѣевъ-погромщиковъ изъ подонковъ населенія.

27-го мая 1919-го года, за подписями Петлюры, Макаренка и Швеца, Директорія утвердила законъ «о специальной комиссії для разслѣдованія анти-еврейскихъ погромовъ» Согласно 1-му и 2-му параграфамъ этого закона слѣдственная комиссія обладаетъ чрезвычайными полномочіями и передаетъ виновныхъ въ погромахъ специальному военному суду. Задачи комиссії сводятся къ разслѣдованію не только бывшихъ погромовъ, но и антисемитской агитациі, ведущейся на территоріи Украины. Предсѣдатель Комиссії назначается Директоріей, по утвержденному Совѣтомъ Министровъ представленію Министра Юстиціи. Остальные пять членовъ Комиссії назначаются коллегіей Министровъ Юстиціи, Военнаго, Труда, Внутреннихъ Дѣлъ и Министра по еврейскимъ дѣламъ. Инициатива привлеченія къ отвѣтственности возложена на министра юстиціи, въ контактѣ съ министромъ по еврейскимъ дѣламъ. Но такая-же инициатива, а также право обысковъ, конфискацій, арестовъ предоставлены каждому члену Комиссії. Полный текстъ этого закона 27-го мая 1919 года напечатанъ въ названной выше брошюрѣ, изданной украинскимъ посольствомъ въ Германіи, а также въ «Вѣстникѣ Державныхъ Законовъ» (17-го іюля 1919 года).

Въ началѣ іюля Петлюра обратился съ циркулярной телеграммой къ премьеръ-министру, командующему арміей, военному министру и министру по еврейскимъ дѣламъ по вопросу объ энергичнѣйшей борьбѣ съ погромами и всѣми антиеврейскими выпадами. Въ этой телеграммѣ, напечатанной въ офи-

ціальномъ «Вѣстникъ Украинской Народной Республики» отъ 9-го іюля 1919 года, Петлюра указываетъ на жертвы, принесенныя еврействомъ для дѣла устройства Украинской Республики. Онъ ссылается на лично извѣстные ему факты, когда евреи оказывали помощь украинской арміи и были разстрѣливаемы за это большевиками. Далѣе онъ приводитъ факты оказанія евреями помощи больнымъ и раненымъ украинскимъ солдатамъ, факты устройства евреями походныхъ госпиталей вблизи боевой зоны. Еврейскія дѣти въ этихъ госпиталяхъ смывали кровь съ ранъ воиновъ, о чемъ ему съ чувствомъ признательности къ еврейству рассказывали сами раненые. Съ радостью устанавливаетъ Петлюра, что уже появились среди казаковъ спеціальныя отряды для охраны еврейскихъ лавокъ и домовъ отъ разгрома, и выражаетъ надежду, что такіе факты будутъ умножаться и станутъ обычными. Заканчивается телеграмма указаніемъ, что въ Украинской Республикѣ всѣ народы должны обрѣсть свободную и спокойную жизнь.

15-го августа издано распоряженіе правительства, за подписью премьера Мартоса, объ ассигнованіи въ распоряженіе Министра по еврейскимъ дѣламъ 11 460 000 гривенъ (около 6 миллионѣвъ рублей) для оказанія помощи еврейскому населенію городовъ и мѣстечекъ, пострадавшихъ отъ погромовъ. 18-го августа Совѣтъ Министровъ, заслушавъ докладъ о погромахъ Министра по еврейскимъ дѣламъ Краснаго, принялъ мотивированное постановленіе о дѣломъ рядѣ мѣръ для борьбы съ погромами и погромными элементами. Въ этомъ постановленіи Совѣтъ Министровъ предлагаетъ Главному Атаману арміи

Петлюрѣ предать военно-полевому суду всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей арміи, виновныхъ въ попустительствѣ погромовъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ, съ примѣненіемъ въ отношеніи нихъ строжайшихъ каръ, вплоть до смертной казни. Далѣе предлагается выпустить обращенія и къ тѣмъ повстанческимъ отрядамъ, которые находятся по другую сторону фронта регулярныхъ войскъ, съ энергичными призывами къ борьбѣ противъ погромной агитации и отдѣльныхъ погромныхъ бандъ и измѣнниковъ арміи.

Незадолго до этого постановленія Совѣта Министровъ было издано обращеніе къ еврейскимъ гражданамъ и рабочимъ за подписями Мартоса и Краснаго. Въ этомъ обращеніи сообщается о томъ, что при арміи учрежденъ спеціальныи институтъ государственныхъ инспекторовъ для борьбы съ погромными элементами арміи. Далѣе, указывается на рядъ состоявшихся приговоровъ чрезвычайнаго военнаго суда и разстрѣловъ многихъ подстрекателей къ погромамъ. Къ сожалѣнію, не приведены даты приговоровъ и имена разстрѣлянныхъ. Засимъ даются свѣдѣнія объ учрежденіи при Министерствѣ по еврейскимъ дѣламъ «всеукраинскаго центрального комитета для помощи пострадавшимъ отъ погромовъ» и объ ассигнованіи на сей предметъ изъ средствъ государственной кассы свыше 20 милліоновъ гривенъ. Изъ остальныхъ фактическихъ данныхъ, которыя указываются въ обращеніи Мартоса и Краснаго, особеннаго вниманія заслуживаетъ упоминаніе о фактѣ появленія въ рядахъ объединенной наддніпрянской и галиційской украинской арміи большого количества еврейскихъ солдатъ и офицеровъ. Заканчивается обращеніе при-

зываютъ къ братскому и равноправному сожителству украинскаго и еврейскаго народа на Украинѣ.

26-го августа 1919 года изданъ приказъ по арміи за No. 131, подписанный Петлюрой и начальникомъ его штаба, генераломъ Юнаковымъ. Въ этомъ приказѣ прежде всего устанавливается, что еврейство, какъ и все остальное населеніе, одинаково терпитъ всѣ тяжелыя послѣдствія большевистско-коммунистическаго режима. Обращаясь ко всѣмъ дивизіямъ, бригадамъ, полкамъ, гарнизонамъ и эскадронамъ арміи, авторы приказа указываютъ на всю позорность погромовъ, которые являются не только общеуголовнымъ преступленіемъ, но и тягчайшимъ видомъ государственной измѣны. Далѣе, указывается, что погромщикамъ не можетъ быть мѣста въ рядахъ человѣческаго общежитія, и что погромы налагаютъ пятно на украинское государство передъ всѣмъ міромъ. «Наше чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ», восклицаютъ Петлюра и Юнаковъ и требуютъ преданія суду всѣхъ погромныхъ агитаторовъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ.

Въ своемъ воззваніи къ украинской арміи отъ 27-го августа 1919 года Петлюра указываетъ, что основой государственнаго строя Украины должно быть сотрудничество демократическихъ силъ всѣхъ національностей Украины. Петлюра вновь напоминаетъ арміи, что погромныхъ агитаторовъ и провокаторовъ постигнетъ смертная казнь.

3-го сентября 1919 года, на собраніи «Бунда» и еврейской партіи объединенныхъ социалистовъ, министръ труда Безпалко, извѣстный галиційскій дѣятель, выступилъ съ правительственной декларацией, въ которой заявляется, что еврейскіе погромы

являются поворомъ для украинскаго народа и препятствіемъ къ его національному возрожденію.

Наиболѣе характернымъ изъ документовъ этой эпохи, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, является телеграмма Василько на имя украинской Делегациі въ Парижѣ отъ 1-го августа 1919 года. По порученію Министра иностранныхъ дѣлъ Темницкаго, Василько указываетъ, что погромы всегда прекращались, какъ только правительство было въ состояніи возстановить и поддерживать на той или иной территоріи порядокъ. Затѣмъ онъ даетъ яркое объективное изслѣдованіе причинъ погромовъ, которое я привожу почти въ полномъ видѣ. «Къ сожалѣнію», говоритъ Василько, «повстанческая армія, которая въ началѣ состояла изъ представителей интеллигенціи и здоровыхъ элементовъ крестьянства, пополнилась впоследствии разными преступными, черносотенными элементами, которые были привлечены успѣхами возстанія, и записались въ армію съ преступной цѣлью грабежа и распространенія анархіи».

Василько правильно указываетъ, что такого рода частичный приливъ въ армію разрушительныхъ и преступныхъ элементовъ былъ характернымъ и неизбежнымъ во всѣхъ революціонныхъ-добровольческихъ арміяхъ. «Съ другой стороны,» продолжаетъ Василько, «надо принять во вниманіе, что царскій режимъ подготовилъ почву для антисемитскихъ эксцессовъ, отравляя въ теченіе столѣтій всѣ народы бывшаго Россійскаго государства ядомъ антисемитизма. Эти народы были приучены къ объясненію всѣхъ выпадавшихъ на ихъ долю несчастій и ошибокъ правительства виной евреевъ. Достаточно напомнить, что погромы 1881 г. были мотивированы

сказками объ эксплуатаціи еврейскимъ народомъ крестьянскаго населенія. Такими выдумками удавалось тогда отвлекать гнѣвъ крестьянъ и рабочихъ противъ російскихъ чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и собственниковъ. Въ 1905 году погромы были устроены черносотенцами, распространившими слухъ, что революція есть дѣло рукъ жидокадетовъ, причемъ всѣ кадеты были объявлены евреями. Въ настоящее время пользуются для погромной агитаціи фактомъ участія евреевъ въ большевизмѣ, причемъ этотъ фактъ раздувается утверждениями, будто среди большевиковъ имѣются почти одни евреи. Эти клеветники умалчиваютъ о томъ, что въ рядахъ большевиковъ имѣются представители русскихъ и всѣхъ другихъ національностей и религій. Эта агитація является причиной и объясненіемъ послѣднихъ погромовъ на Украинѣ, отъ которыхъ еврей-большевики пострадали куда меньше, чѣмъ враждебные большевизму евреи — рабочіе и торговцы. Во всякомъ случаѣ имя и взгляды Петлюры и всѣхъ членовъ украинскаго правительства являются наилучшею порукою тому, что борьба съ погромами будетъ вестись при помощи всѣхъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства. Эти средства будутъ примѣняемы съ наибольшей суровостью, чтобы оздоровить организмъ украинскаго народа отъ постыднаго антисемитизма — этого позорнаго наслѣдства стараго російскаго режима, который задерживалъ историческій ростъ и развитіе нашей націи въ сравненіи съ остальнымъ человѣчествомъ».

Съ аналогичными объясненіями погромовъ выступалъ впоследствии неоднократно проф. Смаль-Стоцкій, завѣдующій украинскимъ посольствомъ въ Берлинѣ.

Сознавая всю огромную важность этого вопроса и значеніе вреда, причиняемаго погромами дѣлу воссозданія Украины въ глазахъ культурныхъ народовъ, Смаль-Стоцкій удѣлялъ и удѣляетъ освѣщенію причинъ погромовъ большое мѣсто въ своей работѣ за границей. Въ одномъ изъ послѣднихъ воззваній, изданныхъ подъ его редакціей, указывается, что Украина въ теченіе трехъ лѣтъ находится въ состояніи безпрерывной гражданской войны и хаоса. Въ результатъ получилое «разрушеніе остатковъ государственнаго механизма и уничтоженіе моральнаго авторитета права, свободы и справедливости. Въ такой атмосферѣ распатаннаго правосознанія, общей вражды и отчаянія, растетъ онасность погромовъ». Далѣе, развивается та мысль, что если революція вызвала усиленіе антисемитизма даже въ значительно болѣе культурныхъ центрахъ, какъ Вѣна и Берлинъ, то вполне естественнымъ представляется ростъ антисемитизма въ странѣ, гдѣ враждебная еврейству пропаганда была всегда излюбленнымъ пріемомъ въ рукахъ правительства. Ссылаясь на погромы деникинской арміи и новѣйшіе погромы красной арміи, авторъ обращенія доказываетъ, что причины погромовъ не имѣютъ ничего общаго съ украинскимъ національнымъ движеніемъ и что самочинныя дѣйствія отдѣльныхъ воинскихъ частей и бандъ находятся въ прямомъ противорѣчій съ основами этого движенія и съ взглядами его руководителей. Затѣмъ приводится фактъ полнаго отсутствія антисемитизма въ программахъ всѣхъ безъ исключенія украинскихъ политическихъ партій, какъ надднѣпряньскихъ, такъ и галиційскихъ, а также фактъ стремленія украинскаго правительства къ привлеченію еврейства къ активному участию въ

государственной жизни Украины». Въ числѣ ряда законовъ и мѣропріятій къ установленію политическаго и національнаго полноправія евреевъ указывается, между прочимъ, и на мало извѣстный еще фактъ утвержденія при Каменецъ-Подольскомъ Университетѣ, въ бытность тамъ украинскаго правительства, специальныхъ кафедръ по еврейской исторіи и литературѣ.

Несомнѣнно, что въ моихъ рукахъ имѣется лишь часть матерьяловъ о мѣрахъ украинскаго правительства противъ погромовъ, предпринятыхъ на протяженіи 1919-го года. Живя за-границей, я лишень былъ возможности собрать большое количество матеріаловъ за названный годъ. На мои-же обращенія къ правительству и Красному и просьбы о присылкѣ болѣе подробныхъ данныхъ я получилъ отвѣтъ, что очень много печатныхъ матерьяловъ, приказовъ, циркуляровъ и т. д. погибло при спѣшныхъ отступленіяхъ арміи.

Однако, и въ тѣхъ обращеніяхъ, заявленіяхъ и распоряженіяхъ украинскаго правительства, которыя мною уже приведены, имѣется также немало данныхъ для сужденія объ общемъ направленіи и духѣ украинской политики въ еврейскомъ вопросѣ¹⁾.

¹⁾ Примѣчаніе. Уже послѣ того, какъ настоящая книга была написана, въ мое распоряженіе поступила копія доклада атамана Тютюника на имя Главнаго Атамана Петлюры. Въ этомъ докладѣ Тютюникъ сообщаетъ о томъ, что согласно его приказамъ, по приговорамъ чрезвычайныхъ военныхъ судовъ осенью 1919-аго года за учиненіе еврейскихъ погромовъ были разстрѣляны: въ мѣстечкѣ Вахновкѣ (Липовецкаго уѣзда) — 4 грабителя, на станціи Христиновка — 83 погромщика. Кромѣ того, въ тотъ же періодъ по его приказу въ мѣстечкѣ Тальномъ на мѣстѣ погрома было разстрѣляно пять погромщи-

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію матерьяловъ, относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ заявленіяхъ еврейскихъ партій и группъ въ связи съ событіями 1919 г.

8-го іюля 1919 года трудовая группа совѣта еврейскихъ общинъ въ Каменецъ-Подольскѣ на общемъ собраніи еврейскихъ трудящихся массъ выступила съ заявленіемъ о готовности бороться вмѣстѣ съ украинскими трудящимися массами за свободную и независимую Украинскую Республику. Собраніе выразило довѣріе правительству и готовность поддержать его, а также обратилось съ требованіемъ къ правительству о продолженіи энергичной и рѣшительной борьбы съ темными провокаторскими элементами, участвовавшими прямо или косвенно въ кровавыхъ еврейскихъ погромахъ.

17-го іюля 1919 года Петлюру посѣтила въ Каменецъ-Подольскѣ еврейская делегація, въ составѣ д-ра Клейдермана (отъ общины), Гутмана (отъ раввиновъ), Альтмана (отъ сіонистовъ), Крайза (отъ ремесленниковъ), Бограда (отъ объединенныхъ социалистическихъ партій) и Драхлера (отъ пойалейсіонистовъ). Делегація заявила Петлюрѣ, что всѣ круги еврейскаго населенія готовы защищать совместно съ украинскимъ народомъ самостоятельное Украинское Государство, въ твердой вѣрѣ, что

ковъ, имена коихъ были оглашены для всеобщаго свѣдѣнія специальнымъ печатнымъ наказомъ.

Между прочимъ, необходимо имѣть въ виду, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о командующемъ кievской дивизіей, Максимѣ Тютюникѣ. Въ украинской арміи и среди нерегулярныхъ бандъ было нѣсколько атамановъ — однофамильцевъ Тютюника, причемъ одинъ изъ нихъ (Георгій или Юрій) стяжалъ себѣ весьма печальную славу погромщика.

только демократическое украинское правительство может обеспечить еврейскому народу полноправие. Делегация просила о защитѣ еврейства отъ погромовъ, которые происходятъ, «какъ результатъ провокаціи различныхъ русскихъ реакціонеровъ и польскихъ имперіалистовъ, желающихъ такимъ путемъ дискредитировать весь украинскій вопросъ въ глазахъ Европы».

23-го августа 1919 года состоялось въ Проскуровѣ засѣданіе тамошней еврейской общины. Было единогласно постановлено оказать поддержку Министерству по еврейскимъ дѣламъ въ его работѣ на пользу трудящихся еврейскихъ массъ.

26-го августа 1919-го года Подольскій губернский и городской комитеты «Пойалей-Ціонъ» въ Каменецъ-Подольскѣ приняли резолюцію о желательности участія евреевъ въ составѣ украинскаго правительства. Въ этой резолюціи указывается, что «въ настоящее время совершенно устранены тѣ отрицательныя условія, на которыя въ апрѣлѣ указывали Гольдельманъ и Ревуцкій.» Очевидно, рѣчь идетъ о тогдашнемъ «поправѣніи» состава украинскаго правительства по требованію Франціи въ Одессѣ, устраненномъ съ уходомъ Маціевича и другихъ социаль-федералистовъ и съ замѣною ихъ кабинетомъ социаль-демократовъ съ Мартосомъ во главѣ, а также о недостаточности мѣръ, принимавшихся украинскимъ правительствомъ противъ погромовъ въ теченіе марта и апрѣля. Во всякомъ случаѣ партія «Пойалей-Ціонъ» въ названной августовской резолюціи констатируетъ, что «правительство и верховное командованіе энергично борятся съ погромами».

Еще раньше, 27-го іюля 1919 года состоялась въ Могилевѣ-Подольскомъ общая конференція комитетовъ «Бунда», Объединенцевъ, Пойалей-Ціонъ, Культуръ-Лиги, Демократическаго Союза Учителей и ряда цеховыхъ еврейскихъ организацій. Конференція эта высказала свое довѣріе Министерству по еврейскимъ дѣламъ, признала желательной его дальнейшую совмѣстную работу съ украинскимъ правительствомъ. Такая же резолюція была вынесена 15-го сентября въ Бердичевѣ на конференціи еврейской Фольксъ-Партей и представителей еврейскихъ ремесленниковъ.

Надо полагать, что со временемъ можно будетъ собрать болѣе полный матеріаль о такого рода деклараціяхъ еврейскихъ общинъ и партій. Наступитъ время и для болѣе точной оцѣнки мотивовъ всѣхъ этихъ выступленій. Въ настоящій же моментъ есть, конечно, не мало скептиковъ, которые говорятъ, что такія заявленія могли дѣлаться изъ-за страха и желанія снискать благоволеніе правительства и его защиту отъ погромовъ.

Но вотъ, наконецъ, и голосъ совершенно свободнаго, смѣлаго и объективнаго гражданина Англіи, извѣстнаго еврейскаго дѣятеля и знаменитаго писателя, Израіля Зангвилля. Въ своемъ письмѣ къ украинскому правительству отъ 20-го октября 1919 года¹⁾ онъ высказываетъ свое убѣжденіе, что оно, т. е. украинское правительство, «прилагало свои усилія, хотя можетъ быть и не всѣ, чтобы пріостановить влодѣяніе, глав-

¹⁾ Примѣчаніе. Къ этому письму Зангвилля я вернусь еще разъ позже по вопросу о предполагавшейся анкетной комиссіи изъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей.

ной причиной котораго является неопре-
дѣленное положеніе въ Россіи». Въ томъ,
что украинское правительство дало евреямъ націо-
нальныя права, Зангвилль усматриваетъ дѣйстви-
тельную государственную мудрость. Это создаетъ,
по его мнѣнію, «острую противоположность,
въ сравненіи съ Польшей и ея отношеніемъ
къ еврейству». Въ заключеніе Зангвилль выражаетъ
свои опасенія о томъ вредѣ, который могутъ при-
чинить погромы дѣлу устроенія украинскаго госу-
дарства въ виду того, что правительству еще не уда-
лось совершенно подавить погромы. Онъ скорбитъ
и по поводу несчастныхъ жертвъ погромовъ, и по
поводу этой опасности для самаго существованія
украинскаго государства, идеѣ котораго онъ, Занг-
вилль, сочувствуетъ, какъ сторонникъ самоопре-
дѣленія народовъ.

Немного позже, 8-го марта 1920 года, Зангвилль
вновь коснулся вопроса объ еврейскихъ погромахъ
въ своемъ письмѣ на имя Федерациі украинскихъ
евреевъ въ Англии, въ связи съ митингомъ, посвящен-
нымъ памяти жертвъ погромовъ на Украинѣ. Занг-
вилль скорбно останавливается на томъ фактѣ, что
минуло много столѣтій съ той поры, когда погромы
евреевъ происходили въ такомъ огромномъ размѣрѣ
и когда еврейство ввергалось въ бездну такой страш-
ной нужды.

«Я однако не имѣю полнаго убѣжденія», — гово-
рить затѣмъ Зангвилль — «что нынѣшнему украин-
скому правительству можно предъявить какія-либо
обвиненія, такъ какъ оно занимало приблизительно
одну лишь шестую часть общей территоріи Украины
въ то время, когда вся страна разрушалась разнаго

рода разбойничьими шайками подъ предводительствомъ противо-еврейскихъ вождей. Скорѣе мы должны обвинять общее безладіе въ Европѣ, и общую безоружность нашей націи, которая не организовала на протяженіи годовъ мира своей собственной силы.»

По вопросу о матеріалахъ, касающихся противопогромной дѣятельности украинскаго правительства въ 1920 и въ началѣ 1921 года, приходится опять таки ограничиться пока весьма скудными данными, которыя украинское правительство недавно прислало, по просьбѣ украинскаго посольства въ Берлинѣ, за-границу. Среди этихъ данныхъ есть рядъ офиціально засвидѣтельствованныхъ и даже подлинныхъ приказовъ, распоряженій и заявленій военной верховной власти и правительства. Всѣ эти весьма цѣнные матеріалы будутъ въ свое время опубликованы полностью, въ настоящей же книгѣ я ограничусь наиболѣе существенными выдержками изъ нихъ.

Въ наказахъ по волынской группѣ войскъ отъ 28-го февраля и отъ 12-го марта 1920 года командующій арміей Омеляновичъ-Павленко и командиръ группы атаманъ Никоновъ клеймятъ злодѣевъ, поворачивающихъ армію самочинными обысками, незаконными реквизиціями у крестьянъ скота и у мирнаго населенія имущества. Эти же наказания угрожаютъ смертной казнью за грабежъ.

29-го апрѣля того же года атаманъ Никоновъ назначаетъ засѣданіе чрезвычайнаго военнаго суда для разсмотрѣнія дѣла о разграбленіи аптеки Шейфеля въ мѣстечкѣ Яссикахъ (Херсонщина).

23-го іюля 1920 года Омельянович-Павленко, начальник штаба Липко и полковникъ Ткачукъ издають наказъ о назначеніи особыхъ комендантовъ, отвѣтственныхъ за грабежи и погромы. Въ этомъ наказѣ предлагается немедленно прекратить безпорядки, путемъ разстрѣла грабителей на мѣстѣ преступленія.

Такое же распоряженіе о разстрѣлѣ грабителей имѣется въ наказѣ по 2-ой Волынской Стрѣлцкой Дивизіи отъ 25-го октября, за подписью командира Дивизіи Загородскаго.

Наказомъ 20-го іюля 1920 года за подписью полковника Дубового приказано расформировать Гайсино-Брацлавскій курень 2-ой пѣхотной бригады за учиненіе грабежей и насилій.

Въ наказѣ 27-го августа, за подписью Омельяновича-Павленко, Липко, полковника Гулага и сотника Савченко, предписано вѣсьмъ военнымъ вѣжливо и тактично обращаться съ населеніемъ безъ различія вѣры и національности.

Далѣе, имѣется рядъ наказовъ о лишеніи права отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ на повышение, объ отрѣшеніи отъ должности и о тѣлесномъ наказаніи шомполами за отдѣльные случаи попустительства грабежей еврейскаго населенія или вымогательства денегъ подъ разными угрозами.

Въ наказѣ отъ 6-го ноября 1920 года, за подписью командира 4-го Кіевскаго Коннаго полка подполковника Сидорянскаго, сообщается о томъ, что командиръ сотни Дещенко убилъ на мѣстѣ совершенія грабежа казака Новохацкаго (въ мѣстечкѣ Гусятинѣ). Предписано: вычеркнуть Новохацкаго изъ состава полка. О такомъ же фактѣ разстрѣла на мѣстѣ

одного изъ погромщиковъ въ мѣстечкѣ Черново сообщается въ наказѣ по 4-ой Кіевской Стрѣлецкой Дивизіи (дата наказа неразборчива).

Въ моемъ распоряженіи, наконецъ, имѣется официально засвидѣтельствованная копія приговора чрезвычайнаго военнаго суда отъ 22-го августа 1920 года по дѣлу Варивана Винника обвинявшагося въ причиненіи опасныхъ для жизни ранъ Йоселю Астеру въ селѣ Залукивцахъ (около Станиславова, Галиція). Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Судь призналъ дѣяніе Винника, «безчеловѣчнымъ» и приговорилъ его къ смертной казни черезъ разстрѣлъ. Въ тотъ же день приговоръ былъ утвержденъ полковникомъ Булымъ, съ возложеніемъ исполненія приговора на конно-горный дивизионъ и приказомъ о прочтеніи наказа въ сотняхъ, батареяхъ и прочихъ частяхъ. Вечеромъ того же дня приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Согласно заявленіямъ генерала Омеляновича-Павленко, П. А. Краснаго и многихъ другихъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, состоялось множество тождественныхъ случаевъ разстрѣловъ на мѣстѣ виновныхъ въ погромахъ и убійствахъ. Точно также состоялся рядъ тождественныхъ приговоровъ чрезвычайныхъ военныхъ судовъ о разстрѣлѣ грабителей и погромщиковъ.

30-го мая 1920 года командующій арміей Омелянович-Павленко навѣстилъ совмѣстно съ представителями своего штаба Министра по еврейскимъ дѣламъ Краснаго. Былъ выработанъ общій планъ самыхъ радикальныхъ методовъ борьбы для предупрежденія возможности новыхъ эксцессовъ въ полосѣ военныхъ дѣйствій. Командующій арміей увѣдомилъ Мини-

стра по еврейскимъ дѣламъ о всѣхъ мѣрахъ, которыя онъ принималъ за истекшее полугодіе противъ попытокъ къ учиненію грабежей и погромовъ. По его завѣренію всѣ виновные въ такихъ попыткахъ немедленно предавались Чрезвычайному Военному Суду и разстрѣливались.

Большую роль въ дѣлѣ борьбы съ антисемитизмомъ сыгралъ институтъ государственныхъ инспекторовъ при арміи, объ учрежденіи коего упоминалось выше. Министерство по еврейскимъ дѣламъ съ чувствомъ особенной признательности отмѣчаетъ дѣятельность этихъ государственныхъ инспекторовъ. Особенно большую энергію и самоотверженность проявлялъ все время В. И. Кедровскій, впоследствии назначенный украинскимъ посломъ въ Эстонию.

18-го іюля 1920 года изданъ наказъ Особой Конной Дивизіи, находившейся тогда на территоріи Галиціи. Въ этомъ наказѣ подробно разъясняется, какъ отражаются погромы въ глазахъ культурныхъ государствъ. Призывая войска къ порядку, авторы приказа предлагаютъ войскамъ одинаково корректно относиться ко всѣмъ національностямъ, въ томъ числѣ и къ еврейской, и указываютъ на сочувствіе со стороны всего галиційскаго еврейства дѣлу украинскаго государственнаго строительства. Тѣмъ же наказомъ возлагается отвѣтственность на командировъ частей за всякіе безпорядки, среди порученныхъ ихъ командованію войскъ, и предписывается образованіе особыхъ надежныхъ патрулей для наблюденія за войсками.

Наказъ той же дивизіи отъ 24-го іюля предастъ военному суду казака Савиченко по обвиненію въ изнасилованіи Суры М. Интересно отмѣтить, что

въ этомъ же наказѣ предлагается нарядить стражу для охраны суда.

Наказъ Омельяновича Павленко по Особой Конной Дивизіи отъ 15 сентября 1920 года устанавливаетъ личную отвѣтственность командировъ за дальнѣйшіе грабежи подчиненныхъ имъ казаковъ.

Во множествѣ наказовъ приводятся также случаи самоchinныхъ грабежей и насилій въ селахъ Галиціи со стороны т. н. надднѣпрянскихъ казаковъ. Открытое забираііе скота и хлѣба у крестьянъ происходятъ повседневно, не взирая на угрозы командующихъ арміями и отдѣльными частями разстрѣлами.

Одинъ изъ наказовъ на имя 6-ой Стрѣлцкой Дивизіи, отъ 6-го сентября 1920 года, приводитъ случай пріостановленія грабежа и насиліованія еврейскихъ женщинъ и дѣвушекъ благодаря вмѣшательству подоспѣвшихъ бунчужнаго Головчука и стрѣльца Гарбаря. Послѣдніе силой оружія обратили грабителей въ бѣгство, при чемъ успѣли захватить и перевязать двухъ донскихъ казаковъ изъ этой группы грабителей и насильниковъ.

Командиръ дивизіи, полковникъ Безручко, выразилъ Головчуку и Гарбарю благодарность за выполненіе ими долга службы и распорядился объ оглашеніи ихъ поступка, какъ примѣра для подражанія, въ частяхъ, сотняхъ и командахъ дивизіи.

15-го сентября 1920 года Начальникъ Инспекторскаго Отдѣла Штаба Тыла Арміи издалъ наказъ о разстрѣлѣ безъ суда, на мѣстѣ совершенія преступленія, виновныхъ въ грабежахъ и мародерствѣ. (§ 3-ій названнаго наказа).

Наказами атамана Тютюника и начальника штаба Вовка 23-го августа и 8-го декабря 1920 года повелѣвается разстрѣливать безъ суда на мѣстѣ «негодяевъ», виновныхъ въ грабежахъ мирнаго населенія. За попустительство и недонесеніе объявляется тѣлесное наказаніе до 125 ударовъ нагайкой. Тотъ же атаманъ Тютюникъ сообщаетъ въ своемъ докладѣ Министру по еврейскимъ дѣламъ отъ 4-го іюня 1920 года о разстрѣлѣ по его приказу, въ мѣстечкѣ Черено, казака, причинившаго раненія еврейскому мальчику.

20-го сентября 1920 года Петлюра обратился къ арміи съ наказомъ, въ которомъ онъ взываетъ снова къ сохраненію порядка и воздержанію отъ грабежей и насилій.

5-го октября Омелянович-Павленко вновь предписываетъ разстрѣливать погромщиковъ и грабителей на мѣстѣ преступленія.

11-го октября Петлюра издаетъ наказъ по арміи о немедленномъ преданіи Чрезвычайному Военному Суду всѣхъ грабителей. Прокурорамъ высшихъ военныхъ судовъ предлагается слѣдить за точнымъ исполненіемъ этого наказа. Начальниковъ частей, виновныхъ въ укрывательствѣ грабителей, подлежитъ тоже предавать суду.

Въ числѣ документовъ за 1921 годъ имѣется подробное обращеніе Петлюры къ населенію Украины и повстанцамъ. Привожу это обращеніе полностью.

«Къ вамъ, непреклоннымъ борцамъ, напрягающимъ послѣднія усилія, чтобы защитить родную хату отъ врага, къ вамъ, покрывшимъ себя своею обороною родины, славою на весь свѣтъ, къ вамъ, дорогие братья, будетъ мое слово.

Наши палачи большевики распространяють повсюду слухи, что будто бы повстанцы уничтожаютъ еврейское населеніе. Я, главный атаманъ украинскаго войска, не вѣрю въ это, не вѣрю, ибо знаю украинскій народъ, который, будучи угнетеннымъ грабителями-завоевателями, не можетъ самъ угнетать другой народъ, который одинаково съ нимъ страдаетъ отъ большевистской власти.

Поглядите вокругъ себя, присмотритесь внимательно, и вы увидите, что не только крестьянство, но и ремесленники и торговцы, однимъ словомъ все честное и живое на Украинѣ стонетъ подъ ярмомъ коммунистовъ. Всѣхъ, кто добываетъ себѣ средства къ жизни честнымъ трудомъ рукъ или ума, коммунисты хотятъ загнать, какъ скотину, въ общій хлѣвъ. — комуну.

Еврейское населеніе, мелкіе торговцы, ремесленники и рабочіе, которые, какъ и всѣ трудящіеся, зарабатываютъ кусокъ хлѣба своимъ трудомъ, также обижены и ограблены большевистскимъ режимомъ. Товары изъ лавокъ торговцевъ, инструменты и станки у ремесленниковъ отбираются для комуну. Развѣ это не разореніе для еврейскаго населенія. Развѣ еврейское населеніе, умирающее съ голоду, можетъ быть довольнымъ большевиками. Еврейское населеніе, какъ и вы, крестьяне, ждетъ не-дождется освобожденія отъ коммунистовъ грабителей.

Если вы встрѣтите среди коммунистовъ евреевъ, помните, что они для своего народа такіе же предатели-каины, забывшіе вѣру и законы отцовъ своихъ, какъ и тѣ наши измѣнники, которые пристали къ коммунистамъ; и несправедливо было бы вваливать вину за нихъ на весь народъ еврейскій, какъ невоз-

можно вваливать вину за наших измѣнниковъ на весь украинскій народъ. Я знаю, что отъ этихъ измѣнниковъ отказалось честное еврейское общество и заклеило ихъ.

Я увѣренъ, что вы это хорошо понимаете и что не вы уничтожаете еврейское населеніе, а уничтожаютъ его сами комуністы и тѣ бандиты, которые при комунѣ расплодились на нашей землѣ.

Въ своей борьбѣ съ нашимъ народомъ большевики не брезгаютъ ни ложью, ни подкупами. На награбленное чужое золото они, разославши по всѣмъ странамъ своихъ представителей, основали на всѣхъ языкахъ газеты, въ которыхъ клеймятъ наше святое дѣло — освободительное движеніе нашего народа, рисуютъ его, какъ бандитское, погромное и на каждой страницѣ кричатъ о еврейскихъ погромахъ, которые будто бы чинятъ украинскіе повстанцы.

Рабочіе и крестьяне нѣкоторыхъ странъ, которые не видѣли своими глазами большевиковъ, считали ихъ народолюбцами, вѣрили ихъ клеветѣ на украинскіхъ повстанцевъ и къ нашему освободительному движенію относились съ подозрѣніемъ.

Но та сердечная встрѣча, которую устроило еврейское населеніе при возвращеніи нашего войска на родную территорію въ минувшемъ году, тѣ слезы, какими еврейское населеніе провожало отступавшее наше войско, и тотъ ужасъ, какой охватилъ еврейское населеніе при набѣгѣ большевиковъ, тѣ десятки тысячъ евреевъ, которые потянулись за нашимъ войскомъ, спасаясь отъ большевиковъ, и которые тутъ вмѣстѣ съ нами дѣляютъ нашу судьбу и мечтаютъ нашими мечтами, все это убѣдило міръ, что бандиты не мы, а большевики.

Тяжело мнѣ слышать эту клевету на васъ, братья крестьяне, и если бы завелась среди васъ какая нибудь паршивая овца, которая пачкаетъ всѣхъ васъ постыдными поступками, вы должны выбросить ее изъ своихъ рядовъ немедленно.

Какъ головной атаманъ украинскаго войска, я приказываю вамъ: большевиковъ-коммунистовъ и иныхъ бандитовъ, чинящихъ еврейскіе погромы и уничтожающихъ населеніе, карать безпощадно и какъ одинъ стать на защиту бѣднаго измученнаго населенія и вашими военными судами расправляться съ бандитами немедленно.

Въ скоромъ времени я возвращусь съ украинскимъ войскомъ и правительствомъ на Украину, и тѣ, которые вредили нашему дѣлу, приставали къ повстанцамъ ради грабежей и погромовъ, будутъ жестоко наказаны по законамъ военнаго времени, какъ измѣнники нашему народу и помощники врагамъ.

Петлюра.»

Наряду съ выступленіями Петлюры и Омеляновича-Павленко, какъ представителей арміи, правительство, въ свою очередь, предпринимало на всемъ протяженіи 1920 года все отъ него зависящее для преодоленія погромной пропаганды. Одинъ фактъ пребыванія во главѣ правительства такихъ испытанныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ Прокоповичъ и Левицкій, самъ говорить за себя.

Особенно чутко прислушивалось правительство къ голосу тѣхъ евреевъ, которые являлись сторонниками самоопредѣленія народовъ бывшаго Россійскаго государства безъ какихъ-бы то ни было ограниченій воли этихъ народовъ. Имена Зангвилля и Люсьень-Вульфа, которые выявили довольно ярко

свои симпатіи къ украинскому движенію, какъ такому, и не вступили на путь отождествленія всего этого движенія и его лучшихъ представителей съ антиеврейскими погромами и погромщиками, пользуются особымъ почетомъ и уваженіемъ со стороны украинскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Точно также популярнымъ является д-ръ Іохельманъ, въ виду основанія имъ въ Англій «Федерациі Украинскихъ Евреевъ».

Въ декабрѣ 1920 года Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Никовскій обратился къ Зангвиллю, Л. Вульффу и Іохельману отъ имени украинскаго правительства съ письмами, въ которыхъ отмѣчены чувства симпатіи и благодарности представителей украинскаго движенія къ этимъ лицамъ.

Въ письмѣ къ Люсьенъ-Вульффу Министерство указываетъ на отсутствіе освѣдомленности въ Западной Европѣ по поводу украинскаго движенія. Этимъ отсутствіемъ точныхъ и правильныхъ свѣдѣній широко пользуются враги украинской государственности и стремятся поставить въ вину всему украинскому народу тѣ злодѣянія, которыя чинятъ преступные элементы въ благопріятной для нихъ обстановкѣ хаоса, полной разрухи государственной и общественной жизни. Въ этомъ хаосѣ «потонула приведенная въ такое состояніе большевистскимъ варварствомъ вся территорія бывшей Россіи.» Находя, что изъ всѣхъ необоснованныхъ и несправедливыхъ обвиненій, предъявляемыхъ ко всему украинскому народу, наиболѣе тяжкимъ и позорнымъ является обобщеніе всѣхъ украинцевъ съ погромщиками, Никовскій высказываетъ Люсьенъ Вульффу признательность за то, что онъ не вступилъ на путь

такого рода обобщеній. «Украинскій народъ и правительство Украинской Народной Республики преисполнены глубокой вѣры, что въ вашемъ лицѣ они сохранять и въ будущемъ своего искренняго друга и защитника ихъ законныхъ правъ и домоганій», — говоритъ Никовскій въ заключительной части своего письма къ Л. Вульффу.

Въ письмѣ къ Йохельману отмѣчается съ признательностью учрежденіе по его инициативѣ «Федерации Украинскихъ Евреевъ въ Англіи».

Наконецъ, въ обращеніи къ Зангвиллю Никовскій останавливается на выступленіяхъ Зангвилля въ печати и на публичныхъ собраніяхъ въ защиту свободы самоопредѣленія всѣхъ народовъ и благодаритъ Зангвилля за проявляемый имъ интересъ къ украинскому движенію.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ отъ 25-го января 1921 года Л. Вульфъ, между прочимъ, подчеркиваетъ, что онъ дѣйствительно симпатизируетъ устройству Украины на основахъ самоопредѣленія и ея усиліямъ пріостановить большевистскій російскій потопъ. «Мое личное отношеніе не должно быть, однако, обобщаемо съ взглядами моего Комитета», — продолжаетъ Л.-Вульфъ, указывая, что «Joint Foreign Committee» долженъ быть нейтральнымъ въ политическихъ вопросахъ. Затѣмъ Л.-Вульфъ выражаетъ отъ имени Комитета благодарность за піонерскую работу украинскаго правительства и народа въ дѣлѣ признанія правъ меньшинствъ, и совѣтуетъ украинскому правительству выступить вновь съ заявленіемъ, что оно отвергаетъ отъ себя отвѣтственность за ужасные погромы. Послѣдніе, по мнѣнію Л.-Вульфа, явились слѣдствіемъ того хаоса, который царитъ на Украинѣ.

ГЛАВА XXIII

Проектъ анкетной комиссіи для разслѣдованія погромовъ.
Данныя Темкина о погромахъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и яркихъ моментовъ въ исторіи украинно-еврейскихъ взаимоотношеній является обращеніе украинскаго правительства осенью 1919 года къ еврейскимъ общественнымъ дѣятелямъ и организаціямъ съ просьбой объ учрежденіи ими анкетной комиссіи для разслѣдованія на мѣстѣ причинъ погромовъ, съ цѣлью обнаруженія дѣйствительныхъ виновниковъ.

8-го сентября Министръ Темницкій и украинскій посолъ въ Бернѣ Василько телеграфно обратились къ графу Тышкевичу, главѣ Делегаціи въ Парижѣ, съ просьбой пригласить отъ имени правительства гг. Усышкина, Гольдштейна, Моцкина, Ахадъ-Гаама и Іохельмана (первые три находились тогда въ Парижѣ, послѣдніе два — въ Лондонѣ) въ качествѣ членовъ Комиссіи для обслѣдованія на мѣстѣ погромовъ. Въ телеграммѣ было указано, что Директорія и правительство придають большое значеніе такого рода обслѣдованію печальныхъ погромныхъ событій, въ виду извѣстной объективности названныхъ еврейскихъ дѣятелей и того довѣрія, которое питаетъ къ этимъ именамъ еврейство. Со своей стороны правительство обѣщало всяческую помощь властей въ работѣ Комиссіи.

9-го сентября Делегация обратилась ко всѣмъ указаннымъ лицамъ съ приглашеніемъ, текстъ котораго является тождественнымъ съ содержаніемъ телеграммы Темницкаго и Василько.

Къ сожалѣнію, здоровье почтеннаго У. Гинзберга (Ахадъ-Гаамъ) оказалось настолько распатаннымъ, что онъ сразу же вынужденъ былъ отказаться отъ участія въ проектируемой Комиссіи. Въ своемъ письмѣ отъ 12-го сентября онъ отмѣтилъ благородство побужденій украинскаго правительства въ дѣлѣ созданія анкетной комиссіи, которая могла бы, по его мнѣнію, способствовать и освѣщенію правды, и устраненію существующей нищеты и несчастія, какъ результатовъ погромовъ.

Что касается Моцкина, Усышкина и Гольдштейна, то они въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ совѣтовали Украинскому правительству обратиться непосредственно къ Комитету Еврейскихъ Делегаций при Конференціи Мира въ Парижѣ.

Моцкинъ привѣтствовалъ въ своемъ письмѣ съ большой симпатіей предложеніе Украинскаго правительства о посылкѣ анкетной комиссіи, благодарилъ за оказанное ему довѣріе и выразилъ увѣренность, что Комитетъ еврейскихъ Делегаций въ Парижѣ, въ согласіи съ правительствомъ Украинской Республики, организуетъ такого рода комиссію.

Нельзя было не согласиться съ правильностью того взгляда, что обращеніе къ организаціямъ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, является болѣе удобнымъ. Въ этомъ же смыслѣ высказался тогда и Вишницеръ, который велъ переговоры по вопросу объ анкетной Комиссіи съ еврейскими общественными дѣятелями въ Лондонѣ. Рѣшено было, согласно предложенію

Вишницера, вступить въ контактъ съ шестью еврейскими организаціями, съ Комитетомъ еврейскихъ Делегацій въ Парижѣ, съ «Alliance Israélite Universelle», «Joint Foreign Comittee», съ Сіонистской Организаціей, съ Еврейской Территоріалистской Организаціей и съ American Jewish Comittee.

11-го октября 1919 года графъ Тышкевичъ обратился отъ имени Украинскаго правительства ко всѣмъ названнымъ организаціямъ съ письменнымъ приглашеніемъ о принятіи ими участія въ анкетной Комиссіи. Въ этихъ письмахъ Тышкевичъ указываетъ, что Украинское правительство боролось и продолжаетъ бороться съ антисемитизмомъ и погромами, что оно усматриваетъ въ евреяхъ своихъ друзей, что оно первое въ Европѣ дало національнымъ меньшинствамъ наиболѣе широкую національную автономію. Тышкевичъ заранѣе обѣщаетъ, что правительство отнесется съ величайшимъ вниманіемъ ко всѣмъ предложеніямъ и совѣтамъ, которые ему будутъ представлены со стороны Комиссіи въ направленіи способовъ для прекращенія злодѣяній, лежащихъ пятномъ на всю страну. Всѣ расходы, сопряженные съ поѣздками и трудами Комиссіи, Украинское правительство брало, по заявленію Тышкевича, на себя. Тышкевичъ выражаетъ надежду, что приглашеніе правительства будетъ принято во имя блага обоихъ народовъ, какъ украинскаго, такъ и еврейскаго.

20-го октября получился отвѣтъ отъ Зангвилля. Содержаніе его письма, поскольку оно касается общеукраинскаго и еврейскаго вопроса, уже было приведено мною въ предыдущей главѣ этой книги. Въ данномъ-же случаѣ остается лишь привести ту часть письма, которая относится къ приглашенію

Еврейской Территориалистской Организациі принять участіе въ анкетной Комиссіи. Зангвильль благодарить за приглашеніе, ссылается на свое болѣзненное состояніе (онъ находился въ то время на излѣченіи въ Новомъ-Уэльсѣ), и полагаетъ, что въ лицѣ д-ра Йохельмана Еврейская Территориалистская Организациа будетъ въ достаточной мѣрѣ представлена въ анкетной Комиссіи.

Л.-Вульфъ отъ имени Joint Foreign Comittee отвѣтилъ, что послѣ тщательнаго разсмотрѣнія вопроса о поѣздкѣ анкетной Комиссіи на мѣсто Joint Comittee не находитъ возможнымъ принять приглашеніе украинскаго правительства. Анархическое состояніе, въ которомъ пребываетъ Украина, исключаетъ, по мнѣнію Комитета, возможность обслѣдованія на мѣстѣ и возстановленія истинной картины погромовъ. Въ заключеніе Л.-Вульфъ выражаетъ отъ имени Комитета благодарность украинскому правительству за его наилучшія намѣренія въ вопросѣ обслѣдованія причинъ погромовъ и за его дружественное расположеніе къ еврейству Украины.

Къ сожалѣнію, я не нашелъ въ архивѣ украинской Делегациі въ Парижѣ никакихъ слѣдовъ объ отвѣтахъ со стороны Комитета Еврейскихъ Делегаций и другихъ организацій, къ которымъ было адресовано приглашеніе Украинскаго правительства о принятіи ими участія въ анкетной Комиссіи. Знаю только, что въ личныхъ переговорахъ украинской Делегациі съ Комитетомъ еврейскихъ Делегаций представители послѣдняго приводили противъ поѣздки на мѣсто тѣ-же мотивы, на какіе сослался Joint Comittee въ письмѣ Л.-Вульфа.

Такъ безрезультатно закончилась энергичная попытка Украинскаго правительства сдѣлать все отъ него зависящее для выясненія истины въ кошмарномъ вопросѣ еврейскихъ погромовъ, для проведенія грани между дѣйствительными виновниками, убійцами, провокаторами и попустителями — и между честными, ни въ чемъ неповинными людьми. Въ пылу естественнаго гнѣва, скорби и негодованія, вызваннаго въ еврействѣ потрясающе-жестокими погромами, нельзя было и ожидать со стороны еврейства спокойнаго и объективнаго сужденія о такихъ событіяхъ. Когда же было предложено самому еврейству взять на себя функціи слѣдствія и моральнаго суда надъ виновными, ни одна изъ еврейскихъ организацій фактически не воспользовалась такимъ высокосправедливымъ предложеніемъ, дышащимъ объективностью и довѣріемъ къ этимъ организаціямъ.

Приблизительно въ то-же время (декабрь 1920 года) въ газетахъ появились свѣдѣнія о томъ, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ Лансингъ намѣренъ объявить украинское еврейство состоящимъ подъ защитой американскаго правительства. Украинское правительство, въ сознаніи своего безсилія преодолѣть хаотическое состояніе значительной части страны, съ радостью привѣтствовало эту вѣсть о намѣреніи Америки стать на помощь украинскому еврейству. Оно печатно выразило свое полное удовлетвореніе по этому поводу, вновь указывая на свое тяжелое положеніе между большевиками, арміями Деникина и Галлера, при полномъ отсутствіи помощи со стороны иностранныхъ державъ. Петлюра предложилъ въ связи съ этимъ, чтобы всѣ украинскія миссіи, находящіяся за-гра-

ницей, сообщили посольствамъ Соединенныхъ Штатовъ объ его личной готовности, а также о готовности украинскаго правительства, предоставить себя въ распоряженіе всѣхъ американскихъ органовъ, которымъ будетъ поручена защита еврейскихъ интересовъ на Украинѣ.

Увы — и на сей разъ все закончилось приведенными газетными сообщеніями. Прекрасныя намѣренія Лансинга такъ и не осуществились. Еврейство попрежнему оставалось беззащитнымъ среди океана анархіи и разнузданности преступныхъ элементовъ. Украинское-же демократическое правительство попрежнему не имѣло достаточныхъ силъ для одновременной борьбы противъ нѣсколькихъ враговъ и параллельнаго поддержанія порядка даже на той небольшой территоріи, которая находилась еще тогда подъ его номинальной властью . . .

Такова судьба всѣхъ новыхъ, молодыхъ движеній. Косность и привычка къ старой картѣ Восточной Европы, агитація извѣстной части многочисленныхъ представителей всероссійской интеллигенціи съ централистическими взглядами, вооруженныхъ знаніемъ языковъ, внѣшнимъ лоскомъ и свѣтскимъ воспитаніемъ, создавали атмосферу недовѣрія къ украинскому движенію. Враги его не брезгали клеветой для того, чтобы представить украинскія политическія партіи и правительство одновременно и большевиками, и реакціонерами-погромщиками. Вотъ почему, и Лансингъ, и англійское правительство такъ долго и упорно поддерживали Деникина и Колчака. Съ другой стороны искренняя любовь къ Россіи такихъ патріотовъ и безукоризненныхъ дѣятелей, какъ Родичевъ, Чайковскій, Б.-Брешковская и др., и ихъ же-

ланіе видѣть ее вновь великой и мощной, не могли вначалѣ не импонировать Западной Европѣ и Америкѣ. Ошибочность же ихъ схемъ и построеній и незнаніе, непониманіе ими настоящихъ, новыхъ стремленій народовъ старой Россіи, обнаружилось значительно позже, когда арміи Деникина и Колчака, вооруженныя Англіей и Америкой, выявили себя въ зенитѣ своей силы, какъ носители самой мрачной реакціи и антисемитизма.

Въ своемъ докладѣ о положеніи евреевъ на Украинѣ и о погромахъ эпохи Директоріи и эпохи Деникина, сдѣланномъ на конференціи еврейскихъ организацій въ Карлсбадѣ, извѣстный сіонистъ и общественный дѣятель Темкинъ устанавливаетъ, что изъ всѣхъ погромовъ, бывшихъ на Украинѣ, самыми ужасными, самыми жестокими были погромы, учиненные Добровольческой арміей Деникина. Еврейскія массы были объявлены внѣ закона. «Новая власть», справедливо отмѣчаетъ Темкинъ, «принесла съ собой весьма опредѣленный офиціальныи антисемитизмъ, она анулируетъ гражданское и національное равенство, принесенное революціей, удаляетъ еврейскихъ офицеровъ и еврейскихъ солдатъ со всѣхъ фронтовъ, не смотря на самое добросовѣстное исполненіе ими своего военного долга.»

Далѣе, Темкинъ цитируетъ рядъ приказовъ начальниковъ штабовъ, комендантовъ городовъ и другихъ агентовъ власти, о такомъ удаленіи евреевъ изъ арміи, декреты объ устраненіи евреевъ-гласныхъ изъ земскихъ и городскихъ учрежденій, запреты защиты еврейскихъ интересовъ въ печати, факты увольненія отъ службы всѣхъ, кто только позволялъ себѣ выражать неодобреніе и протесты противъ

еврейскихъ погромовъ. Возобновляются ограничѣнія евреевъ въ области правъ на получение средняго и высшаго образованія, процентная норма . . .

Когда-же еврейская делегация обратилась въ Одессѣ къ Деникину съ просьбой выпустить декларацію о равенствѣ гражданскихъ правъ евреевъ въ Россіи, онъ отвѣтилъ отказомъ. «Онъ поддерживалъ тенденціи погромщиковъ и остается отвѣтственнымъ предъ исторіей за пролитіе еврейской крови наравнѣ съ фактическими погромщиками», таковъ приговоръ, который произноситъ Темкинъ надъ Деникинымъ . . .

Весьма цѣнными являются въ докладѣ Темкина также и указанія на существованіе при арміи Деникина специальной прессы, при непосредственномъ участіи всѣхъ старыхъ російскихъ черносотенныхъ публицистовъ. Во главѣ «Освага» въ Кіевѣ былъ поставленъ А. Савенко . . .

Антисемитская кампанія велась, подъ руководствомъ высшаго командованія, официальнымъ военнымъ органомъ «Заря».

Но самое потрясающее впечатлѣніе въ докладѣ Темкина производятъ приводимые имъ факты прямого участія офицеровъ въ грабежахъ и вымогательствахъ. Одинъ изъ начальниковъ отряда прямо заявляетъ, что «мы пришли не для борьбы съ большевиками, а для войны съ евреями.» Изъ солдатъ особенную жестокость проявляютъ чеченцы.

Погромъ въ Фастовѣ превзошелъ, по свидѣтельству Темкина, все, что было въ наше время, столь богатое погромами.

Я не буду повторять всѣхъ ужасовъ, о которыхъ повѣствуетъ Темкинъ, останавливаясь на фастов-

скомъ погромѣ, и не намѣренъ становиться на путь параллелей и сравненій фастовскихъ звѣрствъ деникинской арміи съ ужасами Проскурова и Балты . . .

Не въ томъ центрѣ тяжести, сколько оказалось жертвъ и сколь изысканными были жестокости въ одномъ и въ другомъ случаѣ. Важно другое — кто творилъ погромы и какія побужденія были у зачинщиковъ. И я заимствую изъ доклада Темкина лишь указанія на то, что въ Фастовѣ всѣ цѣнные вещи, рояли, мѣха, серебро, брилльянты, похищались офицерами и сопровождавшими ихъ дамами . . . Одинъ изъ офицеровъ стянулъ кольцо съ пальца Потіевскаго, еврея, жителя Фастова.

Въ Кіевѣ всѣ погромныя жестокости происходили подъ руководствомъ офицеровъ. «Освагъ», «Кіевлянинъ» и «Вечерніе Огни» измышляютъ всяческія обвиненія противъ евреевъ и торжествуютъ по поводу погромовъ . . . Въ Подольской губерніи, куда откатывается изъ Кіева Деникинская армія, по словамъ очевидцевъ, возобновляются всѣ способы средне-вѣковыхъ истязаній и пытокъ: евреевъ жгутъ живыми, при помощи керосина и масла. Темкинъ называетъ имена полковниковъ, руководившихъ этими погромами.

Къ докладу Темкина приложены копіи подлинныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о прямой виновности многихъ высшихъ чиновъ Деникинской арміи въ травлѣ еврейства и устройствѣ погромовъ.

Особенно поражаетъ система провокаціи и іезуитскихъ приемовъ, которые сквозятъ въ содержаніи этихъ документовъ. Никогда нельзя было себѣ представить, какіе низменные и звѣрскіе инстинкты таились въ той средѣ, которая составляла оплотъ и

опору самодержавія. Утонченная, ненормальная, садистическая жестокость проявляется нѣкоторыми изъ этихъ отпрысковъ стараго режима, вмѣстѣ со своими знакомыми дамами они упиваются безнаказанной возможностью истязанія евреевъ. Я приведу изъ серіи документовъ Темкина наиболѣе характерныя выдержки.

17-го января 1920 года комендантъ Бѣлгородскаго полка сообщаетъ изъ Тихорѣцкой коменданту военной области въ Новороссійскѣ, что въ послѣднихъ прибывшихъ подкрѣпленіяхъ имѣется много солдатъ евреевъ, которые указываютъ солдатамъ на «вредность для арміи погромовъ евреевъ и инородцевъ». Комендантъ усматриваетъ въ этомъ признаки «большевистской пропаганды», причемъ поясняетъ, что по его приказу военно-полевой судъ уже разстрѣлялъ 10 изъ этихъ евреевъ. Въ заключеніе онъ проситъ освободить его полкъ отъ дальнѣйшей присылки еврейскихъ элементовъ.

20-го декабря 1919 года Главный Военный Штабъ командованія арміями Одесскаго района выдалъ унтеръ-офицеру Симону Гальштейну на руки удостовѣреніе, что послѣдній, въ виду его еврейскаго происхожденія, совершенно вычеркнуть изъ списка по мобилизаціи офицеровъ. «Согласно приказу Командующаго всѣми силами Юга Россіи названный Гальштейнъ будетъ вновь мобилизованъ на общихъ условіяхъ, въ качествѣ простаго солдата.»

Главный врачъ втораго госпиталя въ Таганрогѣ секретно пишетъ своимъ подчиненнымъ врачамъ, чтобы они не принимали въ госпиталь евреевъ-солдатъ и офицеровъ, подъ предлогомъ отсутствія мѣста. Мотивируетъ это распоряженіе старшій

врачъ тѣмъ, что ему уже сдѣлано было высшимъ командованіемъ замѣчаніе на недопустимость, чтобы госпиталь былъ наводненъ евреями, въ виду ихъ вреднаго вліянія на солдатъ и раненыхъ.

Комендантъ станціи Синельниково получилъ за подписью Май-Маевского телеграфный приказъ по линіи о томъ, чтобы ему ежедневно по телеграфу сообщали о количествѣ убитыхъ евреевъ въ поѣздахъ, которые проходятъ каждый данный вокзалъ. Онъ требуетъ строжайшаго запрета всякихъ демонстрацій со стороны еврейства по поводу этихъ убійствъ.

Тотъ-же Май-Маевскій, по приказу высшаго командованія, даетъ адскую по замыслу служебную телеграмму въ Кременчугъ, Полтаву и другіе города, съ приказомъ «задерживать наступленіе и всячески стараться такъ устроить, чтобы во всѣхъ городахъ съ большимъ количествомъ еврейскаго населенія раньше побывали войска Григорьева, Петлюры и красныхъ.»

Циркулярный приказъ отъ 22-го декабря 1919 года начальника службы пропаганды въ области Войска Донскаго, Калашникова, между прочимъ, предписываетъ удаленіе всѣхъ евреевъ со всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, «какъ элемента, избѣгающаго воинской повинности и препятствующаго освобожденію Россіи отъ иностраннаго ига.»

Въ докладѣ отъ 12-го августа 1919 года комиссаръ Екатеринославской полиціи по 3-му участку сообщаетъ екатеринославскому губернатору о томъ, что евреи кричатъ на нѣкоторыхъ улицахъ по ночамъ лишь для симулированія нападенія на нихъ со стороны казаковъ, на самомъ же дѣлѣ они хотятъ этими криками подать сигналъ краснымъ,

позиціи коихъ расположены вблизи города, причемъ крики должны означать, что добровольческая армія разложилась и предается грабежамъ.» «Это дѣлается съ цѣлью пріободренія красныхъ и облегченія ихъ наступленія.» Далѣе, комиссаръ сообщаетъ, что онъ уже принялъ мѣры къ прекращенію этихъ криковъ, передалъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ евреяхъ, подозрительныхъ въ принадлежности къ большевизму, военно-полевому суду, причемъ виновные уже арестованы.

Знаменательно при этомъ, какъ заподозрѣнные уже на слѣдующей строкѣ оказываются виновными.

25-го октября 1919 года генераль Корвинъ-Круковскій въ приказѣ по войскамъ сообщаетъ, что когда его войска покидали Екатеринославъ, изъ оконъ еврейскихъ домовъ въ нихъ стрѣляли, причемъ этими выстрѣлами много солдатъ и даже офицеровъ оказались убитыми. «Дома, изъ которыхъ стрѣляли, были отмѣчены.» Генераль приказываетъ ко времени будущаго занятія Екатеринослава подвергнуть эти дома энергичному обстрѣлу и предлагаетъ подвергнуть всѣхъ мужчинъ, живущихъ въ этомъ кварталѣ, самымъ жестокимъ наказаніямъ. Кромѣ того, онъ обѣщаетъ своимъ «бравымъ солдатамъ», что имъ «будетъ дано право въ теченіе трехъ дней и скать вовсѣхъ еврейскихъ кварталахъ преступниковъ, стрѣлявшихъ въ моихъ солдатъ и офицеровъ.»

А вотъ образчикъ правосудія, приговоръ военно-полевого суда въ Воронежѣ, отъ 22-го октября 1919 года.

Предсѣдатель-капитанъ Коноваловъ, члены суда — три офицера. На скамьѣ подсудимыхъ Сура

Вайсманъ, обвиняется въ томъ, что заманила въ свою квартиру солдата отряда Коновалова, гдѣ и убила его кухоннымъ ножомъ. Затерши своей рубахой слѣды крови, она отнесла при помощи необнаруженныхъ лицъ трупъ на улицу, гдѣ онъ и былъ найденъ утромъ 8-го октября. Въ виду ухода изъ города на разсвѣтѣ той части, къ которой принадлежалъ убитый, трупъ не былъ опознанъ.

Имѣя въ виду эти обстоятельства дѣла, выслушавъ объясненія подсудимой о томъ, что кровь на найденной у нея рубахѣ происходитъ отъ менструацій, выслушавъ также заключеніе корпуснаго врача арміи, д-ра Кривошеина, подтвердившаго, что кровь на рубахѣ менструаціонная, судъ призналъ подсудимую Вайсманъ виновной въ убійствѣ солдата, имя котораго не могло быть установлено, и приговорилъ ее къ смертной казни. Вердиктъ былъ прочитанъ подсудимой черезъ одинъ часъ послѣ состоявшагося приговора. Черезъ 2 часа приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Слѣдуютъ подписи предсѣдателя и членовъ суда.

Но самымъ потрясающимъ по своему содержанію документомъ изъ всей серіи, собранной Темкинымъ, является письмо, за подписью «Степанъ», написанное на бланкѣ адъютанта спеціального отдѣла кавалеріи генерала Шкуро, въ которомъ буквально значится слѣдующее:

«Мой дорогой Костя, приходи въ наше помѣщеніе сегодня вечеромъ, въ 7 часовъ, выпить съ нами чашку чая. Мы собираемся показать тебѣ нѣчто весьма занимательное. Денисъ подобралъ маленькаго еврейчика, котораго онъ называетъ «комиссаромъ» и которымъ онъ думаетъ позабавиться въ этотъ вечеръ

самымъ веселымъ образомъ. Онъ приготовилъ нѣчто
вродѣ короны и бамбуковой палки. Онъ надѣнетъ
корону на голову маленькаго еврейчика и будетъ
ее сдавливать при помощи палки до тѣхъ поръ, пока
черепъ еврея лопнетъ. Не правда-ли это заниматель-
но? Воображаю, что будетъ вытворять жидокъ!
Кстати, Ирина Петровна и Анна Николаевна тоже
будутъ присутствовать. Я рассчитываю на тебя! . . .»

Предъ такимъ изощреннымъ «интеллигентскимъ»
садизмомъ блѣднѣютъ даже подвиги «дикихъ запо-
рожцевъ», Козырь-Зырки и др.

ГЛАВА XXIV.

Погромы эпохи Директоріи и погромы Деникинской Арміи.
Параллели. Народы и правительства.

Предо мною отчетъ о погромахъ, представленный Комитетомъ помощи жертвамъ погромовъ при Російскомъ Красномъ Крестѣ въ Кіевѣ. Въ этомъ отчетѣ указывается, что ни при Центральной Радѣ, ни при Скоропадскомъ, ни въ первые два мѣсяца правления Директоріи погромовъ не было. Погромы начались послѣ поражений, которыя были нанесены войскамъ Директоріи большевиками. «Чѣмъ больше были эти пораженія, чѣмъ больше войска Петлюры были вынуждаемы къ отступленію, тѣмъ болѣе жестоко они мстили невинному еврейскому населенію, которое они уподобляли коммунистамъ. Кличь: «долой евреевъ и коммунистовъ», или-же: «всѣ евреи — коммунисты» были провозглашены по Украинѣ и вызывали всюду погромы».

Это объясненіе генезиса погромовъ всецѣло совпадаетъ съ тѣмъ заявленіемъ, которое было представлено въ телеграммѣ Темницкаго и Василько отъ 1-го августа 1919 года. Въ теченіе столѣтій населеніе всей Россіи слышало отъ правительства обвиненія еврейства во всѣхъ бѣдствіяхъ міра. Темныя, невѣжественныя массы вѣрили даже легендамъ о ритуальныхъ убійствахъ евреями христіанскихъ дѣтей — и только «знатоки» утверждали, что евреи убиваютъ

лишь мальчиковъ. Карабчевскій въ первой части своихъ воспоминаній («Что глаза мои видѣли») рассказываетъ, какъ еще въ дѣтствѣ его мать читала ему «Новый Заветъ», причѣмъ няня или горничная, когда чтеніе доходило до мукъ Иисуса Христа, восклицала: «Жидовины поганые, таки замучили Христа!» (стр. 23).

Погромы 80-хъ годовъ, Кишиневскій и Гомельскій погромы возникали лишь на основаніи ложныхъ слуховъ и обѣщаній обезнаказанности грабежей въ теченіе трехъ дней. На сей разъ участіе евреевъ въ большевистскомъ движеніи было уже не слухомъ, а фактомъ, который весьма легко было раздуть и преувеличивать. Вообще, нѣтъ ничего страшнѣе той лжи и клеветы, въ которыхъ есть начало, часть, хотя бы только кусочекъ правды. Съ другой стороны, безнаказанность грабежей была уже не трехдневная, а безсрочная, за отсутствіемъ властей предержавшихъ. Ибо какая-же власть могла существовать при паникѣ отступленія предъ «войсками Троцкаго»... При такихъ условіяхъ создавалась благопріятная почва и для грабительскихъ инстинктовъ разложившихся частей арміи, и для развитія идейнаго изувѣрства Семесенокъ и Ко., и для провокаторовъ изъ русскаго черносотеннаго лагеря, погромщиковъ по убѣжденію, желающихъ одновременно скомпрометировать погромами украинское движеніе.

Все это не есть, конечно, оправданіе, а одно лишь объясненіе генезиса погромовъ временъ Директоріи.

Совершенно иная картина разворачивается при сравненіи этой полосы погромовъ съ началомъ по-

громовъ Деникинской арміи. Здѣсь дѣло уже не въ отступленіи и связанномъ съ нимъ хаосѣ. Наоборотъ, чѣмъ удачнѣе наступленіе, тѣмъ организованиѣе идетъ пропаганда сверху и тѣмъ сильнѣе и планомернѣе развиваются погромы. Если въ украинской регулярной арміи начало порчи было въ ея хвостѣ, то здѣсь ядъ разложенія шель отъ головы. Какъ мы уже видѣли, Деникинскіе офицеры прямо заявляли, что они воюютъ не съ большевиками, а съ еврействомъ . . . «Бей жидовъ и спасай Матушку Россію! . . .»

Конечно, и въ Деникинской арміи было много элементовъ чисто грабительскаго типа. Но самое страшное заключалось въ закоренѣломъ антисемитизмѣ главарей, окружавшихъ Деникина, и въ ихъ садистической ненависти къ еврейству. Я лично не склоненъ думать, что самъ Деникинъ хотѣлъ погромовъ. Даже и онъ, при всемъ его антисемитизмѣ, не могъ не понимать гибельнаго значенія погромовъ для его же арміи. Но и онъ былъ безсиленъ въ этомъ отношеніи, да и не имѣлъ склонности выступить въ защиту евреевъ.

Вторая характерная черта, которая отличаетъ само теченіе погромовъ той и другой ихъ полосы, заключается въ томъ, что среди войскъ арміи Петлюры все же наблюдались случаи, когда отдѣльнымъ лицамъ или частямъ удавалось предотвращать или пріостанавливать погромы. Два изъ такихъ случаевъ цитируетъ въ своемъ докладѣ Темкинъ. Другіе два случая приводятся въ докладѣ Ком. помощи жертвамъ погромовъ. Въ Коростенѣ 13-го марта 1919 года солдаты Красной арміи учинили еврейскій погромъ. Подоспѣвшіе солдаты арміи Петлюры, которые

вели тогда наступленіе, пріостановили этотъ погромъ. Въ Бѣлой Церкви украинская армія, смѣнившая въ августѣ армію Шкуро и красныхъ, послѣдовательно громившихъ мѣстечко, вела себя вполне достойно, пока ее не смѣнили, въ свою очередь, банды Зеленаго, учинившіе немедленно погромъ. Затѣмъ несчастное мѣстечко извѣдало нападеніе бандъ Соколова, послѣ чего командованію украинской арміи вновь удалось установить на короткое время порядокъ...

Въ Лубнахъ погромъ былъ избѣгнутъ благодаря тому, что въ рядахъ украинской арміи нашлось 100 человекъ, которые вышли съ оружіемъ въ рукахъ противъ погромщиковъ. 14 изъ нихъ погибло, но городъ былъ спасенъ. И мнѣ вспомнилось при чтеніи этой части доклада о Лубнахъ, что и въ 1905 году образовавшійся тамъ городской комитетъ обороны тоже спасъ тогда городъ отъ погрома...

Такихъ фактовъ Деникинская армія не знала. Тамъ за такое заступничество и защиту евреевъ «виновныхъ» постигало увольненіе со службы...

Третья параллель, весьма невыгодная для арміи и правительства Деникина, получается при сопоставленіи декларацій украинскаго правительства по еврейскому вопросу, законовъ о персонально-національной автономіи и еврейскихъ общинахъ — съ ограничительными нормами для евреевъ въ царствѣ Деникина по образованію, гражданской и военной службѣ. Здѣсь, среди украинскаго правительства, стремленіе привлечь представителей еврейства ко всѣмъ ступенямъ государственной службы, тамъ, у Деникина, исключеніе евреевъ-офицеровъ изъ арміи, гласныхъ-евреевъ изъ земствъ и городскихъ думъ. А между тѣмъ сколько евреевъ съ самого начала

пошло добровольцами къ Колчаку и Деникину. Сколько евреевъ, воспитанныхъ на русской культурѣ, пошли умирать за Россію, бывшую всегда ихъ мачехою! И съ другой стороны, какая маленькая горсточка насъ, евреевъ, примкнула съ начала второй революціи къ украинскому движенію . . . Конечно, въ этомъ фактѣ не было ничего удивительнаго. Принципы Вильсона прозвучали еще такъ недавно, осуществленіе украинскимъ народомъ своего права на самоопредѣленіе было еще такимъ новымъ, свѣжимъ явленіемъ, что не только обыватель, но и еврейская интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, не усвоили себѣ и не осмыслили всего происшедшаго. Но фактъ все же остается фактомъ . . . Евреи были представлены весьма значительно и въ рядахъ большевиковъ, и, вначалѣ, въ рядахъ Деникинской арміи. Съ украинскимъ движеніемъ изъ евреевъ пошли лишь нѣсколько человекъ.

Съ Добровольческой же арміей Деникина, Юденича и Колчака рука объ руку шли представители російскихъ и еврейскихъ капиталовъ, крупной индустріи. И даже послѣ всѣхъ погромовъ Деникинской арміи на кличъ его замѣстителя, Врангеля, вновь поѣхали и капиталисты, и промышленники.

Наконецъ, еще одна изъ многихъ параллелей, отбѣняющихъ разницу въ характерѣ Деникинскаго и украинскаго движенія. Въ Кіевѣ, въ присутствіи Драгомирова и Бредова, шелъ открыто еврейскій погромъ. Никогда ничего подобнаго не бывало въ мѣстѣ нахожденіи Директоріи, будь то въ Кіевѣ, Винницѣ или Каменецъ-Подольскѣ. Кіевское населеніе знаетъ, по горькому опыту, разницу между этими двумя «режимами».

И все-же, несмотря на всё эти весьма существенныя обстоятельства, за границей куда больше знают о погромахъ «Петлюровцевъ», нежели о погромахъ Деникинской арміи, не взирая на то, что послѣдніе и количественно, и качественно значительно превзошли первые. Объясняется это не только пропагандой общероссійскихъ круговъ, имѣвшихъ старыя связи и большія средства въ Америкѣ и Западной Европѣ, но и тѣмъ безспорнымъ фактомъ, что первая по времени серія погромовъ должна была привлечь къ себѣ наибольшее вниманіе, вызвать наибольшій взрывъ и негодованіе общественнаго мнѣнія. Такова психологія общечеловѣческая, таковы естественныя законы человѣческой природы . . .

Кишиневскій погромъ 1903-го года произвелъ огромное впечатлѣніе на весь читающій и мыслящій міръ, въ процессѣ объ этомъ погромѣ участвовали всѣ лучшія силы россійской адвокатуры. Объяснялось это долгимъ затишьемъ въ области погромовъ послѣ 80-хъ годовъ, небывалой жестокостью этого погрома и явной виновностью Плеве и его агентовъ. Большое вниманіе выпало и на долю процесса о гомельскомъ погромѣ, такъ какъ это былъ первый погромный процессъ, который слушался при открытыхъ дверяхъ. Но когда въ 1905 году разразилось свыше трехсотъ погромовъ, то чувствительность общества оказалась уже притупленной. Западная Европа и Америка реагировали уже не такъ горячо, какъ послѣ Кишинева. Процессы объ этихъ погромахъ проходили уже въ болѣе скромной обстановкѣ и обслуживались по большей части мѣстными адвокатскими силами.

Когда въ городѣ или мѣстечкѣ послѣ долгаго «без-

пожарнаго» промежутка огонь съѣдаетъ значительное количество строеній, въ которыхъ жили бѣдные люди, немедленно учреждается комитетъ помощи пострадавшимъ, зажиточные люди и свѣтскія дамы проявляютъ огромную энергію, собираются очень внушительныя суммы. Но если вскорѣ послѣ этого снова случается еще болѣе сильный пожаръ или если землетрясеніе или наводненіе уничтожаютъ хотя бы три четверти города, то во второй разъ сила впечатлѣнія отъ несчастья значительно убываетъ, тѣ же люди, которые проявляютъ при первомъ несчастіи столько энергіи, въ повторныхъ случаяхъ оказываются вялыми и апатичными.

Февральскіе и мартовскіе погромы 1919 года разыгрались еще въ бытность французовъ въ Одессѣ. Все же еще работала телеграфъ, хотя-бы французскій проводъ, еще ходили сравнительно регулярно поѣзда. Но съ каждымъ днемъ всѣ средства сообщенія украинскихъ городовъ и мѣстечекъ между собой уничтожались, равно какъ и возрастала степень отрѣзанности Украины отъ остального міра. Свѣдѣнія о погромахъ арміи Деникина уже просачивались съ большимъ опозданіемъ, не регулярно и безсистемно. Точно также очень мало извѣстно за границей о погромахъ красной арміи, начавшихся послѣ упадка дисциплины въ ея рядахъ на Украинѣ, о жуткихъ звѣрствахъ красной конницы Буденнаго. О погромахъ же арміи Врангеля даже люди, слѣдящіе, подобно мнѣ, весьма аккуратно за свѣдѣніями въ этой области, знаютъ лишь по слухамъ.

Что касается погромовъ, которые чинили разнаго рода банды, то на нихъ останавливаться не приходится, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти банды

слагались исключительно изъ искателей наживы, легкой правдой жизни и разгула за счетъ несчастнаго еврейскаго населенія. Вожаки этихъ бандъ часто мѣняли свою фирму. Вначалѣ они заявляли себя коммунистами, затѣмъ сторонниками украинскаго движенія. Нѣкоторые протягивали руку Деникинской арміи¹⁾. Мнѣ рассказывали въ Каменецъ-Подольскѣ (осень 1919 г.), что однажды Махно и даже, кажется, Зеленый, выпустили неожиданно антипогромныя воззванія, въ которыхъ указывалось на позорность грабежа . . .

Общность операцій противъ большевиковъ, общій фронтъ связывали иногда регулярныя войска какъ украинскаго правительства, такъ и Деникина, съ этими бандами. Даже самая отдаленная связь регулярной украинской арміи съ бандами Струка и др., приводила меня лично въ отчаяніе, явилась одной изъ причинъ моего ухода изъ состава Парижской Делегации. Но съ другой стороны надо помнить, что неумолимые законы войны часто приводятъ не только къ такого рода контакту въ области чисто-техническихъ операцій (распредѣленіе силъ на фронтѣ, маневры и т. д.), но даже и къ противоестественнымъ союзамъ. Развѣ союзъ республиканской Франціи съ Россіей временъ Кишинева, Плеве и Распутина не былъ явленіемъ весьма ненормальнымъ? И развѣ державы Антанты отказались отъ союза съ Россіей, когда ея регулярныя войска ураганомъ пронесли по Галиціи, грома и грабя еврейское населеніе?

¹⁾ Примѣчаніе. Въ докладѣ Темкина приводятся свѣдѣнія о соглашеніи между арміей Деникина и бандами Казакова, Лазаренко, Закусило и Приходько.

Есть еще одна психологическая черта, рѣзко отдѣляющая отношеніе мало осѣдомленныхъ широкихъ круговъ къ личности вождей украинскаго движенія и къ генераламъ Добровольческой арміи. Деникинъ въ качествѣ военнаго по специальности, бывшій генераломъ еще при существованіи россійской регулярной арміи, апріорно предполагается человѣкомъ реакціоннаго и антисемитскаго направленія. Но къ писателю Винниченкѣ и особенно къ «бухгалтеру» Петлюрѣ¹⁾ предъявляются совершенно иныя требованія. Вообще, людямъ «знатнаго» происхожденія, продѣлавшимъ большую бюрократическую карьеру, обывательская мораль, въ подсознательномъ пѣтетѣ къ ихъ блеску и величію, часто прощаетъ не только весьма скверныя повседневныя «шалости», но даже и самыя безчеловѣчныя преступленія противъ цѣлаго народа. Иное дѣло люди «нисшихъ» сословій и представители либеральныхъ и чисто трудовыхъ профессій. Имъ ставятъ въ сугубую вину малѣйшую неосторожность, къ нимъ предъявляютъ самыя суровыя требованія. Если бы Деникинъ издалъ даже съ запозданіемъ хотя бы одну декларацию, тождественную по содержанію съ воззваніями Петлюры и Украинскаго Правительства, то это произвело-бы куда болѣе сильное и выгодное для Добровольческой арміи впечатлѣніе, нежели всѣ деклараціи Петлюры. Слишкомъ глубоко еще сидитъ въ народахъ бывшей Россіи рабское чувство. Всякое милостивое слово барина цѣнится больше, нежели искреннія

¹⁾ Примѣчаніе. Петлюра, дѣйствительно, служилъ одно время въ отдѣлѣ бухгалтеріи Восточнаго Транспортнаго Общества въ Москвѣ. Одновременно онъ редактировалъ тогда въ Москвѣ журналъ «Украинская Жизнь».

заявленія подлинныхъ демократовъ, запечатлѣвшихъ служеніе угнетенному народу не генеральскими эполетами, а сидѣніемъ въ тюрьмахъ и скромной, непритязательной личною жизнью интеллигента — труженика.

Никогда цѣлый народъ не можетъ быть въ роли подсудимаго. Нѣтъ «плохихъ» и «хорошихъ» народовъ, а есть лишь разныя ступени развитія каждаго даннаго народа. Есть болѣе культурные и менѣе культурные, болѣе дикіе и менѣе невѣжественные народы. Чѣмъ болѣе забитымъ и темнымъ является большинство населенія страны, тѣмъ острѣе формы его недоброжелательности къ тому меньшинству, которое живетъ среди него и имѣетъ свою особую религію, особые обычаи и нравы.

Мнѣ привелось жить одно время въ Ліонѣ, въ мелко-буржуазной французской семьѣ, которая сдавала комнаты со столомъ. Тамъ же жилъ и столовался японецъ, студентъ ліонскаго университета. Всѣ его манеры, движенія, привычки служили для хозяевъ-французовъ излюбленнымъ предметомъ издѣвательства въ его отсутствіи. А между тѣмъ это былъ весьма культурный и интеллигентный человекъ . . . Однажды онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ, у него собралась вся ліонская колонія японской молодежи. И когда нѣкоторые изъ нихъ, поусердствовавши въ отношеніи спиртныхъ напитковъ, охмелѣли, они забыли о моемъ присутствіи и стали подтрунивать надъ европейскими и специально французскими обычаями . . .

Терпимость и умѣніе понимать всю естественность различій въ нравахъ разныхъ народовъ требуетъ извѣстнаго уровня культуры. Такой уровень не могъ

быть удѣломъ народовъ, коснѣвшихъ во тьмѣ и невѣжествѣ подъ игомъ російскаго самодержавія. Въ этомъ отношеніи всѣ народы бывшей Россіи, а въ томъ числѣ и ея еврейское населеніе, являются естественнымъ продуктомъ того режима, въ которомъ они воспитались. Мы всѣ жестоко заблуждались, когда думали, что съ паденіемъ рабовладѣльцевъ и ихъ строя рабы сразу превратятся въ истинныхъ свободныхъ гражданъ. Институтъ рабства одинаково развращаетъ обѣ стороны. Фраза Керенскаго о «взбунтовавшихся рабахъ» есть лучшее изъ всего того, что имъ сказано въ дни его подъема и экстаза.

Говорятъ объ особенномъ антисемитизмѣ украинскаго, польскаго и румынскаго народовъ. Опять таки весь вопросъ сводится къ степени культурности этихъ народовъ, къ большому сравнительно количеству еврейскаго населенія въ этихъ странахъ, нежели въ Великороссіи, Сибири или на Дону и на Кавказѣ. А главное — антисемитизмъ насаждался изъ центра больше всего тамъ, гдѣ жили еврейскія массы, въ чертѣ осѣдлости.

И все-же, какъ свидѣтельствуютъ многіе источники, въ томъ числѣ докладъ Темкина, самыми жестокими погромщиками въ рядахъ арміи Деникина оказались не украинцы, а чеченцы. Вообще, въ арміи Деникина украинцы составляли сравнительно незначительную ея часть. Въ ея рядахъ были и великороссы, и донцы и т. д.

И во всякомъ случаѣ надо быть осторожнымъ съ обобщеніями.

Подобно тому, какъ мы, евреи, справедливо слагаемъ съ себя отвѣтственность за всѣ дѣянія комиссаровъ-евреевъ и за гнусные поступки тѣхъ евреевъ,

которые принимали участіе въ работѣ большевистскихъ чрезвычайекъ, такъ и украинскій народъ имѣетъ полное право отречься отъ своихъ подонковъ, запятнавшихъ себя погромными преступленіями. Пускай среди украинскаго народа есть 200, 300, 500 тысячъ злодѣевъ-погромщиковъ, но этого нельзя распространять на остальные 30 съ лишнимъ миллионъ коренного украинскаго населенія. И когда мы говоримъ: «всѣ украинцы — погромщики», мы уподобляемся тѣмъ, кто утверждаетъ, что «всѣ евреи — большевики».

Если же количество погромщиковъ и злодѣевъ среди украинскаго народа оказалось неизмѣримо большимъ, нежели количество садистовъ-евреевъ въ чрезвычайкахъ, то остается только глубоко пожалѣть о первомъ изъ этихъ явленій и порадоваться, что среди еврейства жестокость и дикость были проявлены и количественно, и качественно въ значительно меньшей степени.

«Нѣтъ плохихъ народовъ.» Но бываютъ очень плохія правительства, плохіе законы. Еврейское безправіе приводило въ Россіи къ тому, что еврейская молодежь росла въ ненормальныхъ условіяхъ, въ тѣснотѣ и удушливой атмосферѣ «черты». Ея жажда къ знанію и просвѣщенію въ большинствѣ случаевъ удовлетворялась чтеніемъ демагогическихъ брошюръ, въ которыхъ рисовался будущій социалистическій рай. Процентная норма приводила къ соревнованію еврейскихъ дѣтей между собой уже въ раннемъ возрастѣ, у порога гимназіи, такого рода «спортъ» врядъ ли могъ оказывать благотѣльное вліяніе на молодыя души. Затѣмъ начиналась «протекція», иногда подкупъ . . . Для того, чтобы попасть въ

учебное заведеніе, всѣ средства казались еврейству, народу книги, пріемлемыми. А между тѣмъ какой слѣдъ оставался въ душѣ мальчика или юноши, который зналъ, что онъ принятъ благодаря протекціи, сыновья же сосѣдей, выдержавшіе экзамень лучше или не хуже его, не приняты . . . Трудность достиженія положенія, отличій, высокихъ должностей и на военной, и на гражданской службѣ развивала большое, оскорбленное самолюбіе, а параллельно съ симъ такое-же болѣзненное честолюбіе и сомнѣніе у тѣхъ немногихъ, кому удавалось, несмотря на всѣ препятствія, выдвинуться. Прибавьте ко всему этому общій фонъ безотрадной, тяжелой борьбы за нищенское существованіе еврейскихъ массъ, скученныхъ въ грязныхъ, пыльных мѣстечкахъ черты, издѣвательства и вымогательства полиціи . . .

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ еврейская молодежь проявила склонность къ максимализму во всѣхъ областяхъ жизни, въ вопросахъ социальныхъ и національныхъ. Неудивительно, если среди большевиковъ-комиссаровъ въ городахъ и мѣстечкахъ бывшей черты съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ оказалось такъ много евреевъ.

Что касается крестьянскаго населенія въ российскомъ государствѣ, то его жизнь регламентировалась нормами, созданными для крестьянъ почти рабское состояніе. Право передвиженія, право отлучиться изъ своей деревни — все это требовало разрѣшенія «начальства».

Умышленно-медленное распространеніе грамотности, задерживаемое правящими классами, первобытные способы сельскаго хозяйства, податная и воинская повинность при отсутствіи правъ гражда-

нина, были тѣми причинами, благодаря которымъ большинство крестьянства оставалось въ состояніи дикости и темноты. Тѣ-же изъ крестьянъ, которые уходили изъ села на отхожіе промыслы въ городъ или же переходили въ кадры рабочаго городского пролетаріата, получали отъ городской культуры главнымъ образомъ то, что заключалось въ ея нездоровыхъ росткахъ.

Когда пало самодержавіе, когда армія самочинно бросила фронтъ и побѣжала по домамъ, исчезли тѣ желѣзные обручи, которыми держалась огромная деревянная бочка. И бочка распалась, рассыпалась . . .

Все лучшее, честное и крѣпкое въ крестьянствѣ устояло и не поддавалось пьянящему угару отъ внезапно нагрянувшего полного освобожденія. Но зато все, что таило въ себѣ и село, и городъ преступнаго и злодѣйскаго, вышло наружу и воскресило старыя сказанія и былъ о великихъ російскихъ бунтахъ, о вольныхъ бандахъ разбойниковъ на Волгѣ, въ Сибири, о гайдамакахъ второй половины 18-го столѣтія . . . Главнымъ объектомъ для разбойничьихъ инстинктовъ было, конечно, еврейское населеніе, какъ наиболѣе чужое по религіи, и по одеждѣ, и, вообще, по внѣшнему виду и обычаямъ. Помѣщики успѣли ухъать или удачно укрыться, какъ и представители старой власти, полиціи. Впрочемъ, имъ достаточно было переодѣться въ скромное одѣяніе городского средняго обывателя, рабочаго или крестьянина и ухъать изъ мѣста ихъ постояннаго пребыванія. И они уже тонули въ безбрежномъ морѣ «христіанскаго населенія». Иное положеніе было у мирнаго и беззащитнаго еврейскаго населенія. Внѣшній видъ,

акцентъ, произношеніе отмѣчали въ большинствѣ случаевъ съ перваго же взгляда еврея. Это было весьма удобно и просто, облегчало работу погромщиковъ . . . Жажда крови, грабежа, половая разнузданность искали для себя оправданія въ томъ, что жидаы — и чужіе, и большевики. А когда украинскія надднѣпрянскія войска очутились въ Галиціи, явилась новая возможность легкаго противопоставленія и распознаванія «своихъ» отъ «чужихъ». «Свои» — это войско, «чужіе» — это галиційское населеніе. И начались нападенія на села и деревни, грабили и насилывали тѣхъ-же украинцевъ, но галиційскихъ, бывшихъ подданныхъ Австро-Венгріи . . .

ГЛАВА XXV.

Винниченко и Петлюра. Ихъ неосторожныя фразы и нерѣзительность въ періодъ первыхъ погромовъ.

Исходя изъ того глубокаго убѣжденія, что все украинскія правительства временъ Центральной Рады, и гетмана Скоропадскаго, и Директоріи абсолютно свободны отъ всякаго подозрѣнія въ отношеніи организаціи погромовъ или-же сочувствія таковымъ, я позволю себѣ теперь остановиться на вопросѣ о томъ, были ли Директорія и состоявшія при ней правительства всегда достаточно осторожными и умѣлыми въ дѣлѣ борьбы съ погромами и ихъ подавленія.

Какъ уже упоминалось выше, въ началѣ января 1919 года, послѣ избіеній евреевъ-пассажировъ въ Бахмачѣ или Конотопѣ шомполами, еврейская Делегация навѣстила Винниченко. По словамъ Делегации послѣдній обѣщаль предпринять возможные мѣры, но тутъ же обронилъ нѣсколько словъ о томъ, что еврейство поддерживаетъ большевиковъ, а также и фразу: «не ссорьте меня съ арміей».

Всякій, кто знаетъ Винниченко ближе, въ его домашней, интимной средѣ, никогда не повѣритъ, чтобы этотъ испытанный и вѣрный другъ всѣхъ угнетенныхъ народовъ не только враждебно, но даже недоброжелательно относился къ еврейству. Конечно, въ настоящемъ случаѣ у него могли вырваться опро-

метчивыя и неосторожныя слова. Но онъ былъ слишкомъ недавно «у власти» и по всей своей демократической сущности говорилъ съ Делегацией за просто, безхитростно, не подбирая словъ и выражений . . . Со всѣхъ сторонъ ему сообщали о томъ, что еврейство не сочувствуетъ украинскому движению, которымъ онъ въ то время былъ такъ цѣликомъ, весь захваченъ. «Не ссорьте меня съ арміей» значило, очевидно, что участіе евреевъ въ большевизмѣ можетъ создать усиленный антисемитизмъ въ арміи, преодолѣніе котораго окажется не подъ силу Директоріи и приведетъ къ «ссорѣ» верховной власти съ арміей.

Вообще, каждаго человѣка надо брать цѣликомъ, когда его судятъ. Нельзя по одной неосторожной фразѣ составлять сужденіе. Надо всегда учитывать и обстановку, и моментъ, когда эта фраза произносится. Участіе еврейства въ большевистскомъ движеніи вывело изъ состоянія душевнаго равновѣсія и трезваго, справедливо-объективнаго отношенія къ этому вопросу весьма многихъ испытанныхъ борцовъ за права и свободу того-же еврейскаго народа. Набоковъ совсѣмъ еще недавно, въ своей статьѣ о «Временномъ Правительствѣ», напечатанной въ первомъ томѣ «Архива Русской Революціи», счелъ почему-то необходимымъ отмѣтить, что подавляющая часть Совѣта Россійской Республики были евреи, что у Урицкого была наглая еврейская фізіономія (какъ будто не бываетъ наглыхъ не-еврейскихъ фізіономій) и что фамилія Нахамкесъ весьма неблагозвучна . . .

Но куда дальше зашелъ Карабчевскій во II-мъ томѣ его послѣдняго мемуарнаго произведенія: «Что глаза мои видѣли». На стр. 10 бывший защитникъ инте-

ресовъ еврейства въ Кишиневѣ и защитникъ Бейлиса, посѣдѣвшій въ судебныхъ бояхъ за правду и справедливость, утверждаетъ дословно слѣдующее: «Еврейство, вообще, склонно быть ржавчиной всякаго государства, оно незримо, но неустанно разлагаетъ его.» — «Если пророчество Достоевскаго сбылось и евреи погубили Россію, то остается самимъ русскимъ учеть этотъ жестокій урокъ и попробовать воскресить ее.»

Жутко и стыдно было читать эти строки, жутко за несчастное родное еврейство, стыдно за Карабчевскаго . . .

И если Карабчевскіе и даже Набоковы могли настолько утратить правильное пониманіе и оцѣнку всего происходящаго и чувство мѣры и справедливости, если изъ-подъ ихъ пера появились такія нелѣпныя обвиненія (Карабчевскій), или такія неудачныя выраженія (Набоковъ), то нельзя, въ такомъ случаѣ, быть очень строгимъ къ неосторожнымъ словамъ, которыя вырвались у Винниченка въ самомъ началѣ, когда вопросъ объ участіи евреевъ въ большевизмѣ еще не былъ и не могъ еще быть основательно изученъ и продуманъ.

О Карабчевскомъ говорить не приходится. Онъ уже весь въ прошломъ. Жаль, что онъ выпустилъ въ свѣтъ свои мемуары . . .

Иное дѣло Набоковъ. Отъ него можно еще и ожидать, и требовать многого. И нѣтъ сомнѣній, что онъ самъ теперь долженъ уже чувствовать, насколько неудачно и неэстетично звучать его замѣчанія объ Урицкомъ и Нахамкесѣ . . . Обывателю простиительно считать неблагозвучными имена «Хаимъ» или «Лейбъ», и находить красоту въ словѣ «лейбъ-гвардія» или «донъ-Хаиме», фамиліи знатнаго испанскаго

рода. Но В. Д. Набоковъ не есть средній обыватель . . . Всякій, кто знаетъ Набокова, никогда не повѣритъ, что онъ антисемитъ. А то, что таится гдѣ-то въ глубинѣ, въ наслѣдственной, подсознательной сферѣ, ему удастся, конечно, подавить въ себѣ и остаться прежнимъ Набоковымъ, рыцаремъ права и справедливости.

Куда больше объясняетъ причины погромовъ не злополучная фраза Винниченка, сказанная еврейской Делегациі, а его же искреннія строки во II-ой части «Відродження Націі» (стр. 216). «Часто бывало», пишетъ онъ, «что при Генеральномъ Секретаріатѣ¹⁾ около зданія, гдѣ засѣдало Правительство, на караулѣ стояли патрули съ большевистскимъ настроеніемъ. Если-бы они имѣли больше инициативы, они могли-бы въ любой вечеръ арестовать насъ, вывести въ поле и разстрѣлять.»

Но люди остаются людьми . . . Тотъ-же Винниченко, какъ непримиримый противникъ Петлюры, представителя болѣе умѣренныхъ, а по словамъ Винниченко мелко-мѣщанскихъ, буржуазныхъ теченій, обвиняетъ Петлюру въ томъ, что онъ не разстрѣлялъ Семесенко послѣ проскуровскаго погрома и ограничился лишь его арестомъ. Нѣтъ сомнѣній въ правильности взгляда Винниченка на злодѣйское, тяжкое преступленіе Семесенка. Является лишь вопросъ, могъ-ли въ то время Петлюра разстрѣлять Семесенко²⁾, или-же, быть можетъ,

¹⁾ Примѣчаніе. Рѣчь идетъ еще о періодѣ Центральной Рады, когда Винниченко былъ премьеромъ и секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ.

²⁾ Примѣчаніе. Семесенко считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и отчаянныхъ борцовъ съ большевиками. Полученныя имъ въ бояхъ 13 ранъ создали ему популярность среди его подчиненныхъ.

онъ самъ былъ въ такомъ положеніи, что его могли въ любой моментъ разстрѣлять фанатики и шовинисты украинской національной идеи, раздувшіе фактъ участія проскуровской еврейской молодежи въ большевизмъ въ ея попытку большевистскаго возстанія «изнутри». И если почти всѣ погромы эпохи Директоріи вызывались преимущественно жаждой грабежа, бессмысленныхъ жестокихъ убійствъ и гнусныхъ насилій, то въ Проскуровѣ главнымъ мотивомъ погрома являлась изувѣрская месть за участіе евреевъ въ большевизмъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и показанія проскуровскихъ-же евреевъ, и докладъ Комитета помощи жертвамъ погромовъ при Россійскомъ Красномъ Крестѣ.

Окончательное сужденіе о Семесенкѣ, этомъ звѣрѣ въ образѣ человѣка, какъ и судъ надъ всѣми ему подобными, впереди, онъ еще наступитъ. Тогда-же выяснятся и всѣ обстоятельства, всѣ мотивы, благодаря которымъ Семесенко не былъ разстрѣлянъ.

Вообще, Винниченко проявляетъ слишкомъ большую страстность въ оцѣнкѣ личности Петлюры. Онъ, видимо, не можетъ простить Петлюрѣ того факта, что послѣдній не допустилъ въ свое время перехода Директоріи на систему чисто совѣтской (радянско́й) власти.

И въ той характеристикѣ, которую онъ даетъ Петлюрѣ, чувствуется много субъективнаго раздраженія противъ своего главнаго политическаго противника. Это сквозитъ и въ тонѣ, и въ формѣ тѣхъ выраженій, къ которымъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ Винниченко.

Самъ-же онъ даетъ сначала яркое изображеніе безсилія Директоріи. Коменданты были фактически

безконтрольны. («Відродження Нації», т. III, стр. 144.) Въ армію влились въ большемъ количествѣ русскіе черносотенцы. Директорія и правительство въ Винницѣ были далеки, провѣрка на мѣстахъ являлась немислимою. И дальше, на стр. 185-й, Винниченко устанавливаетъ, что русскіе офицеры разлагали армію, провоцировали погромы и бандитизмъ. Сами эти офицеры подбивали солдатъ «погулять» (стр. 187). Каждый старшина имѣлъ для себя, для семьи и даже для знакомыхъ автомобили. А министры ходили пѣшкомъ, ибо первый встрѣчный офицеръ могъ забрать у министра автомобиль, не взирая на его протесты и удостовѣренія (Стр. 239, примѣчаніе).

«Совѣтъ Министровъ былъ еще безвластенъ и беспомощенъ, чѣмъ Директорія» (стр. 239). Правда, Петлюра былъ въ теченіе всего времени существованія Директоріи не только членомъ Директоріи, но и «главнымъ атаманомъ» арміи. Но что-же представляла собою сама армія и стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ частей и отрядовъ атаманы?

На стр. 365—366 Винниченко устанавливаетъ, что наблюдалось «два сорта» атамановъ, которые «откручивали погромный кранъ». Къ первому сорту принадлежало «черносотенное, явно контръ-революціонное и провокаторское русское офицерство, составлявшее значительный процентъ старшинъ украинскаго войска.»

Эта «атаманія» являлась въ извѣстной мѣрѣ инициаторомъ и организаторомъ погромовъ. Ей было интересно и необходимо дискредитировать украинскую власть ...

Попутно «они набивали себѣ карманы награбленнымъ добромъ.»

«Второй сортъ атамани» — чисто украинскій. Тутъ выступалъ главнымъ образомъ національный моментъ. Сыновья лавочниковъ, кулаковъ, поповъ и простаго селянства, они уже съ дѣтства были отравлены духомъ антисемитизма. Обостреніе національныхъ конфликтовъ, склонность еврейскихъ рабочихъ къ большевизму, развязали руки этимъ темнымъ душамъ и какъ бы создали воображаемое право дать волю своимъ грязнымъ эмоціямъ. И конечно, такіе люди при такой подходящей оказіи также грабили, крали и шантажировали на этихъ погромахъ въ мѣру своего хотѣнія».

Расписавшись въ собственномъ безвластіи и безсиліи во время своей бытности въ Директоріи, столь знакомыхъ мнѣ еще со дней возстанія въ Трипольѣ, а засимъ по моей поѣздкѣ въ концѣ января 1919 г. въ Одессу, Винниченко предъявляетъ вслѣдъ за тѣмъ обвиненія къ Петлюрѣ за бездѣятельность въ отношеніи борьбы съ погромщиками. Онъ приводитъ свои разговоры съ Петлюрой, который говорилъ ему: «А почему евреи не боролись вмѣстѣ съ нами противъ гетманщины?» (стр. 187). Винниченко забываетъ при этомъ свои собственныя подобнаго же рода неосторожныя и опрометчивыя слова, сказанныя имъ въ свое время въ Кіевѣ еврейской Делегации (см. выше).

На стр. 367 Винниченко дѣлаетъ оговорку въ отношеніи Петлюры: «Я не хочу сказать, что Петлюра имѣлъ особенную ненависть къ еврейству. Нѣтъ, онъ былъ обыкновенный мелкій мѣщанинъ, съ легкимъ налетомъ «либеральнаго», обывательскаго антисемитизма, «демократическій обыватель», который готовъ былъ «принципіально признать евреевъ такими же людьми, какъ и всѣ», готовъ былъ даже дать

имъ «всѣ» права, но у котораго съ дѣтства сидѣла антипатія къ этой расѣ. Обостреніе національной борьбы и склонность еврейскаго пролетаріата къ большевизму въ душѣ этого «героя» также вызвали свободу для этой антипатіи . . . Онъ самъ считалъ еврейство виновнымъ въ томъ, что среди него были большевики.»

На стр. 372 Винниченко утверждаетъ, что онъ самъ тщетно требовалъ каръ для погромщиковъ.

Приведенная характеристика Петлюры рѣзко расходится съ тѣмъ, что мнѣ неоднократно говорили о немъ такіе близко знающіе его люди, какъ Шульгинъ, Прокоповичъ, Маціевичъ, Мазепа, Матюшенко и др.

Винниченко писалъ свою книгу въ тотъ періодъ, когда онъ искренно пришелъ къ убѣжденію, что украинское движеніе затормозилось исключительно изъ-за его «мѣщанскаго» характера. Онъ искренно думалъ, что Директорія должна была съ самого начала стать на совѣтскую (радянскую) точку зрѣнія. Но помѣщали «мѣщане» съ Петлюрой во главѣ . . .

Во всякомъ случаѣ столь коренное и рѣзкое расхожденіе въ отзывахъ о Петлюрѣ со стороны Винниченка и ряда другихъ весьма уважаемыхъ лицъ невольно приводитъ къ заключенію о необходимости отложить окончательное сужденіе по этому вопросу до наступленія болѣе нормальныхъ условій жизни. Мнѣ же лично, по моимъ непосредственнымъ воспріятіямъ и впечатлѣніямъ, представляется, что ни Винниченко, ни Петлюра отнюдь не являются анти-сеμίтами. Но они оба въ первые 2—3 мѣсяца (январь—мартъ) проявили неосторожность своими непродуманными словами объ участіи евреевъ въ большевизмѣ. Петлюра же проявилъ растерянность

и нерѣшительность въ принятіи съ перваго же дня, когда началось разложеніе арміи, самыхъ безпощадныхъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ погромщиковъ. Быть можетъ отъ него отшатнулась бы тогда значительная часть арміи, зараженная антисемитизмомъ, быть можетъ онъ бы даже погибъ, какъ тѣ 14 героевъ, которые пали въ Лубнахъ, при защитѣ города отъ погрома. Но онъ на такой явный для себя рискъ не пошелъ, такъ какъ считалъ, видимо, наиболѣе цѣннымъ и важнымъ для себя достиженіе своего національнаго идеала, опасался «ссоры» съ арміей, въ которой видѣлъ необходимость для защиты отъ большевиковъ. Психологическая же разница была въ томъ, что Петлюра видѣлъ въ большевикахъ двоякую опасность — и социальную, и національную, Винниченко же находилъ необходимою борьбу съ надвигавшимися съ сѣвера большевиками, какъ съ «москалями», привѣтствуя въ то-же время ихъ социально-экономическую программу и совѣтскую систему.

Если Винниченко находилъ, что надо выступить съ рѣшительными мѣрами, то онъ, какъ Глава Директоріи, могъ во всякомъ случаѣ сдѣлать въ своей области очень многое. Онъ могъ выступить съ декларацией такого содержанія, каковое онъ считалъ умѣстнымъ. Онъ могъ поставить въ ультимативной формѣ требованіе Петлюрѣ, какъ стоящему во главѣ арміи, о самой безпощадной борьбѣ съ погромами, могъ всенародно, печатно, отмежеваться отъ растерянной бездѣятельности, проявленной вождями арміи въ первые мѣсяцы погромной эпохи. Но онъ этого не сдѣлалъ. Уже въ февралѣ 1919 года онъ ушелъ изъ состава Директоріи. И ко всему послѣдующему періоду онъ подходитъ съ болѣе строгими

требованіями, чѣмъ ко времени своего пребыванія у власти.

Цитируя наказъ Петлюры отъ 20-го іюля 1919 г., Винниченко его рѣзко критикуеть, находитъ обоюдоострымъ. А между тѣмъ этотъ наказъ былъ уже много удачнѣе всего того, что говорилось и писалось въ первые мѣсяцы 1919-го года. Онъ напечатанъ въ офиціозѣ, въ «Вѣстникѣ Украинской Народной Республики» отъ 26-го іюля. Содержаніе его слѣдующее: «Главный Атаманъ предписываетъ всѣмъ командирамъ частей, а также представителямъ державнаго Инспекторіата, за ихъ личной отвѣтственностью, слѣдить за тѣмъ, чтобы на мѣстахъ размѣщеній ихъ частей не допускалось никакой погромной агитаціи. Главный Атаманъ предписываетъ «широко оповѣстить населеніе и казачество про то, что еврейское населеніе стало на путь активной помощи намъ въ борьбѣ съ врагомъ и въ устроеніи украинской независимой республики и что посему всякія насилія принесутъ намъ лишь вредъ, внесутъ разложеніе въ наши ряды и погубятъ все дѣло.»

Цитируетъ Винниченко въ своей книгѣ (стр. 369, примѣч.) также статью изъ «Визволення» за 20-е іюля, въ которой авторъ, членъ слѣдственной комиссіи о погромахъ, знакомитъ читателей съ закономъ 27-го мая объ «особой слѣдственной комиссіи» для всесторонняго разслѣдованія виновныхъ въ еврейскихъ погромахъ, злостной агитаціи противъ еврейскаго населенія, и для преданія ихъ уголовному суду.» Авторъ этой статьи о законѣ 27-го мая 1919 г. заканчиваетъ ее завѣреніемъ, что «если Фемида раньше была нѣмой, то въ настоящее время она будетъ говорить всей силой своего грознаго голоса». Вин-

ниченко дѣлаеть отсюда правильный выводъ, что до 27-го мая такой особой слѣдственной комиссіи еще не существовало.

Винниченко забываетъ при этомъ, что въ январѣ и февралѣ, когда онъ былъ главою Директоріи, онъ тоже не удосужился создать такого рода комиссію.

Снова повторяю, что людей нельзя судить по одной только фразѣ. Надо принимать во вниманіе все прошлое каждаго даннаго человѣка. Когда Плеве говорилъ, что евреи — революціонеры, то за этими словами чувствовалась вся ненависть этого человѣка къ революціи и еврейству. Въ его устахъ это было не только объясненіе, но и оправданіе погромовъ. Когда Деникинъ предлагалъ еврейскимъ Делегациямъ воздѣйствовать на большевистскую «еврейскую молодежь», въ немъ также ощущался антисемитъ, который даже отказался выпустить декларацію о равноправіи евреевъ. Когда же Винниченко и Петлюра говорили объ участіи евреевъ въ большевизмѣ, то они лишь указывали на фактъ, который служитъ мотивомъ къ погромамъ. Пускай и надъ ними тяготѣтъ обвиненіе, пускай они проявили неосторожность и азартное увлеченіе основной цѣлью движенія. Имъ придется еще дать отвѣтъ и объясненія во всемъ этомъ и предъ судомъ современниковъ, и предъ судомъ исторіи.

Но есть много и свѣтовыхъ сторонъ въ общемъ демократическомъ міросозерцаніи и въ принципиальномъ отношеніи этихъ людей къ еврейству, къ его естественнымъ правамъ на полное равенство съ другими народами.

Надъ вождями централистскаго движенія, надъ Деникинымъ и его ближайшими сотрудиниками, про-

тягиваются однѣ сплошныя, мрачныя тучи черной реакціи и нетерпимости. И не видать даже проблеска свѣта изъ-за этихъ неизсякаемыхъ тучъ, уже низвергшихъ на несчастное еврейство безчисленные потоки ужасовъ и бѣдствій.

Нѣсколько годовъ моей жизни, отданные веденію политическихъ и погромныхъ процессовъ, приучили меня выступать обвинителемъ правительства и его агентовъ въ дѣлѣ реакціонной и антисемитской пропаганды. Обвинять приходилось въ условіяхъ весьма тяжелыхъ, ибо и полиція, и весь слѣдственный аппаратъ, и самъ судъ находились подъ полнымъ вліяніемъ того же правительства, имѣвшаго всюду своихъ вѣрныхъ слугъ и послушныхъ исполнителей. И всѣ тѣ разоблаченія, которыя мы, политическіе защитники, дѣлали, ставили насъ самихъ въ положеніе лицъ одіозныхъ для правительства, дѣлали насъ мишенью для всяческихъ преслѣдованій и мести съ его стороны. Но зато выработалась привычка обвинять правительство не голословно, а съ фактами въ рукахъ, не заочно, а въ присутствіи его же представителей, прокуратуры. И били мы не по лежачему, а по всесильному, мощному правительственному аппарату, который держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всего населенія огромнѣйшей Имперіи и могъ въ любую минуту насъ раздавить. Лѣтомъ 1906 года, послѣ моего шестилѣтняго стажъ помощника, я былъ утвержденъ Щегловитовымъ въ званіи присяжнаго повѣреннаго. Въ тѣ времена для еврея шестилѣтній стажъ представлялся весьма непродолжительнымъ, многіе еврей-адвокаты до 1906-го года и позже, когда короткій періодъ «либеральничанья»

Щегловитова закончился, пребывали по 20 съ лишнимъ лѣтъ въ званіи помощниковъ. И знаменательно, что тотъ-же Щегловитовъ, который утвердилъ мое вступленіе въ сословіе, въ послѣдствіи усиленно добивался и добился моего исключенія изъ того-же сословія за мои разоблаченія въ дѣлѣ объ убійствѣ Ющинскаго.

Въ иномъ положеніи находятся въ настоящее время тѣ люди, которые были во главѣ украинскаго движенія или входятъ еще теперь въ составъ украинскаго правительства. Ихъ можетъ безнаказанно критиковать и обвинять во всѣхъ грѣхахъ и преступленіяхъ каждый, кому только не лѣнь. Вотъ почему я и счелъ своимъ долгомъ выступить въ защиту этихъ лицъ, съ тѣми соображеніями и доводами, которые были изложены въ настоящей главѣ, и, вообще, въ данной книгѣ.

Будучи сейчасъ не у дѣль, въ отставкѣ, и въ состояніи полной личной независимости отъ украинскаго правительства, я взялъ на себя эту столь непопулярную въ настоящую эпоху задачу. Самъ я принадлежалъ недолго къ составу правительства, да и то былъ лишь въ роли техническаго товарища министра въ теченіе какихъ-нибудь 2-хъ—2½ мѣсяцевъ. Но мнѣ удалось весьма многое увидѣть. Будучи противникомъ ноябрьскаго возстанія 1918 года, я случайно попалъ, однако, въ его очевидцы. И я часто бывалъ подобенъ той мухѣ, которая, по остроумному замѣчанію Зангвилля въ его книгѣ: «Безъ предразсудковъ», сидитъ на вертящемся колесѣ, сама его не крутитъ, но все видитъ.

И какъ ни приходишь и теперь въ содроганіе при воспоминаніи о мученическомъ пути, пройденномъ роднымъ еврейскимъ народомъ въ послѣдніе годы, сколь-бы ни наполнялась всякій разъ душа негодо-

ваніемъ по адресу палачей и убійць, надо воздержаться до поры до времени отъ весьма опасныхъ обобщеній и огульныхъ обвиненій по адресу всего украинскаго народа или по адресу его вождей и представителей. Тогда и мы, евреи, сохранимъ за собой право требовать отъ другихъ народовъ, чтобы и они не обобщали звѣрствъ и жестокостей отдѣльныхъ евреевъ-комиссаровъ и не перелагали на все еврейство отвѣтственности за то, въ чемъ повинна лишь незначительная его часть.

Когда же возстанутся нормальныя условія жизни, когда снова начнетъ работать судебный аппаратъ со всѣми гарантіями правосудія, тогда не будетъ пощады со стороны старыхъ и испытанныхъ борцовъ за правду тѣмъ, кто воистину обагрилъ свои руки кровью погромовъ, прямымъ ли участіемъ въ нихъ, или-же подстрекательствомъ и явнымъ сочувствіемъ. Тогда только, во всеоружіи фактовъ, и не изъ-за угла, а лицомъ къ лицу съ врагомъ и противникомъ, можно будетъ, наконецъ, полностью разобраться во всѣхъ подробностяхъ погромовъ, ихъ подлинномъ происхожденіи и отмежевать виновныхъ отъ невинныхъ.

Карабчевскій въ своей послѣдней книгѣ говорить, что онъ совѣтовалъ въ свое время Керенскому предать суду Николая II, причемъ выразилъ свою готовность и желаніе взять на себя его защиту. Я лично отказался бы отъ этой защиты, какъ не взялся бы защищать и Деникина, хотя и не считаю его ни организаторомъ, ни вдохновителемъ погромовъ. И Николай Романовъ, и Деникинъ — яркіе носители антисемитизма, явные реакціонеры.

Но я никогда не откажусь отъ защиты тѣхъ, кто стоялъ во главѣ украинскаго движенія.

ГЛАВА XXVI.

Россійская великодержавность и имперіализмъ. Брайсъ.
Книга Станкевича.

Университетская молодежь въ своемъ большинствѣ воспитывалась въ Россіи не столько на изученіи уже существующихъ образцовъ государственнаго строительства, сколько на исканіяхъ новыхъ началъ и методовъ для устроенія социалистическаго государства будущаго. Тѣ-же юноши и молодые люди, которые съ раннихъ уже лѣтъ стремились лишь къ собственной карьерѣ и личному благополучію, ограничивались изученіемъ отечественнаго государственнаго устройства съ его табелью о рангахъ, сословіями и т. д.

Но и зрѣлое поколѣніе, за рѣдкими исключеніями, проявляло куда больше интереса къ ученію Карла Маркса и къ теоріямъ другихъ апостоловъ и провозвѣстниковъ будущаго, нежели къ существующей полтора вѣка конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Лучшие представители Россійской интеллигенціи отдавали всѣ свои силы на раскрѣпощеніе крестьянства, отчетливо понимали его экономическую порабощенность и всю несправедливость привилегій для дворянства и помѣщичьяго сословія. Но весьма немногіе изъ нихъ глубоко задумывались надъ тѣмъ національнымъ гнетомъ, въ которомъ пребывали всѣ народы Россіи, за исключеніемъ господствовав-

шей народности, великороссовъ. А между тѣмъ великорусскій народъ составляетъ меньше половины (немного свыше 40 %) общаго населенія бывшей Россійской Имперіи. И развѣ преобладаніе одного народа надъ другимъ, искусственное и насильственное вытѣсненіе языковъ народныхъ массъ и водвореніе на ихъ мѣсто языка одной изъ всѣхъ народностей, не создавало привилегированнаго положенія для великороссовъ и русскаго языка, въ ущербъ другимъ народностямъ и языкамъ?

«Декларация правъ человѣка и гражданина» конца 18-го вѣка, покрывшая французскій народъ вѣчною и неувыдаемою славой, устанавливала равенство гражданскихъ и общечеловѣческихъ правъ для отдѣльныхъ лицъ, въ предѣлахъ каждаго даннаго государства. Но народы также слагаются изъ отдѣльныхъ людей, а между тѣмъ равенство правъ народовъ все еще не осуществлено, и 14 пунктовъ Вильсона, эта великая декларация 20-го столѣтія о правахъ народовъ, все еще не проникли въ сознаніе даже наиболѣе культурныхъ и образованныхъ людей нашего времени. Милюковъ хотѣлъ непременно отобрать у турокъ чужой и чуждый для Россіи по населенію и языку Константинополь, не желая въ тоже время поступиться въ пользу финскаго народа его родной Финляндіей, Родичевъ находилъ нормальнымъ отторженіе Чехіи отъ нѣмецкой Австріи, но не могъ себѣ даже представить отдѣленія отъ Россіи Эстоніи или Грузіи, не говоря уже о родственной по славянству Украинѣ . . .

А между тѣмъ все прошлое говорило отнюдь не въ пользу той опеки, которую взяла на себя Великобританія надъ всѣми остальными частями Россіи.

Станкевичъ, авторъ недавно вышедшей книги «Судьбы народовъ Россіи», приводитъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ 1828 году въ Польшѣ было, въ отношеніи къ количеству населенія, больше училищъ, чѣмъ въ 1900 году. Грамотность, какъ извѣстно, легче всего пріобрѣтается на материнскомъ языкѣ. Вотъ почему и получились тѣ результаты грамотности по губерніямъ, которые цитируетъ Станкевичъ и которые показываютъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе сумѣло организовать домашнюю нелегальную школу съ преподаваніемъ на мѣстномъ языкѣ, тамъ и процентъ грамотности оказывался высокимъ. И наоборотъ, тамъ, гдѣ населеніе довольствовалось правительственной школой, количество грамотныхъ было весьма незначительное.

Конечно, въ Прибалтійскихъ земляхъ, гдѣ было сильно вліяніе культурнаго сосѣдняго Запада, грамотность процвѣтала. На Украинѣ-же, гдѣ даже было запрещено въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ печатать книги и даже Евангеліе на украинскомъ языкѣ, народъ коснѣлъ во тьмѣ и невѣжествѣ . . . Еще въ 1863 году Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ объявилъ, что «никакого особеннаго малорусскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ.» А между тѣмъ Императорская Академія Наукъ признала, что украинская литература стоитъ по своему уровню значительно выше многихъ литературъ другихъ славянскихъ народовъ.

Историческая совмѣстная жизнь великорусскаго и украинскаго народовъ, по удостовѣренію комиссіи въ составѣ академиковъ Зелинскаго, Корша, Лаппо-Данилевскаго, Ольденбурга, Фаминцина, Фортунова и Шахматова, не взирая на всѣ запреты, «у с у-

губила тѣ діалектическія отличія, съ которыми предки украинцевъ, съ одной стороны, и великороссовъ, съ другой стороны, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи.» И они отрицаютъ существованіе общерусскаго языка.

Старые правители Россіи не понимали, что зданіе государства можетъ быть прочнымъ лишь при крѣпкомъ фундаментѣ. Въмѣсто того, чтобы черпать силу Россійскаго Государства изъ корней, изъ глубокихъ нѣдръ ея многочисленныхъ народовъ, они систематически старались свести все многообразіе исторической и національной жизни этихъ народовъ къ одному общему казенному знаменателю, къ идущему сверху единству.

Но и въ настоящее время, несмотря на всѣ уроки прошлаго, російская интеллигенція все еще не пришла къ сознанію о необходимости не только прокламированія, но и осуществленія полнаго равенства правъ великороссовъ, украинцевъ, литовцевъ и т. д., какъ въ разрѣшеніи вопроса о государственномъ устройствѣ, такъ и вопроса о культурѣ и языкѣ. И когда російскій интеллигентъ говоритъ о преимуществахъ русскаго языка, какъ болѣе богатаго и уже достигшаго весьма значительнаго развитія, то невольно вспоминается помѣщикъ, доказывающій всѣ преимущества и выгоды крупнаго землевладѣнія предъ мелкимъ . . . Оба по своему правы. И языкъ, и та или иная форма землепользованія могутъ достигнуть той или иной ступени развитія въ зависимости отъ степени благопріятствованія имъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ они развиваются.

Въ Даніи мелкое землевладѣніе даетъ на десятину лучшіе результаты, нежели крупное. Венгерскій и

чешскій языки достигли весьма большого развитія. Болгары и сербы выработали на своихъ родныхъ языкахъ научную и судебную терминологию.

О томъ, какъ понимаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ необходимость полноправія всѣхъ частей, изъ которыхъ составляется государство, весьма наглядно свидѣтельствуется случай изъ жизни американской протестантско-епископальной церкви, рассказанный въ извѣстной книгѣ Брайса, «Американская Республика.»¹⁾

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,» — повѣствуетъ Брайсъ, — «американская протестантско-епископальная церковь была занята, на своемъ сѣздѣ, вопросомъ о ревизіи литургіи. Предполагалось, что желательнo ввести въ число короткихъ молитвъ одну молитву для всего народа, и одинъ извѣстный теологъ предложилъ слѣдующую формулу: О, Творецъ, благослови нашу націю.»

«Принятая въ послѣобѣденномъ засѣданіи, подъ импульсомъ момента, формула эта была подвергнута на другой же день новому разсмотрѣнію. Слово нація вызвало у части собранія столько протестовъ, какъ слишкомъ точно подчеркивающее признаніе единства націи, что первая формула была отвергнута и замѣнена слѣдующей фразой: «О, Творецъ, благослови Соединенные Штаты.»

И правъ Брайсъ, когда онъ говоритъ, что Соединенные Штаты есть настоящая республика республикъ, государство, которое хотя и составляетъ нѣчто цѣлое, но состоитъ изъ отдѣльныхъ штатовъ, еще болѣе необходимыхъ для его существованія,

¹⁾ Примѣчаніе. Цитирую по французскому изданію 1911 года, томъ I-ый, стр. 34.

нежели оно, цѣлое, необходимо для нихъ, его частей.

Таковымъ является правильное, настоящее пониманіе федераціи. Какъ я писалъ въ 1917-мъ году въ «Народномъ Словѣ», органѣ трудовой народно-соціалистической партіи, федерація отнюдь не есть понятіе противоположное автономіи, она является лишь формою добровольнаго соединенія автономныхъ государствъ на почвѣ ихъ общихъ интересовъ, договорнымъ соглашеніемъ между ними. Наоборотъ, автономія есть сущность, содержимое, верно, комплексъ правъ населенія, живущаго въ каждомъ кантонѣ или штатѣ. Англійская же терминологія разумѣетъ подъ словомъ «автономія» даже полную государственную самостоятельность, что является вполне правильнымъ и въ отношеніи истиннаго федеративнаго государства, гдѣ отдѣльныя составныя его части вполне самостоятельно заключаютъ между собою договоръ, какъ равныя съ равными.

И меня всегда поражало, сколь сумбурно и неправильно понимали смыслъ «автономіи» и «федераціи» російскія политическія партіи.¹⁾

Автономія считалась почему-то чѣмъ-то меньшимъ, чѣмъ федерація, противопоставалась ей. А между тѣмъ понятіе объ автономіи не есть нѣчто застывшее и опредѣленно-точное, такъ какъ таковая можетъ быть весьма различною по своимъ размѣрамъ

¹⁾ Примѣчаніе. Я не стану останавливаться на неустойчивости терминовъ «федерація» и «конфедерація» даже въ наукѣ и на разномъ пониманіи учеными этихъ двухъ терминовъ, такъ какъ такого рода спеціальные вопросы не составляютъ предмета изслѣдованія настоящей книги.

и содержанію, можетъ быть и «куцой», и всеобъемлющей. И вся путаница въ понятіяхъ, противопоставленіе автономіи и федераціи, происходили потому, что даже наиболѣе сознательные и просвѣщенные въ національномъ вопросѣ представители російской интеллигенціи хотѣли дать, именно дать яко даръ народностямъ, автономію, причемъ лишь куцую (по образному московскому выраженію Челнокова «автономійку»). Конечно, такая «автономійка» была бы чѣмъ-то значительно меньшимъ, нежели та самостоятельность, которая существуетъ въ настоящихъ федеративныхъ государствахъ, гдѣ населеніе отдѣльныхъ штатовъ само выговаривало свои права.

И когда я однажды, въ видѣ испытанія истинности федералистическихъ настроеній моихъ собесѣдниковъ изъ российскихъ круговъ въ Парижѣ, предложилъ одному изъ нихъ, заявлявшихъ себя федералистами, начать съ замѣны названія Россіи и наименованія будущаго проектируемаго имъ федеративнаго государства «Соединенными Штатами Восточной Европы», онъ почувствовалъ себя даже оскорбленнымъ и задѣтымъ за живое одной возможностью такой мысли... И это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ представителей російской интеллигенціи, бесѣда же велась лѣтомъ 1919-го года, уже послѣ распаденія Россійскаго Государства, когда онъ искренно склонялся къ необходимости принятія федеративнаго принципа, какъ основы будущаго устроенія новаго Россійскаго государства.

Вообще, изъ всего того, что было сказано и написано представителями російской интеллигенціи въ послѣдніе годы по національному вопросу въ связи

съ вопросомъ о федераціи, мнѣ привелось встрѣтить одну лишь книгу, отмѣченную глубокимъ, проникновеннымъ пониманіемъ сущности этихъ вопросовъ при настоящемъ положеніи вещей и яснымъ изложеніемъ взглядовъ автора. Таковой книгой является уже упомянутое мною послѣднее произведеніе Станкевича «Судьбы народовъ Россіи». Въ яркой и сжатой формѣ авторъ даетъ наиболѣе характерныя черты изъ прошлаго и настоящаго Бѣлоруссіи, Украины, Литвы, Латвіи, Эстоніи, Закавказья, Финляндіи и Польши. Каждой изъ этихъ земель и населяющимъ ихъ народностямъ посвящена особая глава. Воспитанный цѣликомъ на русской культурѣ, горячо любящій ее, Станкевичъ подходитъ ко всѣмъ названнымъ народностямъ, ихъ языку, вѣрованіямъ и нравамъ съ необыкновенной теплотой, сочувствіемъ и задушевностью. Все содержаніе книги звучитъ, словно гимнъ равенству всѣхъ народовъ. Въ страстныхъ мечтаніяхъ и поискахъ путей къ воссозданію на мѣстѣ распавшейся Россіи такого-же большого, но мощнаго внутренней силой, федеративнаго государства, Станкевичъ въ заключительной главѣ правильно указываетъ, что достиженіе этого идеала возможно лишь на основахъ общаго новаго договора между народностями. «Задача теперь не въ томъ, чтобы, исходя изъ единства, создать разнообразіе, но, наоборотъ, многообразіе привести къ единству» (стр. 347). «Россія можетъ быть построена только снизу. Не самостоятельность мелкихъ народовъ, а нивелирующій и не считающійся съ жизнью русской націонализмъ является нынѣ разрушительной идеей» (тамъ-же). «Почему маленькая Финляндія не требуетъ для обезпеченія отъ Россіи Петербурга, а

громадная Россія для обезпеченія отъ возможной опасности со стороны Финляндіи требуетъ всей Финляндіи» (стр. 348). «Было бы весьма оригинальной теоріей признать, что наличие хорошаго порта на территоріи какого-либо народа тѣмъ самымъ не даетъ ему выгоды, а обрекаетъ на рабство другому народу» (стр. 350). Станкевичъ напоминаетъ, что централизмъ привелъ Россію къ распаду, и взываетъ къ чувству исторической справедливости и взаимной выгоды соединенія народовъ, объявившихъ себя самостоятельными. Онъ находитъ, что именно они, и только они, сами народы бывшаго Россійскаго государства, должны впослѣдствіи построить на основахъ взаимнаго соглашенія общее федеративное государство. «Лучшая и даже единственная гарантія противъ Россіи», обращается онъ къ этимъ народамъ, «самимъ построить ее» (стр. 370). «Полное освобожденіе народовъ и даже ихъ временная государственно-правовая обособленность другъ отъ друга гораздо болѣе соотвѣтствуетъ духу времени, чѣмъ порабощеніе ихъ заново.» (стр. 354).

Благородный федерализмъ Станкевича построенъ отнюдь не на военныхъ соображеніяхъ. Онъ является врагомъ войны съ той поры, какъ самъ ее недавно продѣлалъ, и призываетъ ко всеобщему разоруженію. Но онъ исходитъ изъ соображеній экономическихъ и общекультурныхъ и правильно указываетъ, что «эволюція всего міра совершается въ сторону широкихъ группировокъ» (стр. 365).

Много времени пройдетъ, пока всѣ эти здоровыя и правильныя мысли проникнутъ въ сознаніе даже того тонкаго интеллигентскаго слоя, который уцѣлѣлъ послѣ разгрома, разоренія и мытарствъ, выпавшихъ на долю россійской интеллигенціи.

Но столько-же времени понадобится и для отчетливого уясненія взаимоотношеній между національнымъ вопросомъ и системой государственнаго строительства въ сознаниі народностей, воспрянувшихъ отъ національной спячки и ищущихъ своего національнаго и государственнаго самоопредѣленія. Я встрѣчалъ, напримѣръ, такихъ украинскихъ повинистовъ, которые никакъ не могли себѣ представить необходимости и цѣлесообразности устройства самой Украины (внутри) на федеративныхъ началахъ, въ виду ея огромныхъ размѣровъ и 40-милліоннаго населенія. Подобно россійскимъ централистамъ, они твердили объ единой, унитарной и централистской Украинѣ . . .

Ссылка на маленькую Швейцарію, построенную на строгихъ началахъ конфедерации, представлялась для нихъ нисколько не убѣдительной. Были среди нихъ и такіе (правда, весьма немногіе, какъ весьма рѣдкія исключенія), которые уже мечтали и о протяженіи границъ Украины до Каспійскаго моря, и даже о Турціи и Константинополѣ, какъ будущихъ колоніяхъ Украины, о пресловутыхъ проливахъ . . . Но это уже являлось тяжелымъ наслѣдіемъ россійскаго империализма, подъ вліяніемъ коего воспитались эти люди.

Невольню вспоминалась легенда о Моисеѣ, который вывелъ еврейскій народъ изъ Египта и водилъ его 40 лѣтъ по пустынѣ, пока привелъ его въ обѣтованную Всевышнимъ землю . . . 40 лѣтъ были необходимы для того, чтобы исчезло то старое поколѣніе, которое впитало въ себя, въ плоть и кровь свою, психологію египетскаго рабства. Рабъ почти всегда заимствуетъ обычаи, навыки и взгляды своего хозя-

ина. Онъ можетъ его ненавидѣть, но онъ ему подражаетъ . . .

Неужели-же и теперь понадобятся 40 лѣтъ для исцѣленія или исчезновенія психологiи и рабовладѣльцевъ, и рабовъ бывшей Россiи? Хочется надѣяться и вѣрить, что грядущее мирное сожителство ея освобожденныхъ народовъ придетъ куда быстрѣе, значительно раньше.

Но есть одинъ народъ, которому не суждено прiобрѣтаться ко всѣмъ благамъ территорiально-національной автономiи на территорiи бывшаго Россiйскаго государства. По горькой иронiи его историческихъ судебъ какъ разъ на его долю выпали наибольшiя муки и испытанiя при распаденiи Россiи и воцаренiи анархiи. Это тотъ народъ, который вездѣ, во всѣхъ государствахъ, является лишь національнымъ меньшинствомъ, бездомнымъ, въ лучшемъ случаѣ терпимымъ, а часто и не терпимымъ скитальцемъ, народъ Библии, тотъ самый еврейскiй народъ, который уже далъ такъ много всему человѣчеству въ наилучшихъ выявленiяхъ общечеловѣческой культуры, науки, искусства, въ исторiи развитiя идей свободы и гуманизма.

ГЛАВА XXVII.

Грядущія судьбы и ближайшія задачи восточно-европейскаго еврейства.

Всякій, кто читалъ статью В. Шульгина «Пытка страхомъ», долженъ признать, что она представляетъ собою верхъ ненависти и изувѣрской злобы по адресу еврейства. Но тѣ приказы и переписка высшихъ чиновъ Деникинской арміи, которые приводились выше, развѣ не дышатъ такою-же зоологической ненавистью къ еврейству?

Кого-же, кромѣ самихъ себя, любятъ эти люди? Какой народъ они защищаютъ и на чей алтарь приносятъ они еврейство въ жертву?

Конечно, я не говорю о Замысловскихъ, люди такой категоріи являются антисемитами не по чувству, а по холодному расчету. Замысловскій, Чаплинскій, Болдыревъ дѣлали свою карьеру на спинѣ Бейлиса и еврейства.

Но этого нельзя сказать о Шульгинѣ и ему подобнымъ.

Кого-же, повторяю, любилъ и любить В. Шульгинъ?

Въ Кіевѣ, кажется, весной 1918-го года, ходила по рукамъ статья Шульгина, предназначавшаяся и уже набранная для напечатанія въ «Кіевлянинѣ», но затѣмъ снятая съ очереди и не появившаяся въ печати. Въ этой статьѣ Шульгинъ со свойственной

ему талантливостью доказывалъ, что все російское крестьянство это одинъ сплошной воръ, дворянство — облѣнившееся, никуда уже не годное сословіе, а интеллигенція состоитъ либо изъ бунтарско-нигилистическихъ, либо изъ дряблыхъ и ни къ чему не приспособленныхъ элементовъ. Этотъ обвинительный актъ противъ всего коренного населенія Россіи былъ столь же мастерски написанъ, дышалъ такой-же жестокостью и злобой безпощаднаго прокурора, какъ и писанія Шульгина объ евреяхъ. Невольно напрашивался вопросъ, по какой-же причинѣ В. Шульгинъ такъ отстаиваетъ цѣлостность Россійскаго государства, какія цѣнности являются для него столь дорогими въ складѣ, въ существѣ Россіи, какъ таковой.

Вспоминая свѣтлые промежутки въ его дѣятельности, его статьи по дѣлу Бейлиса, его одну или двѣ честныя, порывистыя рѣчи въ Государственной Думѣ, его личное участіе въ понужденіи Николая II-го къ отреченію, нельзя не прійти къ тому выводу, что Шульгинъ есть не только неврастеникъ, но и типичный, яркій сторонникъ системы полупросвѣщеннаго абсолютизма, смѣси началъ самобытнаго російскаго крѣпостничества съ кодексомъ нѣкоторыхъ моральныхъ правилъ для правящаго сословія. Какъ и покойный Пихно, Шульгинъ ненавидитъ еврейство, готовъ открыто преслѣдовать его ограничительными мѣрами. Но ему дорогъ авторитетъ тѣхъ, кто стоитъ наверху, правители и судьи должны быть рыцарями, чуждыми лжи и подлогамъ. Народъ же есть та чернь и тотъ объектъ, которымъ управляютъ эти рыцари.

Для этой касты избранниковъ, для этихъ благородныхъ рыцарей, Шульгину и необходима вновь

большая, необъятная Россія. Онъ живеть еще весь призраками феодальнаго строя. Въ структурѣ-же феодализма еврейству отводится весьма опредѣленная и ограниченная роль торгашей и посредниковъ, какъ «низкаго» и «подлаго», но необходимаго и потому терпимаго сословія.

Еврейству не по пути съ В. Шульгинымъ и ему подобными. Торжество централистическихъ началъ и восстановление унитарной Россіи не сулитъ еврейству спасенія и успокоенія. Ни Родичевы, ни Григоровичь-Барскіе не смогутъ отстоять и защитить еврейство отъ Замысловскихъ и Савенокъ, которые еще не перевелись, которыхъ еще есть множество.

Спасеніе есть лишь въ двухъ направленіяхъ. Одна часть еврейства, которая можетъ и хочетъ эмигрировать, уйдетъ изъ Восточной Европы въ Америку, другая часть всочится въ Палестину. Но тѣ, которые останутся на Украинѣ, въ Польшѣ, Великороссіи и т. д., должны выйти изъ состоянія пассивности и, согласно образнымъ словамъ покойнаго Н. С. Сыркина, стать «участниками жизни строящейся, возрождающейся изъ хаоса, вырывающейся изъ подъ гнета неволи и на ихъ глазахъ созидающей новыя основы быта и бытія.» (Еврейская Жизнь, № 17, за 1918 г.) Въ томъ-же номерѣ «Еврейской Жизни» Сыркинъ правильно отмѣчаетъ, что «національное самоопредѣленіе не на словахъ, а на дѣлѣ» (въ томъ числѣ и для еврейскаго народа), «абсолютно неосуществимо безъ радикальнаго, послѣдовательно проведеннаго принципа автономности.» И онъ призываетъ всѣ національно-демократическіе круги еврейства «проникнуться отношеніемъ не худосочнаго благожелательнаго нейтралитета, а полнокровной

дѣйственной поддержки» украинскаго національнаго движенія.

Сыркинъ не зналъ и не предвидѣлъ тогда, когда онъ писалъ эти строки, что полоса хаоса еще не закончилась, что анархія и новый видъ неволи — неволи большевистской — будутъ длительными. Въ этомъ блаженномъ невѣдѣннн онъ и умеръ, не увидавши, къ своему счастью, всѣхъ послѣдовавшихъ ужасовъ анархїи и погромовъ.

Когда-же наступитъ конецъ хаосу, когда начнется, наконецъ, строительство, тогда мысли, высказанныя Сыркинымъ, окажутся вполне своевременными. «Полнокровная дѣйственность еврейства» въ свидательномъ творчествѣ каждаго изъ народовъ, среди которыхъ оно живетъ, дастъ право еврейству считать себя не пришельцами, не гостемъ въ новоустроенныхъ государственныхъ образованїяхъ, а такими-же строителями и хозяевами этихъ новыхъ образованій, какъ и коренные народы, какъ и большинство ихъ населенія.

Но для такой совмѣстной работы народовъ по устройенію новой жизни необходимо болѣе тѣсное общеніе между ними . . . И сіонистская организація, къ которой принадлежалъ Сыркинъ, должна вмѣстѣ со всѣми еврейскими политическими партїями признать, что нельзя повторять ошибокъ прошлаго и настоящаго, нельзя совершенно замыкаться въ свою партійно-національную оболочку и обособляться и отмежевываться отъ участія въ работѣ общегосударственныхъ политическихъ партій украинскихъ, литовскихъ и т. д., наконецъ, и великороссійскихъ, когда таковыя народятся. И пусть не ссылаются сіонисты на санкцію ихъ прошлой тактики въ Россїи

и на Украинѣ самимъ еврейскимъ населеніемъ въ видѣ значительнаго большинства голосовъ, которые они, сіонисты, получали и на общихъ, и на спеціально-еврейскихъ выборахъ. Большинство крестьянскаго населенія голосовало за программу и тактику социалистовъ-революціонеровъ. Но развѣ не было ясно, что то была дань революціонному времени, результатъ ненормальнаго, повышеннаго настроенія народныхъ массъ, результатъ экстаза и временнаго наноснаго максимализма?

Точно также и еврейскія массы голосовали въ состояніи налетѣвшаго вихря національнаго максимализма, отменяя отъ себя, какъ бы забывая, самый фактъ существованія, помимо чисто-еврейскихъ національныхъ задачъ, общегосударственныхъ вопросовъ, одинаково важныхъ для всѣхъ народовъ, для всего населенія страны.

Жизнь государства не ограничивается ни безвомезднымъ отнятіемъ земли отъ помѣщиковъ, ни персонально-національной автономіей . . . Система общегосударственныхъ налоговъ, желѣзныя дороги, мостовыя и водопроводъ въ родномъ городѣ, и множество другихъ жизненныхъ вопросовъ роднятъ и эллина, и іудея, настоятельно требуютъ общей политической жизни, общихъ государственно-политическихъ, территориальныхъ партій.

Никакая самая широкая персонально-національная автономія не замѣнитъ еврейству того, что даетъ народу своя собственная территория, свое государство. И какъ нѣмецкій, итальянскій и другіе народы живутъ не только на своей собственной территоріи, но являются также полноправными гражданами въ американскихъ и другихъ государствахъ, куда они

вселились въ качествѣ эмигрантовъ, такъ и еврейство можетъ и должно стремиться къ разрѣшенію вопроса о своихъ судьбахъ въ двухъ направленіяхъ: и въ устройствѣ собственнаго правоохраненнаго убѣжища на малозаселенной территоріи, въ Палестинѣ или гдѣ удастся, путемъ постепеннаго созданія на такого рода территоріи большинства еврейскаго населенія, и въ приобщеніи ко всѣмъ гражданскимъ правамъ и обязанностямъ населенія тѣхъ странъ, въ которыхъ разсѣянъ еврейскій народъ въ качествѣ меньшинствъ. Надо идти за жизнью и отказаться отъ дерзновенныхъ мыслей потянуть жизнь за собою. Надо излечиться отъ партійной мани величія, отъ вѣры въ то, что только данная группа или партія уловила истину и крѣпко ее держитъ. Еврейскій народъ, какъ и всѣ остальные народы, не можетъ имѣть одного мнѣнія, одного общаго сужденія по всѣмъ вопросамъ. Несмотря на все, что пришлось претерпѣть еврейству на Украинѣ и въ Польшѣ, всѣ евреи не уйдутъ оттуда ни въ Америку, ни въ Палестину. Я лично принадлежу къ тѣмъ, которые считаютъ еврея, переѣзжающаго въ Соединенные Штаты, счастливецемъ, ибо онъ попадаетъ сразу въ среду, которая находится на доброе столѣтіе впереди Восточной Европы въ смыслѣ уровня культуры и высокой гражданственности. Я способенъ искренно завидовать евреямъ, которые мостятъ дороги подъ палящимъ солнцемъ Палестины. И конечно, лучше погибнуть на землѣ предковъ отъ ножа араба, нежели оказаться жертвой погрома на Украинѣ или въ Польшѣ. Но всѣ, повторяю, не уйдутъ съ насиженныхъ мѣстъ, большинство не сможетъ, а нѣкоторые и не захотятъ подняться . . .

Максимализмъ дней революціонной оргіи смѣнится буднями медленнаго мирнаго строительства и повседневной работы. Естественные законы притяженія меньшинства къ большинству окажутся, словно магнитъ, болѣе сильными, нежели всѣ новѣйшія измышленія въ области національно-персональной автономіи, которыя замѣнили собою религію у современной еврейской молодежи Восточной Европы. Сущее наноситъ въ повседневной жизни тяжкіе удары должному. Въ 60-хъ годахъ часто говорили по еврейски о необходимости ассимиляціи и изученія русскаго языка. На еврейскихъ же собраніяхъ въ большихъ городахъ (Петербургъ, Кіевъ, Одесса) въ послѣднія 15 лѣтъ можно было всегда слышать, какъ евреи говорили по русски о необходимости національнаго возрожденія и изученія роднаго еврейскаго языка . . . Такъ должное часто расходится съ сущимъ. Не въ томъ суть, охотно ли, или помимо воли втягиваетъ въ себя молодежь нравы, обычаи и взгляды большинства, среди котораго она живетъ. Пускай въ 60-хъ годахъ еврейство само съ жадностью принялось втягивать въ себя ассимиляціонную влагу, но все-же оно впитывало ее ложками. А позже, когда зазвучали новые лозунги и еврейство въ благородномъ и гордомъ порывѣ рѣшило вступить на путь національнаго возрожденія, оно уже впитывало въ себя ассимиляцію бочками, само того не замѣчая, вопреки собственной волѣ и намѣреніямъ.

Національное возрожденіе можетъ полностью осуществиться только на собственной территоріи. Еврейству нужны силы собственной самодѣятельности, необходимы и вожди, которые смогутъ претворить

хотя бы часть эмигрантскихъ полчищъ въ жителей будущаго еврейскаго государства.

Но еврейству также необходимо найти кратчайшіе и наилучшіе пути къ устроению мирнаго сожителства съ другими народами въ странахъ разсѣянія.

Пускай первая изъ этихъ задачъ обвѣяна романтизмомъ и красотой національнаго подвига, но отъ этого нисколько не умаляется жизненное значеніе второй задачи. И Жаботинскій, посаженный въ тюрьму англичанами за устройство самообороны отъ погромовъ въ Іерусалимѣ, и тѣ многіе евреи, которые пошли въ Сибирь за участіе въ общерусскомъ освободительномъ движеніи, одинаково, хотя и на разныхъ путяхъ, служили своему же родному народу.

Очередными конкретными вопросами дня въ области политической жизни еврейства въ странахъ Восточной Европы мнѣ представляются слѣдующіе.

«Бундъ» долженъ въ первую очередь задуматься надъ тѣмъ, есть ли еще дальнѣйшая необходимость въ его замкнутомъ и отдѣльномъ существованіи и не пора ли ему слиться съ общегосударственными социаль-демократическими партіями въ каждой странѣ. Вѣдь въ настоящее время уже не приходится больше говорить о піонерскомъ характерѣ социалистической пропаганды среди еврейскаго пролетаріата и о необходимости, въ виду трудности первыхъ шаговъ, вести эту пропаганду спеціально на еврейскомъ языкѣ. Теперь еврейскій пролетаріатъ проникся социализмомъ во всякомъ случаѣ не меньше пролетаріата другихъ народовъ, уроки же большевизма показали наглядно и обратную сторону

медали при такомъ толкованіи социализма, которое ему дали Совѣтскіе вожди и сатрапы.

Партія «объединенцевъ», которая считаетъ вопросъ о «сеймѣ» и персонально-національной автономіи гвоздемъ своей программы, также не можетъ не признать, что идея объ этой автономіи и о сеймѣ уже достаточно распропагандирована не только въ еврействѣ, но даже и среди нѣкоторыхъ правительствъ (украинское, литовское) и политическихъ партій другихъ національностей. Не пора-ли бывшимъ сіонистамъ-соціалистамъ, какъ и бывшимъ «серповцамъ» (е. с.) вспомнить о территоріи, которую они отодвинули въ своихъ программахъ на столь задній планъ.

Въ качествѣ «сеймовцевъ» и территоріалистовъ они могутъ работать со всѣми многочислѣннѣйшими еврейскими кругами, принимающими и сеймъ, и территорію, въ дѣлѣ осуществленія этой еврейско-національной части ихъ программы. Въ качествѣ-же соціалистовъ они могутъ снова перестать считать земельный вопросъ «дискуссионнымъ» и примкнуть къ общегосударственнымъ соціалистическимъ партіямъ «по принадлежности».

Что касается «Фольксспартей», то еще въ 1918 году, въ Кіевѣ, я велъ переговоры съ нѣкоторыми ея представителями о желательности ея слиянія съ соотвѣтственными общегосударственными партіями¹⁾. Тогда эти переговоры не привели къ положительнымъ результатамъ. Но все-же я встрѣтилъ въ рядахъ фольксспартей отчетливое пониманіе важности трак-

¹⁾ Примѣчаніе. Украинская партія социаль-федералистовъ, въ лицѣ ея вождей, сочувственно относилась къ моему проекту о такомъ слияніи.

туемаго вопроса. Нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ соглашались съ тѣмъ, что со временемъ такого рода сліяніе явится желательнымъ, при условіи учрежденія, внутри общегосударственныхъ партій, національныхъ фракцій или курій и при участіи въ центральныхъ комитетахъ партій представителей всѣхъ такихъ фракцій.

Сіонистская организація на Востокѣ Европы должна стать тѣмъ, чѣмъ она является по своей внѣшней структурѣ въ Западной Европѣ и Америкѣ. Пора вернуться ко временамъ до-гельсингфорскимъ и перестать выступать въ качествѣ партіи. Тогда слова Сыркина объ участіи евреевъ въ общегосударственномъ строителствѣ смогутъ претвориться въ дѣло. Тогда каждый сіонистъ получитъ широкую возможность параллельной работы на благо еврейства, въ рядахъ своей организаціи, и на пользу страны, гражданиномъ которой онъ является, въ рядахъ общихъ политическихъ партій¹).

Съ другой стороны, ощущается необходимость въ созданіи большихъ обще-національныхъ еврейскихъ организацій. Если жизнь въ свое время потребовала возникновенія «Союза для достиженія полноправія евреевъ», то теперь, послѣ Версальскаго мира, послѣ того, какъ права еврейства обезпечены международными актами, вполне своевременнымъ явился бы «Союзъ для осуществленія полноправія евреевъ». Въ такихъ союзахъ и организаціяхъ

¹) Примѣчаніе. Статуты сіонистской партіи въ Россіи допускали вступленіе сіонистовъ въ другія партіи лишь съ разрѣшенія центральнаго Комитета. Нѣкоторые сіонисты состояли одновременно членами партій к.-д., н.-с, с.-р. Но это были весьма рѣдкія исключенія.

получили бы возможность общенія всѣхъ классы еврейства, независимо отъ ихъ принадлежности къ той или иной политической партіи. Вопросы такой огромной важности, какъ проблемы эмиграціи, еврейская школа, языкъ преподаванія и множество другихъ вопросовъ, связанныхъ съ повседневной жизнью въ странахъ разсѣянія еврейства, какъ такового, получили бы при такомъ коренномъ переустройствѣ внѣшней структуры еврейской политической и національной жизни наиболѣе полное и широкое разрѣшеніе.

Что касается самого существа того національнаго полноправія, которое усматривается въ институтѣ персонально-національной автономіи, то необходимо подвергнуть самому тщательному и вдумчивому разсмотрѣнію нѣкоторыя положенія этой институціи. Есть, напримѣръ, существенное противорѣчіе въ одновременномъ требованіи и процентныхъ отчисленій изъ общегосударственныхъ суммъ на еврейскія школы и другія просвѣтительныя потребности, и права принудительнаго самообложенія на тѣ-же нужды. Не надо забывать, что государственная казна, выдавая еврейству названныя суммы въ пропорціи количества еврейскаго населенія, будетъ лишь возвращать послѣднему то, что оно-же вноситъ въ видѣ части общегосударственныхъ податей на нужды просвѣщенія. Итакъ, получается двойное обложеніе на одинъ и тотъ же предметъ. Будутъ ли согласны на несеніе такого двойнаго бремени плательщики?

Помимо даннаго примѣра есть и другіе вопросы, связанные съ институтомъ національно-персональной автономіи. Но я не стану на нихъ останавливаться

въ настоящей книгѣ въ виду ихъ слишкомъ специальнаго характера.

Наконецъ, необходимъ большой и радикальный сдвигъ въ самой психологіи еврейства въ области внутреннихъ взаимоотношеній. Необходима внутренняя борьба съ той взаимной нетерпимостью отдѣльныхъ партій, группировокъ и лицъ, которая развѣдываетъ, разобщаетъ и обезсиливаетъ еврейство Восточной Европы. Пускай Винаверъ, Сліозбергъ и даже сіонисты Пасманникъ борются съ сепаратизмомъ «окраинъ Россіи». Надо умѣть уважать не только свое, но и чужое мнѣніе. Пускай тѣ евреи, которые вѣрятъ въ восстановление унитарной Россіи и стремятся къ таковой, сливаютъ свои усилія съ дѣятельностью лучшихъ представителей этихъ стремленій, съ кадетами, російскими соц.-революціонерами и т.д. Но тѣ, кто «инако мыслить», «инако вѣрить», вправѣ требовать къ себѣ такого-же спокойнаго и объективнаго отношенія. Было-бы большимъ несчастіемъ, если-бы все еврейство думало и чувствовало одинаково и вполне однородно. Тогда мы не были бы больше народомъ, мы превратились бы въ партію.

И только лишь взаимная терпимость можетъ явиться цементомъ для поддержанія связи во всемъ еврействѣ. Еврейскій народъ имѣетъ достаточно своихъ собственныхъ задачъ, на которыхъ могутъ объединяться и сторонники унитарной Россіи, и федералисты, и сепаратисты. Подобно тому, какъ украинскій или грузинскій народъ не подраздѣляется и не распадается по признаку отношенія украинцевъ и грузинъ къ вопросу о сіонизмѣ или территоріализмѣ, объ еврейскомъ сеймѣ и т. д., точно также недопустимо и среди еврейства отчужденіе и разрывъ

между его составными частями на почвѣ различнаго отношенія къ новой картѣ Европы.

Чувство высокой взаимной терпимости, единеніе въ собственной средѣ и параллельное тѣсное общеніе съ народами, среди которыхъ живетъ еврейство — таковы тѣ лозунги, которые должны стать въ еврействѣ общенародными. И если въ настоящій моментъ мой голосъ, мой призывъ въ этомъ направленіи и прозвучитъ одиноко, то наступитъ время, когда онъ найдетъ соотвѣтствующій отзвукъ въ душѣ еврейскаго народа. И я твердо вѣрю, что это время не за горами, что часъ его наступленія близокъ.

Приложенія.

Приложение 1.

Ноты представителей Франции и Англии, аккредитованных при украинскомъ правительствѣ Центральной Рады.¹⁾

LÉGATION DE FRANCE
EN ROUMANIE

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Jassy, le 29 décembre 1917.

Le Ministre de France en Roumanie à Monsieur le Général Tabouis, Commissaire de la République Française en Ukraine.

J'ai l'honneur de porter à votre connaissance que le Gouvernement Français vous a désigné comme Commissaire de la République Française en Ukraine.

Je vous prie de bien vouloir en informer Monsieur le Secrétaire Général des Affaires étrangères du Gouvernement Ukrainien, en remettant entre ses mains la présente lettre, qui vous accrédite en cette qualité.

(Signé) SAINT-AULAIRE.

¹⁾ Цитирую эти документы по журналу Société des Nations, No. 88, Annexes VIII, p. 19—20.

LE GÉNÉRAL
COMMISSAIRE DE LA
REPUBLIQUE

REPUBLIQUE FRANÇAISE

Kiev, le $\frac{21 \text{ décembre } 1917}{3 \text{ janvier } 1918}$

Le Général Tabouis, Commissaire
de la République Française
auprès du Gouvernement de
la République Ukrainienne, à
Monsieur le Secrétaire Général
aux Affaires étrangères de la
République Ukrainienne.

Monsieur le Secrétaire Général,

J'ai l'honneur de vous prier de porter à la connaissance
du Gouvernement de la République Ukrainienne que le
Gouvernement de la République Française m'a désigné
comme Commissaire de la République Française auprès
du Gouvernement de la République Ukrainienne.

Je vous demanderai, en conséquence, de bien vouloir
me faire savoir quel jour et à quelle heure je pourrai
faire au Chef du Gouvernement ma visite solennelle de
présentation officielle.

Veillez, Monsieur le Secrétaire Général, agréer l'assu-
rance de ma haute considération.

(Signé) TABOUIS.

LE GÉNÉRAL
COMMISSAIRE DE LA
RÉPUBLIQUE

no 11

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Kiev, le 20/2 Janvier 1918.

Le Général Tabouis, Commissaire de la République Française auprès du Gouvernement de la République Ukrainienne, à Monsieur le Secrétaire d'Etat aux Affaires étrangères du Gouvernement de la République Ukrainienne.

Monsieur,

Le 5/18 décembre, dans une entrevue à laquelle assistaient M. Vinnichenko, Président du Conseil, et les Secrétaires d'Etat aux Affaires Etrangères, aux Finances, au Ravitaillement, aux Voies et Communications, à la Justice, j'ai eu l'honneur de présenter la demande suivante:

(Suit la répétition du texte de la note verbale du Général Tabouis, du 5 décembre, c'est-à-dire d'une date antérieure à sa nomination comme Ministre du Gouvernement Français auprès de la République Ukrainienne).

Depuis cette date, la France est entrée en relations officielles avec l'Ukraine.

Vu la marche rapide des événements, et pour éviter toute perte de temps, j'ai l'honneur de vous prier de bien vouloir me faire tenir cette réponse aussitôt que possible.

(Signature) TABOUIS.

RÉPRÉSENTANT DE LA
GRANDE-BRETAGNE

Janvier.

A Son Excellence le Président
du Conseil des Ministres de la
République Nationale Ukrainienne.

Excellence,

J'ai l'honneur de vous informer que le Gouvernement de sa Majesté britannique m' a nommé, par la voie télégraphique, la seule possible actuellement, Représentant de la Grande-Bretagne en Ukraine.

Mon Gouvernement m'a chargé de vous donner l'assurance de sa bonne volonté. Il appuiera de toutes ses forces le Gouvernement Ukrainien dans la tâche qu'il a entreprise de faire oeuvre de bon Gouvernement, de maintenir l'ordre et de combattre les Puissances Centrales, ennemies de la démocratie et de l'humanité.

En ce qui me concerne en particulier, j'ai l'honneur, Monsieur le Président, de vous donner l'assurance de mon entier concours pour la réalisation de notre idéal commun.

PICTON BAGGE,
*Représentant de la Grande-Bretagne
en Ukraine.*

(Переводъ съ французскаго.)

Французское посольство
въ Румыніи.

Французская республика.
Яссы, 29 декабря 1917.

Министръ Франці въ Румыніи,
Господину Генералу Табуи,
Комиссару Французской Рес-
публики въ Украинѣ.

Имѣю честь довести до Вашего свѣдѣнія, что Французское Правительство назначило Васъ Комиссаромъ Французской Республики въ Украинѣ.

Прошу Васъ извѣстить объ этомъ Господина Генеральнаго Секретаря Иностранныхъ Дѣлъ Украинскаго Правительства путемъ передачи въ его руки настоящаго письма, которое аккредитируетъ Васъ на названномъ посту.

(Подписано) Сент-Олеръ.

Генеральный Комиссаръ
Республики.

Французская республика.
Кіевъ, 21 декабря 1917.
3 января 1918.

Генераль Табуи, Комиссаръ Французской Республики при Правительствѣ Украинской Республики, Г-ну Генеральному Секретарю иностранныхъ дѣлъ Украинской Республики.

Г-нъ Генеральный Секретарь,

Имѣю честь просить Васъ довести до свѣдѣнія Правительства Украинской Республики, что Правительство Французской Республики назначило меня Комиссаромъ Французской Республики при Правительствѣ Украинской Республики.

Не откажите, въ связи съ этимъ, въ любезномъ увѣдомленіи меня о томъ, въ какой день и въ которомъ часу я могъ-бы сдѣлать Главѣ Правительства торжественный визитъ официальнаго представленія.

Прошу принять, Господинъ Генеральный Секретарь, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

(Подписано) Табуи.

Генеральный
Комиссаръ Республики

№. 11.

Французская Республика

Кіевъ, 2 января 1918.

Генераль Табуи, Комиссаръ Французской Республики при Правительствѣ Украинской Республики, Господину Государственному Секретарю Иностранныхъ Дѣлъ Правительства Украинской Республики.

Милостивый Государь,

5/18 декабря, во время нашего свиданія, въ которомъ принимали участіе Г. Винниченко, Предсѣдатель Совѣта, и Государственные Секретари Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ, Продовольствія, Путей Сообщенія, Юстиціи, я имѣлъ честь представить нижеслѣдующее обращеніе:

(Слѣдуетъ повтореніе текста вербальной ноты Генерала Табуи отъ 5-го декабря, т. е. даты, предшествующей его назначенію Министромъ Французскаго Правительства при Украинской Республикѣ).

Съ этой даты Франція вступила въ официальные отношенія съ Украиной.

Имѣя въ виду быстрое развитіе событій и во избѣжаніе всякой потери времени, я имѣю честь просить Васъ дать въ возможно ближайшее время ожидаемый отвѣтъ.

(Подписано) Табуи.

Представитель Велико-
британіи.

Январь.

Его Превосходительству Пред-
сѣдателю Совѣта Мини-
стровъ Украинской Народ-
ной Республики.

Ваше Превосходительство,

Имѣю честь довести до Вашего свѣдѣнія, что Правительство Его Величества Короля Британскаго назначило меня по телеграфу, единственно возможнымъ въ настоящее время путемъ, Представителемъ Великобританіи на Украинѣ.

Мое правительство уполномочило меня дать Вамъ завѣренія въ его наилучшимъ намѣреніяхъ. Оно будетъ поддерживать всѣми своими силами Украинское Правительство въ предначертанныхъ послѣднимъ стремленіяхъ къ творческой полезной правительственной работѣ, къ поддержанію порядка и къ войнѣ съ Центральными Державами, врагами демократіи и человѣчества.

Что касается лично меня, то я имѣю честь, Господинъ Предсѣдатель, дать Вамъ завѣренія моей полной готовности къ совмѣстному сотрудничеству въ цѣляхъ достиженія нашего общаго идеала.

Пиктонъ Багге,
Представитель Великобританіи
въ Украинѣ.

MINISTÈRE
DES
AFFAIRES ÉTRANGÈRES

Direction
des
Affaires politiques et
commerciales.

Service des Affaires Russes

Приложение 2.¹⁾
RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.
Paris, 19. Mai 1919.

A la date du 6 Mai, Monsieur Choulguine a bien voulu remettre un mémoire rappelant des demandes antérieurement adressées au Gouvernement français, en vue de recevoir de ce dernier l'aide matérielle et morale qui est nécessaire à l'Ukraine pour lutter avec succès contre le bolchevisme russe.

Le Gouvernement français est heureux de constater l'attitude conforme à ses propres sentiments, prise par les Ukrainiens contre les bolcheviks qui sont, avant tout, des ennemis de l'humanité, et il ne peut rester indifférent aux appels faits en ce sens. Il est donc disposé à envoyer dès maintenant en Galicie une mission militaire dont le renforcement dépendrait de la solution des questions en litige, dans un sens conforme aux vues de la Conférence de la Paix.

Toutefois, en raison des nécessités politiques actuelles l'appui de la France doit être subordonné aux considérations générales ci-après.

Il est impossible actuellement au Gouvernement Français d'intervenir d'une manière quelconque entre Ukrainiens et Polonais pour la possession de Lemberg. Cette question est soumise à l'examen de la Conférence de la

¹⁾ Русский переводъ см. стр. 144—147.

Paix. Il serait indispensable qu' Ukrainiens et Polonais s'unissent dans la lutte contre l'ennemi commun, le bolchevisme, fassent taire leurs revendications personnelles et cessassent des hostilités qui n'ont que trop longtemps duré. En conséquence il devrait être clairement entendu que les officiers français ne devraient en aucun cas ni être utilisés sur les fronts d'opération galiciens, ni s'occuper de l'organisation de la lutte sur de tels fronts.

En dernier lieu, l'appui de la France ne doit profiter aucunement à un groupement, quel qu'il soit, pour organiser les troupes qui entreprendraient plus tard la lutte contre les éléments stables de la Russie, ou considérés comme tels par le Gouvernement français, notamment contre les troupes des armées Koltchak et Dénikine, au cas où, dans leur marche contre les bolcheviks, elles pénétraient sur les territoires ukrainiennes. Les mêmes réserves sont donc faites expressément contre l'emploi des officiers à des buts de ce genre et les instructions les plus strictes leur seront données à leur départ pour qu'ils se retirent aussitôt et quittent les territoires ruthéno-ukrainiens si le risque se présentait de leur entrée en conflit avec les dits éléments militaires russes.

Il en aurait urgence à ce que Monsieur Choulguine voulût bien faire connaître sa pleine adhésion aux principes cidessus de manière à permettre l'envoi sans retard de la mission envisagée en Galicie.

Signature (illisible).

Délégation Ukrainienne
37 Rue de la Pérouse
Paris

Paris, 20. Mai 1919.

En réponse de la note du Ministère des Affaires étrangères du 19 mai 1919, j'ai l'honneur, au nom de la délégation de la République Ukrainienne à Paris, de vous déclarer, qu'elle le remercie de la décision d'envoyer une mission militaire qui nous apportera son aide matérielle dans la lutte contre le bolchevisme russe.

En ce qui concerne les conditions aux quelles sont proposés les instructeurs français et les munitions, je dois déclarer qu'il n'est nullement dans les intentions du Gouvernement de la République Ukrainienne de les utiliser ni contre les Polonais, ni contre les troupes de Koltchak ou de Denikine. Dans le cas exceptionnel où les opérations militaires amèneraient, sur le territoire ukrainien, les troupes antibolchevistes quelconque travaillant avec le concours de l'Entente, il deviendrait absolument nécessaire de faire un arrangement immédiat dans chaque cas avec le Gouvernement de la République Ukrainienne.

Délégué de la République Ukrainienne
Ancien ministre des Affaires
étrangères.

sig. A. CHOULGUINE.

Au Ministère des Affaires
Etrangères — Service des
Affaires russes.

Приложение 3.

(Переводъ съ французскаго.)

Политическая конвенція между Польшей и Украиной отъ 21-го апрѣля 1920 года.

(См. журналъ «Société des Nations» No. 88, Annexe IV.)

21-го апрѣля 1920 г. въ Варшавѣ была заключена конвенція между польскимъ и украинскимъ правительствами. Изъ этой конвенціи опубликованъ лишь первый параграфъ, который гласить:

«Признавая право Украины на суверенное существованіе въ формѣ независимаго государства, въ тѣхъ его сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ границахъ, которыя будутъ установлены договорами Украинской Республики съ сосѣдними государствами, Польская Республика признаетъ Директорію независимой Украинской Республики, подъ предсѣдательствомъ Главнаго Атамана Украинской Арміи, г. Симона Петлюры, въ качествѣ верховной власти Украинской Республики.»

Конвенцію подписали: и. о. Министра Иностр. Дѣлъ Украинской Республики А. Левицкій и и. о. Министра Иностр. Дѣлъ Польской Республики Янъ Дабровский.¹⁾

¹⁾ Примѣчаніе. Аналогичные акты о признаніи Украины, какъ сувереннаго государства, послѣдовали со стороны Финляндіи (еще въ 1918 г.), Латвіи (1920 г.) и Аргентины (1921 г.).

Приложеніе 4.

Текстъ признанія независимости Украины Русскимъ Политическимъ Комитетомъ въ Польшѣ.

18-го ноября 1920 года въ Варшавѣ была заключена конвенція между украинскимъ правительствомъ и русскимъ политическимъ комитетомъ въ Польшѣ.

Изъ шести параграфовъ этого соглашения былъ опубликованъ лишь первый параграфъ. Остальное содержаніе конвенціи, касающееся чисто военныхъ и стратегическихъ вопросовъ, не подлежало, согласно условію, оглашенію.

§ 1-ый конвенціи гласить:

«Исходя изъ права украинскаго народа на самостоятельное государственное существованіе, Русскій Политическій Комитетъ въ Польшѣ, возглавляемый Б. В. Савинковымъ, признаетъ:

А. Государственную независимость Украинской Народной Республики во главѣ съ Главнымъ Атаманомъ Симономъ Петлюрою.

Б. Суверенность Украинскаго Учредительнаго Собранія, созваннаго на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.»

Въ качествѣ представителей украинскаго правительства конвенцію подписали С. Г. Стемповскій, П. И. Зайцевъ, Л. Д. Михайловъ, О. О. Эйхельманъ, А. А. Ковалевскій и генераль В. П. Зелинскій.

Со стороны Русскаго Политическаго Комитета въ Польшѣ конвенцію подписали: Н. Г. Булановъ, Б. Г. Гершельманъ, Д. М. Одинецъ, В. В. Уляницкій и генераль Б. С. Пермыкинъ.

Приложение 5.

№ 1.

Парижъ, 9-го марта 1919 года.

Переводъ съ французскаго.

Русская политическая конференція.

Г-ну Президенту Конференціи Мира.

Современное положеніе въ Россіи выдвинуло въ острой формѣ проблему т. н. аложенных¹⁾ національностей. Соприкасаясь съ тѣми частями Россіи, на которыя распространяется господство большевиковъ, эти національности вынуждены въ большинствѣ случаевъ сами вести регулярную войну съ красными арміями. Такое положеніе вещей обостряетъ ориентацію этихъ народностей въ сторону полной самостоятельности, которую они стремятся осуществить на основѣ «права самоопредѣленія».

Россія, возродившаяся послѣ революціи, и порвавшая съ централистическими тенденціями стараго режима, широко расположена къ удовлетворенію законнаго желанія этихъ національностей организовать ихъ національную жизнь. Новая Россія не разумѣетъ своего возстановленія иначе, какъ на основѣ свободного сосуществованія составляющихъ ее народовъ, на принципахъ автономіи и демократіи, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ на условіяхъ взаимнаго соглашенія между Россіей и этими народностями, основаннаго на ихъ самостоятельности. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда проходящее

¹⁾ Примѣчаніе. По русски «аложенные» соотвѣтствуетъ слову «инородные».

торжество разрушительныхъ силъ препятствуетъ естественному теченію этого переустройства, національная демократія Россіи слѣдитъ съ живымъ интересомъ за усиліями этихъ національностей къ систематическому возстановленію нормальныхъ условій жизни и за ихъ борьбой съ анархіей, ибо она видитъ въ этихъ явленіяхъ элементы побѣды демократіи и цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣе эти стремленія въ ихъ конечной формѣ встрѣчаютъ въ данный моментъ препятствіе въ кризисѣ, переживаемомъ Россіей. Само собой разумѣется, что вопросы, касающіеся организаціи національностей, не могутъ быть законнымъ образомъ разрѣшены безъ согласія русскаго народа. Съ другой стороны нельзя упускать изъ виду многочисленныхъ и сложныхъ интересовъ экономическаго и финансоваго характера, а также вопроса защиты націи, которые связываютъ взаимнымъ узломъ жизнь русскаго народа и національностей, населяющихъ Россійскую территорію.

Разрѣшить эти вопросы безъ Россіи значило бы впасть въ основное противорѣчіе съ цѣлями союзниковъ: объ установленіи длительного мира, построеннаго на довѣрїи и духѣ взаимной дружбы народовъ.

Исходя изъ желанія найти практическое рѣшеніе, которое, обезпечивая существенные интересы русскаго народа, дало бы въ то-же время удовлетвореніе стремленіямъ національностей, — стремленіямъ, за которыми русскій народъ слѣдитъ съ симпатіей, и рѣшеніе, которое, въ качествѣ предложенія практическаго пути для современнаго положенія, явилось бы также реальнымъ доказательствомъ новаго духа

Россіи, нижеподписавшіеся, отъ имени русской политической конференціи, предлагаютъ Конференціи Мира принять нижеслѣдующее предложеніе:

1. «Державы признають, что: а) всѣ вопросы, касающіеся территорій Россійскаго государства въ его границахъ 1914 года, за исключеніемъ этнографической Польши, б) а также вопросы о будущемъ устройствѣ національностей, живущихъ въ этихъ предѣлахъ, не могутъ быть разрѣшены безъ согласія русскаго народа. Никакое окончательное рѣшеніе не могло бы, въ связи съ этимъ, состояться по этому предмету до тѣхъ поръ, пока русскій народъ не будетъ въ состояніи вывить свободно свою волю и принять участіе въ урегулированіи этихъ вопросовъ.

2. Желая, съ другой стороны, содѣйствовать стремленіямъ національностей къ организациі своей національной жизни и ея защиты отъ анархическаго распада, Державы рѣшаютъ, откладывая вопросъ объ ихъ окончательномъ устройствѣ, признать временно создавшійся въ нихъ режимъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ нынѣшними потребностями, а въ первую очередь съ военными, финансовыми и экономическими нуждами заинтересованныхъ населеній.

Въ виду этого Державы расположены разсматривать установленныя этими національностями власти, какъ фактическія правительства, поскольку эти власти воодушевлены демократическими принципами, пользуются довѣріемъ населенія, и готовы, въ связи съ симъ, оказать свою помощь этимъ населеніямъ относительно ихъ политической и экономической организациі.»

Если Державы примутъ такое постановленіе, то такого рода фактъ привелъ бы въ результатѣ къ уста-

новленію простоты и ясности въ поискахъ немедленныхъ необходимыхъ рѣшеній и къ созданію благоприятной атмосферы для коопераціи силъ, которыя ищутъ координированія въ Россіи ихъ дѣйствій въ общей работѣ борьбы съ анархіей и разрухой. Восточная Европа, добыча анархіи, скорѣе увидѣла бы возвратъ нормальныхъ условій жизни.

С. Сазоновъ. Князь Львовъ.

Н. Чайковскій. В. Маклаковъ.

Переводъ съ англійскаго.

А. Марголинъ.

Лондонъ, 9-го мая 1919 года.

Г-ну Сельби.

Министерство иностранныхъ дѣлъ.

М. Г.

Въ связи съ «предложеніемъ» русской политической конференціи въ Парижѣ отъ 9-го марта 1919 года, по вопросу о національностяхъ, населяющихъ Россію, имѣю честь представить нижеслѣдующія соображенія:

1. Въ названномъ проектѣ идетъ рѣчь о правѣ народовъ на самоопредѣленіе. Наряду съ симъ понятіемъ «национальностей» противопоставляется все время понятію «русскій народъ». Представляется непонятнымъ и требующимъ выясненія, что подразумевали авторы проекта подъ выраженіемъ «русскій народъ». Повидимому, они не ограничиваютъ это понятіе этнографическимъ населеніемъ Велико-россіи, а распространяютъ его на все населеніе быв-

шаго Россійскаго Государства. Но такого рода терминологія усложняетъ и затемняетъ вопросъ. Фактъ тотъ, что населеніе бывшей Россійской Имперіи, подобно населенію Австро-Венгрии, состоитъ не изъ одной, а изъ многихъ народностей. Въ этомъ отношеніи Россійскую Имперію и нельзя было приравнивать, на примѣръ, къ Франціи, населеніе которой состоитъ почти исключительно изъ французской народности.

2. Можно предположить, на основаніи текста проекта, что его авторы находятъ цѣлесообразнымъ передать разрѣшеніе вопроса о переустройствѣ Россійскаго Государства Всероссійскому Учредительному Собранію, избранному населеніемъ всей бывшей Россійской Имперіи. Но въ результатѣ получилось бы, что населеніе Великороссіи имѣло бы въ Учредительномъ Собраніи вдвое больше голосовъ, чѣмъ Украина, Украина — вчетверо больше Бѣлоруссіи и въ 12 разъ больше, чѣмъ Кубань или Грузія. Прямымъ послѣдствіемъ такого соотношенія голосовъ было-бы подавленіе воли меньшихъ націй большинствомъ голосовъ болѣе многочисленныхъ народностей, причемъ Великороссія имѣла-бы рѣшающее значеніе въ такомъ Учредительномъ Собраніи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода Конституанта не отвѣчала бы характеру и построенію принциповъ самоопредѣленія народовъ, провозглашенныхъ союзниками. Столь же очевидно, что за исключеніемъ великороссовъ, все еще одержимыхъ жаждою гегемоніи и преобладанія надъ другими національностями, ни одинъ изъ остальныхъ народовъ бывшаго Россійскаго государства не согласится передать свои судьбы въ руки Всероссійскаго Учре-

дительнаго Собранія и даже откажется послать своихъ представителей въ таковое.

3. Авторы проекта, будучи сами великороссами, говорятъ, однако, не только отъ имени Великороссіи, но и отъ имени всей Россіи. А между тѣмъ остальные народы (украинцы, эстонцы, грузины и т. д.) уже имѣютъ свои національныя правительства, каждое изъ коихъ говоритъ отъ имени лишь своей національности, но отнюдь не отъ имени всѣхъ національностей бывшаго Россійскаго Государства. И одна только Великороссія все еще не имѣетъ своего національнаго правительства.

Послѣдній фактъ весьма знаменателенъ еще и потому, что Великороссія, которая дала наибольшій процентъ большевиковъ, имѣетъ также въ рядахъ своего населенія наибольшее число реакціонеровъ, которые мечтаютъ о возстановленіи старой царской, унитарной централистической Россіи, равно какъ и множество утопистовъ, которые серьезно вѣрятъ въ возможность созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и въ справедливость его рѣшеній въ отношеніи всѣхъ другихъ національностей.

Что касается моего личнаго отношенія къ вопросамъ, затронутымъ въ проектѣ, то я позволю себѣ повторить въ письмѣ нѣкоторыя изъ соображеній, высказанныхъ мною вчера въ нашей бесѣдѣ. Единственное средство противъ большевизма есть укрѣпленіе здоровыхъ національныхъ движеній среди народовъ бывшей Россійской Имперіи. Державы Антанты могли-бы оказать имъ огромную моральную поддержку путемъ признанія независимости новыхъ государственныхъ образованій: Украины, Литвы, Кубани и т. д. Эти новыя государства возникли на

этнографическихъ началахъ согласно идеямъ самоопредѣленія народовъ. Иными словами, въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ населеніе состоитъ изъ одной націи: въ Украинѣ большинствомъ являются украинцы, въ Грузіи — грузины и т. д. Съ исчезновеніемъ большевизма и анархіи и съ восстановленіемъ порядка каждое изъ этихъ государствъ должно будетъ совать свое собственное Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго голосованія. Только такимъ путемъ явится возможность для распознанія истинной воли населенія въ каждомъ изъ новообразовавшихся государствъ. Только на такого рода выборахъ будетъ возможной пропаганда въ пользу того или другого государственнаго строя — на основахъ либо полной независимости, либо на основахъ федеративнаго соглашенія съ сосѣдями. И только та федерація, которая явилась бы послѣдствіемъ свободнаго договора между новыми государствами, могла бы почитаться союзомъ равныхъ съ равными, а не федераціей, установленной штыками или же подавляющимъ большинствомъ голосовъ болѣе многочисленныхъ націй во Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи.

Но такого рода федерація, какъ это изложено выше, а также и въ переданномъ мною Вамъ вчера меморандумѣ Дона, Кубани, Бѣлоруссіи и Украины на имя Антанты (Одесса, февраль 1919 г.), требуетъ предварительной консолидаціи и укрѣпленія каждаго изъ новыхъ отдѣльныхъ государствъ, какъ независимыхъ единицъ.

Въ заключеніе, касаясь вопроса о настроеніяхъ, преобладающихъ на Украинѣ, я могу засвидѣтель-

ствовать, что между политическими дѣятелями, равно какъ и среди самого населенія, имѣются различныя отбѣнки и направленія. До появленія большевизма почти всѣ политическія партіи склонялись къ федераціи Украины съ другими народностями бывшей Имперіи. Но развитіе большевизма и послѣдовавшее за симъ расчлененіе Россіи весьма усилило и укрѣпило стремленіе Украины къ полной независимости и самостоятельности.

Я лично думаю, что можно ожидать еще много измѣненій и эволюціи во взглядахъ на эти вопросы, въ зависимости отъ поведенія Великороссіи по отношенію къ остальнымъ частямъ бывшаго Россійскаго Государства, а также въ зависимости отъ отношенія Державъ Антанты.

Согласно Вашему разрѣшенію я посѣщу Васъ сегодня въ 4 часа и буду радъ дать Вамъ разъясненія по могущимъ возникнуть дальнѣйшимъ вопросамъ.

Преданный Вамъ

А. Марголинъ.

Приложение 6.

Переводъ съ англійскаго.

Проектъ резолюціи Конференціи Мира, изготовленный А. Д. Марголинымъ по предложенію проф. Симпсона.

Іюнь 1919 г.

Принимая во вниманіе:

1. Что прежнее Россійское Государство фактически распалось,

2. что на его территоріи образовались новыя политическія единицы, государственныя новообразованія,

3. что правительства этихъ новыхъ государствъ находятся въ борьбѣ съ анархіей и большевизмомъ,

4. что впредь до искорененія анархіи и большевизма не будетъ никакой возможности созыва въ этихъ новыхъ образованіяхъ Учредительныхъ Собраній, которыя установятъ окончательную форму ихъ государственнаго устройства, въ согласіи съ волею населяющихъ ихъ народовъ,

Конференція Мира постановляетъ:

1. Признать правительства Украины, Дона, Кубани, Горцевъ Сѣвернаго Кавказа, Азербейджана, Грузіи, Арменіи, Бѣлоруссіи, Литвы, Латвіи и Эстоніи, которыя представлены въ лицѣ ихъ Делегаций и миссій при Конференціи Мира, и ихъ фактическую власть, распространяющуюся на территоріи названныхъ государствъ, впредь до возстановленія порядка и возможности созыва Учредительныхъ Собраній на основахъ всеобщаго голосованія въ каждомъ изъ нихъ.

2. Предоставить поддержку техническими и материальными средствами всем этим правительствам и вооруженным силам, которые находятся в борьбѣ съ анархіей съ цѣлью водворенія порядка.

3. Организовать при Конференціи Мира Совѣтъ представителей отъ Великороссіи, Сибири, Украины, Дона, Кубани, Горцевъ Сѣвернаго Кавказа, Азербейджана, Грузіи, Арменіи, Бѣлоруссіи, Литвы, Латвіи и Эстоніи, въ равномъ количествѣ лицъ отъ каждой изъ названныхъ земель, на основѣ соглашенія между ихъ Делегаціями и миссіями, находящимися въ Парижѣ, и политическими организаціями Великороссіи и Сибири, не имѣющими такого рода Делегацій.

Переводъ съ англійскаго.

А. Марголинъ.

Парижъ, іюнь 1919 г.

Г-ну Профессору Симпсону,
Британская Делегація,
Гостиница Мажестикъ

Парижъ.

М. Г.

Прилагая при семъ проектъ революціи Конференціи Мира по вопросу о государственномъ устройствѣ территорій бывшаго Россійскаго Государства, я позволю себѣ представить нѣкоторыя соображенія, положенныя въ основаніе этого плана.

Практическіе политики не могутъ основывать своихъ построеній лишь на теоретическихъ началахъ и собственныхъ желаніяхъ. Они должны принимать

во вниманіе дѣйствительное положеніе вещей, существующее въ данное время, факты даннаго дня.

Что представляет собою въ настоящее время бывшая Россійская Имперія?

Фактически она распалась на рядъ новыхъ государственныхъ образованій. Для Конференціи Мира представляется слишкомъ труднымъ предпринять хотя-бы поверхностное изученіе исторіи, культуры и обычаевъ множества народовъ, живущихъ на территоріи бывшей Россійской Имперіи. Но въ этомъ и не представляется необходимости, такъ какъ лишь наиболѣе многочисленныя и національно-сознательныя изъ этихъ народностей объявили о своихъ притязаніяхъ и прислали въ Парижъ свои Делегаціи и Миссіи.

Что-же касается спеціально Великороссіи и Сибири, то таковыя также имѣютъ свое представительство въ Парижѣ (русская политическая конференція и нѣкоторыя другія организаціи). Эти представители говорятъ, однако, не только отъ имени Великороссіи и Сибири, но отъ имени всей территоріи бывшей Россійской Имперіи и всѣхъ живущихъ на ней народовъ. Послѣдніе возражаютъ противъ такого положенія. Но, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что Делегаціи Украины, Эстоніи и т. д. не возражали-бы противъ признанія русской политической конференціи и другихъ русскихъ организацій въ качествѣ представительства Великороссіи и Сибири.

Положительныя стороны моего проекта резолюціи для Конференціи Мира представляются, по моему убѣжденію, въ слѣдующемъ:

1. Державы Антанты признали-бы лишь фактически существующее положеніе безъ предопредѣ-

ленія окончательной формы государственнаго устройства территорій, заселенныхъ народами бывшей Россійской Имперіи. Такимъ образомъ разрѣшеніе острыхъ разногласій между приверженцами полной независимости новыхъ государственныхъ образований и сторонниками федеративной связи между ними было-бы отсрочено до исчезновенія анархіи и наступленія болѣе спокойнаго времени.

2. Одинаковое, равное отношеніе Державъ Антанты ко всѣмъ правительствамъ, борющимся противъ анархіи и большевизма, создало-бы возможность блока и тѣсной коалиціи между ними, съ общимъ высшимъ командованіемъ силами, находящимися въ войнѣ противъ большевиковъ.

3. Совѣтъ представителей Делегацій и Миссій, совмѣстно съ представителями Великороссіи и Сибири, созванный Конференціей Мира, создалъ-бы возможность координированія всѣхъ этихъ силъ, находящихся въ Парижѣ. Работа такого Совѣта дала-бы самые благоприятные результаты, содѣйствовала-бы общенію народовъ бывшей Россійской Имперіи и установленію между ними взаимнаго пониманія и дружескихъ отношеній на почвѣ общихъ интересовъ и принциповъ.

(Подпись.)

Приложеніе 7.

Переводъ съ украинскаго.

Н а к а з ь

войскамъ дѣйствующей Арміи Украинской Народной Республики No. 77 отъ 13-го апрѣля 1919 года.¹⁾

Черносотенцы, большевики, разные кулаки и просто грабители ведутъ среди нашихъ казаковъ сильнѣйшую агитацію въ направленіи разграбленія и уничтоженія еврейскаго населенія, которое будто-бы является виноватымъ во всемъ томъ, что творится у насъ, на Украинѣ, и въ Московщинѣ. Эта компанія старается всяческими способами вызвать на Украинѣ еврейскіе погромы, чтобы на этой почвѣ свершить свое темное дѣло. Черносотенцы и кулаки думаютъ, что когда начнутся у насъ погромы и другія проявленія анархіи, то скорѣе явятся на Украину союзники и посадятъ царя, который снова возвратитъ имъ прежнія имѣнія, большевики-же и разные грабители и разбойники просто хотятъ набить свои карманы и, грабя «жида», запускаютъ свои когти и въ другихъ, кто попадется имъ въ руки. Такіе люди стараются пролѣзть въ нашу армію, пролѣзаютъ, прикидываются искренними и натравливаютъ довѣрчивыхъ дѣйствительныхъ защитниковъ народа на учиненіе беспорядковъ, чтобы такимъ путемъ скорѣе

¹⁾ Примѣчаніе. Уже послѣ того, какъ печатаніе настоящей книги было почти закончено, въ распоряженіе автора поступили новые матеріалы о мѣропріятіяхъ украинскаго правительства противъ погромовъ въ 1919-мъ году. Изъ этихъ документовъ характернымъ является наказъ No. 77 отъ 13-го апрѣля 1919 года.

накинуть петлю на шею нашему свободному украинскому народу.

Казаки! Тотъ, кто хочетъ добра своей отчизнѣ, кто хочетъ, чтобы не было у насъ чужеземцевъ: китайцевъ, латышей, московскихъ грабителей-большевиковъ и др., кто хочетъ, чтобы не было царя либо снова гетмана и чтобы нашъ народъ былъ свободнымъ, республиканскимъ, тотъ долженъ помнить, что всякая анархія, а особенно погромы мирнаго населенія, не приведутъ къ этому. Анархія страшнѣе вооруженнаго врага, который надвигается на насъ со всѣхъ сторонъ. Помните, казаки, что благодаря погромамъ можетъ быть уничтожена наша мощь, ибо смерть невинно убитыхъ во время погромовъ будетъ вызывать противъ насъ злобу и количество нашихъ враговъ еще увеличится. Казачье дѣло — бить вооруженнаго врага, кто — бы и какой-бы онъ ни былъ, а не воевать съ женщинами, дѣтьми, и стариками, на что васъ хотятъ толкнуть враги, чтобы запятнать предъ всѣмъ свѣтомъ нашъ народъ и нашу державность. Впредь приказываю: всѣхъ, кто только будетъ вести погромную агитацію среди казаковъ, задерживать и предавать немедленно чрезвычайному суду. Попытки погромной агитаціи въ войсковыхъ частяхъ немедленно подавлять.

Оригиналъ подписали: Вр. и. о. Наказнаго
Атамана, Атаманъ Мельникъ.
За Начальника Штаба Дѣйствующей Арміи — Атаманъ
Синклеръ.

Приложеніе 8.

Переводъ съ украинскаго.

Выдержка изъ письма Лондонъ, 12 февраля 1920 г.
А. Д. Марголина къ
С. В. Петлюрѣ.

«Глубокоуважаемый
Г-нъ Президентъ,

Разрѣшите мнѣ не какъ главѣ Миссіи, а какъ старому общественному работнику, обратить Ваше вниманіе на весьма важный вопросъ въ нашей внутренней жизни.

Вы знаете, что я не имѣю сомнѣній въ абсолютномъ демократизмѣ и отсутствіи антисемитизма относительно тѣхъ, кто стоитъ во главѣ всего нашего правительственнаго аппарата.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о многихъ чиновникахъ и дѣятеляхъ, даже изъ такихъ, которые занимаютъ высокія должности какъ на Украинѣ, такъ и за границей. Старая російская школа наложила печать антисемитизма на все населеніе бывшей Россіи, но еще больше насаждался всегда этотъ ядъ въ такъ называемой «чертѣ осѣдлости». Только время и упорная работа противъ этого явленія могутъ оздоровить организмъ Украины отъ этой болѣзни.

Впрочемъ, Вы и сами, Многоуважаемый Симонъ Васильевичъ, все это очень хорошо знаете. Но я возвращаюсь въ настоящемъ письмѣ къ этой темѣ въ связи съ тѣми пагубными послѣдствіями, которыя

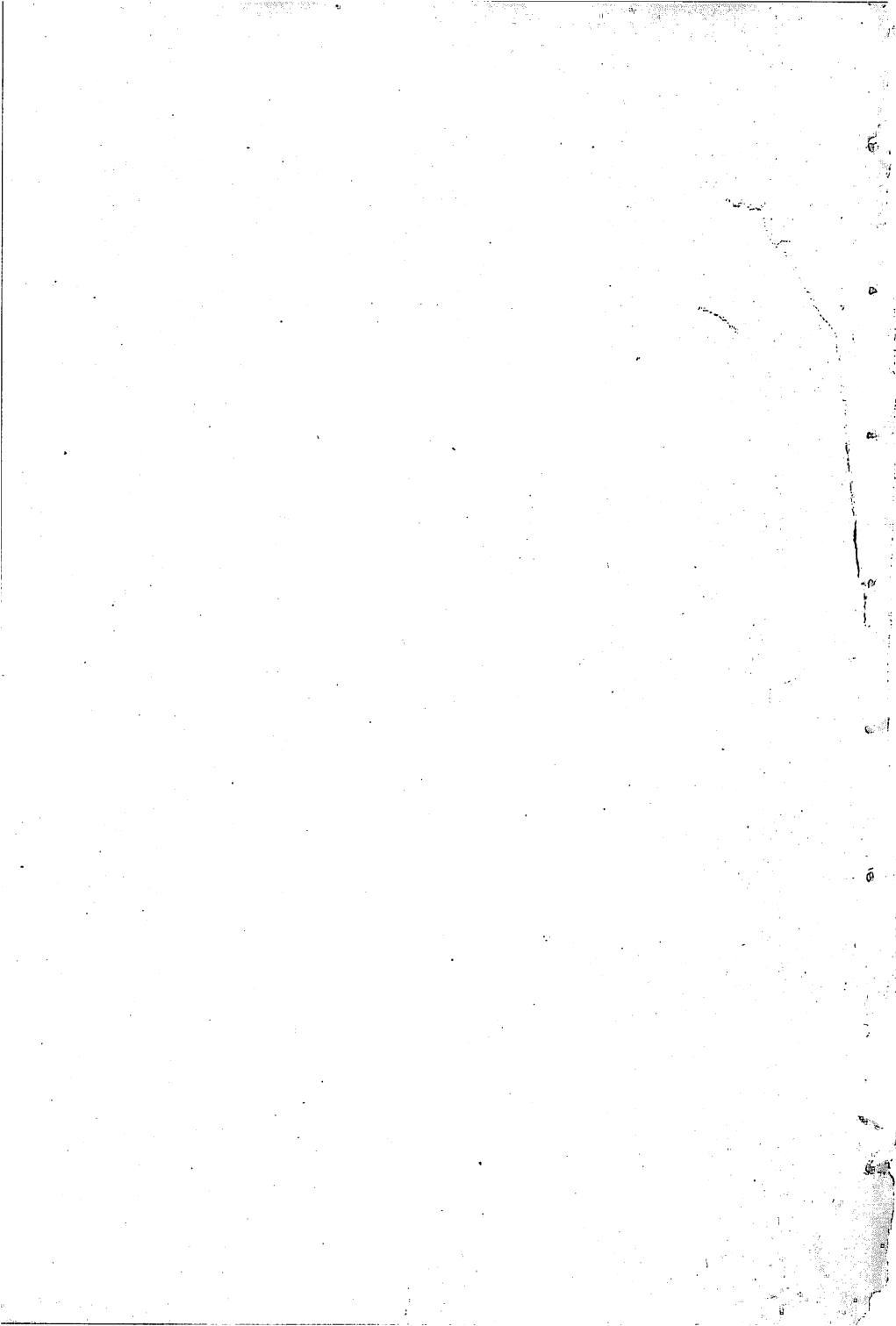
даетъ антисемитизмъ въ направленіи нашей борьбы за государственное существованіе Украины.

Если поставить вопросъ, почему съ самаго начала Антанта, въ особенности Англія и Америка, лучше отнеслись къ державамъ Балтики и Кавказа, нежели къ украинскому народу, то слѣдуетъ при разрѣшеніи этого вопроса отнести весьма многое за счетъ двухъ причинъ: 1. Утопизмъ и слишкомъ лѣвое направленіе Директоріи во время ея пребыванія въ Кіевѣ, 2. погромы.

Изъ этихъ двухъ причинъ наиболѣе вредно отразились на отношеніяхъ къ нашему движенію, по всѣмъ видимостямъ, погромы. Даже въ Польшѣ не было ничего подобнаго по сравненію съ жестокостью и количествомъ жертвъ погромовъ на Украинѣ. А что отношеніе къ еврейскому вопросу есть въ настоящее время какъ-бы лакмусова бумага для наиболѣе культурныхъ народовъ Европы и Америки, то объ этомъ свидѣтельствуетъ множество фактовъ, въ томъ числѣ и послѣдняя статья врага украинскаго движенія Черчилля, которую при семъ прилагаю. Правда, погромы Деникинской арміи были еще значительно хуже, чѣмъ погромы весны 1919 г. И само собою разумѣется, что мы здѣсь, въ Лондонѣ, принимаемъ всѣ мѣры къ выясненію этого обстоятельства въ Европѣ и Америкѣ. Но этого мало, необходимо оздоровить нашъ административный аппаратъ Вашей авторитетной деклараціей про твердое намѣреніе правительства, подъ Вашимъ главнымъ руководствомъ, строить государство силами всѣхъ народовъ, живущихъ на территоріи Украины. Кромѣ такой деклараціи еще больше силы и значенія имѣлъ-бы циркуляръ Совѣта Министровъ ко всѣмъ вѣ-

домствамъ и заграничнымъ Миссіямъ съ указаніемъ, что въ украинскомъ демократическомъ государствѣ могутъ состоять на государственной-службѣ лишь дѣйствительные демократы, которые вполнѣ раздѣляютъ взгляды правительства и являются свободными отъ реакціонной и антисемитской наслѣдственности стараго Россійскаго Государства».

(Подпись.)

Оглавление.

Предисловіе	5
Глава I. Синагога. Русскій языкъ. Украинская дєревня. Погромы и ихъ отраженіе въ еврейской психикѣ	9
Глава II. Выборы въ 1-ую Государственную Думу. Украинское крестьянство. И. Л. Шрагъ. Начало реакціи. «Кіевскіе Отклики»	18
Глава III. Лубенскій комитетъ обороны евреевъ отъ погромовъ. Апогей Столыпинской реакціи. Дѣло Бейлиса	25
Глава IV. Начало второй революціи. Іюньскіе съѣзды. Федерация и національный вопросъ. Роковое наступленіе	33
Глава V. Выборы въ Учредительное собраніе. Ростъ украинскаго національнаго самосознанія. Разгонъ Учредительнаго Собранія	40
Глава VI. Центральная Рада. Грушевскій. Евреи-ассимиляторы и національно-мыслящее еврейство. Обывательская толща	51
Глава VII. Украинскій Генеральный Судъ. Украинскій языкъ. Украинскіе политическіе дѣятели. Державный Сенатъ	60
Глава VIII. Украинскій Національный Союзъ. Директорія. Винниченко. Въ огнѣ возстанія	74
Глава IX. Ожиданія въ Кіевѣ представителей Антанты. Вступленіе Директоріи въ Кіевъ. Правительство и политика Директоріи. Министерство по еврейскимъ дѣламъ	96
Глава X. Поѣздка въ Одессу. Переговоры и проектъ соглашенія представителей Украины, Дона, Кубани и Бѣлоруссіи. Французское командование въ Одессѣ	109
Глава XI. Февральскіе и мартовскіе погромы. Моя отставка. Отъѣздъ въ Парижъ	125
Глава XII. Парижъ весной 1919 года. Украинская Делегация. Еврейская Делегация. Маклаковъ, Керенскій, Авксентьевъ. Проектъ послышки французской военной миссіи на Украину. Аудіенціи у Пишона и Клемансо. Французскія ориентации	133

Глава XIII. Англія и Деникинъ. Англійская Делегація. Сидоренко и Лансингъ. Василью. Мой уходъ изъ состава Делегаціи	155
Глава XIV. Евреи и Сербія. Родичевъ и Челноковъ. Бухарестъ. Константинополь. Въ царствѣ Деникина	168
Глава XV. Поѣздка въ Каменецъ-Подольскъ. Евреи въ Румыніи. Петлюра и Петрушевичъ	185
Глава XVI. Берлинъ. Документы о погромахъ арміи Деникина. Мой отъѣздъ въ Лондонъ. Гаага. Сіонисты въ Лондонѣ	200
Глава XVII. Лондонъ. Оріентаціи. Labour Party. Зангвилль. Вильямсъ. Гардингъ. Робертъ Сесиль. Асквитъ. Венизелосъ и Вайда-Воеводъ. Шалойа. Черчилль. Съ вышки омнибуса	212
Глава XVIII. Сан-Ремо. Римъ. Луцати. Вѣна. Отступленіе отъ Кіева. Снова погромы	229
Глава XIX. Конференція въ Спа. Мое заявленіе. Струве и Гучновъ. Германскія оріентаціи. Вѣсти изъ Украины. Антанта и Черное море	237
Глава XX. Лига націй. Съѣздъ въ Женевѣ. Радянская система. «Трудовая монархія». Парламентская монархія. Республика	252
Глава XXI. Тарновъ въ декабрѣ 1920 года. Отставка Вишницера. Мой уходъ	262
Глава XXII. Документы о мѣропріятіяхъ украинскаго правительства въ борьбѣ съ погромами. Письма Никовскаго къ еврейскимъ общественнымъ дѣятелямъ	270
Глава XXIII. Проектъ анкетной комиссіи для разслѣдованія погромовъ. Данныя Темкина о погромахъ	296
Глава XXIV. Погромы эпохи Директоріи и погромы Деникинской арміи. Параллели. Народы и правительства	310
Глава XXV. Винниченко и Петлюра. Ихъ неосторожныя фразы и нерѣшительность въ періодъ первыхъ погромовъ	325
Глава XXVI. Россійская великодержавность и империализмъ. Брайсъ. Книга Станкевича	339
Глава XXVII. Грядущія судьбы и ближайшія задачи восточно-европейскаго еврейства	350

Приложенія.

1. Ноты представителей Франціи и Англіи, аккредитованныхъ при украинскомъ правительствѣ Центральной Рады 365
 2. Подлинный французскій текстъ ноты о проектѣ послынки французской военной миссии на Украину. 372
 3. Первый параграфъ политической конвенціи между Польшей и Украиной отъ 21-го апрѣля 1920 года. 375
 4. Текстъ признанія независимости Украины Русскимъ Политическимъ Комитетомъ въ Польшѣ 376
 5. Текстъ предложенія «Русской политической конференціи» въ Парижѣ на имя Конференціи мира отъ 9-го марта 1919 года и текстъ письма А. Марголина на имя М-ра Сельби отъ 9-го мая 1919 года. 377
 6. Проектъ резолюціи и текстъ письма А. Марголина на имя проф. Симпсона въ іюнь 1919 года . . . 385
 7. Наказъ войскамъ дѣйствующей арміи Украинской Республики No. 77 отъ 13-го апрѣля 1919 года . . 389
 8. Выдержка изъ письма А. Марголина на имя С. В. Петлюры отъ 12-го февраля 1920 года 391
-

